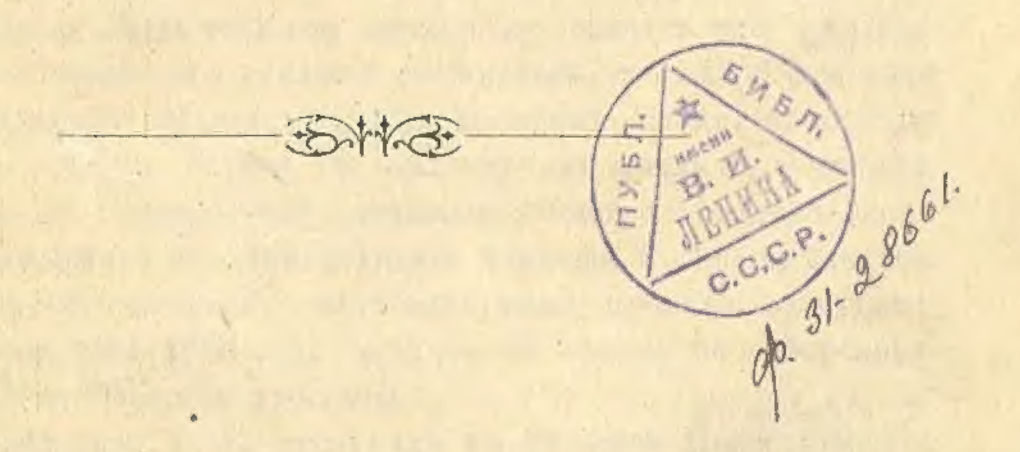
СЕДАШЕВ

ОЧЕРКИ и МАТЕР.
по истории
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ
Моск. руси
17 в.

2007081690

В. Седашевъ.

ОЧЕРКИ И МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ
Московской Руси
въ XVII вѣкѣ.

МОСКВА.
Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., соб. домъ.
1912.

В. Н. Седашевъ.

(Некрологъ).

Авторъ оканчивалъ настоящую работу, когда его поразилъ тяжелый недугъ. Ему не пришлось дать своему труду окончательную отдѣлку, внести цѣлый рядъ дополненій, которыя, по дальнѣйшимъ занятіямъ, представлялись автору необходимыми, не удалось самому продержать корректуру. Автору не довелось увидѣть свою работу напечатанной. На меня, близкаго товарища и друга покойнаго, выпала доля издать ее [1]) безъ участія автора.

Василій Никитичъ Седашевъ родился 5 апрѣля 1879 года въ Старомъ Осколѣ, уѣздномъ городѣ Курской губерніи, въ семьѣ мелкаго ремесленника; отецъ его—столяръ, мать—портниха. Семи лѣтъ его отдали въ мѣстное городское училище, гдѣ его выдающіяся способности обратили на себя вниманіе и были оцѣнены. Съ 11 лѣтъ В. Н. пришлось уже помогать роднымъ. По окончаніи городского училища онъ поступилъ мальчикомъ на ветеринарный пунктъ, по вечерамъ давалъ частные уроки, по воскресеньямъ преподавалъ на курсахъ грамотности для взрослыхъ. Осенью 1894 г. В. Н. поступилъ въ Курское землемѣрное училище. Здѣсь существенную поддержку оказалъ ему учитель Старооскольскаго городского училища г. Синдѣевъ, собравшій для своего ученика небольшія средства, нужныя на первое время; помогло и мѣстное уѣздное земство. Вскорѣ въ землемѣрномъ училищѣ Седашеву назначили стипендію, давшую ему возможность быстро и отлично окончить курсъ. По выпускѣ изъ землемѣрнаго училища Седашевъ занялся частной землемѣрной практикой, участвовалъ, между прочимъ, въ съемкѣ г. Бердичева, а съ лѣта 1898 года поѣхалъ на службу по сибирскому землеустройству, въ Томскую губернію.

Осенью 1900 года В. Н. поступилъ въ Межевой Институтъ. Съ самаго начала В. Н. обнаружилъ здѣсь блестящія способности, выдви-

---

[1]) Печаталась въ Извѣстіяхъ Константиновскаго Межевого Института №№ 2 и 3.

нувшія его въ первые ряды учениковъ. При чрезвычайной пестротѣ курса Межевого Института, охватывающаго цѣлый рядъ математическихъ, юридическихъ и агрономическихъ наукъ, В. Н. оказывалъ выдающіеся успѣхи во всѣхъ предметахъ. Ровный, открытый характеръ, природный блестящій, живой умъ, ораторскій талантъ, глубокія демократическія чувства, добрыя товарищескія настроенія выдвинули Седашева и среди товарищей-студентовъ. Наступали бурные годы высшей школы. Седашевъ оказался въ первыхъ рядахъ. Но администрація Института умѣла сглаживать острые углы, берегла своего блестящаго ученика и довела его до окончанія курса.

По окончаніи Института въ 1904 года, В. Н. слушалъ два года лекціи на юридическомъ факультетѣ Московскаго Университета. Къ этому времени уже вполнѣ опредѣлились его преимущественныя симпатіи къ земельному вопросу, вообще, и его исторіи, въ особенности. Седашева тянуло и въ архивы, и къ исторической книгѣ, тянуло и къ живой дѣйствительности; его привлекали судьбы отечественнаго землевладѣнія въ прошлые вѣка, привлекало и разрѣшеніе одной изъ самыхъ острыхъ проблемъ современности. Званіе землемѣра и межевого инженера открывало ему возможность принять практическое участіе въ различныхъ земельныхъ дѣлахъ, войти въ самыя нѣдра вопросовъ землевладѣнія. Читатель настоящей работы безъ труда замѣтитъ, какъ практическое чутье помогало автору разбираться въ нѣкоторыхъ вопросахъ древности; вѣдь ея много сохранилось въ живой дѣйствительности. Среди печатныхъ работъ В. Н., предшествовавшихъ настоящей, слѣдуетъ отмѣтить: 1) *Опыты изученія земельныхъ отношеній на сѣверѣ Россіи по Судебнику 1589 г.*; 2) *Пожалованіе вотчины думному дворянину и печатнику Никитѣ Моисеевичу Зотову* (отпечатаны обѣ въ *Памятной книжкѣ* Межевого Института за 1908 г.) и 3) *Одинъ изъ методовъ изученія писцовыхъ книгъ (Пам. книжка* за 1906—7 г.). Въ послѣдней работѣ сдѣлано примѣненіе теоріи вѣроятностей къ обработкѣ статистическихъ данныхъ писцовыхъ книгъ и, въ частности, къ изученію вопроса о бобыльствѣ.

В. Н. Седашевъ намѣревался посвятить себя преподавательской дѣятельности въ Межевомъ Институтѣ, въ курсѣ котораго историческія дисциплины занимаютъ видное мѣсто. Съ 1907 года В. Н. получилъ нѣкоторыя занятія въ Институтѣ. Эти занятія талантливаго преподавателя, глубоко интересовавшагося вопросами землевладѣнія и ревностно ими занимавшагося, очень привлекали студентовъ. Но устроиться здѣсь ему не удалось; порою онъ не чувствовалъ себя вполнѣ желаннымъ въ Межевомъ Институтѣ. Достаточно сносныхъ условій для преподавательской дѣятельности и для научныхъ занятій по избранной

спеціальности для него въ Межевомъ Институтѣ не оказывалось. Приходилось пріискивать занятія по сторонамъ, взять много уроковъ по элементарной математикѣ въ младшихъ классахъ Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Приходилось порою задумываться и о томъ, чтобы преодолѣть въ себѣ привязанность къ Межевому Институту и устроиться иначе.

Съ окончаніемъ курса Межевого Института товарищескія чувства Василія Никитича вылились въ форму ревностной общественно-профессіональной дѣятельности. Седашевъ былъ активнымъ участникомъ нашихъ общественно-профессіональныхъ собраній, почти неизмѣнно присутствовалъ на нихъ, часто выступалъ съ интересными докладами, принималъ живое участіе въ преніяхъ и собесѣдованіяхъ. Седашеву принадлежитъ и иниціатива учрежденнаго въ января 1909 года Общества межевыхъ инженеровъ. Въ немъ онъ видѣлъ мощное орудіе къ улучшенію условій профессіональной дѣятельности межевыхъ инженеровъ, каковыя условія представлялись ему слишкомъ печальными, безотрадными. Василій Никитичъ былъ первымъ товарищемъ предсѣдателемъ этого Общества и дѣятельнѣйшимъ его работникомъ.

Привязанный къ Межевому Институту и въ немъ неустроенный, Седашевъ вынужденъ былъ слишкомъ напрягать свои силы, чтобы поддерживать свою семью, своихъ родныхъ и обезпечить свои занятія. Организмъ не выдержалъ. Къ лѣту 1909 года В. Н. чувствовалъ себя плохо; пришлось однако отправиться на лѣтнія геодезическія работы студентовъ. Обстоятельства не позволили отнестись съ необходимою осторожностью къ приключившейся сильной простудѣ переутомленнаго организма. Вскорѣ обнаружились признаки туберкулеза. Тяжкій недугъ хорошаго товарища и человѣка, блестящаго межевого инженера, талантливаго ученаго всполошилъ круги многочисленныхъ друзей, товарищей и сослуживцевъ покойнаго. Товарищи В. Н. Седашева существеннымъ образомъ помогли ему. Дѣятельную помощь оказало ему и начальство Межевого Института — попечитель Института, Управляющій межевою частью, сенаторъ Н. Д. Чаплинъ, помощникъ управляющаго межевою частью С. Д. Рудинъ и бывшій директоръ Института, покойный нынѣ В. Б. Струве, а также бывшій директоръ Лазаревскаго Института, академикъ В. Ф. Миллеръ и преподаватель того же Института Л. С. Савостьяновъ, взявшій на себя хлопоты по устройству концерта въ пользу больного коллеги. Много помогла Василію Никитичу дальняя его родственница Н. И. Каменская. Но судьбѣ не угодно было сберечь намъ Седашева. Лѣтомъ 1911 года В. Н. нѣсколько оправился, но ему, дѣятельному человѣку, трудно было выдержать суровый врачебный режимъ. Седашева сильно занимала вторая часть настоящей работы; онъ

работалъ больше, чѣмъ слѣдуетъ, а легкая простуда оказалась на этотъ разъ роковою. 7 января 1912 г. Василій Никитычъ Седашевъ скончался въ Сочи. Тѣло его погребено на родинѣ, въ Старомъ Осколѣ.

На смертномъ одрѣ Василія Никитича занимали его излюбленныя мысли — исторія землевладѣнія, Общество межевыхъ инженеровъ, Межевой Институтъ. Онъ часто писалъ мнѣ, справлялся о дѣлахъ Общества, сообщалъ свои планы о его ближайшихъ задачахъ. Еще три года тому назадъ въ средѣ Общества предприняты были нѣкоторыя работы, касавшіяся Межевого Института. Осенью прошлаго года предстояло ихъ закончить. Василій Никитичъ непремѣнно захотѣлъ завершить свое участіе въ этомъ дѣлѣ; прикованный къ постели, онъ просмотрѣлъ и исправилъ черновой экземпляръ сооответствующей записки. За нѣсколько дней до смерти онъ писалъ мнѣ (подъ диктовку), что „сердце торопится жить" и справлялся объ Обществѣ межевыхъ инженеровъ, объ Институтѣ....

Миръ праху твоему, сильный, обаятельный умъ, славное, доброе сердце...

Вдова покойнаго поручила мнѣ передать глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, которыя помогли ея мужу, и засвидѣтельствовать, что покойный съ чувствомъ глубочайшей признательности относился къ помощи и доброму вниманію, которыя ему оказывали.

Межевой Инженеръ *О. Хауке.*

Августъ 1912 г.

I.

Валовой наказъ 1622 года [1]).

ГЛАВА I.

Состояніе землевладѣнія въ первой четверти 17 вѣка и мѣропріятія правительства.

Возстановленіе порядка въ государственной и общественной жизни Московской Руси, расшатаннаго смутой начала 17 вѣка до основанія, требовало отъ представителей власти и самого населенія напряженной работы и длительныхъ, упорныхъ усилій. Крайнее разнообразіе государственныхъ и частныхъ потребностей того времени повлекло за собой энергичное развитіе законодательной и административной дѣятельности. Въ соотвѣтствіи съ задачами внѣшней обороны и съ тѣмъ преобладающимъ значеніемъ, которое получили средніе разряды служилыхъ людей послѣ смуты центральное мѣсто въ созидательной работѣ Земскихъ Соборовъ и правительства Михаила Федоровича заняли мѣры по организаціи служилаго землевладѣнія, такъ какъ защита отъ внѣшнихъ враговъ и борьба съ воровскими шайками, бродившими внутри, возможны были

---

[1]) Авторъ готовилъ работу по исторіи землевладѣнія и межеванія въ XVII вѣкѣ. Тяжелая, упорная болѣзнь сдѣлала выполненіе намѣченнаго плана неосуществимымъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ. Часть собранныхъ матеріаловъ, еще недостаточно разработанныхъ, печатается въ видѣ настоящихъ „Очерковъ и матеріаловъ по исторіи землевладѣнія въ XVII вѣкѣ". Подготовляя къ печати черновыя замѣтки, сдѣланныя въ 1908—9 годахъ, авторъ не могъ использовать нѣкоторыхъ цѣнныхъ источниковъ, такъ какъ въ захолустьяхъ Черноморскаго побережья ихъ достать было невозможно; этимъ объясняется и неполнота библіографическихъ указаній.

Слѣдующій выпускъ авторъ намѣренъ посвятить писцовымъ наказамъ конца 17-го столѣтія; но такъ какъ исполнимость подобнаго предположенія кажется еще сомнительной, то относящійся ко II-му выпуску этюдъ „Писцовый наказъ 1685-го года" печатается здѣсь.

Пользуюсь случаемъ принести здѣсь мною глубокую благодарность преподавателю межевого права въ Константиновскомъ Межевомъ Институтѣ Ивану Георгіевичу Герману за содѣйствіе, оказанное имъ къ напечатанію настоящей работы.

только при наличности достаточной и хорошо обезпеченной военной силы. Съ этой стороны, положеніе дѣлъ въ первые годы послѣ смуты, рисуется въ весьма мрачныхъ краскахъ: „а наши ратние люди, которые сѣдѣли под Смоленском в острожкахъ, от великия нужи и от многих служеб и от голоду изъ Смоленскихъ острожковъ розбрилися по городом.... А тѣ наши люди, которые отошли изъ Смоленских острошковъ.... и нынѣ из Дорогобужа пришли к нам к Москвѣ, скудны и безконны. И бьют челомъ намъ великому государю царю и великому князю служилые люді, которые были под Смоленском и в Дорогобуже и которыхъ нынѣ посылают на нашу службу против.... полских и литовских людеи, что они от многихъ служеб стали конечно бѣдны и на нашу службу им без нашего жалованя поднятцо нечемъ, а которые были под Смоленским в острожкахъ в осадѣ, з голоду ѣли кобылятину и собаки и стали бѣдны же без службы и бѣз всѣх животов. И намъ бы их пожаловати, велѣти имъ дати наше денежное жаловане, а непожалованым им никоторыми мѣрами от бѣдности и от голоду прожит нѣчемъ и брести розно кормитися в Замосковные и в Поморские городы" [1]).

Въ этой подлинной цитатѣ изъ грамоты, посланной приказомъ Устюжской чети на Тотьму въ 1617 году на основаніи приговора Земскаго Собора, съ поразительной ясностью обрисовывается фактическое положеніе Государства послѣ смуты: служилые люди изнемогаютъ отъ тягостей военной службы и, забывъ воинскій долгъ и былую доблесть, заявляютъ, что безъ государева жалованія на службу имъ подняться нечѣмъ и что отъ бѣдности и отъ голоду они разбредутся розно „кормится", если Государь ихъ не пожалуетъ своей милостью. Замѣчательно въ этихъ челобитьяхъ раззоренныхъ служилыхъ людей, что они не о помѣстьяхъ думаютъ и не о вотчинахъ просятъ, а говорятъ лишь о денежномъ государевомъ жалованьи.

Изъ этого уже можно вывести нѣкоторыя заключенія объ отношеніи служилыхъ чиновъ къ своимъ земельнымъ владѣніямъ. Въ то время какъ весь 17 вѣкъ, начиная со 2 четверти его, наполненъ погоней Московскихъ дворянъ за помѣстными дачами, окладами и пожалованіями, челобитчики 1617 года совершенно чужды земельной жажды и просятъ только денегъ—какъ единственнаго средства оправиться, прокормиться и не умереть съ голоду.

Значитъ деревня 1 четверти 17 вѣка [2]) не тянула къ себѣ землевладѣльца и не сулила ему даже полуголоднаго существованія. Это

[1]) С. Б. Веселовскій. Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ въ первые годы царствованія Михаила Θеодоровича. Прилож. стр. 175—176.

[2]) За исключеніемъ, конечно, богатыхъ дворцовыхъ селъ и волостей, уцѣлѣвшихъ отъ разоренія.

подтверждается многочисленными указаніями архивныхъ документовъ. Вотъ, напр. картина жизни на Бѣлоозерѣ въ 1615 году. „А на Чаронде, Государь, и в Пешехонье остроговъ и служилыхъ людей нѣту, и денежному сбору быт не мочно, и воеводы разбѣжалися, а воровскіе казаки живутъ без выходу, и многіе, государь, села и деревни повызжены“ [1]) и „лутчие люди повысечены и животы ихъ повыграблены, а молотчие де крестьяне огнемъ сожжены з женами и детьми и животы ихъ пограблены, и посадъ де Чаронду выжчли, а достальные де крестьяне нынѣ бродятъ по лѣсомъ. А из Бѣлозерскаго государь, уѣзду казаки вонъ не выхаживали, стоятъ во многихъ мѣстехъ... и крестьяне все по лѣсомъ“ [2]).

Такими сообщеніями пестрятъ донесенія сборщиковъ пятинныхъ и запросныхъ денегъ и всѣ челобитья посадскихъ, волостныхъ людей и монастырскихъ старцевъ, изнемогающихъ отъ поборовъ и раззоренья [3]).

Особенно важно здѣсь указаніе на бѣгство воеводъ, т. е. на полное безсиліе мѣстныхъ властей дать энергичный отпоръ „воровскимъ людямъ“.

Эти обстоятельства ставили посылаемыхъ по приговорамъ Земскихъ Соборовъ сборщиковъ въ крайне затруднительное положеніе: уѣздъ, въ которомъ они должны были оперировать, оказывался лишеннымъ объединяющей и организующей правительственной власти, и сборщики государевыхъ денежныхъ сборовъ, не имѣвшіе въ своихъ рукахъ вооруженной силы, должны были оставить царскіе указы безъ исполненія: „А въ Пошехонье, государь... воеводъ нѣтъ, служилыхъ людей и никакихъ крѣпостей нѣту и ехати намъ не к чему“ [4]).

Разрушеніе административной организаціи, безсиліе власти и въ центрѣ и на мѣстахъ давало въ руки безпокойныхъ элементовъ всѣ средства для того, чтобы уклониться отъ тяжелыхъ государственныхъ сборовъ. Населеніе пугливо сторонилось своихъ насиженныхъ гнѣздъ, гдѣ его поджидали или воры или царскіе сборщики, съ неохотой выбирало окладчиковъ, потому что взиманіе денегъ у обнищавшихъ крестьянъ и горожанъ было часто сопряжено съ жестокимъ правежомъ „отъ утра и до вечера“ и съ мучительными истязаніями въ тюрьмахъ, гдѣ неплательщиковъ держали ночами и били на смерть [5]).

---

[1]) Ibid. стр. 122.

[2]) Ibid., стр. 126.

[3]) Ibid. см. напр. стр. 134. 135, 141,

[4]) Ibid. стр. 127. Интересно для характеристики порядковъ того времени слѣдующее мѣсто: „И многое, государь, непослушаие отъ уѣздныхъ крестьянъ, а посылать, государь, на ослушниковъ и на огурниковъ нѣково, стрѣлцовъ и пушкарей у Соли нѣтъ“. Ibid. 108.

[5]) Ibid. стр. 140.

Такія отношенія сборщиковъ къ населенію, которое видѣло всю слабость правительственныхъ учрежденій для борьбы съ шайками воровъ и крайнюю жестокость при взысканіяхъ платежей съ мирнаго трудящагося люда, подрывало уваженіе къ администраціи и питало опасное настроеніе недовольствъ и злобы противъ правительственныхъ агентовъ. Особенными осложненіями грозили инородцы Казанскаго края, среди которыхъ подготовлялись: и нападенія на сына боярскаго, „которой ѣздил на Уржум збират денег на ратных людей", съ цѣлью отнятія денегъ, и бѣгство въ лѣса при приближеніи царскихъ пятинщиковъ, и подговоръ черемисовъ чувашами, „чтобъ черемиса завоевалась" „и чѣмъ де нам деньги на ратных людей дават, и мы де разбежимся по лѣсом или собрався станем за себя сами и денег не дадим, а руским де людем ныне и самим до себя". Готовность чувашей и черемисовъ къ бунту или пассивному сопротивленію вызывала послабленіе налоговыхъ требованій правительства съ инородцевъ и возложеніе всей тяготы „на русскихъ людей" по указамъ [1]).

При такихъ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, когда населеніе, обираемое на нужды государственныя, не могло найти себѣ управы и защиты у власти отъ бродячихъ воровъ, потому что „дворяне и дѣти боярскіе и стрѣльцы и казаки и всякіе ратные люди безъ (государева) жалованья служити не хотятъ и многіе городы мечютъ" [2]), при этихъ условіяхъ правительству Михаила Федоровича предстояли двѣ огромныхъ по цѣлямъ и исполненію задачи: 1) создать въ провинціи элементарный порядокъ общежитія путемъ возстановленія административныхъ учрежденій и 2) вернуть населеніе къ производительному труду, т. е. возвратить землѣ ея законныхъ обладателей и, такимъ образомъ, вмѣсто произвола и насилія положить въ основу землевладѣнія справедливость и право.

Къ этимъ мѣропріятіямъ общаго характера примыкаетъ третья задача, болѣе узкаго, спеціальнаго, но не менѣе важнаго для государства значенія—установленіе справедливыхъ нормъ земельнаго и промысловаго обложенія.

Первая задача привлекала къ себѣ вниманіе законодательной власти втеченіе всего 17-го вѣка, изъ начинаній же времени Михаила Федоровича мы упомянемъ только о повсемѣстномъ распространеніи воеводской власти или губныхъ учрежденій (съ 1627 года). Воевода смутнаго времени, облеченный особыми полномочіями, снабженный военною силою, по замиреніи уѣзда самъ становился грозою мѣстнаго

---

1) Ibid. стр. 157—160.

2) Idid. стр. 166.

населенія и источникомъ новыхъ бѣдствій для него: жестокость, произволъ и лихоимство — существенныя черты воеводскаго управленія первой половины 17 вѣка. Возстановленіе губныхъ старостъ, замѣнявшихъ во многихъ уѣздахъ воеводъ, и учрежденіе особаго Приказа „что на сильныхъ людей челомъ бьютъ" таковы главныя мѣры въ области административнаго управленія, предпринятыя въ царствованіе Михаила Федоровича.

Несмотря на всю недостаточность указанныхъ преобразованій, естественный ходъ событій, утомленіе населенія смутой и раздорами, постепенное исчезновеніе воровскихъ шаекъ, военная дѣятельность воеводъ—все это вмѣстѣ способствовало осѣданію бродившаго „в розни" населенія и помѣщиковъ на землю. Это осѣданіе, какъ кажется, складывалось мѣстами въ формы стихійнаго процесса, часто безъ всякаго юридическаго основанія и предлога. Ввести этотъ процессъ въ закономѣрное русло было задачей чрезвычайной трудности, но неотложной во имя интересовъ служилаго сословія и крестьянъ и справедливости податнаго обложенія.

Первою сферою, гдѣ забота о землѣ приняла конкретную форму, были земли государственнаго значенія: дворцовыя, черныя и помѣстныя.

Смута разстроила дворцовое землевладѣніе. Кромѣ общаго экономическаго потрясенія дворцовыя волости подверглись расхищенію со стороны служилыхъ людей и дѣльцовъ, забиравшихъ эти земли по дачамъ или безъ нихъ. Въ 1615 году, напримѣръ, въ Посольскій приказъ сообщалось, что „въ Пошехоне, государь, твои государевы, дворцовые села и ѣзовые и черные волости все в роздаче за дворяны и детми боярскими" [1]). Нѣкоторые дворяне усердной службой Тушинскому вору успѣвали собрать въ своихъ рукахъ значительныя земельныя пространства. Въ наиболѣе яркихъ случаяхъ правительство царя Михаила возстанавливало права попранныхъ вѣдомствъ и лицъ; напр. про Казарина Давыдова сына Бегичева докладная выписка 121 г. о вотчинныхъ помѣстьяхъ сообщаетъ, что „воровскихъ дачъ за нимъ было много, и тѣ воровскіе да и у него всѣ поиманы" [2]).

Но, въ большинствѣ случаевъ „воровскія дачи" и самовольные захваты оставались обнаруженными не сразу; требовалась посылка на мѣста компетентныхъ лицъ, писцовъ и дозорщиковъ, чтобы выяснить создавшееся положеніе вещей, привести въ извѣстность права на дворцовыя земли и согласовать ихъ съ дѣйствительнымъ владѣніемъ.

---

[1]) С. Б. Веселовскій, цитир. сочин. стр. 126.

[2]) Барсуковъ А. П. Докладная выписка ст. 19. Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1901.

Но, не только отъ захватовъ страдали дворцовыя земли,—дворцовый земельный фондъ постепенно таялъ подъ вліяніемъ неотложныхъ государственныхъ потребностей; раззоренныя помѣстныя земли нельзя было обращать въ раздачу изнуреннымъ войнами и смутой служилымъ людямъ. Надлежащее вознагражденіе за службу и обезпеченіе для службы могли дать только населенныя земли, которыми оставались „главнымъ образомъ дворцовыя и черныя“ [1]).

О характерѣ роздачъ даетъ ясное представленіе слѣдующая таблица, составленная на основаніи упомянутой выше „докладной выписки“.

	Изъ дворцовыхъ земель четвертей.		Изъ черныхъ волостей четвертей.	
	Въ помѣстное.	Въ вотчину.	Въ помѣстное.	Въ вотчину.
Галичъ	—	—	Доровская	волость
Мещера	1264(К	ромѣ с. Кас	тырина, да	с. Кодерина).
Суздаль	6863	4277	—	—
Вологда	1569	—	9474	—
Владиміръ	4936	—	—	—
Ярославль	1827	5001	—	—
Ростовъ	100	263	200	—
Рязань	3328	2223	—	—
Гороховск. уѣзда	—	1000	—	—
Муромъ	1670	—	—	—
Кашинъ	300	—	250	—
Юрьевъ-Польскій	1200	—	—	—
Зубцовъ	292	—	—	—
Кострома	1414	—	—	—
Пошехонье	440	177	—	—
Бѣлоозеро	—	—	200	—
Всего	25203	12951	10124	—
	Около 40,000 четвертей.			

[1]) Ю. Готье. Замосковный край въ XVII вѣкѣ, стр. 320—339.

Изъ приведенной таблицы видно, что изъ 40000 четвертей или около 60000 десятинъ дворцовой земли (во всѣхъ трехъ поляхъ), розданной въ смутное время ближайшимъ участникамъ борьбы за національную независимость, большая часть, почти $^2/_3$, были отданы на правѣ помѣстномъ и только одна треть поступила въ вотчинное владѣніе. Въ этомъ нельзя не видѣть особой заботы и бережливости смѣнявшихся правительствъ, которыя, несмотря на всю полноту власти, не могли порвать съ московской традиціей, заботливо охранявшей дворцовыя земли, какъ постоянный источникъ государственныхъ доходовъ [1]). Еще большую осмотрительность [2]) проявляли правительства смутнаго времени по отношенію къ чернымъ волостямъ: пожалованіе ихъ въ вотчину было уже дѣломъ исключительнымъ [3]). Кромѣ того, изъ таблицы, приведенной выше, видно, что черныя земли поступили въ роздачу въ количествѣ раза въ четыре меньшемъ, чѣмъ земли дворцовыя.

При такомъ ревнивомъ отношеніи правительства къ чернымъ и дворцовымъ землямъ, понятно, что произведенные во время смуты захваты, хотя бы и подъ юридическимъ титуломъ пожалованія, не могли долго оставаться скрытыми отъ правительственныхъ агентовъ. Въ 1613 году была составлена упоминавшаяся уже „докладная выписка о вотчинахъ и помѣстьяхъ". Въ основѣ ея лежала ревизія помѣстно-вотчиннаго производства о роздачѣ земель въ смутное время. Ревизія состояла, какъ можно заключить по даннымъ самой выписки, въ сличеніи актовъ пожалованія и челобитій, съ имѣвшимися писцовыми книгами и выписями. При недостаткѣ документовъ, на мѣстахъ производился сыскъ о пожалованной землѣ или отбирались отъ дворянъ и служилыхъ людей уѣзда росписи о владѣніяхъ того или другого лица, а, быть можетъ, и о всѣхъ землевладѣльцахъ уѣзда.

Результаты такой ревизіи были поразительны: у многихъ лицъ было открыто несоотвѣтствіе земельныхъ дачъ съ окладами и даже прямые обманы въ челобитьяхъ.

---

[1]) Рождественскій. Служилое землевладѣніе въ XVI вѣкѣ, стр. 267—8.

[2]) Утвержденіе г. Рождественскаго, что съ черными землями правительство обходилось бережливѣе, чѣмъ съ дворцовыми, можно считать справедливымъ и для первой половины 17 вѣка, ibid. стр. 269.

[3]) „Московскіе государи часто давали чернымъ землямъ еще другое назначеніе: раздавали ихъ въ помѣстья; это считалось тѣмъ болѣе удобнымъ, что и помѣстная земля, какъ и черная и дворцовая, считалась землей государевой, и роздача въ помѣстья признавалась лишь однимъ изъ способовъ эксплуатаціи послѣдней". Рожковъ. Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 428—9.

О раздачѣ черныхъ волостей въ вотчину, см. Ю. В. Готье, Замосковн. край, стр. 343, 344.

Напримѣръ, бояринъ Василій Петровичъ Морозовъ получилъ „при боярехъ“ въ Ярославлѣ изъ дворцовыхъ селъ 900 четвертей, которымъ по книгамъ соотвѣтствовали 1403 четверти, т. е. при пожалованіи скрыто было 503 четверти.

За стольникомъ княземъ Федоромъ Андреевичемъ Елецкимъ числилось пожалованной земли въ Владимирскомъ уѣздѣ въ селѣ Корочаровѣ 650 четей, а „по росписи“ оказалось лишняго 1225 четвертей.

Князьямъ Семену и Матвѣю Прозоровскимъ, безпринципными дѣльцами по захвату земель во время смуты, было пожаловано село Романово за 670 четвертей, а въ немъ оказалось по писцовымъ книгамъ 2897 чет., скрыто было 2227 четвертей.

Они же получили „при боярехъ“ въ вотчину село Брейтово да село Черкасово за 200 четв. по своему челобитью, а по писцовымъ книгамъ оказалось въ нихъ 2037 четвертей, скрыто было 1837 четвертей.

Иванъ Ивановъ Чепчюговъ получилъ два погоста въ Суздалѣ за 200 четвертей, а въ нихъ по писцовымъ книгамъ 1931 четверт. т. е. было утаено 1731 четверть.

Степанъ Матвѣевъ сынъ Проѣстевъ въ Володимирскомъ уѣздѣ въ селѣ Корочаровѣ получилъ по дачѣ 650 чет., а утаилъ въ челобитной 1225 четв.

М. Вельяминовъ получилъ нѣсколько селъ въ Муромскомъ уѣздѣ изъ дворцовыхъ земель, въ которыхъ показалъ 780 чет., „а по челобитной и по росписи, какову подали государю дворяне“ въ пожалованныхъ селахъ оказалось 1700 четв.,—въ незаконномъ владѣніи состояло 920 четв.

Князь Михаило Петровичъ Борятинской получилъ изъ дворцовыхъ селъ земли по своей сказкѣ 1102 четв., въ которыхъ оказалось утаено 774 четверти.

Результаты приведенныхъ ухищреній были далеко не маловажны: челобитчики просили о пожалованіи 5152 четвертей, а получили 15594 четв., т. е. въ три раза больше.

Во многихъ актахъ пожалованія количество земли совсѣмъ не было упомянуто и сыскать оказывалось нечѣмъ. Нѣкоторые дворяне боясь отписки земель на государя и надѣясь на уничтоженіе документовъ помѣстнаго приказа извращали исторію происхожденія своихъ земель; такъ напр., Матвѣй Плещеевъ получилъ приселокъ село Плещеево по Тушинской дачѣ, а назвалъ своей старинной вотчиной.

Слѣдствіемъ обнаруженныхъ захватовъ явилась отписка захваченныхъ земель на государя, начало которой положено еще Грамотой Собора 1611 года при избраніи въ правительство князя Д. Г. Трубецкого, И. М. Заруцкаго и П. П. Ляпунова. „А которыя дворцовыя села

и черныя волости, и монастырскія села и Боярскія, и Окольничьихъ и Думскихъ Дворянъ помѣстья и вотчины розняли бояре по себѣ безъ земскаго приговору и дворяномъ и дѣтямъ боярскимъ роздали они же бояре вновь въ додачу къ старымъ ихъ окладомъ или сверхъ ихъ окладовъ: и тѣ новыя помѣстья у тѣхъ у всѣхъ отняти и отписати дворцовыя села и черныя волости въ дворецъ; а помѣстныя и вотчинныя земли отписавъ роздати безпомѣстнымъ и разореным дѣтямъ боярскимъ, которые помѣстей своихъ отбыли отъ Литовскаго разоренья". Кромѣ того, въ томъ же приговорѣ предписывалось у всѣхъ чиновъ людей отобрать помѣстья, данныя на Королевское или н Королевичево Владиславово имя изъ дворцовыхъ земель, если за ними „опричь тѣхъ дачъ" есть старыя помѣстья. Относительно самовольныхъ захватовъ дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей, частновладѣльческихъ помѣстей и вотчинъ, а также тѣхъ лицъ, которые „бивъ челомъ ложно о стѣ четвертяхъ, а владѣютъ пятью сты и иные и тысячами" было постановлено доправить за владѣніе лишними землями весь доходъ, полученный въ годы самовольнаго пользованія утаенными четвертями. Весь лишекъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ предписывалось роздавать безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ и раззореным служилымъ людямъ „въ роздачу", а дворцовыя села и черныя волости отписывать на дворецъ.

При Михаилѣ Федоровичѣ правительство держалось того же направленія по отношенію къ беззаконнымъ захватамъ, но повидимому безъ должной энергіи. На это указываетъ помѣстный приказъ въ докладѣ 130 года, говоря, что при государяхъ Феодорѣ Ивановичѣ, Борисѣ Федоровичѣ Годуновѣ, Василіи Шуйскомъ и при Разстригѣ съ тѣхъ людей „которые люди имали помѣстья и вотчины по своимъ сказкамъ и новодозорнымъ книгамъ, многія чети за малыя чети, и владѣли сверхъ своихъ дачъ лишнею землею.... и за тѣ земли имано владѣнья съ чети по алтыну на годъ; а при государѣ царѣ и в. кн. Михаилѣ Федоровичѣ всея Русіи, съ такихъ земель владѣнье не имывано".

Слѣдовательно втеченіе первыхъ 10 лѣтъ царствованія М. Ф. до 130 года отношеніе къ захватчикамъ было снисходительное; самое большее чѣмъ они рисковали это было отобраніе лишнихъ земель на государя. 10 августа 1622 года царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ было возстановлено дѣйствіе старыхъ законовъ и за владѣніе лишними землями было установлено взимать по прежнему алтынъ съ чети въ годъ.

Повидимому, конецъ 1622 года есть начало той рѣшительной борьбы съ произволомъ и анархіей въ служиломъ землевладѣніи, которая выразилась въ непрестанныхъ посылкахъ валовыхъ писцовъ для

описанія всего государства [1]). Государственный земельный фондъ таялъ не только потому, что ловкіе люди получали „великія мѣста" за малыя чети, но и отъ грубыхъ захватовъ со стороны владѣльцевъ, смежныхъ съ дворцовыми и черными волостями. Можно вообще сказать, что землевладѣніе въ первые годы царствованія Михаила Феодоровича регулировалось не юридическими или правовыми нормами, а простымъ соотношеніемъ физическихъ силъ. Болѣе сильные съ оружіемъ въ рукахъ захватывали земли маленькихъ людей, сгоняли силою крестьянъ на свои помѣстья и вотчины, и угрозами заставляли дозорщиковъ писать въ книги „такъ какъ имъ годно". Если виновные въ подобныхъ преступленіяхъ ни въ какой степени не заслуживали снисходительнаго отношенія, то можно указать одинъ болѣе извинительный грѣхъ, свойственный массѣ служилыхъ людей, въ эпоху, непосредственно слѣдующую за смутой: это была утайка запустѣлыхъ помѣстій. Весь ходъ вещей заставлялъ помѣщиковъ и вотчинниковъ скрывать отъ правительства свои пустыя помѣстья въ надеждѣ получить хоть что-нибудь изъ населенныхъ, культурныхъ дворцовыхъ имѣній и черныхъ волостей. Такъ какъ основаніями роздачи черныхъ и дворцовыхъ волостей, особенно дворянамъ уѣздовъ, отошедшихъ къ Польшѣ и Литвѣ, была разверстка волостныхъ земель „по окладамъ и недодачамъ", то разумѣется утайка касалась, какъ оклада, такъ и недодачъ. Скрыть свой окладъ было все таки болѣе трудно уже въ силу широкой гласности съ которой сказывалось верстанье и разборъ служилыхъ людей [2]). Поотношенію къ помѣстьямъ это было легче, тѣмъ болѣе, что помѣстья одного владѣльца были весьма часто разбросаны по различнымъ уѣздамъ. Удобно было также ссылаться на то, что помѣстье съ уѣздомъ „отошло къ Литвѣ" и т. п.

Какъ ни много здѣсь было явныхъ злоупотребленій, все таки основнымъ фономъ, питающимъ незакономѣрныя попытки служилыхъ людей, была та страшная мертвящая пустота, отъ которой одинаково бѣжали и помѣщики и крестьяне, бросая свои помѣстья и дворы на произволъ судьбы. Вотъ напр. какъ описаны ржевскими писцами въ 1626 году пустоши, что было сельцо Малое Шишкино, въ Жилогостицкой

---

[1]) Въ 1622 году производился большой сыскъ про оклады служилыхъ людей и былъ изданъ валовой наказъ для описанія служилыхъ земель.

[2]) Тѣмъ не менѣе указъ 23 февраля 1622 года о производство „большого" сыска про оклады отмѣчаетъ, что многіе служилые люди про оклады „сказывали не подлинно и многимъ помѣстные и денежные оклады прибавливали не по дѣлу, и противъ тѣхъ своихъ большихъ вылганныхъ окладовъ поимали помѣстья и вотчины, а иные при царѣ Василье были и не верстаны, а они сказали что верстаны".

волости: „ржевичи дворяне и дѣти боярскіе въ допросѣ сказали писцамъ: помѣщика не стало въ 121-мъ году отъ ранъ литовскихъ людей, послѣ его не было ни за кѣмъ и не владѣлъ ннхто, запустѣло отъ литовскихъ людей войны; а въ тѣхъ пустошахъ по книгамъ пашни лѣсомъ поросло въ колъ и въ жердь и въ бревно середніе земли доброю землею съ наддачею двѣсте тридцать двѣ чети безъ полуосмины—въ полѣ, а въ дву потомужъ, написано въ порозжихъ земляхъ; въ томъ помѣстьѣ и во всей Жилогостицкой волости и около тое волости верстъ по дватцети, и по тритцати, и по сороку и болше жилцовъ нѣтъ ни одново человѣка, и тѣмъ помѣстьемъ нынѣ не владѣетъ нихто; пусто, все лѣсомъ поросло“. Сквозь сухую протокольную форму допроса пробивается неотразимое впечатлѣніе гнета и нѣмого ужаса, производимаго на наблюдателей безмолвіемъ пустынной поросли, покрывшей культурныя, когда-то тепло насиженныя мѣста. Можно только сожалѣть, что писцовыя книги заключаютъ свой цѣнный объективный матеріалъ въ столь холодные трафареты и рубрики, что уловить непосредственное впечатлѣніе писца по нимъ почти невозможно [1]).

Причины утайки раззореныхъ помѣстій были столь серьезны, что одними карательными мѣрами бороться со зломъ было бы безплодно. Признаніе этого обстоятельства можно видѣть въ извѣстномъ соборномъ приговорѣ 20 марта 128 года: „которыхъ людей были помѣстья въ разореныхъ городѣхъ, а они объ нихъ не бьютъ челомъ, а бьютъ объ новыхъ помѣстьяхъ, а старые отцовскіе для разоренья таятъ, а возмутъ вновь, и у тѣхъ новые дачи отымать и отдавать въ раздачу, потому что они старые отцовскіе помѣстья таили, а имали вновь, и

[1]) Описаніе пустоши Жилогостицкой волости взято изъ интереснѣйшихъ „матеріаловъ для исторіи дѣлопроизводства помѣстнаго приказа по Вологодскому уѣзду“. Собранныхъ В. Н. Сторожевымъ, в. I, стр. 163.

Изъ той же книги приведу нѣсколько примѣровъ, характеризующихъ отношеніе помѣщиковъ къ своимъ пустымъ землямъ. 1.) „И отецъ мой тѣмъ помѣстьемъ за пустотою не владѣлъ“, (изъ челобитья 1624 г.), стр. 124. 2.) „А Ондрѣй де Варѣевъ то свое вологодцкое помѣстье запусто покинулъ и имъ не владѣетъ“.... и государю о томъ билъ.... челомъ, чтобъ государь то сво Ондрѣево помѣстье вологодское велѣлъ съ него для пуста снять“. (изъ дѣла 1620 года), ст. 127, 3.) „И Иванъ Микулинъ сказалъ: „козельскаго онъ помѣстья въ ту пору въ статейной роспись (приложенную къ челобитью и пожалованію галицкаго помѣстья) не писалъ за собою, потому что, то его козельское помѣстье пусто, и билъ челомъ, чтобъ у него галицкаго помѣстья не отнимали, а велели бъ у него взять и Ивану Бутурлину (донесшиму объ утайкѣ) отдать его утаенное, его козельское помѣстье“, стр. 152—153.

Экономическія послѣдствія смутнаго времени по отношенію къ Замосковному краю обстоятельно и всесторовне освѣщены въ книгѣ Ю. В. Готье „Замосковный край въ 17 в.“, см. г. III, стр. 208—256.

впередъ велѣть отцовскіе помѣстья хотя и въ разореныхъ городахъ объявливать, а для разоренья хто стараго не утаитъ, государь пожалуетъ“ [1]).

Какъ бы ни были хороши намѣренія законодателя, тѣмъ не менѣе опредѣленнаго рѣшенія по вопросу объ учетѣ пустыхъ помѣстій при пожалованіи новыхъ, цитироварный приговоръ не дастъ. Это конечно въ значительной степени ослабляло силу нравственнаго призыва, обращеннаго къ помѣщикамъ и оставляло нетронутымъ прежде положеніе дѣлъ. Хуже всего было то, что сама правительственная власть почти не имѣла способовъ своевременно открыть преступное умолчаніе о раззоренныхъ помѣстьяхъ; пришлось пойти на крайнія, но неудачныя мѣры и предоставить важныя функціи государственнаго поземельнаго сыска частной инициативѣ землевладѣльцевъ. Это было сдѣлано неуклоннымъ примѣненіемъ приговора Боярской Думы временъ междуцарствія отъ 1613 года, по которому челобитчику, сыскавшему утайку, отдается безповоротно лучшая часть утаенныхъ вотчинъ и помѣстій въ окладъ, т.-е. на помѣстномъ правѣ.

Примѣненіе этого закона вызвало множество земельныхъ процессовъ, породило особую профессію спекулянтовъ-сыщиковъ и сыграло на руку приказнымъ дѣльцамъ Помѣстнаго Приказа, для которыхъ открытіе утайки и полученіе вылганного помѣстья было дѣломъ весьма не труднымъ. Благодаря положенію занимаемому чинами Помѣстнаго Приказа, злоупотребленія ихъ, прикрытыя маской законности, ускользали отъ вниманія высшей власти. Нужны были коллективныя выступленія служилыхъ людей, чтобы сломить канцелярскія твердыни.

О такомъ хотя и позднемъ выступленіи жильцовъ сообщаетъ въ своей челобитной жилецъ А. Сумароковъ 18 мая 1627 года: „а нынѣ, государь, бьютъ челомъ тебѣ, государю, наша братья жильцы на подьячихъ о помѣстьяхъ и объ вотчинахъ, что подьячіе поимали помѣстія и вотчины многіе мимо твоего государеву указу, а прежъ, государь, сево вашъ государевъ указъ за помѣсными подьячими не быть помѣстія“. Изъ другого челобитья дьячка Волкова видно, что лѣтомъ 1627 года въ Помѣстномъ Приказѣ подготовлялся докладъ о помѣстьяхъ подьячихъ: „о старыхъ, государь, ихъ дачахъ, что они поимали себѣ, сидячи въ Помѣсномъ Приказѣ, безъ твоего государева указу, дачи большіе, и въ полные свои оклады выписываютъ въ докладъ“. Послѣ указа Государя по докладу приказа Сыскныхъ дѣлъ отъ 21 сентября

[1]) Резолютивную часть цитирую изъ указанныхъ „Матеріаловъ“ (151 стр.) В. Н. Сторожева; см. также Указн. кн. Пом. Прик., стр. 42. Изъ приговора видно что въ эпоху смуты наслѣдованіе отцовскихъ помѣстій стало трактоваться не только какъ право служилыхъ людей, но и какъ обязанность.

1627 года, раздача помѣстій подьячимъ Помѣстнаго Приказа была пріостановлена.

Было еще одно обстоятельство, косвеннымъ образомъ повліявшее на увеличеніе дезорганизаціи служилаго и неслужилаго землевладѣнія— это потеря документовъ на владѣніе землями и гибель ихъ во время пожаровъ, разбоевъ и военныхъ дѣйствій. Правительство вполнѣ вѣрно оцѣнивало создавшееся положеніе, когда указомъ 10 февраля 1618 года предписало Помѣстному Приказу выдавать новыя жалованныя грамоты и прочія крѣпости, на основаніи вотчинныхъ, записныхъ, писцовыхъ, дозорныхъ и платежныхъ книгъ. Если же въ дѣлахъ Приказовъ и въ городахъ достовѣрныхъ указаній на существованіе потерянныхъ въ раззоренье документовъ не оказывалось, то предписывалось производить сыскъ и допросъ на мѣстахъ; на основаніи произведеннаго сыска выдавались уже новыя государевы грамоты челобитчикамъ. Нѣкоторое измѣненіе въ порядкѣ возстановленія утраченныхъ документовъ произошло въ 1624 году, когда Государь указалъ: „про тѣ вотчины сыскивать въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ писцамъ, а въ городы своихъ государевыхъ грамотъ о вотчинахъ сыскивать давать не велѣлъ“.

Самый процессъ сыска едва ли давалъ гарантію полной непогрѣшимости полученныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе можно думать, что ложь многихъ челобитій здѣсь обнаруживалась нерѣдко. Поэтому наиболѣе дерзкіе люди прибѣгали иногда къ подлогамъ и поддѣлкамъ государевыхъ грамотъ. Вотъ выписка изъ сыскного дѣла о Богданѣ Михалковѣ, изготовившемъ поддѣльную государеву печать: „Богданъ Михалковъ по извѣту людей ево въ распросѣ и съ пытки говорилъ, что онъ Богданъ запечаталъ воровскою печатью, какова у нево печать была сдѣлана, одну свою жалованную вотчинную грамоту на переславскую да на Лихвинскую вотчину, что была дана вотчина съ окладу брата: а сдѣлана де у нево та печать во 136-мъ году о Петровѣ дни; а про иные никакіе грамоты въ распросѣ и съ пытки не говорилъ и опричь своей одной грамоты иныхъ никакихъ грамотъ иному никому не печатывалъ“. Про эту печать братъ Богдана говоритъ, что „та воровская печать предъ твоею государевою печатью знатна“ и съ государевою печатью „не сошлась“ [1]).

Ввести землевладѣніе, составлявшее экономическій базисъ государственнаго могущества, въ закономѣрное русло, являлось, такимъ

[1]) См. любопытное дѣло № 28 въ „Матеріалахъ для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго Приказа“ ст. 333—336 и слѣд. Чтобы судить о степени риска, на который шелъ Богданъ Михалковъ, замѣтимъ, что по Уложенію 1649 года положено было за поддѣлку государевой печати „по сыску казнити смертью“. Уложеніе гл. IV, ст. 7.

образомъ, неотложнымъ дѣломъ первостепенной важности. Вмѣстѣ съ этимъ нужно было принять мѣры къ болѣе равномѣрному распредѣленію налоговаго бремени, тяжесть котораго, благодаря раззоренію, совсѣмъ не согласовалась со степенью благосостоянія отдѣльныхъ районовъ государства. На это обстоятельство было обращено особое вниманіе земскаго собора 1619 года, который призналъ что „подати всякія... емлютъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, и инымъ тяжело, а другимъ легко".

Но писцовыя книги конца 16-го и первыхъ годовъ 17-го столѣтій являлись мало пригодными для цѣлей податного обложенія. Составленіе новой описи государства было, поэтому, крайне необходимо и для цѣлей обложенія. Такъ какъ эта задача не могла быть выполнена въ короткій сравнительно срокъ, то правительству перваго Романова пришлось обратиться къ нѣкоторымъ экстраординарнымъ мѣрамъ фискальнаго характера, чтобы привести тягло хотя бы въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ платежными силами населенія.

Сборы пятинныхъ и запросныхъ денегъ, составлявшіе столь значительную долю прямыхъ налоговъ въ эпоху послѣ смуты, были построены на отличныхъ отъ посошнаго налога основаніяхъ, въ особенности по отношенію къ населенію посадовъ [1]). Этими сборами смягчалась нѣсколько острая нужда въ производствѣ поземельнаго кадастра, который, благодаря тревожнымъ условіямъ провинціальной жизни и общему разстройству административнаго механизма, могъ выполняться только частично, и въ простѣйшей формѣ дозора.

Особое вниманіе правительства было обращено, какъ мы уже говорили, на регистрацію фонда черныхъ и дворцовыхъ земель, въ цѣляхъ защиты его отъ захватовъ и для испомѣщенія служилыхъ людей. Съ 1613 года черныя волости, несомнѣнно, были описаны въ уѣздахъ: Вологодскомъ, Тотемскомъ, Яренскомъ, Чухломскомъ, Кологривскомъ, Парфеновскомъ, Унженскомъ, Сольвычегодскомъ, Галичскомъ, Кашинскомъ, Лушскомъ и на Судаѣ. За то же время (1613—1622 г.) дозоръ распространился и на главнѣйшіе районы расположенія дворцовыхъ волостей, которыя были описаны въ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Нивельскомъ, Казанскомъ, Московскомъ, Каширскомъ, Устюженскомъ, Владимірскомъ и въ пятинахъ Новгородской области. Многіе посады также были дозираны въ разсматриваемое время, таковы напр.: Боровскъ, Вологда, Воротынскъ, Воронежъ, Кологривъ, Ливны, Можайскъ, Н.-Новгородъ, Осколъ, Одоевъ, Руза, Ростовъ, Парфеновъ,

---

[1]) С. Б. Веселовскій. „Семь сборовъ запросныхъ и пятинныхъ денегъ", стр. 7,25.

Старица, Солигаличъ, Сольвычегодскъ, Унжа, Темниковъ, Чухлома, Юрьевъ-Польскій.

Громадное количество дозоровъ и досмотровъ, произведенныхъ въ 10-хъ годахъ 17-го вѣка едва ли являются слѣдствіемъ какого либо общаго правительственнаго плана, а скорѣе были направлены къ удовлетворенію болѣе или менѣе частныхъ потребностей текущей государственной жизни. Тѣмъ не менѣе общее количество уѣздовъ, подвергнутыхъ хотя бы частичному дозору, было весьма велико. Вотъ приблизительный и далеко неполный ихъ списокъ: Арзамасъ, Балахна, Болховъ, Бѣжецкъ, Боровскъ, Бѣлоозеро, Воротынскъ, Вологда, Воронежъ, Владиміръ, Волоколамскъ, Вага, Верея, Веневъ, Галичъ, Городецъ, Дѣдиловъ, Дмитровъ, Елецъ, Епифань, Звенигородъ, Кашинъ, Кинешма, Коломна, Кологривъ, Кострома, Крапивна, Казань, Кашира, Ливны, Лухъ, Москва, Малоярославецъ, Малмыжъ, Муромъ, Н.-Новгородъ, Новгородъ, Невель, Новосиль, Оболенскъ, Осколъ, Одоевъ, Пошехонье, Парфеновъ, Переяславль, Руза, Ростовъ, Романовъ, Серпуховъ, Суздаль, Серпѣйскъ, Судай, Сольвычегодскъ, Тверь, Таруса, Тихвинъ, Тула, Тетюши, Угличъ, Унжа, Устюжна-Желѣзопольская, Устюгъ, Чухлома, Чаронда, Шуя, Ярославль и пр.

Уѣздовъ, вся территорія которыхъ была охвачена дозоромъ, можно насчитать, повидимому, немного; таковы, напр.: Вологодскій, Владимірскій, Воронежскій, Дѣдиловскій, Лушскій, Оскольскій, Сольвычегодскій, Тотемскій и Яренскій.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что дозоръ 10-хъ годовъ не имѣлъ въ виду общаго описанія государства, можно объяснить значительное количество дозорныхъ книгъ, составленныхъ по просьбамъ частныхъ лицъ, преимущественно крупныхъ вотчинниковъ.

Такъ, въ 1614 и 1616 годахъ 4 партіи дозорщиковъ писали вотчины Тройце-Сергіева монастыря; 1 партія (Федоръ Вельяминовъ съ подъячимъ Алексѣемъ Михайловымъ) въ уѣздахъ: Боровскомъ, Верейскомъ, Дмитровскомъ, Звенигородскомъ, Коломенскомъ, Малоярославскомъ, Московскомъ, Новосильскомъ, Оболенскомъ, Рузскомъ, Серпѣйскомъ, Тарусскомъ и на посадахъ гг. Серпухова и Калуги; 2-я партія (Адаръ Дубасовъ съ подъяч. Мих. Толпыгинымъ) въ уѣздахъ: Владимірскомъ, Кашинскомъ, Костромскомъ, Муромскомъ, Пошенскомъ, Ростовскомъ, Суздальскомъ, Угличскомъ и Ярославскомъ; 3-я и 4-я партіи—въ Московскомъ и Городецкомъ уѣздахъ.

Укажемъ еще на дозоръ вотчинъ бояръ Морозовыхъ въ Вологодскомъ уѣздѣ (1614 г.), дозоръ вотчинъ гостей Строгановыхъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ (1620 г.), вотчинъ царицы иноки Елены Петровны въ Нижегородскомъ уѣздѣ (1619—1622 г.).

Можно сказать, что всѣ сколько-нибудь вліятельные люди того времени спѣшили „взять“ на свои земли особыхъ дозорщиковъ,—одни въ справедливомъ желаніи избавиться отъ чрезмѣрныхъ поборовъ, другіе въ корыстныхъ разсчетахъ закрѣпить за собой незаконныя пріобрѣтенія, сдѣланныя во время общей „разрухи“ Московскаго государства. Это явленіе отчасти имѣетъ въ виду Земскій Соборъ 1620 года, говоря про нѣкоторыхъ владѣльцевъ, что они „утая прежнія писцовыя и дозорныя книги, имали на тѣ свои дачи особыхъ дозорщиковъ и отдѣльщиковъ и велѣли за собою тѣ земли въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ писать такъ, какъ имъ годно“.

Чтобы судить о степени достовѣрности дозорныхъ книгъ того времени, остановимся на дозорѣ вотчинъ Троице-Сергіева монастыря. Двумя дозорщинами—Ф. Вельяминовымъ (въ 1614 г.) и А. Дубасовымъ (въ 1616 г.) въ вышеназванныхъ уѣздахъ было описано не менѣе 150 тысячъ десятинъ земли, при продолжительности работъ каждой партіи около года.

Если предположить, что два подъячихъ занимались исключительно измѣреніемъ земель, что на каждаго въ годъ придется 50—70 тысячъ десятинъ измѣренной пашни и перелоговъ. Попробуемъ а priori, подсчитать среднюю продуктивность одного мѣрщика при тѣхъ способахъ измѣренія, которыя практиковались писцами.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что почти всѣ измѣренія писцовъ сводились къ опредѣленію площадей четыреугольниковъ по четыремъ сторонамъ, т. е. къ измѣренію периметра фигуры. Работы современныхъ землемеровъ показываютъ, что 10 саженной цѣпью можно при благопріятныхъ условіяхъ измѣрить 12—15 верстъ длины въ день безъ веденія какихъ либо сложныхъ записей. Эти цифры мы и положимъ въ основаніе дальнѣйшихъ разсчетовъ, хотя для древняго писца, не быстраго въ вычисленіяхъ, они должны быть признаны слишкомъ большими. Съ какими же площадями приходилось имѣть дѣло писцу въ первые годы послѣ смуты?—Это были, несомнѣнно, небольшіе клочки пашни въ 5, 10, 15, рѣже въ 20, 30 четвертей. Возьмемъ среднюю величину такого отдѣльно измѣреннаго участка пашни въ 20 четвертей и разсчитаемъ периметръ равновеликаго ему квадрата. Этотъ периметръ будетъ приблизительно въ 2—2$^1/_4$ версты. Проходя съ веревкой въ день по 12 верстъ, подъячій могъ бы измѣрить 5—6 участковъ, по 20 четвертей каждый, или около 100—120 четвертей въ одномъ полѣ, а всего 150—180 десятинъ въ день

Полагая на одинъ день измѣренія пашенныхъ земель одинъ день измѣренія соотвѣтствующихъ угодій, получимъ, что въ день полевой работы подъячій могъ закончить такой районъ земельныхъ владѣній съ угодьями, въ которомъ пашни было около 75—100 десятинъ.

Этотъ сильно преувеличенный разсчетъ позволяетъ опредѣлить то время, въ теченіе котораго подъячій могъ намѣрить 50 тысячъ десятинъ: оно будетъ равно по крайней мѣрѣ 500 днямъ непрерывной полевой работы. Выключая изъ счета праздничные, дождливыя дни, дни разбирательства споровъ и продолжительныхъ разъѣздовъ по 2—3 десяткамъ уѣздовъ, мы можемъ безъ значительной погрѣшности принять, что втеченіе мѣсяца для работы въ полѣ подъячій располагалъ не болѣ какъ 15—18 днями.

Такимъ образомъ, дозоръ Троицкихъ вотчинъ съ измѣреніемъ земель могъ быть выполненъ не менѣе, какъ въ 30 мѣсяцевъ лѣтняго времени, т. е. въ 5—6 лѣтъ. Сопоставляя съ этимъ документальныя извѣстія, что каждая изъ 2 указанныхъ выше дозорныхъ партій работало по одному году, мы придемъ къ тому несомнѣнному заключенію, что дозоръ 10 годовъ былъ упрощенной формой описанія, прилагавшей вмѣстѣ съ пересмотромъ жилыхъ и пустыхъ дворовъ произвести учетъ земельныхъ владѣній самымъ приблизительнымъ, но быстрымъ способомъ. Такимъ способомъ былъ, конечно, опросъ населенія и сказки владѣльцевъ.

Предположеніе А. С. Лаппо-Данилевскаго, что „дозорщики, кажется, сами не мѣрили и не межевали земель, а довольствовались сказками землевладѣльцевъ“ можно считать соотвѣтствующимъ дѣйствительному положенію вещей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣлецъ не помнилъ количества своихъ земель, дозорщику ничего другого не оставалось, какъ занести въ дозорную книгу, что четвертная пашня не написана, „ибо онъ (владѣлецъ) того не упомпнаетъ“ [1]. Такую запись, слѣдовательно, нельзя разсматривать, какъ явное злоупотребленіе дозорщика: она является необходимымъ слѣдствіемъ той спѣшности, съ которой производился дозоръ, и тѣхъ требованій, которыя къ нему предъявлялись.

Дозоры 10 годовъ, производившіеся по случайнымъ поводамъ, не объединенные общимъ планомъ, единствомъ цѣлей и порядковъ исполненія, вызвали рѣзко отрицательное отношеніе къ своимъ исполнителямъ со стороны Земскихъ Соборовъ 1619 и 1620 года.

Соборъ 1619 года призналъ, что „дозорщики, которые послѣ Московскаго разоренія посыланы, по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по недружбѣ тяжело“, въ соотвѣтствіе съ чѣмъ Соборъ 1620 года, высказываясь по поводу дѣйствій особыхъ дозорщиковъ, посылаемыхъ по частнымъ просьбамъ, отмѣтилъ, что они, по приказанію владѣльцевъ, писали такъ, какъ „имъ (владѣльцамъ) годно“.

---

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій „Организація прямого обложенія“ стр. 190.

Соборъ 1919 года тѣмъ не менѣе не могъ отказаться отъ дозора, какъ наиболѣе подходящаго способа описанія раззоренныхъ мѣстностей, и постановилъ: въ тѣ города, которые „отъ литовскихъ людей и отъ черкасъ были въ разореніи“ послать „дозорщиковъ добрыхъ, приведчи къ крестному цѣлованію, давъ имъ полные наказы, чтобъ они писали и дозрили всѣ городы вправду безъ посуловъ“. Это былъ сплошной, и для многихъ городовъ повторный дозоръ, задачи котораго и средства исполненія объединялись „полнымъ наказомъ“, который, къ сожалѣнію, еще не найденъ. Онъ Упоминается въ указѣ 129 или 130 года о раздачѣ челобитчикамъ помѣстій, записанныхъ не въ Помѣстномъ Приказѣ, а въ дозорныхъ книгахъ по сдачамъ; раздача этихъ помѣстій мотивируется въ указѣ тѣмъ, что „у дозорщиковъ въ наказе не написано такихъ помѣстей росписывать“ [1]).

На Соборѣ же 1619 года была принципіально рѣшена посылка писцовъ во всѣ города, которые не были въ разореніи.

Въ согласіи съ этимъ черезъ годъ указано было послать большихъ писцовъ въ тѣ уѣзды, въ которыхъ находились дворцовыя и черныя волости, розданныя въ вотчину при боярахъ и при царяхъ Василіи Ивановичѣ Шуйскомъ и Михайлѣ Федоровичѣ Романовѣ.

То особое значеніе, которое правящія сферы придавали вопросу о посылкѣ большихъ писцовъ, сказалось въ томъ исключительномъ въ исторіи русскаго кадастра и межеванія фактѣ, что основныя начала писцоваго описанія служилыхъ земель были выработаны на Земскомъ Соборѣ 1620 года, приговоръ котораго отъ 12 марта вошелъ въ указную книгу Помѣстнаго Приказа [2]).

Сообразно обстоятельствамъ того времени все вниманіе соборнаго приговора обращено на регулированіе вопроса объ излишнихъ или примѣрныхъ земляхъ въ дачахъ, такъ что В. Н. Сторожевъ по праву назвалъ этотъ приговоръ „уложеніемъ о лишнихъ земляхъ“ [3]).

Несмотря, однако, на то, что Уложеніе 12 марта 1620 года, является соборнымъ приговоромъ, оно средактировано крайне небрежно, и если даетъ понятіе объ исходныхъ, руководящихъ точкахъ зрѣнія законодателя, то совершенно запутывается въ деталяхъ и казусахъ. Можно думать, что это уложеніе не было предварительно составлено

---

[1]) Указная книга Пом. Приказа, ред. В. Н. Сторожева, стр. 46. Срвн. постановленія валового наказа 130 года: „а межъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстей не росписывать безъ государевыхъ грамотъ“ (ст. 30), и „атамановъ и казаковъ помѣстья... по сдачамъ... ни за кѣмъ въ книги письма своего и мѣры не писати“ (ст. 68).

[2]) Указн. кн. Пом. Приказа, стр. 54—58.

[3]) Тамъ же, стр. 169.

и обдумано въ Помѣстномъ Приказѣ, а вырабатывалось какимъ то другимъ, не канцелярскимъ путемъ. Подтвержденіе сказанному можно найти въ томъ любопытномъ фактѣ, что два дьяка Помѣстнаго Приказа Николай Новокщеновъ и Герасимъ Мартемьяновъ, желая, вѣроятно, исправить неудачный, по ихъ мнѣнію, соборный приговоръ о лишнихъ земляхъ, записали его въ книгу „не такъ, какъ было въ приговоре на соборѣ о земляхъ напи-сано, и многіе статьи переправливали не дѣломъ". Въ 1623 году, однако, самовольная передѣлка дьяковъ была открыта, и уложеніе 1620 года возстановлено въ редакціи соборнаго приговора.

Этотъ приговоръ, дополненный и осложненный многочисленными заимствованіями изъ соотвѣтствующихъ указовъ по земельнымъ дѣламъ, послужилъ той основой, на которой выросъ валовой наказъ 1622 года.

Во многихъ дѣлахъ 17 и 18 вѣковъ, о которыхъ здѣсь упоминать было бы излишне, мы встрѣчали указанія на „старый" или „валовой" наказъ 130 года [1]), о томъ же говоритъ и извѣстіе объ указѣ 1622 года, которымъ велѣно было переписать населеніе и земли государства, приводимое Г. Успенскимъ въ „Опытѣ повѣствованія о древностяхъ Россійскихъ" [2]). Тѣмъ не менѣе, преобладающимъ въ нашей литературѣ мнѣніемъ было, что писцовый наказъ временъ Михаила Федоровича изданъ въ 136 году. Это мнѣніе основывается на извѣстной фразѣ вступленія къ писцовому наказу 1684 года: слушавъ выписки изъ наказу 136 году, блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великого Князя Михаила Ѳедоровича, всея Русіи Самодержца" [3]). Между тѣмъ Указная книга Помѣстнаго Приказа приводитъ цѣлую выдержку изъ писцоваго наказа, „каковы даны писцомъ въ 135 году" [4]). Это обстоятельство дало поводъ заподозрить дату, сообщаемую Полнымъ Собраніемъ Законовъ. Дѣйствительно, въ рукописи писцоваго наказа 192 года, хранящейся въ Вотчинномъ Отдѣленіи Архива Министерства Юстиціи, оказалось написано: „слушавъ выписки изъ наказу 130 году". Очевидно при напечатаніи II тома Полнаго Собранія Законовъ была сдѣлана ошибка, вводившая въ заблужденіе ученыхъ историковъ.

И такъ писцовый наказъ временъ Михаила Федоровича былъ изданъ въ 1622 году—вотъ то заключеніе, къ которому мы пришли

[1]) Онъ былъ хорошо извѣстенъ составителямъ межевой инструкціи 1754 года.

[2]) См. А. С. Лаппо-Данилевскій. „Организація прямого обложенія", стр. 192, прим. 2.

[3]) П. С. З. № 1074.

[4]) Указн. кн. Пом. Прик., стр. 98. Изъ того же наказа приведена на стр. 90 выдержка, сдѣланная на годъ позже, т. е. въ 136 году.

на основаніи косвенныхъ указаній историческихъ документовъ. Это заключеніе получило фактическую достовѣрность, когда послѣ цѣлаго ряда попытокъ намъ удалось отыскать въ Приказныхъ Дѣлахъ Вотчиннаго Архива и самый наказъ 130 года, въ спискѣ послѣдней четверти 17 столѣтія [1]).

Списокъ начинается слѣдующимъ введеніемъ:

Въ прошлыхъ годѣхъ со 130 году, по указу великого Государя Царя и великого Князя Михаила Өедоровича всеа Русіи и отца ево Государева великого Государя Святѣйшаго Патріарха Өиларета Никитича Московскаго и всея Русіи, посыланы изъ Помѣстнаго Приказу въ разные городы валовые писцы, а во 172 и 173 году, по указу великаго Государя Царя и великого Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца, посланы писцы въ Вязьму и на Веневу, и даны имъ наказы, а что писцомъ въ наказѣ писано і то писано ниже сего порознь, по статьямъ [2]).

Далѣе излагается содержаніе валового наказа въ видѣ сплошного ряда ничѣмъ неотдѣленныхъ другъ отъ друга постановленій. Въ интересахъ болѣ тщательнаго изученія, котораго заслуживаетъ этотъ интересный памятникъ, мы разбили его на статьи, всего числомъ 75. Въ дальнѣйшемъ ссылки на валовой наказъ 130 года будутъ дѣлаться не по листамъ рукописи, а по статьямъ нашего дѣленія.

Такъ какъ списокъ съ валового наказа предполагаетъ царствующимъ государемъ—Алексѣя Михайловича, то отсюда можно заключить, что переписчики имѣли предъ собой оригиналъ временъ Алексѣя Михайловича, быть можетъ тотъ наказъ, который данъ былъ вяземскимъ и веневскимъ писцамъ 172—173 годовъ. Но въ одной статьѣ, именно въ 64, царствующимъ Государямъ названъ уже Өеодоръ Алексѣевичъ, послѣ чего въ ст. 75 переписчики именуютъ царствующаго Государя по прежнему Алексѣемъ Михайловичемъ. Поэтому можно думать, что изготовленіе списка съ оригинала временъ Алексѣя Михайловича производилось уже въ царствованіе Феодора Алексѣевича, имя котораго по невольной ошибкѣ вставлено одинъ разъ въ списокъ. Вѣроятно, списокъ съ валового наказа былъ нуженъ правительству для разработки вопроса о предполагаемомъ валовомъ письмѣ всѣхъ земель государства. Обращаясь къ помѣщенному выше введенію, нельзя не удивиться тому сообщенію его, что валовой наказъ 130 года считался сборникомъ дѣйст-

---

[1]) Этотъ списокъ напечатанъ ниже, въ „Приложеніи".

[2]) Извѣстны писцовыя книги по Веневу 171—175 гг., и по Вязьмѣ 174 года. См. „Описаніе документовъ и бумагъ А. М. Ю." т. I, стр. 17, 37. О веневскихъ „новыхъ" писцахъ, посланныхъ въ 1663 (171) году, упоминаетъ указъ 17 августа 1681 года (П. С. З. № 889).

вующаго права на протяженіи 40—50 лѣтъ послѣ своего составленія. Можно было бы ожидать, что цѣлый рядъ указовъ царя Михаила Федоровича по земельнымъ дѣламъ и, наконецъ, Уложеніе 1649 года замѣтнымъ образомъ повліяютъ на содержаніе писцовыхъ наказовъ, даваемыхъ въ руководство писцамъ при производствѣ переписи населенія и земель. Тѣмъ неменѣе приходится констатировать тотъ фактъ, что валовой наказъ 130 года не подвергался никакой переработкѣ въ теченіе своего полувѣкового существованія. Для иллюстраціи этой мысли приведу слѣдующій примѣръ, хотя число ихъ, по желанію, можно было бы увеличить.

Въ докладѣ Помѣстнаго Приказа 19 марта 1630 года [1], читаемъ: „Въ государевѣ царевѣ и виликого князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи наказе, каковы даны писцомъ въ 135 году, написано: гдѣ будетъ въ помѣстныхъ земляхъ середняя земля, и наддавать писцомъ на середнюю землю середніе земли на сто четп по двадцать по пяти чети; а гдѣ будетъ земля худа и на худую землю худая жъ земля наддавать на сто чети по пятьдесятъ чети, и учинить имъ середняя и худая земля противъ добрые жъ земли [2]... А того въ государеве наказе у писцовъ не написано, кому дано изъ государевыхъ селъ и изъ черныхъ волостей въ помѣстья и въ вотчину „....и тѣ земли писцомъ одобрить ли или неодобрить“. Указомъ 19 марта 1630 года было велѣно такія земли одабривать изъ примѣрныхъ земель, а если лишковъ не окажется, то одабриванія непроизводить, потому что „одобрить не изъ чево, а изъ дачи земли не убавить“.

Это столь важное для писцового дѣла постановленіе въ валовомъ наказѣ не помѣщено; о немъ писцы узнали, вѣроятно, изъ отдѣльныхъ памятей Помѣстнаго Приказа.

Для правильнаго пониманія валового наказа, дошедшаго до насъ въ позднѣйшемъ спискѣ, нужно вообще имѣть въ виду, что ни одно изъ извѣстныхъ намъ постановленій, состоявшихся по вопросамъ служилаго землевладѣнія послѣ 130 года, не вошло въ составъ писцовыхъ инструкцій временъ Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича.

Судя по тому, что въ валовомъ наказѣ 130 года, помѣщено уложенье 27 августа 130 года о монастырскихъ вотчинахъ, можно заключить, что самый наказъ былъ составленъ въ августѣ мѣсяцѣ 130 года.

Единственное дополненіе къ нему, сдѣланное въ послѣдующіе годы можно видѣть въ приведенной ниже части ст. 71: а которые помѣщики и вотчинники учнутъ класти съ новыхъ дозорныхъ книгъ вы-

---

[1]) Указн. кн. Пом. Прик., стр. 98.

[2]) Это правило содержится въ ст. 11 валового наказа 130 года.

писи за дозорщиковыми печатми и за подьяческими руками, и тѣмъ выписямъ невѣрить, для того что дозорныя книги погорѣли“. Здѣсь содержится ясное указаніе на пожаръ 3 мая 134 года, во время котораго, какъ извѣстно, находившіеся въ Помѣстномъ Приказѣ писцовыя и дозорныя книги, составленныя послѣ 127 и 128 годовъ, сгорѣли. Это добавленіе внесено въ наказъ 130 года, вѣроятно, вскорѣ послѣ пожара. Въ слѣдующемъ 135 году писцы были посланы вновь для вторичнаго описанія уже описанныхъ ранѣе уѣздовъ и имъ были даны наказы съ приведеннымъ выше дополненіемъ. Нѣкоторыя постановленія этихъ наказовъ цитируетъ Указная книга Помѣстнаго Приказа [1]).

Переходя теперь къ изложенію содержанія валового наказа, отмѣтимъ еще разъ, что валовой наказъ временъ Михаила Федоровича, какъ это видно изъ введенія къ нему и отдѣльныхъ его постановленій:

---

[1]) Указн. кн. Пом. Прик., стр. 90, 98. Здѣсь умѣстно будетъ отмѣтить, что въ найденномъ нами спискѣ съ валового наказа есть, повидимому, нѣкоторые пропуски. Объ одномъ изъ нихъ можно судить по нижеслѣдующему. Въ 1674 году по поводу одного изъ частныхъ вопросовъ межеванія дикихъ полей, Помѣстный Приказъ составилъ докладъ, въ которомъ приводитъ интересную историческую справку: „а въ прошлыхъ во 135 и во 136 годахъ, какъ посланы изъ Помѣстнаго Приказу воловые писцы, и имъ въ наказѣхъ написано: въ которыхъ земляхъ учинится споръ, а старожиловъ на тѣ спорныя земли не будетъ, и развесть нечѣмъ, и тѣ спорныя земли указано разводить образнымъ хожденіемъ. Да и нынѣ въ Московскомъ уѣздѣ межевщикомъ въ наказѣхъ написано: спорныя земли велѣно межевать противъ прежнихъ наказовъ“ (П. С. З. № 580).

Такъ какъ въ нашемъ спискѣ съ валового наказа правила о разводѣ спорныхъ земель образнымъ хожденіемъ не имѣется, то возможно предположить, что это правило въ немъ пропущено по недосмотру переписчиковъ.

Но странно, что текстъ ст. 54 валового наказа, говорящей о размежеваніи спорныхъ земель, настолько послѣдователенъ и связенъ, что правило объ образномъ хожденіи вставить въ него весьма трудно. Далѣе, совершенно непонятно, почему составители доклада 1674 года не сослались на Соборное Уложеніе 1649 года, гдѣ процессъ образнаго хожденія указанъ съ наибольшей обстоятельностью (ст. 237 гл. X и ст. 52 гл. XVII). Не имѣемъ ли мы дѣло съ нѣкоторой неточностью въ докладѣ Помѣстнаго Приказа? Быть можетъ, общеизвѣстный фактъ примѣненія валовыми писцами образнаго хожденія при межеваніи спорныхъ земель, составители доклада, безъ надлежащихъ справокъ, объяснили прямыми требованіями валового наказа; эта ссылка на старые наказы должна была имѣть особое значеніе еще и потому, что самая давность валового наказа не могла не импонировать Боярской Думѣ, которой Помѣстный Приказъ пытался подсказать необходимость примѣненія образнаго хожденія и при межеваніи дикихъ полей. Но эта попытка, какъ видно изъ указа 7 іюля 1674 года, потерпѣла крушеніе. Въ томъ же докладѣ весьма важно для насъ указаніе, что межевщикамъ Московскаго уѣзда велѣно было межевать противъ прежнихъ наказовъ, т. е. что валовой наказъ 1622 года служилъ руководствомъ межевщикамъ еще въ 70 годахъ 17 столѣтія.

1) составленъ въ концѣ 1622 года,

2) дополненъ послѣ пожара 1626 года незначительнымъ постановленіемъ о дозорныхъ выписяхъ, и

3) служилъ руководствомъ при производствѣ писцовыхъ описаній по крайней мѣрѣ до 70 годовъ 17 столѣтія.

ГЛАВА II.

Перепись населенія и измѣреніе земель по валовому наказу.

Наказъ 130 года имѣетъ въ виду валовое описаніе всѣхъ земель того уѣзда, въ который посланъ писецъ: помѣстныхъ, вотчинныхъ, патріаршихъ, митрополичьихъ, владычныхъ, монастырскихъ, церковныхъ, оброчныхъ и бортныхъ. Только дворцовыя земли исключались изъ вѣдѣнія валовыхъ писцовъ царствованія Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича.

Указывая на тѣ виды поземельныхъ владѣній, которые должны быть переписаны, валовой наказъ приводитъ вмѣстѣ съ тѣмъ подробный перечень разныхъ разрядовъ землевладѣльцевъ.

Въ ст. 1 упомянуты: бояре, окольничіе, думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне, иноземцы, всякіе приказные люди, дѣти боярскіе и, наконецъ, вдовы и недоросли, какъ владѣльцы прожиточныхъ помѣстій. Этотъ перечень можетъ показаться излишнимъ, послѣ категорическихъ и вполнѣ опредѣленныхъ выраженій въ началѣ 1 статьи наказа, гдѣ предписывается переписать въ уѣздныхъ станахъ и волостяхъ помѣстныя, вотчинныя, монастырскія и *всякія* земли. Есть все-таки основанія думать, что такой перечень былъ необходимъ, и что всякіе пропуски въ немъ могли бы тормозящимъ образомъ повліять на ходъ писцовыхъ работъ. С. В. Рождественскій приводитъ слѣдующую рубрику изъ писцовыхъ книгъ 16 вѣка, краснорѣчиво говорящую о томъ недоумѣніи, которое вызывала у писцовъ неполнота наказа: „помѣстья за вдовами и за недоросльми неверстанными, за женами и за дѣтьми дѣтей боярскихъ старыхъ жильцовъ, а въ государевомъ наказѣ и въ окладномъ спискѣ съ дѣтьми боярскими старыми жильцы обо вдовахъ и объ недоросляхъ указъ имянно не написанъ, и тѣхъ казанскія помѣстья писаны и мѣряны за ними, а у нихъ не взяты и въ роздачу не помѣчены до Государева указу“ [1]). Очевидно, составители наказа 130 года считались съ тѣми сомнѣніями, которые возникали при писцовыхъ работахъ въ XVI вѣкѣ и постарались избѣжать тѣхъ пропусковъ, которые, по склонности древнерусскихъ людей къ формальномъ

---

[1]) С. В. Рождественскій. Служилое землевладѣніе, стр. 368.

толкованію писанаго права, могли вызвать нѣкоторое замедленіе въ описаніи уѣзда. Этимъ отчасти объясняются многочисленныя перечни и повторенія въ наказѣ 130 года иногда совсѣмъ незначительныхъ подробностей; иной разъ онѣ покажутся намъ даже мелочными, но нужно помнить, что именно въ мелочахъ склоненъ былъ запутываться писецъ 16 и 17 вѣковъ, не привыкшій, подъ опекою подробныхъ инструкцій, къ самостоятельному юридическому мышленію.

Въ виду разнообразныхъ операцій, изъ которыхъ складывалось описаніе уѣзда, остановимся прежде на переписи населенія.

По валовому наказу 130 года писцы должны были производить точную регистрацію сельскаго населенія съ показаніемъ въ писцовыхъ книгахъ числа дворовъ даннаго селенія и живущихъ въ каждомъ дворѣ людей „поимянно". Находящіеся въ деревняхъ, селахъ и починкахъ пустые дворы также подлежали описанію, при чемъ въ книги заносилось не только общее ихъ число, но давность и причины запустѣнія каждаго[1]. — Вотъ и всѣ требованія наказа, относящіяся къ переписи населенія. Такимъ образомъ задачи валовыхъ писцовъ первой половины 17 вѣка по учету населенія были не сложны. Это была, въ точномъ смыслѣ этого слова регистрація живущихъ и пустыхъ дворовъ. Принимать какія либо мѣры къ возвращенію бѣглыхъ крестьянъ писцу частновладѣльческихъ земель было бы излишне, потому что все необходимое и съ большимъ усердіемъ могли предпринять сами помѣщики и вотчинники. При томъ для государственныхъ интересовъ реставрированіе опустѣвшихъ деревень было совершенно безцѣльно, потому что нахожденіе крестьянина въ тѣхъ или другихъ помѣстьяхъ не имѣло никакого значенія при учетѣ податныхъ и военныхъ силъ государства. Первымъ заинтересованнымъ лицомъ здѣсь былъ землевладѣлецъ; поэтому, не отказываясь отъ содѣйствія частнымъ лицамъ въ сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, правительство могло не обременять писцовъ дѣлами о возвращеніи бѣглыхъ или сошедшихъ крестьянъ на ихъ старыя мѣста.

Другое положеніе должно было занять государство по отношенію къ тяглой общинѣ черныхъ волостей и посадовъ. Уходъ тяглеца изъ общины влекъ за собой автоматическое повышеніе и усиленіе налоговой тяжелости для оставшихся на мѣстахъ плательщиковъ податей. Такое увеличеніе тягла дѣйствовало на общину дезорганизующимъ и распыляющимъ образомъ: возрастало число уходящихъ тяглецовъ, забрасывались земли и прекращалась уплата податей. Если интересы общины при производствѣ писцоваго описанія могли найти себѣ нѣкото-

---

[1]) Ст. 1 наказа.

рое удовлетвореніе въ правильномъ и добросовѣстномъ учетѣ податныхъ ея силъ, то интересы государства терпѣли сильный и непоправимый ущербъ отъ прогрессивнаго сокращенія тяглаго населенія и культурныхъ земель. Особенно не желателенъ былъ, съ точки зрѣнія финансовыхъ разсчетовъ правительства, уходъ черныхъ тяглецовъ на земли нетяглыхъ людей: это было явное уклоненіе отъ тягла, недопустимая поруха государевой казнѣ.

Поэтому перепись уѣздовъ на Сѣверѣ служила не только для регистраціи населенія по мѣстамъ, но и для привлеченія къ тяглу покинувшихъ свои общины плательщиковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ обязанности писца здѣсь были шире и сложнѣе [1]). Регистрація тяглаго населенія посадовъ и сѣверныхъ уѣздовъ заключалась въ переписи всѣхъ людей поимянно, „съ отцы и съ прозвищи", а также ихъ дѣтей, братьевъ, племянниковъ, сосѣдей и подсосѣдниковъ. Тѣхъ посадскихъ людей, которые торгуютъ и промышляютъ „собою, опричь своихъ отцовъ, дядей и братьевъ", писецъ долженъ былъ привлекать къ тяглу, чтобы „никаковъ торговый и промышленный и рукодѣльный человѣкъ въ государевыхъ податѣхъ въ избылыхъ не былъ" [2]). Тѣмъ самостоятельнымъ хозяевамъ, которые жили на посадѣ въ чужихъ дворахъ, укрываясь отъ податей, писецъ, одновременно съ наложеніемъ тягла, долженъ былъ отвести дворы [3]) „изъ тяглыхъ и изъ черныхъ и изъ порожихъ мѣстъ, которые люди померли, а послѣ ихъ женъ и дѣтей не осталось" т. е. изъ выморочныхъ дворовыхъ мѣстъ. Подобно отводу дворовъ на посадѣ, на волостныхъ крестьянъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ накладывалась пашня [4]).

Особенное вниманіе сѣвернаго писца обращено на лицъ, живущихъ за монастырями и церквами. Если по сыску окажется, говоритъ тотемскій наказъ, что „тѣ люди прежъ сего бывали тяглые государевы посадскіе и волостные черныхъ деревень, а не старинные монастырскіе и церковные, а изъ за Государя будетъ вышли за монастыри и за

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дальнѣйшаго изложенія мы будемъ приводить параллельно статьямъ валового наказа 130 года постановленія наказа писцамъ Тотемскаго уѣзда 153 года. Наказы, аналогичные тотемскому, были даны въ томъ же году писцамъ Устюга-Великаго, Соли-Вычегодской, и Устьянскихъ волостей. Тотемскій наказъ см. въ Моск. Гл. Арх. М. И. Д. Прик. Дѣл. Ст. лѣтъ 7154/1646 № 130; онъ былъ извѣстенъ П. Н. Милюкову (см. Госуд. Хозяйство").

[2]) Тотемскій наказъ лл. 14, 9, 10.

[3]) Нѣсколько интересныхъ примѣровъ о дѣйствіяхъ писца при отводѣ дворовъ см. у А. С. Лаппо-Данилевскаго: Организація прямого обложенія, стр. 30.

[4]) Тот. наказъ лл. 10, 16.

церкви послѣ писцовъ, и писцомъ да подьячему тѣхъ людей изъ за церкви вывести по прежнему за Государя на старые ихъ жеребьи, гдѣ кто жилъ напередъ сего—посадскихъ людей на посады, а волостныхъ людей въ волости, и тѣмъ всѣмъ людемъ велѣть жить въ тяглѣ по прежнему на старыхъ жеребьяхъ, а въ житьѣ и въ тяглѣ и во всякихъ податѣхъ по тѣхъ людехъ имать поручныя крѣпкія записи [1]). Виновные въ держаніи на своихъ земляхъ волостныхъ крестьянъ и посадскихъ людей подвергались взысканію пени и недоимки за соотвѣтствующіе пустые дворы и жеребья. Возвращенію на старыя мѣста, по тотемскому наказу, подлежали всѣ черные крестьяне сошедшіе до 1609 или послѣ 1611 годовъ. Только уходъ съ своихъ жеребьевъ втеченіе 2 наиболѣе тяжелыхъ во всей исторіи смуты лѣтъ (117—119 гг., или съ 1609 по 1611) не влекъ за собою принудительнаго возвращенія на старое мѣсто [2]).

По отношенію къ посадскихъ людямъ тотемскій наказъ 153 года ограничивается установленіемъ болѣе мягкихъ правилъ, опредѣливъ возвращать назадъ только тѣхъ изъ нихъ, которые сошли послѣ писцовъ 131—133 гг., т. е. послѣ 1623—1625 годовъ [3]).

Дѣятельность сѣверныхъ писцовъ по возвращенію тяглыхъ людей на старыя мѣста не ограничивалась однимъ уѣздомъ. Тотемскіе писцы по наказу 153 года должны были посылать особыя памяти воеводамъ въ Устюгъ и Сальвичегодскъ, если по сыску возможно было предположить, что бѣглецы скрываются въ названныхъ городахъ и уѣздахъ. На основаніи этихъ памятей, воеводы разыскивали указанныхъ писцами лицъ и высылали ихъ на Тотьму [4]).

Возвращеніе бѣглыхъ посадскихъ людей и волостныхъ крестьянъ было только однимъ изъ способовъ оживить пустующіе жеребьи; вмѣстѣ съ нимъ практиковался и другой—„называніе новыхъ жильцовъ: „а на которыхъ жеребьяхъ жильцовъ не будетъ и на тѣ достальные пустые жеребьи называть жильцовъ со стороны—охочихъ людей: отъ отцовъ дѣтей и отъ братіи братью, и отъ дядь племянниковъ, и подсосѣдниковъ и захребетниковъ непашенныхъ и не тяглыхъ и крѣпостныхъ людей". Сажаніе новыхъ жильцовъ на участки сопровождалось обычно (наказъ тотемскимъ писцамъ говоритъ объ томъ, какъ объ общемъ правилѣ) дачею податныхъ льготъ „для дворовыя ставки и для земляныя роспашки" на нѣсколько лѣтъ, не болѣе, впрочемъ 10, смотря

---

[1]) Тамъ же, л. 8.

[2]) Тотем. наказъ, л. 19.

[3]) Общій ходъ прикрѣпленія посадскихъ тяглецовъ см. А. С. Лаппо-Данилевскаго: Организація прямого обложенія, стр. 138.

[4]) Тотем. наказъ л. 22.

„по землѣ и по угодью и по людемъ, и смотря по ихъ животомъ и по промысломъ, какъ имъ мочно на тѣхъ пустыхъ жеребьяхъ поселитца, и въ живущіе выти тое землю положить, примѣриваясь къ прежнимъ къ тяглымъ вытямъ, и смотря по пашнѣ и по угодьямъ“ [1]).

Приведенныя выше выдержки изъ тотемскаго наказа, рисуютъ какъ видно, чрезвычайно сложный и широкій кругъ полномочій сѣвернаго писца по отношенію къ регистраціи населенія. Валовые писцы Помѣстнаго Приказа, даже со времени изданія указовъ о живущей четверти, преслѣдовали болѣе скромныя задачи и цѣли. Аналогію между компетенціей валового писца и письца сѣверныхъ уѣздовъ возможно провести лишь въ предѣлахъ ихъ обязанностей по описанію уѣздныхъ и посадскихъ земель [2]). По отношенію же къ переписи сельскаго населенія ихъ роли глубоко различны: пассивная роль валового писца-наблюдателя смѣняется на сѣверѣ творческой ролью писца-организатора тяглыхъ общинъ.

Переходя къ переписи поземельныхъ владѣній по наказу 130 года, отмѣтимъ прежде всего, что онъ возлагаетъ на писцовъ трудную техническую задачу—непремѣннаго измѣренія пашни, перелоговъ, сѣнокосовъ, лѣсовъ и другихъ угодій, составляющихъ данное владѣніе. Рекомендуемые наказомъ способы измѣренія едва ли чѣмъ либо существеннымъ отличаются отъ тѣхъ пріемовъ, которыя выработались на Руси уже въ XVI вѣкѣ. Пашню пахану ю, перелоги и пашенныя поросли наказъ предписываетъ измѣрять только въ одномъ полѣ. Единицей измѣренія служитъ при этомъ десятина съ длинникомъ на 80 саж., а поперечникомъ на 30. Въ двухъ другихъ поляхъ пространство должно было опредѣляться писцами по собственной смѣтѣ и по сказкамъ поповъ, дьяконовъ, старостъ, „лутчихъ“ людей и крестьянъ. Такъ какъ точное количество десятинъ въ одномъ полѣ предполагалось извѣстнымъ изъ непосредственныхъ измѣреній, то сказки мѣстнаго населенія не могли ввести писцовъ въ серьезное заблужденіе относительно размѣровъ опредѣляемыхъ площадей. Такимъ образомъ, „смѣчая гораздо накрѣпко“ землю въ 2-хъ поляхъ писцы имѣли достаточное количество матеріала для правильнаго сужденія объ общемъ пространствѣ пашенъ, перелоговъ и зарослей въ данномъ имѣніи.

Этимъ матеріаломъ служили, какъ мы видѣли выше, свѣдѣнія

---

[1]) Тотем. наказъ, л. 19—20.

[2]) Объ описаніи посадовъ валовыми писцами наказъ 130 года совсѣмъ умалчиваетъ, хотя изъ письма 20 годовъ можно привести примѣры, когда посадъ и уѣздныя земли описывались одной и той же партіей; вѣроятно, для описанія самого города, его посада и острога писцамъ давались особые наказы.

трехъ различныхъ категорій: 1) точное количество земли въ одномъ полѣ, 2) количество земли въ каждомъ изъ двухъ другихъ полей по показаніямъ мѣстныхъ людей, 3) собственное впечатлѣніе писца и глазомѣръ. Полученныя всѣми указанными способами площади трехъ полей могли получиться не совсѣмъ сходными уже по одному тому, что для веденія трехпольнаго хозяйства требуется лишь приблизительное равенство отдѣльныхъ полей. Такъ какъ по обычной формулѣ того времени землю слѣдовало писать „въ полѣ столько то четвертей, а въ дву потому-жъ“, то писцы, согласно постановленіямъ наказа, должны были вносить въ книги среднюю величину поля, „чтобъ однолично во всѣхъ 3 поляхъ пашня и перелогъ и лѣсомъ поросло по пашнѣ въ книги равно написать“ [1]). Это требованіе было вполнѣ цѣлесообразно. Во-первыхъ, оно соотвѣтствовало привычкамъ населенія и, во-вторыхъ, согласовалось съ тѣмъ поземельнымъ счетомъ, который былъ принятъ въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка и въ необозримой массѣ помѣстно-вотчинныхъ документовъ, находившихся на рукахъ у землевладѣльцевъ и въ канцеляріяхъ многочисленныхъ учрежденій.

По поводу изложенныхъ техническихъ правилъ нельзя все-таки не сдѣлать одной оговорки. Поземельный счетъ на три поля предполагаетъ установившійся сѣвооборотъ и опредѣлившееся пространство посѣвной площади. По отношенію къ сельскому хозяйству Московской Руси въ первой четверти 17 вѣка это было далеко не такъ. Быстрый подъемъ производительныхъ силъ населенія, имѣвшій мѣсто въ указанное время, предполагаетъ быстрое расширеніе запашекъ. Въ такомъ случаѣ, можно думать, что приводимыя писцами данныя о количествѣ пашни къ моменту своего появленія въ канцеляріи Помѣстнаго Приказа являлись уже устарѣлыми. Это тѣмъ болѣе такъ, что о предполагаемомъ увеличеніи своихъ пашенъ населеніе ничего не сообщало писцу, и онъ долженъ былъ считаться только съ тѣмъ, что было уже распахано. Но такъ какъ измѣреніе одного поля производилось обычно по паринѣ, чтобы „хлѣбу толоки не было“, то силою вещей писецъ получалъ точную площадь только того пространства пашни, которое было разработано не менѣе какъ за 3 года до описанія. Поэтому весьма вѣроятно, что въ данныхъ писцовыхъ книгъ 20 и 30 годовъ 17 столѣтія мы имѣемъ дѣло съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ пространства пашенныхъ земель и съ такимъ же увеличеніемъ площади перелоговъ и лѣсныхъ порослей.

Искаженіе дѣйствительности, но уже въ обратномъ направленіи, имѣло мѣсто для тѣхъ районовъ и хозяйствъ, въ которыхъ трехполье

---

[1]) Ст. 2 наказа.

только зарождалось изъ переложной системы земледѣлія. Можно впрочемъ думать, что практика того времени стремилась обходить подобныя затрудненія, не нарушая основныхъ требованій и задачъ писцоваго описанія. Такъ какъ его главнѣйшей цѣлью было выясненіе площади культурныхъ земель, подлежащихъ обложенію, то финансовые интересы казны соблюдались въ достаточной мѣрѣ внесеніемъ въ писцовую книгу средняго изъ площадей ярового и озимаго полей, состоящихъ при данномъ переложномъ хозяйствѣ. Но сопровождая это среднее добавленіемъ „а въ дву потому-жъ", писецъ замѣтнымъ образомъ подкрашивалъ дѣйствительность, именно: площадь культурныхъ земель по писцовой книгѣ получалась на 50% выше дѣйствительной, при соотвѣтсвующемъ уменьшеніи перелоговъ и зарослей. Если для практическихъ цѣлей администраціи 17 вѣка это обстоятельство не имѣло большого значенія, то, при пользованіи писцовыми книгами, какъ историческимъ документомъ, оно заслуживаетъ особаго вниманія.

Измѣряя пашню и перелогъ въ десятины, какъ долженъ былъ писецъ записывать результаты своихъ измѣреній—въ десятинахъ или четвертяхъ? Изъ ст. 2 наказа слѣдовало бы заключить, что требовалось не только измѣрять, но и описывать площади пахатныхъ земель десятинами. Но категорическаго предписанія по этому поводу въ наказѣ не имѣется; статья 2 его посвящена нѣсколько другому вопросу и, поэтому, изъ отдѣльныхъ обмолвокъ, путемъ обычныхъ пріемовъ толкованія, не слѣдуетъ выводить такія положенія, которыя составителями наказа въ виду не имѣлись. Быть можетъ, отвѣчать на поставленный вопросъ и не представлялось необходимымъ: отвѣтъ подразумѣвался самъ собой—„въ четвертяхъ", какъ дѣлалось отцами и дѣдами и какъ значится во всѣхъ поземельныхъ документахъ. Намъ здѣсь хотѣлось бы отмѣтить, что выраженіе „мѣрить въ десятины" не значитъ писать размѣры поземельныхъ владѣній десятинами, съ явнымъ нарушеніемъ традиціоннаго счета четвертями и копнами. Это тѣмъ болѣе такъ, что въ самомъ валовомъ наказѣ предполагается четвертной счетъ для живущей пашни, для сошныхъ окладовъ и пр. [1]).

Остается теперь выяснить въ какой степени соблюдались писцами прямыя предписанія наказа о непремѣнномъ измѣреніи площади одного поля. Въ настоящее время мнѣніе П. Н. Миклашевскаго, что писцамъ „писать приходилось очень много, меньше межевать, а еще меньше мѣрить", можно считать окончательно поколебленнымъ. Предполагать, что писцы вносили въ свои книги цифровыя данныя, пользуясь исклю-

[1]) Слѣдуетъ замѣтить, что во избѣжаніе всякихъ неясностей въ наказахъ, даваемыхъ отдѣльщикамъ и отказчикамъ, часто употреблялось выраженіе „измѣрить въ десятины и положить въ четверти".

чительно имѣющимися у нихъ подъ руками документами безъ соотвѣтствующихъ измѣреній на мѣстѣ—невозможно. Ю. В. Готье, изучившій громадное количество писцовыхъ книгъ, замѣчаетъ, что „извѣстія о примѣрной землѣ, находящейся налицо сверхъ предыдущаго описанія даннаго селенія или пустоши—явленіе съ поразительной аккуратностью встрѣчающееся... во всѣхъ книгахъ [1]). По отдѣльнымъ станамъ площадь примѣрной земли доходитъ до очень внушительныхъ размѣровъ. Напр., въ Московскомъ уѣздѣ въ Монатьинѣ, Быковѣ, Коровинѣ, Боховѣ и Горетовѣ станѣхъ на 40 тыс. четвертей, бывшихъ въ 1587 году, писцы 1628 года показали 17 тысячъ прибылой земли, что составляетъ 42% всей площади прежняго описанія. По отдѣльнымъ станамъ количество прибыли достигаетъ даже 76%. Анализируя эти данныя, Ю. В. Готье говоритъ: „предположить, что писцы этой эпохи пропускали такъ много земель, что ими было обойдено свыше 40% всей площади земли, трудно; нельзя допустить ни такой ошибки, ни такой недобросовѣстности. Остается предположить, что подлежавшая описанію площадь помѣстныхъ, вотчинныхъ и порожнихъ земель увеличивалась путемъ присоединенія или примѣрки новыхъ земель“, т. е. въ результатѣ непосредственнаго измѣренія описываемыхъ владѣній.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напр. при описаніи пустошей, есть вѣскія основанія думать, что площади ихъ опредѣлялись писцами на глазъ [2]). Въ этомъ, какъ намъ думается, нѣтъ никакого правонарушенія. Валовой наказъ 130 года требуетъ непремѣннаго измѣренія пашенъ, перелоговъ и пашенныхъ зарослей. Площади такихъ земель были почти всегда доступны для измѣренія при помощи нехитрыхъ пріемовъ писцовой геометріи. Но даже по отношенію къ такимъ доступнымъ и открытымъ пространствамъ валовой наказъ требуетъ измѣренія не всей ихъ территоріи, а только третьей ея части. Измѣреніе всей площади полевыхъ земель долго не могло привиться въ земельной практикѣ Московской Руси, главнымъ образомъ, потому, что увеличило бы и продолжительность, и стоимость дорогихъ писцовыхъ работъ раза въ 2—3. Встрѣчаясь при описаніи земель съ пустошью, къ которой требованіе объ измѣреніи $1/3$ части территоріи было неприложимо, писецъ опредѣлялъ размѣры ея на глазъ и по сказкамъ жителей. Это было цѣлесообразно потому, что измѣрить площадь всей пустоши, часто неразработанной, заросшей густымъ лѣсомъ было бы крайне затруднительно, мало точно и даже невыполнимо. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ

---

[1]) Замосковный край, стр. 89.

[2]) Ю. В. Готье. Замосковный край. стр. 90.

писцы, не скрывая, излагаютъ причины несоблюденія правилъ валового наказа. Такъ, въ Зубцовскомъ уѣздѣ въ 1628—9 г. писцы оставили неописанными 268 пустошей. потому что „мѣрити ихъ и смѣтити не мочно, заросли большимъ лѣсомъ отъ литовскаго разоренья“ [1]).

Писцы тѣмъ болѣе были правы въ этомъ случаѣ, что валовой наказъ самъ дѣлаетъ важное исключеніе изъ общаго правила измѣренія полевыхъ земель. Земли даннаго селенія или деревни можно было опредѣлить, измѣряя одно поле, и смѣчая и выпрашивая пространство двухъ другихъ. Но когда приходилось устанавливать дѣйствительное количество пашни у каждаго изъ помѣщиковъ, владѣющихъ общимъ или чрезполоснымъ селеніемъ, то дѣло осложнялось разнообразіемъ и непропорціональностью иополосныхъ участковъ. При полномъ согласіи всѣхъ владѣльцевъ и при отсутствіи примѣрныхъ земель, писецъ могъ записать въ книгу то, что принадлежитъ каждому по правамъ. Наличность споровъ и отписка земель логически приводили къ массовому перемѣщенію и переверсткѣ полосъ во всѣхъ трехъ поляхъ. Такъ какъ производство подобныхъ работъ грозило сплошнымъ вытаптываніемъ зрѣющихъ хлѣбовъ, то валовой наказъ разрѣшаетъ въ этомъ случаѣ отступать отъ обычныхъ пріемовъ описанія: „а въ которыхъ будетъ поляхъ сѣянъ хлѣбъ и для того хлѣба мѣрить которыхъ будетъ поль нельзя, и въ тѣхъ поляхъ писцомъ самимъ пашня смѣчать, и выпрашивая накрѣпко и писать въ книги подлинно—чье помѣстье и вотчина и въ которомъ полѣ, и сколько у котораго помѣщика и вотчинника четвертния пашни и угодья будетъ“ [2]). Самую же переверстку писцы предоставляли владѣльцамъ, которые должны были произвести ее, „какъ хлѣбъ съ поль сойдетъ“ [3]).

Такимъ образомъ, наиболѣе частыя нарушенія правилъ объ измѣреніи земель при писцовыхъ работахъ вызывались или недоступностью подлежащихъ опредѣленію площадей, или заботами о сохраненіи вызрѣвающихъ хлѣбовъ.

Но если даже цифровыя данныя писцовыхъ книгъ получались при помощи измѣреній въ натурѣ, то въ виду общеизвѣстныхъ заблужденій русской геометріи 16-го и 17-го вѣковъ, можно ли довѣрять показаніямъ писцовыхъ книгъ? Въ исторической литературѣ замѣчается тен-

---

[1]) Ю. В. Готье. Замосковный край, стр. 212, 379.

[2]) Ст. 19-я вал. наказа.

[3]) Ст. 20-я вал. наказа. Въ 1626 году писцы города Валуекъ отвели 993 четверти двумъ группамъ служилыхъ людей: пѣшимъ стрѣльцамъ (72 чел.) и затинщикамъ (50 чел.), и велѣли имъ дѣлить землю „самимъ межъ себя, какъ хлѣбъ съ поля сойдетъ“. Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта стр. 88,91.

денція къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Не ставя задачей настоящаго очерка подробное изслѣдованіе затронутой темы, я долженъ только въ краткихъ чертахъ обосновать нѣсколько иной взглядъ на результаты писцовыхъ измѣреній.

Писцовая геометрія грѣшила противъ истины, главнымъ образомъ, при вычисленіи площадей косыхъ треугольниковъ и четыреугольниковъ. По формуламъ древней геометріи площади этихъ фигуръ получались болѣе дѣйствительныхъ. Но нужно помнить, что главный массивъ полевыхъ земель составляютъ не углы и мысы, а довольно правильные прямоугольники и близкіе къ нимъ трапеціи. Площади подобныхъ фигуръ измѣрялись писцами съ высокою степенью точности, и, только суммируя участки, полученные вѣрно, съ ошибочными, писецъ вносилъ нѣкоторую погрѣшность въ общій итогъ. Велика ли была эта ошибка? Думаемъ, что нѣтъ, на основаніи хотя бы слѣдующаго, взятаго произвольно примѣра. Положимъ, что вѣрно вычисленная площадь полевой земли равна 100 десят., а заполоски, углы и мысы составляютъ 20 десятинъ. При опредѣленіи этой послѣдней площади писецъ могъ ошибиться едва ли болѣе чемъ на 5 десятинъ: большая погрѣшность не только была бы обнаружена мѣстными земледѣльцами, но и замѣтна для сколько-нибудь опытнаго взгляда. Итакъ, вмѣсто площади въ 120 десятинъ писецъ могъ бы насчитать или 115 десятинъ, или 125, т.-е. сдѣлалъ бы ошибку въ 4—5% по отношенію къ общей площади опредѣляемаго пространства. Такія погрѣшности, по нашему мнѣнію, не умаляютъ научной цѣнности писцовыхъ книгъ, и ни въ какой степени не колеблютъ того крупнаго практическаго значенія, которое имѣли въ свое время московскіе поземельные кадастры.

Послѣ измѣренія полевыхъ земель писецъ приступалъ къ измѣренію лѣсовъ и сѣнокосныхъ угодій.

Древнерусская терминологія лѣсныхъ угодій чрезвычайно разнообразна. Въ писцовыхъ книгахъ наиболѣе употребительны слѣдующія названія лѣсовъ: 1) лѣсъ большой, 2) лѣсъ черный, 3) лѣсъ присады, 4) лѣсъ присады большой, 5) лѣсъ пашенный, 6) непашенный, 7) усадный, 8) поверстный, 9) запольный, 10) межъ-поль, 11) мелкой, 12) лѣсъ—болото, 13) лѣсъ въ колъ и въ жердь, 14) въ бревно и въ бревешко, 15) лѣсъ въ оглоблю, 16) хоромный, 17) лѣсъ—дуброва, 18) лѣсъ—роща, 19) лѣсъ пороснягъ, 20) лѣсъ прутнякъ, 21) боръ, 22) лѣсъ по болоту, 23) лѣсъ черный пашенный, 24) лѣсъ красный, 25) бортный, 26) лѣсъ пашенный—поросникъ, 27) лѣсъ дровяной, 28) лѣсъ—раменье, 29) лѣсъ—мшарина, 30) лѣсъ дубнякъ, березнякъ, лѣсъ черный—дрянь и т. д. [1]). Этотъ рядъ терминовъ, отнюдь не претендующій на зна-

---

[1]) Ср. Ю. В. Готье. Замосковный край, стр. 152—153.

ченіе исчерпывающаго, краснорѣчиво говоритъ о томъ, что писцы и население Московской Руси потратили не мало творческой изобрѣтательности въ попыткахъ точно охарактеризировать лѣсное угодье. Потребность въ этомъ сложилась еще на зарѣ писцовыхъ описаній, когда принципы измѣренія площадей, граничныхъ линій и пр. еще не имѣли широкаго распространенія. Да и тѣ способы измѣренія лѣсныхъ пространствъ, которые практиковались въ XVI и XVII вѣкахъ, давали очень немного надежныхъ признаковъ для отчетливой характеристики и вѣрнаго учета лѣсныхъ угодій и отнюдь не исключали примѣненія образной народной терминологіи.

Валовой наказъ 130 года различаетъ нѣсколько разновидностей лѣсного угодья: 1) лѣсъ пашенный, 2) непашенный, 3) большой, 4) бортный, 5) черный и 6) поверстный. Съ точки зрѣнія составителей наказа важно было знать количество пашенныхъ и непашенныхъ лѣсовъ,. какъ главнѣйшихъ категорій лѣсного угодья.

Въ каждой изъ этихъ категорій проводилось дальнѣйшее различіе между большими или поверстными лѣсами, и лѣсами малыми или десятинными. Площади лѣсныхъ участковъ должны были измѣряться въ десятины, и только тамъ, „гдѣ будетъ лѣса большіе, а мѣрить ихъ въ десятины будетъ нельзя"—дозволялось, не прибѣгая къ непосредственному измѣренію, писать лѣса, „смѣчая и выпрашивая и сыскивая накрѣпко сколько гдѣ верстъ и десятинъ" [1]). Выражать въ десятинахъ большія пространства лѣсовъ было, конечно, невозможно: обозначеніе сотни квадратныхъ верстъ лѣсного угодья нуждалось бы въ употребленіи слишкомъ громоздкихъ и неудобочитаемыхъ знаковъ. Да, кромѣ того, десятинный счетъ большихъ пространствъ былъ бы нераціоналенъ и по той весьма грубой точности, съ которой опредѣлялись площади лѣсныхъ угодій.

Смѣчая длинники и поперечники лѣсовъ на глазъ, не усчитывая сотенъ и даже тысячъ десятинъ, писцы должны были бы взять другую, болѣе крупную единицу измѣренія. Но въ распоряженіи дѣятелей 16 и 17 вѣковъ другихъ плоскостныхъ мѣръ, кромѣ сажени, (дробной) четверти и десятины не было. Поэтому при встрѣчѣ съ крупными участками лѣса, приходилось совсѣмъ отказаться отъ опредѣленія площади угодья и ограничиться „смѣтой" длинниковъ и поперечниковъ.

Гдѣ же лежала граница между небольшимъ участкомъ десятиннаго и большимъ пространствомъ поверстнаго лѣса? Въ писцовыхъ книгахъ встрѣчаются разнообразныя величины длинниковъ и поперечниковъ поверстнаго лѣса, но длинника менѣе полуверсты, а попереч-

---

[1]) Ст. 3-я валового наказа.

ника менѣе четверти версты мы въ нихъ не найдемъ. Переводя эти размѣры въ десятины, получимъ, что участки лѣсного угодья площадью болѣе 50—100 десятинъ почти всегда выражались верстами вдоль и поперекъ. Впрочемъ, въ писцовыхъ книгахъ можно найти примѣры смѣшаннаго счета верстами и десятинами вмѣстѣ: „лѣсу присады вопчѣ ко всей пустоши съ иными помѣщики вдоль на полверсты, а поперегъ 10 десятинъ“ [1]). Иногда десятинный счетъ употреблялся въ незаконченной формѣ, при которой давались только длинники и поперечники, а не самая площадь лѣсного угодья: „лѣсу присады 10 десятинъ въ длину, да поперегъ 5 дес.“ [2]). Описывая лѣсной участокъ такимъ необычнымъ способомъ, писецъ, очевидно, почему-то не хотѣлъ вносить въ книгу величину его площади: опредѣленіе ея было чрезвычайно просто и вполнѣ укладывалось въ рамки обычныхъ пріемовъ древняго землемѣрія („сколько намѣряешь длинниковъ и поперечниковъ, и тѣ длинники съ поперечниками умножь, и что въ умноженіи придетъ, столько станетъ десятинъ“); быть можетъ, въ этомъ случаѣ, длинники и поперечники лучше характеризовали участокъ лѣса, чѣмъ данныя о его площади.

После описанія всѣхъ лѣсныхъ угодій даннаго владѣнія надлежало, точно такъ же, какъ и въ концѣ описанія отдѣльнаго стана или волости, подвести итоги, наряду съ прочими землями, и лѣснымъ угодьямъ [3]). Въ виду разнообразія способовъ исчисленія и описанія лѣсныхъ пространствъ, эта задача была не изъ легкихъ. Въ практикѣ писцовыхъ работъ она разрѣшалась слѣдующимъ способомъ.

Площади лѣсныхъ угодій, описанныя въ десятинахъ плоскостного измѣренія, складывались, и общій итогъ писался также въ десятинахъ. Подсчитывая итогъ лѣсныхъ участковъ, описанныхъ длинниками и поперечниками, писцы суммировали отдѣльно тѣ и другіе, и заключали свое исчисленіе стереотипной фразой: „лѣсу вдоль на столько-то верстъ (сумма длинниковъ), а поперегъ на столько-то (сумма поперечниковъ). Этотъ способъ составленія итоговъ поверстнаго лѣса вызвалъ весьма рѣзкое къ себѣ отношеніе со стороны современныхъ изслѣдователей, отношеніе, основанное на какомъ-то фатальномъ недоразумѣніи. Въ исторической литературѣ стало уже общимъ мѣстомъ, что писцы 16 и 17 вѣковъ удивительно плохо считали. Дѣйствительно, писцовыя книги пестрятъ многочисленными ошибками въ вычисленіи раз-

[1]) Писцовыя книги Рязанскаго края, изд. подъ ред. В. Н. Сторожева, стр. 1027.

[2]) Тамъ же, стр. 1210.

[3]) Волостные итоги не всегда подсчитывались на мѣстѣ писцовыхъ работъ; этимъ дѣломъ писцы занимались уже по возвращеніи въ Москву.

ныхъ итоговъ, въ переводѣ четвертей въ сошное письмо, худой и средней земли въ добрую и т. д. Если принять во вниманіе, что писцы не знали десятичной системы нумераціи и дробей въ этой системѣ, то многое, если не все, объяснится той невѣроятно громоздкой системой обозначенія чиселъ, которая была связана съ славянскимъ алфавитомъ.

Работавшіе надъ писцовыми книгами знаютъ, какъ легко, при нашихъ совершенныхъ средствахъ счисленія, сдѣлать ошибку въ подсчитываніи итоговъ. Это явленіе хорошо знакомо современнымъ счетоводамъ, вооруженнымъ искусствомъ бухгалтерской техники. Кабинетныя работы землемѣровъ 18 и 19 вѣковъ также изобилуютъ ошибками въ умноженіяхъ и сложеніяхъ, благодаря чему не рѣдки планы, вѣрные по контуру, съ грубой ошибкой въ площади, вычисленной дома. Современные межевые дѣятели, даже съ высшимъ математическимъ образованіемъ, тратятъ иногда цѣлые дни въ погонѣ за ошибкой въ умноженіи и сложеніи тѣхъ или другихъ чиселъ, нужныхъ для вычисленія площади фигуры. Поэтому погрѣшности въ итогахъ писцовыхъ книгъ можно при знать вполнѣ извинительными и едва ли свидѣтельствующими о небрежномъ вообще отношеніи писцовъ къ своимъ обязанностямъ.

Кромѣ того нужно имѣть въ виду, что въ писцовыхъ книгахъ неизбѣжны описки и пропуски. Современный изслѣдователь, выбирая изъ книги писца числовыя данныя, можетъ получить поэтому не всѣ или не совсѣмъ тѣ слагаемыя, которыми оперировалъ писецъ или подъячій.

На основаніи этихъ соображеній намъ кажется, что если желательна и даже необходима повѣрка итоговъ писцовыхъ книгъ, то настолько же нежелательно и игнорированіе подлинныхъ итоговъ, составленныхъ самими писцами. А такое игнорированіе (но не по причинѣ одной только ариѳметической неправильности) въ связи съ поспѣшными и неосновательными упреками по адресу писцовъ, проявляютъ русскіе историки въ особенности при оцѣнкѣ данныхъ писцовыхъ книгъ о количествѣ лѣсныхъ угодій. Типическимъ примѣромъ указаннаго отношенія можетъ служить (кромѣ извѣстныхъ изслѣдованій Н. А. Рожкова и Ю. В. Готье) статья такого знатока архивныхъ и писцовыхъ матеріаловъ, какъ В. Н. Сторожевъ.

Вотъ итогъ лѣсныхъ владѣній Рождественскаго погоста въ 2-хъ волостяхъ: Закушской и Березницкой [1]).

---

[1]) „Сборникъ статей, посвящен. В. О. Ключевскому. В. Сторожевъ. Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 гг.“.

	Лѣсъ въ верстахъ.
	1 × 0,5 около поль.
	1 × 0,5 болота.
	1 × 0,5 чернаго около поль и по р. Кубеницѣ.
Всего въ погостѣ и въ пустошахъ	3 × 1,5 около поль, чернаго и болота.

Эта табличка, приводимая г. Сторожевымъ, есть переводъ данныхъ писцовой книги на особый условный языкъ.

Если, по отношенію къ отдѣльнымъ участкамъ лѣса, соединеніе длинниковъ и поперечниковъ знакомъ умноженія (×) не вызываетъ никакихъ возраженій, то для итоговъ этотъ символъ × совершенно непригоденъ и можетъ употребляться только съ значительными оговорками. Писцовыя книги нигдѣ не даютъ намъ повода думать, что величины, полученныя въ результатѣ суммированія отдѣльныхъ угодій, онѣ разсматриваютъ, какъ длинникъ и поперечникъ одного лѣсного участка. Изъ примѣровъ производства земельныхъ дѣлъ въ Московской Руси можно, наоборотъ, заключить, что дѣльцы того времени предвидѣли возможность подобнаго смѣшенія и иногда дѣлали необходимыя оговорки. Вотъ, напр., какъ описанъ одинъ итогъ лѣсныхъ угодій въ отдѣльной книгѣ 1571 года „не пашеннаго лису вдоль три версты съ полуверстою, а поперекъ тоже, въ розныхъ смитехъ" [1]). Очевидно писцовая практика считала излишнимъ употреблять выраженіе „въ разныхъ смѣтахъ" при каждомъ итогѣ лѣсныхъ угодій, справедливо полагая, что оно подразумѣвается само собой. Но, къ сожалѣнію, отсутствіе указаннаго выраженія и смутило нашихъ историковъ. Приведя итогъ лѣсной площади—3 × 1,5 (см. таблицу), В. Н. Сторожевъ сопровождаетъ его слѣдующимъ примѣчаніемъ: „въ такой цифрѣ высчитанъ итогъ поверстнаго лѣса самой писцовой книгой, которая всегда въ такихъ случаяхъ примѣняетъ технически невѣрный пріемъ исчисле-

[1]) Архивный Матеріалъ, т. II, стр. 143. Подобный же способъ обозначенія встрѣчаемъ въ отписной книгѣ Ростовскаго уѣзда 1589 года: „да лѣсу жъ поверстнаго въ разныхъ мѣстѣхъ въ длину на 17 верстъ, а поперегъ на полторы версты инде больши, а инде меньше". Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ III, СПБ. 1909 г.—стр. 311.

нія: по писцовой книгѣ лѣса 3╳1,5 или 4,5 кв. версты; высчитывая правильно получимъ: 0,5 + 0,5 + 0,5 или 1,5 кв. верстъ". Прежде всего замѣтимъ, что писцовая книга никакихъ квадратныхъ верстъ не вычисляетъ, и если цифра 4,5 кв. верстъ невѣрна, то ошибка сдѣлана не писцовой книгой, а ея изслѣдователемъ. Онъ произвольно истолковалъ значеніе данныхъ писцовой книги и пришелъ къ завѣдомо невѣрному результату. Въ полномъ согласіи съ такимъ невѣрнымъ пониманіемъ текста писцовой книги, стоитъ слѣдующее замѣчаніе В. Н. Сторожева: „что цифры поверстнаго лѣса въ писцовыхъ книгахъ порою вообще представляютъ собою нѣчто фантастическое, это аксіома, ставшая общепризнанной въ нашей литературѣ. Если, въ самомъ дѣлѣ, признать, что за Рабанскимъ моремъ въ Боровицкой волости было лѣса 26,5╳20,5 верстъ, то въ переводѣ на современный счетъ это составитъ 2173 кв. версты (26,5 . 2╳20,5 . 2 = 2173). Достаточно самаго грубаго нанесенія на карту вотчинъ Рабанскаго монастыря, чтобы увидать нелѣпость этого счета"[1]). Точно также, говоря о земляхъ Спасо-Еуфимьева м-ря, В. Н. Сторожевъ замѣчаетъ, что лѣсныя угодья „высчитаны (кѣмъ ? В. С.) въ очень крупныхъ, фантастическихъ размѣрахъ, какъ уже приходилось отмѣчать и ранѣе. Если пользоваться тѣми техническими пріемами исчисленія лѣса, какими обыкновенно пользуется сама писцовая книга, то окажется за монастыремъ числилось ни много какъ 11312,5 кв. верстъ"... Тогда какъ „технически правильно высчитанный итогъ лѣса даетъ 272,75 кв. верстъ"[2]). Убѣдительность своихъ разсужденій В. Н. Сторожевъ подкрѣпляетъ вполнѣ обоснованными ссылками на Н. А. Рожкова и Ю. В. Готье. Изъ изслѣдованія Ю. В. Готье имъ приводится извѣстный примѣръ, что „въ Лопатницкой волости, Суздальскаго уѣзда писцы насчитали почти 3 милліона десятинъ лѣса".

Безпристрастному наблюдателю ясно, что столь грандіозныя цифры, какъ 11312,5 кв. верстъ или почти 1¼ милліонъ десятинъ лѣса за небольшимъ м-ремъ Вологодского уѣзда, или 3 милл. десятинъ лѣса въ обычной волости Замосковнаго края, „насчитали" не древніе писцы, а современные историки. Площадей поверстнаго лѣса писцовыя книги никогда не вычисляютъ, и потому никакихъ „техническихъ пріемовъ" не практикуютъ. Изслѣдователи писцовыхъ книгъ совершаютъ, съ легкой руки Н. А. Рожкова[3]), невольную ошибку, придавая символу ╳ всегда значеніе

---

[1]) Сборникъ статей, посвящ. В. О. Ключевскому, стр. 379.

[2]) Тамъ же, стр. 393.

[3]) Указывая, что писцы „удивительно плохо считали", Н. А. Рожковъ говоритъ о вычисленіи лѣсныхъ угодій буквально слѣдующее: „писцы складывали всѣ цифры, указывавшія на размѣры лѣсовъ въ длину, а затѣмъ производили такое сложеніе цифръ, указывавшихъ на ширину лѣсной площади, и *первую сумму умножали на вторую*". Сельское хозяйство Московской Руси въ XVI в.

знака умноженія и приписывая писцамъ дѣйствительно нелѣпыя умноженія. Сила полученнаго внушенія такъ велика, что историки не придаютъ, повидимому, никакого значенія цифрамъ, стоящимъ въ итогахъ лѣсныхъ угодій. Несомнѣнно изслѣдователи вполнѣ правы, когда, желая получить наиболѣе точное представленіе о количествѣ лѣсныхъ угодій, они предпринимаютъ вычисленіе по длинникамъ и поперечникамъ площадей всѣхъ отдѣльныхъ лѣсныхъ участковъ и затѣмъ узнаютъ ихъ сумму, характеризующую лѣсистость даннаго района. Конечно, точной площади поверстнаго лѣса мы всеравно не получимъ, потому что, какъ это хорошо сказано тѣмъ же В. Н. Сторожевымъ, найденная сумма „будетъ выражать только извѣстное впечатлѣніе о количествѣ лѣсныхъ угодій [1]). И это не потому только, что лѣсное угодье нерѣдко описывалось безъ мѣры, что длинники и поперечники смѣчались на глазъ, но и потому еще, что тамъ гдѣ мы предполагаемъ одинъ лѣсной участокъ, быть можетъ, ихъ былонѣсколько. Отсюда вытекаетъ, что для болѣе или менѣе точнаго вычисленія лѣсной площади уѣзда, волости и т. п. матеріалъ, даваемый писцовой книгой, едва ли пригодится.

Но вообразимъ себѣ, что мы имѣемъ идеальное описаніе лѣсныхъ угодій, хотя того же Спаса—Еуфимьевскаго м-ря Вологодскаго уѣзда. „Технически правильный“ итогъ лѣса равняется почти 273 кв. верстамъ; итогъ писцовой книги 62,5 $\times$ 45,25. Положимъ, что мы имѣемъ дѣло только съ первымъ итогомъ. Когда мы попытаемся представить себѣ площадь въ 273 кв. версты, то мысленно нарисуемъ себѣ квадратъ съ такой же площадью, при чемъ сторона его окажется равна 16—17 верстамъ. Воображая сплошной районъ лѣса вдоль и поперекъ верстъ на 17, мы получимъ одно впечатлѣніе о дикости, неуютности и богатствѣ монастырскихъ владѣній. Если же добавить, что лѣсъ находится не въ одномъ участкѣ, а въ 10, то впечатлѣніе потускнѣетъ. Разрозненные участки лѣсного угодья по 5—6 верстъ въ длинникѣ и поперечникѣ, хотя бы и довольно многочисленные, все же нарисуютъ картину меньшей дикости, большей доступности и культурности лѣсныхъ владѣній монастыря.

Такимъ образомъ, если признать, что матеріалъ писцовыхъ книгъ можетъ дать лишь впечатлѣніе о пространствѣ лѣсныхъ угодій описываемаго района, то технически правильно высчитанный итогъ самъ по себѣ такого впечатлѣнія еще не создаетъ. Этотъ итогъ нужно дополнить другими данными, напр., свѣдѣніями о количествѣ лѣсныхъ участковъ.

Съ другой стороны, подлинный итогъ писцовой книги 62,5 $\times$

---

[1]) Сборн. статей, посвящ. В. О. Ключевскому, стр. 378.

$\times 45{,}25$ даетъ еще менѣе полное представленіе о данной площади лѣсныхъ угодій. Но за то онъ даетъ много для сужденія о ихъ доступности: окружность всѣхъ лѣсныхъ участковъ равняется въ нашемъ случаѣ $2 \times (62{,}5 + 45{,}25)$, т. е. почти 215 верстамъ. Если исходить только изъ представленія о площади въ 273 кв. версты, разсматривая ее какъ квадратъ, то окружность его будетъ около 65 верстъ, т. е. раза въ $3\frac{1}{2}$ менѣе дѣйствительной въ 215 верстъ. Такимъ образомъ подлинный итогъ писцовой книги для образованія нашего представленія о лѣсныхъ угодьяхъ даннаго владѣнія даетъ не мало и объявлять его „нелѣпымъ" едва ли основательно.

Заканчивая свои замѣчанія по вопросу о тѣхъ данныхъ, при помощи которыхъ изслѣдователь писцовой книги сможетъ составить достаточно полное представленіе о лѣсныхъ угодьяхъ какого либо поземельнаго владѣнія, мы должны указать на слѣдующіе необходимые для этого элементы: 1) площадь (итогъ изслѣдователя), 2) окружность всѣхъ лѣсныхъ участковъ (итогъ писцовой книги), 3) число участковъ. Желательно, чтобы эти величины приводились въ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ разработкѣ писцовыхъ книгъ [1]).

---

[1]) Въ виду того, что площади отдѣльныхъ лѣсныхъ участковъ, могутъ быть получены съ весьма грубой степенью приближенія, мы полагаемъ возможнымъ вычислять ихъ общую площадь упрощеннымъ способомъ, для чего указываемъ три основныхъ пріема, приложенные къ слѣдующему ряду участковъ.

1	7×1
2	3×2
3	$4 \times 1\frac{1}{2}$
4	$1{,}5 \times 2$
5	5×4
6	$6 \times 3\frac{1}{2}$
7	$2 \times 1\frac{1}{2}$
8	$3\frac{1}{2} \times 2$
9	8×5
10	$5\frac{1}{2} \times 4$
11	$4\frac{1}{2} \times 2$
12	3×1

I пріемъ. Раздѣлимъ произведеніе множителей писцоваго итога на число участковъ. Полученное частное дастъ общую площадь лѣсныхъ участковъ, завѣдомо меньшую дѣйствительной.

$$\frac{65 \times 38}{16} = 154 \text{ кв. верстъ.}$$

II. Выбравъ наибольшій и наменьшій поперечники данныхъ участковъ, умножимъ ихъ полусумму на общій длинникъ изъ писцоваго итога. Полученное произведеніе дастъ приблизительную площадь лѣса.

$$\frac{5+1}{2} \times 65 = 195 \text{ кв. верстъ.}$$

III. Выбравъ наибольшій и наименьшій длинники, умножимъ ихъ полусумму на общій поперечникъ. Произведеніе дастъ приблизительную площадь лѣса.

$$\frac{8+1}{2} \times 38 = 171 \text{ кв. верстъ.}$$

Взявъ среднее изъ II и III, получимъ площадь лѣса въ 183 кв. версты, тогда какъ ея дѣйствительная величина 172 кв. в. Можно точно также ограничиться одной изъ ве-

Обратимся теперь къ правиламъ валового наказа, относящимся къ измѣренію сѣнокосовъ. Сѣнокосныя угодья предписано наказомъ измѣрять также, какъ и лѣса, десятинами, и вмѣстѣ съ этимъ описывать „сколько на которыхъ гдѣ покосехъ и на сколько десятинахъ и по скольку копенъ съ десятины сѣна ставится“ [1]). Это выраженіе даетъ намъ поводъ думать, что, наряду съ десятиннымъ счетомъ сѣнокосовъ, наказъ признаетъ необходимымъ обозначать сѣнокосы и по числу копенъ. Какъ извѣстно писцовыя книги 17 вѣка описываютъ сѣнокосы почти всегда копнами и даже безъ опредѣленія количества ихъ на десятинѣ [2]). Этому способствовало, кромѣ традиціонной привязанности къ копнѣ, еще и крайняя затруднительность измѣренія сѣнокосныхъ угодій. Расположенныя по рѣчкамъ, извилистымъ ручьямъ, оврагамъ, среди лѣсовъ и пашенъ, неправильной прихотливой формы—эти угодья для опредѣленія площадей требуютъ незауряднаго терпѣнія, навыка и громадной затраты рабочаго времени. Мы не ошибемся, если скажемъ, что для измѣренія 10—20 десятинъ овражныхъ сѣнокосовъ нужно было положить столько же труда, какъ для 100—200 десятинъ пашни. Древнему писцу, съ его веревочнымъ землемѣріемъ, измѣреніе сѣнокосныхъ угодій, въ большинствѣ случаевъ, было не подъ силу. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сѣнокосы тянулись сплошными пространствами заливныхъ луговъ,—тамъ требованія валового наказа было исполнимо, и, вѣроятно, выполнялось.

При такихъ условіяхъ писцамъ приходилось довольствоваться тѣми свѣдѣніями о количествѣ копенъ, которыя сообщались мѣстными людьми, изрѣдка прибѣгая къ дѣйствительному учету скошеннаго сѣна.

13	$6^1/_2 \times 4$
14	$2 \times 1^1/_2$
15	1×1
16	$2^1/_2 \times 2$
	65×38
	182 кв. в.
	16 участк.

личинъ II или III, смотря по тому, какая изъ нихъ меньше; въ данномъ случаѣ это будетъ 171 кв. в.

Точность результатовъ можно увеличить, отбросивъ наибольшій (№ 9) и наименьшій (№ 15) участки лѣса. Площади ихъ всего 41 кв. в. прибавляются въ концѣ вычисленія. Сумма длинниковъ и поперечниковъ оставшихся 14 участковъ будетъ 56×32.

I $\frac{56 \times 32}{14} = 128$; $128 + 41 = 169$ (минимальная площадь)
II $\frac{4+1}{2} \times 56 = 140$: $140 + 41 = 181$ к. в. III $\frac{7 + 1^1/_2}{2} \times 32 = 136$; $136 + 41 = 177$; какъ видимъ и II и III результаты почти подошли къ искомой площади въ 182 кв. версты. По случайности среднее изъ нихъ будетъ менѣе точно, чѣмъ среднее въ первомъ циклѣ вычисленій.

[1]) Ст. 3 валового наказа.

[2]) Число копенъ на десятинѣ обозначилось въ писцовыхъ книгахъ чаще всего тогда, когда оно сильно отличалось отъ 10.

Тѣмъ не менѣе эти свѣдѣнія могли дать приблизительное представленіе о площади сѣнокосовъ. Для среднихъ условій сельскаго хозяйства 16 и 17 вѣковъ, количество копенъ на десятинѣ представляло величину довольно устойчивую. Уложеніе 1649 года предусматриваетъ счетъ сѣнокосовъ по десятинамъ и по копнамъ, при чемъ за покосъ чужой десятины сѣна опредѣлило взыскивать съ виновнаго по 10 алтынъ, а за укосъ копны—1 алтынъ, предполагая, очевидно, что на десятинѣ выкашивается 10 копенъ волоковыхъ [1]).

Это отношеніе было принято и въ наказахъ 80 годовъ 17 столѣтія [2]).

Описавъ и измѣривъ пашни пахаными, наѣзжія, отхожія, поляны, роспаши, перелоги, лѣсныя поросли, лѣса бортные, пашенные и непашенные—писецъ долженъ былъ выяснить и описать составъ прочихъ угодій, принадлежащихъ тому или другому владѣнію. Наказъ 130 года упоминаетъ слѣдующіе виды такихъ угодій: рѣки, истоки, озера, пруды, мельницы, спуды, перевѣси, рыбныя ловли, бобровые гоны, лосиныя стойла и бортныя угожья [3]). Эти угодья въ большинствѣ случаевъ не измѣрялись, а лишь описывались по урочищамъ и мѣстнымъ прозвищамъ.

Единственными орудіями измѣренія всякихъ земель и угодій служатъ писцу, по наказу 130 года, веревка и сажень. Въ ст. 66 его предписывается писцамъ сдѣлать веревки для мѣры десятинъ „длиною восемьдесятъ саженъ". Здѣсь, повидимому, говорится объ обязанности писца самому изготовить себѣ мѣрныя веревки, потому что, вслѣдъ за приведеннымъ выраженіемъ о размѣрахъ веревки, въ той же статьѣ добавляется: „а сажень имъ государева казенная дана на Москвѣ трехаршинная за печатью Великого Государя" [4]).

При снаряженіи писца въ уѣздъ, ему, какъ видно, выдавалась изъ Помѣстнаго Приказа трехаршинная сажень [5]), съ помощью которой онъ отмѣривалъ себѣ веревку нужной длины. Процедура изготовленія веревки путемъ послѣдовательнаго укладыванія по ней сажени (80 разъ) была довольно сложна. Въ одинъ пріемъ отмѣрить 80 саж., едва ли представлялось возможнымъ: для точности эту операцію нужно было

[1]) уложеніе 1649 года, гл. X, ст. ст. 286, 287.

[2]) Иногда сѣно косы описывались верстами: „сѣна около поля на полверсты". Сб. ст. посвящ. В. О. Ключевскому, стр. 375.

[3]) Ст. ст. 3 и 25 наказа.

[4]) Этотъ размѣръ сажени былъ, какъ извѣстно, фиксированъ Уложеніемъ 1649 г., въ ст. 46 главы XVI: „а сажень, чѣмъ мѣрить земля, или иное что, дѣлать въ три аршины, а больши и меньши трехъ аршинъ сажени не дѣлать"

[5]) При посылкѣ писцовъ на Устюгъ В. въ 1623 г. и на Тотьму въ 1645 году имъ также давалась изъ Устюжской Чети „сажень для мѣры".

повторять раза 2—3. Поэтому вполнѣ естественно, что изготовленіе мѣрныхъ веревокъ было со временемъ сосредоточено въ Помѣстномъ Приказѣ. Въ одной рукописи 17 вѣка опредѣленно указывается на это: „подобаетъ вѣдати, яко въ Московскомъ государствѣ дается писцамъ вервь мѣрная въ длину 80 саж., а поперекъ 30, то-есть тоже вервь“ [1]. Сопоставляя это извѣстіе со ст. 66 валового наказа, можно заключить, что обычно писцамъ 17 вѣка выдавались изъ Помѣстнаго Приказа двѣ веревки въ 80 и въ 30 саженъ.

По нѣкоторымъ сошнымъ руководствамъ можно предполагать, что писцами нерѣдко употреблялись въ дѣло 3 веревки: для доброй, средней и худой земли. Изъ этого слѣдуетъ, что многіе писцы практиковали собственные пріемы измѣренія земель въ связи съ одабриваніемъ, изготовляя себѣ съ соотвѣтствующими отмѣтками веревки для земель разныхъ качествъ.

Въ послѣдней четверти 17 вѣка писцамъ выдавалось по одной веревкѣ и сажень. Въ дѣлахъ того времени сообщается, что писцамъ, отправленнымъ для валового межеванья Московскаго уѣзда „изъ Помѣстнаго Приказу даны верви мѣрою по 80 саж., да сажени 3 аршинъ за печатью“. Повидимому, къ концу 17 вѣка остановились на самой простой и поэтому наилучшей системѣ измѣрительныхъ приборовъ: отмѣтивъ на единственной веревкѣ въ 80 саж., длины въ 30 саж. и необходимыя части этихъ длинъ, писецъ получалъ возможность, не употребляя многихъ веревокъ, производить всѣ предписанныя ему измѣренія. Сажень при этомъ являлась необходимымъ инструментомъ писца, служившимъ ему для повѣрки мѣрной верви, для изготовленія новой, вмѣсто утратившейся или негодной, а главное для измѣренія остатковъ, меньшихъ 80 саж. или отмѣченныхъ на веревкѣ частей.

Снабженный столь скромными орудіями землемѣрнаго искусства, какъ вервь и сажень, вооруженный весьма скуднымъ запасомъ геометрическихъ свѣдѣній и представленій, писецъ не былъ въ состояніи при измѣреніи поземельныхъ владѣній итти дальше деталей, хотя бы и очень существенныхъ. Онъ могъ прилично измѣрять полевыя угодья, путался въ сѣнокосахъ и совсѣмъ не справлялся съ лѣсами. Поэтому о полной, отчетливой характеристикѣ поземельнаго владѣнія, напр. по его общей площади, по взаимному расположенію угодій и урочищъ, думать въ то время не приходилось. Тѣмъ не менѣе въ практикѣ древней Руси находилось не мало случаевъ, когда нужно было дать общее представленіе о поземельномъ владѣніи со стороны его межъ, размѣровъ и даже площади.

Если еще въ XV вѣкѣ, въ эпоху Судныхъ Грамотъ, при разрѣ-

---

[1]) Н. Германъ. Исторія межевого законодательства, стр. 190.

шенія земельныхъ споровъ, нерѣдко фигурировали „лубъ" и „береста" съ чертежами спорныхъ пространствъ, то тѣмъ болѣе понятна потребность въ такихъ чертежахъ на протяженіи XVI и XVII вѣковъ, когда расцвѣла и успѣла состариться помѣстная система. Не только для судей, при разборѣ запутанныхъ тяжбъ о земляхъ, нужно было имѣть точное представленіе о спорной мѣстности, но и для администраціи, занятой раздачей свободныхъ земель, иногда было необходимо справиться съ изображеніемъ района раздачъ.

Вотъ напр., какъ описываются въ дозорѣ деревень и крестьянъ помѣстья Рогача Обольянинова, въ Жабинскомъ погостѣ, Деревской пятины (1587 г.) дѣйствія межевщика Залежъ Сысоева, да подьячего Ивана Матвѣева. Дозорщики, взявъ 5 поповъ, старосту, цѣловальника и 18 волостныхъ крестьянъ, „съ тѣми людьми в томъ в Жабенскомъ погостѣ, в Рогачовѣ помѣстьи Обольянинова, в деревни в Якимове, да в Гришакаве, да в Опухове, да в Яхнове дозрили, и дворы въ нихъ и во дворѣхъ крестьянъ переписали, и пашни живущую и пустую и сѣно и лѣсъ и всякія угодья смѣтили, *и на чертежъ начертили*, сколько в которыхъ деревни дворовъ и хто имянемъ во дворѣхъ крестьянъ и сколько которой деревни живущіе и пустые пашни и сѣна и лѣсу и всякихъ угодей, и сколько которая деревня отъ деревни верстъ стоитъ" [1]).

Такимъ образомъ Залежъ Сысоевъ съ подьячимъ должны были представить высшей администраціи 2 документа: дозорную книгу и чертежъ. Дозорная книга имѣла юридическое значеніе: она снабжалась подписями всѣхъ бывшихъ на дозорѣ лицъ и служила безспорнымъ доказательствомъ по тѣмъ вопросамъ, которые въ ней освѣщены и выяснены [2]).

Чертежъ самостоятельнаго значенія не имѣлъ: онъ былъ только иллюстраціей дозорной книги или поземельнаго обыска и игралъ роль вспомогательнаго средства для администраціи и судей.

Неумѣніе строить на бумагѣ фигуры, подобныя участкамъ земной поверхности, мѣшало практической мысли XVI и XVII вѣковъ притти къ понятію о планѣ, какъ средствѣ для разрѣшенія не только вопросовъ настоящаго, но и для обезпеченія спокойствія землевладѣльцевъ въ будущемъ. Понятно поэтому, что составленіе чертежей на всѣ описываемыя владѣнія было бы почти безцѣльно и только въ рѣдкихъ случаяхъ безъ него нельзя было обойтись при писцовыхъ работахъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, валовой наказъ 130 года говоритъ только объ одномъ случаѣ

---

[1]) Архивный матеріалъ, т. II, стр. 476, 478.

[2]) За исключеніемъ того случая, когда будетъ установлена злонамѣренность составителей и свѣдущихъ окольныхъ людей.

обязательнаго составленія чертежа. Если крестьяне, владѣльцы бортныхъ селеній, починковъ и пустошей, эксплоатируютъ свои борти, лѣса, бобровые гоны и рыбныя ловли наѣздомъ, потому что эти угодья далеко отошли отъ ихъ селеній, то естественно со стороны крестьянъ заботиться о приближеніи своихъ жилищъ къ мѣстамъ, на которыхъ ведется пчеловодство, охота и рыбная ловля. Часто это было тѣмъ болѣе важно, что проѣздъ черезъ чужія земли къ своимъ угодьямъ былъ не всегда безопасенъ: обиды и насилія, какъ извѣстно, были зауряднымн явленіями въ русской деревнѣ вплоть до средины 19 столѣтія. Нѣкоторыя, частныя причины этихъ неустройствъ, можно было ликвидировать мѣрами землеустроительнаго характера, какъ то: точнымъ указаніемъ и отводомъ проѣзжихъ дорогъ, обмѣномъ участковъ и пр. Ст. 30 валового наказа предусматриваетъ тотъ случай, когда крестьяне-бортники обратятся къ писцу съ просьбой о мѣнѣ своихъ земель на чрезполосные съ ними участки смежныхъ помѣщиковъ. Совокупность этихъ бортныхъ и помѣстныхъ земель образуетъ особую территорію, дачу разверстанія, какъ мы говоримъ теперь. Писцу предписывалось измѣрить въ ней и смѣтить накрѣпко всѣ полевыя земли, лѣса, сѣнокосы и проч. угодья, и на основаніи этихъ данныхъ составить проектъ мѣны и разверстанія: „а смѣтя земля противъ земли и угодья противъ угодей, и велѣти тѣ обои земли и угодья писать въ книги подлинно порознь и чертежъ учинить, и оброки выписавъ и доложить о томъ Государя". Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія Государя, проектируемая мѣна приводилась писцомъ въ исполненіе на мѣстѣ. Чертежъ, въ этомъ процессѣ принудительнаго разверстанія, какъ и всегда въ древности, выполнялъ служебную роль и былъ полезенъ настолько, насколько позволялъ высшей власти составить общее представленіе о районѣ разверстанія, который изображался писцовой книгой только въ отрывочныхъ, не связанныхъ въ одно цѣлое, чертахъ.

Съ техническими правилами измѣренія земель и угодій по наказу 130 года полезно сопоставить нормы наказа даннаго писцамъ Тотемскаго уѣзда въ 1645 году. Тотемскій наказъ предусматриваетъ особое представительство мѣстныхъ людей при писцѣ. Старостамъ, цѣловальникамъ и посадскимъ людямъ велѣно было „для сыску и окладу" выбрать на посадѣ и во всѣхъ станахъ и волостяхъ уѣзда изъ лутчихъ, среднихъ и изъ молотчихъ людей „порознь по статьямъ", по скольку человѣкъ пригожъ, „которые бъ люди про торговыхъ и про волостныхъ людей и про землю и про всякіе угодьи вѣдали подлинно". Выборные отъ населенія должны были представить писцу „выборы"— приговоры мѣстныхъ обществъ объ избраніи, послѣ чего приводились къ крестному цѣлованью, что они, будучи у писцоваго дѣла, будутъ про торги и про-

мыслы посадскихъ людей и про земли и угодья волостныхъ крестьянъ, говорить „въ правду по Государеву и крестному цѣлованью“ [1]).

При валовомъ писцѣ не было такой или даже подобной организаціи выборныхъ. Нужныя свѣдѣнія онъ черпалъ во 1-хъ изъ сказокъ владѣльцевъ и во 2-хъ изъ опроса поповъ, дьяконовъ и лутчихъ людей. Въ такомъ опросѣ, конечно, не всегда была нужда, но въ нужныхъ случаяхъ писецъ привлекалъ къ изслѣдованію сомнительнаго вопроса десятки крестьянъ, старостъ и цѣловальниковъ. Предъ допросомъ они также приводились къ присягѣ, отъ которой были свободны попы и дьяконы, дававшія показанія по священству. Различіе въ постановленіяхъ объ участіи мѣстныхъ людей въ писцовыхъ работахъ легко объясняется во 1-хъ) различіемъ въ составѣ землевладѣльцевъ центральныхъ областей, гдѣ дѣйствовала помѣстная система, и сѣверныхъ уѣздовъ, гдѣ господствовало черное землевладѣніе, и во 2-хъ) своеобразной финансово-податной структурой земскихъ міровъ русскаго сѣвера.

Относительно измѣренія земель и угодій тотемскій наказъ почти повторяетъ правила валового наказа: „тѣ всѣ земли на чемъ кто живетъ писать и мѣрить мѣрою вправду по Государеву крестному цѣлованью, пашня паханая и перелогъ и лѣсъ пашенной въ десятины, а десятины мѣрить въ длину по осмидесять сажень, а поперегъ по тридцать сажень, а мѣрить пашня и въ книги писать измѣря въ одномъ полѣ, а въ дву потому-жъ; а въ которомъ полѣ пашни и перелогу и поросли по пашнѣ лишекъ [2]) и имъ тотъ лишекъ пашни и перелогу прикладывать къ меньшему полю, и изверстывать во всѣхъ трехъ поляхъ пашня и перелогъ и лѣсомъ поросло по пашнѣ, чтобъ одналично вездѣ было ровно, да потому и въ книги писать“.

Такимъ образомъ и тотемскій наказъ рекомендуетъ измѣреніе земель только въ одномъ полѣ, хотя, въ отличіе отъ валоваго, совсѣмъ умалчиваетъ о способѣ опредѣленія величины двухъ другихъ полей. Относительно измѣренія и описанія остальныхъ частей поземельныхъ владѣній въ тотемскомъ наказѣ содержится слѣдующее постановленіе: „а про отхожія пашни и про припаши и поляны на лѣсѣхъ и про лѣсные покосы, и про лѣса пашенные и непашенные сыскивать накрѣпко, и писать ихъ и мѣрить въ десятины въ правду, сколько гдѣ на которыхъ покосѣхъ копенъ сѣна ставитца, и сколько гдѣ пашеннаго и не-

---

[1]) Тотемскій наказъ, л. 4. См. также, А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, стр. 199—200, и М. Богословскій: Земское Самоуправленіе на русскомъ Сѣверѣ въ XVII вѣкѣ.

[2]) Въ рукописи пропущено: „и имъ тотъ лишекъ“. Текстъ возстановленъ по наказу устюжскимъ писцамъ 1623 года, статьи котораго почти дословно повторены въ тотемскомъ наказѣ 153 года.

пашеннаго лѣсу; а гдѣ будетъ лѣса большіе и мѣрить ихъ въ десятины нельзѣ, тѣ лѣса писать смѣчая и выспрашивая и сыскивая накрѣпко, сколько гдѣ пашеннаго и непашеннаго и бортного лѣсу, да тѣ земли и сѣнные покосы и лѣса смѣтя накрѣпко въ книги письма своего написать, и въ десятины и въ версты положить" [1]). Изложенное правило почти дословно совпадаетъ съ правилами валового наказа; этого можно было бы ожидать и ранѣе, такъ какъ техническіе пріемы измѣренія земель и угодій не могли сколько нибудь различаться у дѣльцовъ разныхъ приказовъ, въ силу только принадлежности ихъ къ разнымъ вѣдомствамъ.

Но редакція тотемскаго наказа нѣсколько отчетливѣй, и это обстоятельство имѣетъ нѣкоторое значеніе для выясненія вопроса объ описаніи сѣнокосовъ. И валовой и тотемскій наказы предписываютъ измѣрять ихъ въ десятины, но въ послѣднемъ смыслъ этого требованія раскрытъ съ безспорной ясностью: измѣреніе въ десятины нужно для того, чтобы написать въ книги „сколько гдѣ на которыхъ покосѣхъ копенъ сѣна ставится". Отсюда можно заключить, что покопенный учетъ сѣнокосовъ былъ нормальнымъ требованіемъ писцовыхъ инструкцій и что измѣреніе въ десятины играло при этомъ вспомогательную роль [2]). Но, конечно, и десятинный и покопенный счетъ, по смыслу наказовъ, должны были исходить изъ площади сѣнокосовъ, а не изъ количества укашиваемаго сѣна. Переводъ площади въ копны и копенъ въ площадь достигался опредѣленіемъ числа копенъ на десятинѣ сѣнокоса.

Перейдемъ теперь къ вопросу о чертежахъ. Тотемскій наказъ не указываетъ ни одного случая при описаніи уѣздныхъ земель, когда бы признавалась необходимость составленія чертежа для цѣлей судебныхъ или административныхъ. За то писцамъ вмѣняется выполнить болѣе тяжелую и отвѣтственную работу по составленію чертежа самого города Тотьмы. Кромѣ усадебъ, церквей, крѣпостныхъ сооруженій, лавокъ, амбаровъ и проч., въ городѣ описывались и измѣрялись площади и выгонныя мѣста, „гдѣ посадцкую животину изъ стадъ пригоняютъ, или гдѣ будетъ животину продаютъ"; точно также описывались площади противъ гостиннаго двора, таможенной и съѣзжей губы; при этомъ писецъ могъ отводить новыя площади и запрещать застройку порозжихъ мѣстъ, чтобы „впередъ для всякаго береженья отъ тово тѣсноты не было".

---

[1]) Тот. наказъ, л. 15.

[2]) Счетъ по копнамъ обладалъ однимъ несомнѣннымъ преимуществомъ: онъ давалъ возможность производить сравненіе между землями по степени обезпеченія ихъ сѣномъ. Это имѣло значеніе при разверстываніи угодій между смежными помѣстьями и черными деревнями одной волости.

Всѣ проѣзжія большія улицы отъ острожныхъ воротъ и отъ торга, а также улицы и переулки въ слободахъ, надлежало перемѣрить въ ширину и опредѣлить „не занялъ ли кто въ новой въ которой улицѣ или въ переулкѣ или въ торгу на площади передъ прежнимъ мѣста лишка". Тотемскій наказъ категорически предписываетъ обывателямъ города, чтобы „нигдѣ на Тотьмѣ, въ городѣ и въ острогѣ и въ слободахъ и около церквей, улицъ и переулковъ никто не убавливалъ, и въ дворы и подъ лавки мѣста не припущали, и церковныя и монастырскія земли во дворы не пригораживали, и улицъ и переулковъ и межъ рядовъ не тѣснили".

Осуществляя свои полномочія по благоустройству города, писцы должны были смотрѣть, чтобы избы, кузницы и мыльни близко города не стояли; поставленныя же заново нужно было сносить на другія мѣста, „гдѣ пригоже", чтобы „отъ огня надъ городомъ какая поруха не учинилась и въ осадное-бъ время городу оттого утѣсненья не было".

Такимъ образомъ, писецъ являлся отвѣтственнымъ устроителемъ города въ цѣляхъ стратегическихъ, противопожарныхъ и полицейскихъ. Все сдѣланное въ этомъ направленіи, еще недостаточно было занести въ писцовую книгу,—нужно было для руководства высшей администраціи дать наглядное представленіе о томъ состояніи города, о тѣхъ успѣхахъ въ его планировкѣ, которые достигнуты въ результатѣ дѣятельности писцовой партіи.

Поэтому тотемскій наказъ поручаетъ писцамъ, „описавъ то все и измѣря потому-жъ письма своего и мѣры въ книги написать себѣ статью, да и чертежъ на Тотьмѣ всему описавъ имянно прислать къ Государю къ Москвѣ, что бъ про то въ Чети было вѣдомо" [1]). Составленіе такого чертежа, располагая только веревкой, не имѣя въ рукахъ циркуля и масштаба,—дѣло далеко не простое. Современные спеціалисты-землемѣры, лишенные инструментальныхъ пособій, сочли бы эту работу одной изъ трудныхъ и сложныхъ. Тѣмъ не менѣе въ XVII вѣкѣ, съ намѣченной задачей, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ поставленной цѣли, справлялись удовлетворительно [2]). Чертежи новостроящихся городовъ на южной окраинѣ государства и районовъ заселенія были

---

[1]) Тотем. наказъ л. 52—55. Требованіе о составленіи чертежа городу было предъявлено писцамъ Устюга Великаго въ наказѣ 1623 года. (Книги по Устюгу № 10, л. 46. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

[2]) „Писцы описывали дворы служилыхъ и неслужилыхъ людей по улицамъ и переулкамъ съ такою подробностью, что легко можно было бы составить планъ этого города", говоритъ И. Миклашевскій по поводу описанія г. Воронежа въ 1615 году. См. „Къ исторіи хоз. быта", стр. 79.

обычнымъ явленіемъ въ царствованіе Михаила Федоровича и Алексѣя Михайловича: въ то время на ряду съ спеціалистами „землянаго" дѣла находимъ дворянъ, которымъ „чертежное дѣло за обычай" [1]).

Чертежъ города по тотемскому наказу и чертежъ дачи разверстанія по наказу 130 года были документами разныхъ родовъ.

Помимо большей технической сложности, первый отличался отъ послѣдняго своимъ юридическимъ вѣсомъ. Чертежъ города служилъ основаніемъ для защиты и доказательства разнообразныхъ земельныхъ правъ, какъ для отдѣльнаго обывателя, такъ, и это пожалуй самое главное, для всего посадскаго общества въ цѣломъ; тогда какъ чертежъ дачи разверстанія—это документъ минутнаго интереса и поэтому ничтожный въ смыслѣ судебнаго доказательства.

Такъ по наказамъ первой половины 17 вѣка мы знакомимся съ двумя типами чертежей, которые впослѣдствіи въ 18 вѣкѣ отлились въ форму плановъ, имѣющихъ формальное юридическое значеніе, и плановъ вспомогательныхъ, черновыхъ, проектныхъ—такимъ значеніемъ не обладающихъ.

ГЛАВА III.

Классификація земель, одабриваніе и сошное письмо.

Вмѣстѣ съ техническими обязанностями по измѣренію земель, лѣсовъ и угодій на писцовъ возлагались также обязанности по таксаціи пашенныхъ земель. Ст. 3-я наказа очень опредѣленно указываетъ тотъ путь, которымъ долженъ былъ итти писецъ: „писцомъ тѣ лѣса писать смѣчая-жъ и выпрашивая и сыскивая накрѣпко сколько гдѣ верстъ или десятинъ пашеннаго и непашеннаго и бортнаго лѣсу и что гдѣ... всякихъ угодей и какова гдѣ въ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и на пустошахъ и на селищахъ и на займищахъ и въ отхожихъ пашняхъ земля добрая или средняя или худая". Такимъ образомъ, однимъ изъ обычныхъ средствъ для опредѣленія качества почвы служили словесныя показанія вызванныхъ писцами землевладѣльцевъ и крестьянъ [2]). Кромѣ того, самъ писецъ долженъ былъ „смѣчать и сыскивать накрѣпко" гдѣ какого качества земля.

---

[1]) Чертежи на спорныя земли стали обязательно составляться съ 1686 г. (П. С. З. № 1178, п. п. 2, 6). О чертежахъ на земли, розданныя изъ дикихъ полей въ Богородицкомъ уѣздѣ, см. П. С. З. № 470.

[2]) О „сказкахъ" и допросѣ мѣстныхъ жителей при таксаціи пашенъ говоритъ Ю. В. Готье „Замосковный Край", стр, 157. Наказъ 130 года въ ст. 4-й называетъ сказкой письменныя заявленія землевладѣльцевъ о количествѣ живущей пашни, перелогу, крестьянъ и бобылей. Повидимому письменные отзывы владѣльцевъ о качествѣ земли не требовались писцами.

Какими же признаками руководился при этомъ писецъ?

Въ литературѣ намѣчено нѣсколько не совсѣмъ сходныхъ между собой отвѣтовъ. А. Лаппо-Данилевскій, признавая, что нѣкоторыя физическія условія данной мѣстности, напр. расположеніе пашенныхъ участковъ съ наклономъ къ солнцу, близость къ лѣсу, и проч. учитывались при классификаціи земель писцами, склоняется къ тому мнѣнію, что „едва ли не вѣроятнѣе считать главнымъ основаніемъ такой классификаціи—доходность земель, количество сбираемаго съ нихъ хлѣба, словомъ степень урожая". Эта доходность говоритъ далѣе цитируемый авторъ, вѣроятно „опредѣлялось количествомъ умолота, получаемаго отъ волового сбора посѣяннаго хлѣба... Какъ мѣрило доброкачественности земли она опредѣлялась не сравненіемъ доходности разнокачественныхъ земель всего государства и не общимъ правительственнымъ постановленіемъ, а сравненіемъ доходности земель лишь въ предѣлахъ одной области или даже уѣзда" [1]). Хотя А. Лаппо-Данилевскій ничѣмъ не подкрѣпилъ своего мнѣнія о доходности земель, какъ основы писцовой классификаціи, тѣмъ не менѣе ему удалось, опираясь на изслѣдованія современныхъ почвовѣдовъ Докучаева и Чаславскаго, показать что напр. терминъ „добрая земля" одинаково прилагается писцами какъ къ чернозему (тучному или супесчаному) окраинныхъ уѣздовъ, такъ и къ суглинку (вологодскому или псковскому). Точно также среднею землею считается одинаково глина въ Вологодскомъ уѣздѣ, супесокъ въ Зубцовскомъ и суглинокъ въ Владимірскомъ. Н. А. Рожковъ, ссылаясь на нерѣдкіе примѣры характеристики почвъ по ихъ строенію или составу, въ писцовыхъ книгахъ XVI вѣка, находитъ, что „земля различалась по качеству не только по степени ихъ урожайности въ извѣстное, быть можетъ очень непродолжительное время, но и на основаніи наблюденій надъ составомъ почвы" [2]). Н. А. Рожковъ, такимъ образомъ, обращаетъ вниманіе на болѣе „объективное мѣрило" доброкачественности почвъ, чѣмъ неустойчивый колеблющійся сборъ хлѣбовъ.

Новѣйшій изслѣдователь писцовыхъ книгъ Ю. В. Готье, приведя цѣнную таблицу несходныхъ между собою оцѣнокъ одного и того же владѣнія, сдѣланныхъ писцами въ разные годы, такъ формулируетъ свои соображенія по затронутому вопросу. „Основаніемъ для классификаціи земли очень часто служила сказка жителей, конечно, незнакомыхъ ни съ какимъ анализомъ почвы, а опредѣлявшихъ свою землю

---

[1]) Организація прямого обложенія, стр. 223—224.

[2]) „Къ вопросу о степени достовѣрности писцовыхъ книгъ" въ Сборникѣ статей и въ Труд. Арх. Ком. Моск. Арх. Общ. т. I, в. 2.

по совокупности обстоятельствъ, обусловливавшихъ ея урожайность. Самое несогласіе писца съ прежней оцѣнкой земли и измѣненіе ея могло возникнуть только отъ непосредственнаго впечатлѣнія, производимаго растущимъ хлѣбомъ или вслѣдствіе свѣдѣній объ урожаѣ послѣднихъ лѣтъ, почерпаемыхъ изъ перекрестнаго допроса населенія.

Принимая во вниманіе всѣ эти соображенія, невольно убѣждаешься, что изъ двухъ противоположныхъ мнѣній, изложенныхъ выше, гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ является первое. Но допустить мысль, что оцѣнка земли производилась на основаніи ихъ урожайности, далеко не значитъ заподозрѣвать показанія писцовыхъ книгъ объ относительномъ количествѣ доброй, средней и худой земли. Они имѣютъ несомнѣнно, серіозныя основанія: въ умахъ мѣстнаго населенія, конечно, слагалось общее представленіе о средней урожайности данной земли, и слагалось оно не совсѣмъ безъ вліянія физическихъ условій. Но этого не отрицаетъ и А. С. Лаппо-Данилевскій, у котораго находимъ такой удачный примѣръ изъ живого быта сѣверныхъ крестьянъ доселѣ дѣлящихъ землю по качеству на добрую, среднюю и худую“ [1]).

А. С. Лаппо-Данилевскій, а по слѣдамъ его Ю. В. Готье говорятъ о „средней урожайности“ данной мѣстности. Съ этой величиной, по ихъ мнѣнію, оперировали писцы, при чемъ „земли, съ которыхъ получали сборы, отклонявшіеся отъ той средней величины въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ и получали названіе добрыхъ и худыхъ“ [2]).

Интересно, какъ съ точки зрѣнія теоріи „среднихъ величинъ“ объяснить напр. такое документальное указаніе: „а по писцовымъ книгамъ въ Тотемскомъ уѣздѣ въ станѣхъ и въ волостяхъ добрыя земли не объявилось, писано середнею и худою землею“ [3]). Ясно, что при письмѣ Тотемскаго уѣзда въ 30-хъ годахъ 17 столѣтія писецъ исходилъ не изъ среднихъ величинъ урожайности въ этомъ уѣздѣ. Документальныхъ и обязательныхъ для него свѣдѣній объ урожайности другихъ районовъ не могло быть, потому что иные уѣзды въ то же самое время писали другіе писцы; какихъ-либо инструкцій отъ центральной власти по этому вопросу писцамъ также никогда не выдавалось.

---

[1]) Ю. В. Готье. Замосковный край стр. 157—8.

[2]) См. А. С. Лаппо-Данилевскій, указ. соч., стр. 223—224, и Ю. В. Готье „Замосковный край“ стр. 182: „въ описаніи каждаго уѣзда, а иногда отдѣльнаго стана или волости, приходится встрѣчать и добрую, и среднюю, и худую землю. Не доказываетъ ли это лишній разъ, что мѣриломъ для оцѣнки земель были не объективныя данныя, основанныя на качествѣ почвы, а субъективныя сужденія мѣстныхъ жителей, основанныя, главнымъ образомъ, на урожайности этой земли въ послѣдніе годы передъ описаніемъ“.

[3]) Тотемскій писцовый наказъ, л. 35.

Остается предположить, что писецъ явился въ уѣздъ съ готовымъ представленіемъ о свойствахъ доброй земли и при письмѣ нашелъ только участки, отклоняющіеся отъ этого типа въ худшую сторону. Такимъ образомъ есть основаніе думать, что при своихъ оцѣнкахъ писцы руководились наблюденіями, сдѣланными на пространствахъ, несомнѣнно болѣе обширныхъ, чѣмъ районы описанія. Различія естественныхъ свойствъ земли на всемъ пространствѣ государства едва-ли конечно имѣлось въ виду писцами, но можно думать, что области и уѣзды съ одинаковымъ типомъ почвы (черноземъ, суглинокъ, супесь, подзолъ и т. д.) были хорошо извѣстны московской администраціи. Писцовыя оцѣнки въ предѣлахъ одного почвеннаго типа имѣли цѣлью распредѣленіе земель по тремъ разрядамъ, что весьма удачно разрѣшалось наблюденіями надъ физическими свойствами почвы и географическими условіями поземельнаго владѣнія.

Только при встрѣчѣ разныхъ типовъ въ одномъ уѣздѣ эти объективные признаки должны были уступить мѣсто свѣдѣніямъ объ урожайности. Отголоски той мысли, что при оцѣнкѣ земель нужно считаться съ болѣе или менѣе обширными районами, не ограничиваясь тѣсной территоріей даннаго описанія, можно видѣть, напр., въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ челобитья Устюжскихъ людей 1674 года. Устюжане жалуются на тяжесть государственныхъ податей, которыхъ имъ платить стало нечѣмъ, потому, что „въ прошлыхъ годѣхъ писецъ Никита Вышеславцовъ съ товарыщи *Устюжскій уѣздъ противъ иныхъ уѣздовъ* письмомъ обложили неправедно и клали въ выть по двору и по два и по три, не противъ прежнихъ государевыхъ указовъ, и отъ того ихъ письма, многіе волости и деревни съ того числа запустѣли, *а земля у нихъ самая плохая.... а в государевыхъ дворцовымъ и въ верховскихъ городахъ земли передъ ихъ землями добрые*, а писали въ выть по 12 и 15 и по 16 дворовъ“ [1]).

По мысли Ю. В. Готье, данныя объ урожайности земель, почерпнутыя изъ мѣстныхъ источниковъ, не только служили для классификаціи земель, но и давали надежное средство для сужденія объ относительныхъ количествахъ доброй, средней и худой земли въ уѣздѣ. Но, если при писцовыхъ оцѣнкахъ принимались во вниманіе районы, выходившіе далеко за предѣлы даннаго уѣзда, то свѣдѣнія объ урожайности, доставляемыя мѣстными жителями могли имѣть только второстепенное значеніе для классификаціи находящихся въ немъ земель. Да кромѣ того эти свѣдѣнія въ большинствѣ случаевъ были недостовѣрны. Несомнѣнно, что мѣстное населеніе хорошо знакомо съ физическими

---

[1]) Прик. Дѣла Стар. Лѣтъ № 195 — $\frac{7182}{1674}$, Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ.

условіями и производительностью своей земли. Современные крестьяне проявляютъ необыкновенное искусство, почти виртуозность, въ оцѣнкѣ общественной земли, подлежащей передѣлу [1]), но тѣмъ не менѣе посторонній для общины человѣкъ, а тѣмъ болѣе правительственный агентъ, едва ли добудетъ отъ тѣхъ же крестьянъ надежныя свѣдѣнія о доходности или урожайности мірскихъ земель. Тотъ же Ю. В. Готье прекрасно выяснилъ въ своемъ трудѣ общую тенденцію землевладѣльцевъ и крестьянъ скрывать отъ писцовъ истинное положеніе дѣла и представлять его въ мрачныхъ краскахъ на однообразномъ фонѣ бѣдноты, тяжести правительственнаго оклада и безлюдья. Довольствоваться завѣдомо преуменьшенными и невѣрными даже относительно цифрами урожайности писецъ не могъ. Урожаи въ древней Руси, въ центральныхъ областяхъ при невысокой сельскохозяйственной техникѣ, вообще говоря были невелики. При небольшихъ сборахъ съ десятины или четверти нужно было обладать очень точными данными для болѣе или менѣе справедливой оцѣнки. Положимъ, что десятина хорошей земли давала 50 пуд. или 25 пуд. на четверть. Принимая во вниманіе обычное отношеніе между сохами разныхъ качествъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ 800 : 1000 : 1200, вычислимъ, каковы должны быть сборы хлѣбовъ съ средней и худой земли, чтобъ эти отношенія имѣли мѣсто.

Ходъ разсужденія виденъ изъ слѣдующей таблицы:

	Добрая.	Средняя.	Худая.
Число четвертей земли . .	8	10	12
Валовой сборъ	200 п.	200 п.	200 п.
Урожай на четверти земли.	25 „	20 „	$16^2/_3$ „

Изъ этой таблицы видно, что если бы удалось опредѣлить урожайность съ четверти доброй земли (25 п.), то для подведенія земель подъ одинъ изъ слѣдующихъ разрядовъ нужно было обладать тщательно провѣренными данными [2]). Пониженіе урожайности въ одномъ случаѣ

[1]) Эта оцѣнка производится, какъ извѣстно, главнымъ образомъ по естественнымъ признакамъ: никакихъ систематическихъ свѣдѣній о средней урожайности того или другого участка земли при этомъ не собирается. „Надо отдать справедливость земледѣльцамъ", пишетъ помѣщикъ Костромской губерніи (17 вѣка), „что они, какъ разбирать свойства худыхъ и добрыхъ полей, а равно и въ разсужденіи раздѣленія,—великіе знатоки, и такъ что можно сказать ни мало не ошибутся ни въ чемъ" В. И. Семевскій. Крестьяне въ царств. Екатер. II, т. I; стр. 106,104.

[2]) При томъ разнообразіи въ количествахъ урожая, который наблюдается въ 17 вѣкѣ на смежныхъ земляхъ, одинаковыхъ по качеству, или на одномъ и томъ же участкѣ, но въ разные годы—средняя урожайность изъ ближайшихъ къ переписи 3—5 лѣтъ едва ли могла дать руководящія указанія для оцѣнки земли. Примѣры см. у Н. Н. Миклашевскаго: Къ исторіи хозяйственнаго быта Моск. Государства, стр. 227,230.

на 5 пудовъ (25—20), а въ другомъ на 3 (20—16$^2/_3$) влечетъ за собой перечисленіе земли изъ одного разряда въ другой.

Теперь спросимъ, можно ли ожидать, что мѣстные землевладѣльцы и крестьяне, не ведшіе точныхъ систематическихъ записей о количествѣ собираемаго хлѣба, доставятъ писцу свѣдѣнія о сборѣ хлѣба съ четверти земли съ точностью 3-хъ пудовъ? На этотъ вопросъ возможенъ, конечно, только отрицательный отвѣтъ. Отвѣты, которые даются на вопросъ объ урожайности всегда неопредѣленны и неясны. „Пудовъ 20 -15, когда больше, когда меньше", „пудовъ 15, когда 25, а когда и ничего" —вотъ приблизительныя свѣдѣнія объ урожайности, которыя можно было собрать изъ допроса мѣстныхъ людей. Конечно, въ частныхъ случаяхъ, эти свѣдѣнія были весьма полезны, освѣщали дѣло и разрѣшали сомнѣнія, но считать ихъ основою писцовой оцѣнки, по моему, невозможно. Какъ бы ни были цѣнны свѣдѣнія объ урожайности, они по необходимости носили случайный характеръ, были не свободны отъ субъективныхъ, часто грубыхъ ошибокъ, отъ умышленнаго извращенія и пр. Писцы должны были имѣть нѣкоторое „объективное мѣрило" для повѣрки собранныхъ свѣдѣній и для таксаціи земель, когда эти свѣдѣнія отсутствовали или были ненадежны. Съ немалой долей вѣроятности можно утверждать, что свѣдѣнія объ урожайности писцами вовсе не собирались, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Тотемскій писцовый наказъ предписываетъ хлѣбъ стоячій или земляной хлѣбъ, оставшійся послѣ „безвѣстно" разошедшихся крестьянъ „пожать и въ скирды скласть при себѣ тѣхъ селъ крестьянамъ повытно, считая снопы сотницами и ставить велѣть на высокихъ мѣстѣхъ и покрыть гораздо, чтобъ тотъ хлѣбъ сверху дождемъ не набивало и съ-исподи бъ не подмочило и отъ птицъ бы и отъ мышей истери не было, а для опыту велѣть изъ того же изъ рженого и изъ ярового хлѣба обмолотить сноповъ по сту и по двѣсти изъ добраго и изъ средняго и изъ худого хлѣба, да получа будетъ изъ того ржаного и ярового хлѣба по опыту умолоту и писцамъ по тому всему хлѣбу и умолотъ написать и велѣть тотъ хлѣбъ послѣ себя обмолотить старостамъ и цѣловальникамъ, а о томъ приказывать имянно, чтобъ умолотъ хлѣбу имъ писцамъ вѣдомъ былъ и не домолоту-бъ въ хлѣбѣ не было, и что хлѣба пожнутъ и сколько будетъ по опыту умолоту и то велѣть писать въ книги, да тѣ книги присылать къ Государю къ Москвѣ" [1]).

Если бы писцы писавшіе на Тотьмѣ, дѣйствительно собирали свѣдѣнія объ урожайности и имѣли точное представленіе о ней на добрыхъ, среднихъ и худыхъ земляхъ уѣзда, то было бы, конечно, проще

[1]) Тотемскій наказъ, л. 20. Срв. ст. 67 валового наказа.

воспользоваться этими данными и избавить писца отъ тяжелой и нудной обязанности распоряжаться уборкой всего отписаннаго на Государя хлѣба, считать снопы, присутствовать при пробномъ умолотѣ и пр. Правительство отлично знало цѣну свѣдѣніямъ добываемымъ на мѣстѣ и потому предпочитало обходной и утомительный путь. Во всякомъ случаѣ, свидѣтельство Тотемскаго Писцоваго наказа весьма цѣнно для насъ еще и въ томъ отношеніи, что позволяетъ сдѣлать нѣкоторыя заключеніяо техникѣ писцовыхъ оцѣнокъ. Наказъ предписываетъ, какъ видимъ, передъ умолотомъ раздѣленіе хлѣба озимаго и ярового по качествамъ на добрый, средній и худой. Очевидно, опытному человѣку, безъ всякихъ ухищреній и статистическихъ справокъ легко было произвести это раздѣленіе. Писецъ руководился, при этомъ, непосредственнымъ впечатлѣніемъ отъ растущаго или созрѣвающаго хлѣба, на что какъ мы видѣли указываетъ Ю. В. Готье. Но если принять во вниманіе, что раздѣленіе хлѣбовъ на три разряда по непосредственному впечатлѣнію писца, тотемскій наказъ предполагаетъ производить на земельномъ участкѣ одного дворохозяина, земля котораго почти всегда обозначалась однимъ качествомъ, то мы поймемъ, что непосредственныя впечатлѣнія писцовъ не могли оказать имъ существенной пользы при оцѣнкѣ земель. Добавимъ къ этому еще, что самыя впечатлѣнія писцовъ отъ растущаго хлѣба носили, по необходимости, отрывочный, эпизодическій характеръ, такъ какъ измѣренія производились ими по паринѣ, гдѣ хлѣбовъ не было, и такъ какъ передвиженіе писцовыхъ работъ по уѣзду совершалось съ убійственной медленностью: въ разныхъ частяхъ его писцы наблюдали поэтому разные періоды хлѣбнаго роста и никакого масштаба для сравненія земель выработать, конечно, не могли.

Обратимся теперь къ оцѣнкамъ заброшенныхъ пашенъ и перелоговъ. Если еще при оцѣнкѣ пашенныхъ земель свѣдѣнія объ урожайности могли имѣть кое-какое значеніе [1]), то при таксаціи перелоговъ и пашенныхъ зарослей, которые какъ извѣстно входили въ сошное письмо (значились впустѣ) и площадью часто въ нѣсколько разъ превосходили собственно пашню пахаиую, этихъ свѣдѣній получить было нельзя. Спрашивать объ урожаѣ бывшей пашни, заросшей лѣсомъ въ „оглоблю", было бы наивно. Тѣмъ не менѣе всѣ такіе заросли, поляны, перелоги, включая и тѣ, до которыхъ еще не касалась рука землевладѣльца, разцѣнивались писцами по обычной трехколѣнной шкалѣ. Главную роль при этомъ играли физическія условія данной мѣстности: рас-

---

[1]) Эти свѣдѣнія были особенно важны при оцѣнкѣ уже выпаханныхъ земель.

положеніе покатовъ къ солнцу, какъ указано А. С. Лаппо-Данилевскимъ, сосѣдство лѣсовъ, болотъ, изломанность рельефа, степень запущенія, мощность почвеннаго слоя, обиліе камней, составъ почвы (песокъ, глина) и т. д. [1]).

При распредѣленіи земель по разрядамъ показанія мѣстнаго населенія относительно общихъ физическихъ свойствъ могли играть выдающуюся роль. Этими свѣдѣніями, собранными при оцѣнкѣ пустошей, зарослей и перелоговъ писцы руководились, какъ можно думать, и при оцѣнкѣ пашенныхъ земель. Сдѣланные выводы писецъ подкрѣплялъ или исправлялъ частію на основаніи непосредственнаго впечатлѣнія отъ созрѣвающихъ хлѣбовъ, а главнымъ образомъ тѣми провѣренными свѣдѣніями объ урожайности, которыя удавалось добыть отъ мѣстныхъ жителей. Замѣтимъ, что урожайность земель, при обозначившемся послѣ смутнаго времени хозяйственномъ подъемѣ, при распространенности навознаго удобренія, не могла лежать въ основѣ писцовыхъ оцѣнокъ и сошнаго письма, имѣвшихъ въ виду обложеніе поземельнаго капитала, а не культуры. Это тѣмъ болѣе такъ, что помѣстная система въ связи съ неравномѣрнымъ распредѣленіемъ тягла между классами, развивала и укрѣпляла мысль о соотвѣтствіи военной службы и податного тягла съ тѣми поземельными средствами, которыя само государство предоставляло воину или тяглецу. Въ согласіи съ сказаннымъ о способахъ раздѣленія писцамъ земель на разряды находятся тѣ представленія, которыя существовали въ XVIII вѣкѣ о системѣ древнерусскихъ кадастровъ. Въ Наставленіи Сената землемѣрамъ генеральнаго межеванія говорится: „добрую, среднюю и худую землю въ пашнѣ раздѣлять нужды не настоитъ: ибо извѣстно, что хозяинъ можетъ изъ худой земли сдѣлать самую добрую, а изъ доброй самую худую, а примѣчать только грунтъ, песчаный или глинистый или способный къ хлѣбопашеству“. Сенатъ не сказалъ, пожалуй, самаго главнаго, что съ введеніемъ подворной и подушной подати, прежняя система поземельныхъ оцѣнокъ стала не нужна для правительственныхъ цѣлей. Онъ обратилъ

---

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ напомнить нѣсколько соображеній, высказанныхъ такимъ осторожнымъ изслѣдователемъ какъ И. И. Миклашевскій: „какъ трудно доказать, что „доходность земли опредѣлялась количествомъ умолота, получаемаго отъ валоваго сбора посѣяннаго хлѣба“, такъ же трудно доказать, что качество ея опредѣлялось ея физическими свойствами. Цитированныя писцовыя книги, во всякомъ случаѣ указываютъ, что онѣ не игнорировались, и врядъ ли какими-либо иными признаками, кромѣ чисто физическихъ, могъ руководствоваться воевода или дозорщикъ вновь заселяемой мѣстности, когда онъ сообщалъ правительству, что въ томъ или иномъ мѣстѣ земля добрая или средняя или худая“. Къ исторіи хозяйственнаго быта Московск. Государства, стр. 61.

вниманіе на другое, отдавая этимъ невольную дань экономическимъ воззрѣніямъ своего времени. Сенатъ какъ бы говоритъ, что прошло то время, когда естественныя качества земли играли выдающуюся роль при опредѣленіи ея цѣнности и доходности. Теперь, напротивъ, трудъ и капиталъ обильно, съ умѣніемъ приложенные къ землѣ, могутъ видоизмѣнить самыя ея качества. При такихъ условіяхъ раздѣленіе земли по ея естественнымъ качествамъ на три разряда, добрую, среднюю и худую, не имѣетъ никакого смысла, потому что ничего не даетъ для сужденія объ ея фактической доходности. Для приблизительной же характеристики почвы Сенатъ рекомендуетъ, воздерживаясь отъ употребленія старыхъ терминовъ, описывать только такія свойства грунта, вліяніе которыхъ на производительность земель не погашается культурой: способность и неспособность къ хлѣбопашеству (глинистый, песчаный грунты).

Считая, такимъ образомъ, за основаніе писцовыхъ оцѣнокъ физическую классификацію земель, мы, пользуясь наказомъ 130 года, можемъ внести къ сказанному нѣкоторыя поправки, показывающія что принципы экономической классификаціи не были вполнѣ чужды составителямъ этого наказа. Ст. 16 найденнаго памятника предписываетъ писцамъ „сыскивать накрѣпко“ причины запустѣнія переложной земли. Если земли опустѣли отъ помѣщиковъ, то перелоги имъ давались „въ пашенъ мѣсто“, если же оказывалось что земля запустѣла не отъ нихъ, то „писцомъ сыскать накрѣпко переложную землю, гдѣ добре пашня заросла—земля не добра, въ пашни мѣсто перелогу додавати передъ лутчими землями полтора, а гдѣ будетъ худа добре земля ино вдвое, смотря по пашни и по всякимъ угодьямъ, какъ будетъ пригоже“.

Вообще заросшую пашню можно было оцѣнивать по качествамъ почвы и только въ томъ случаѣ, когда „пашня добре заросла“, тамъ она считается землю „недоброю“. По степени лѣсистости наказъ различаетъ два рода такихъ недобрыхъ земель:

1) худая (по наказу просто „недобрая“), которая одабривалась изъ полуторной пропорціи, и

2) добре—худая, которая одабривалась изъ двойной пропорціи [1].

---

[1]) Изложенная статья есть повтореніе нормъ, дѣйствовавшихъ уже въ 16 вѣкѣ. С. В. Рождественскій. (Служилое Землевладѣніе, стр. 276, 277) приводитъ слѣдующіе примѣры одабриванія земель въ Казанской области. Въ помѣстьѣ было 115 четв. доброй земли, 120 ч. перелогу и 30 десятинъ заросли и дубравы. 120 четв. перелогу были засчитаны за 80 четв. доброй земли, 30 десятинъ зарослей за 15 десятинъ или 30 четв. доброй земли: „и переложная земля и заросли и дубровы учинены съ наддачею за добрую землю, перелогу въ полтора, а заросли и дубровы вдвое итого 110 четей“. Въ другомъ помѣстьѣ 4 чети перелогу и 20 десятинъ зарослей одобрены по тому же принципу и приравнены 23 четямъ доброй земли.

Здѣсь мы видимъ попытку наказа учесть издержки производства. Этими издержками, въ данномъ случаѣ, является тотъ, часто колоссальный трудъ, который затрачивался на разработку одичавшей и заросшей пашни. другую попытку въ томъ же направленіи нужно видѣть въ дачѣ податныхъ льготъ на особенно запущенныя земли. Далѣе, несмотря на то, что окладъ падалъ на пашенную землю, фактически онъ уплачивался изъ доходовъ со всего поземельнаго капитала описываемаго хозяйства. Если у насъ нѣтъ свѣдѣній для того, чтобъ утверждать, что писцы при оцѣнкѣ земель учитывали общія экономическія, напр. рыночныя конъюнктуры (близость къ мѣстамъ сбыта, судоходнымъ рѣкамъ и пр.), то у насъ есть прямое, указаніе что степень обезпеченія земельныхъ владѣній угодьями, писцами принималась во вниманіе обязательно: „А которая земля добра и угодья, и лѣсовъ, и покосовъ, и рѣкъ, и озеръ, и всякихъ угодей къ ней много и убавить будетъ угодей къ инымъ мѣстамъ немошно и та земля и угодьи писать писцомъ за добрую землю безъ наддачи; а гдѣ будетъ земля середняя, а угодей всякихъ много-жъ, а убавить будетъ угодей къ инымъ мѣстамъ нельзя и та земля для угодей писати писцомъ за добрую землю безъ наддачи; а гдѣ будетъ земля худа, а угодей всякихъ много-жъ, а убавить будетъ угодей къ инымъ землямъ нельзя, и писцомъ та земля для угодей-жъ писать за середнюю землю [1]). Такимъ образомъ подъ терминомъ добрая земля скрывается въ писцовыхъ книгахъ собственно добрая, а также средняя, щедро надѣленная угодьями, а подъ средней—собственно средняя и худая со многими угодьями. Это обстоятельство должно учитываться всякій разъ, когда на основаніи писцовыхъ книгъ придется дѣлать выводы о взаимномъ соотношеніи земель разныхъ качествъ въ томъ или другомъ районѣ. Къ сожалѣнію наказъ не даетъ никакихъ указаній на тѣ нормы, при помощи которыхъ писцы опредѣляли излишекъ или недостатокъ угодій. Относительно сѣна съ нѣкоторой вѣроятностью можно утверждать, что нормальнымъ отношеніемъ пашни къ сѣнокосамъ считалось такое, при которомъ на четверть пашни приходилась копна сѣна [2]). Такъ какъ въ составъ земельнаго владѣнія входили лѣса, озера, рѣки и т. д., то, очевидно, руководясь ст. 18 наказа, писецъ долженъ былъ принять во вниманіе степень доходности этихъ угодій съ птичьей, звѣриной и рыбной ловлей. Здѣсь сдѣланъ шагъ, которому не суждено было развиться, къ учету, въ поземельномъ иму-

---

[1]) Ст. 18 Наказа 130 года.

[2]) Указъ 1550 г. о подмосковныхъ окладахъ. Та же пропорція была принята при отводѣ земель церковнымъ причтамъ. Впрочемъ. писцовые наказы 80 годовъ 17 столѣтія подняли ее до 2,5 копенъ на четверть, а одно сошное руководство 1671 года даже до 3 копенъ, что составляетъ 20% всей площади пашни.

ществѣ плательщика, нетолько пашенныхъ земель, но и всего земельнаго капитала по отдѣльнымъ составнымъ его частямъ.

Выше мы уже говорили объ оцѣнкѣ доброкачественности переложныхъ земель и объ одабриваніи ихъ, какъ одномъ изъ результатовъ этой оцѣнки. Другимъ пріемомъ, ведущимъ къ той же цѣли, служили льготы относительно податей, идущихъ съ перелоговъ. По наказу пашни, лежащія перегомъ по 5—6 лѣтъ и больше или „добре“ заросшія лѣсомъ, освобождались отъ тягла на нѣсколько льготныхъ лѣтъ. Если пашня заросла „лѣсомъ большимъ“—льготы давались на 15 лѣтъ, при заросляхъ „въ колъ и меньшъ“ на 10 лѣтъ, при перелогахъ безъ порослей—на 5 лѣтъ. Цѣль этихъ льготъ состояла въ томъ, чтобы „переложныя земли впредь распаханы были и перелогомъ бы не лежали“ [1]). Переложныя земли втеченіе долгаго срока ихъ разработки признавались, такимъ образомъ, бездоходными и признаніе этой бездоходности, приводившее къ установленію податныхъ льготъ, являлось однимъ изъ основныхъ началъ писцовыхъ оцѣнокъ.

Сводя вмѣстѣ все сказанное мы можемъ составить слѣдующую характерную для древне-русскихъ поземельныхъ кадастровъ таблицу классификаціи земель по ихъ цѣнности.

Классы.	Земли пашенныя.	Классы.	Перелоги.
I (добрая).	Земля добрая со многими угодьями. Земля добрая съ нормальнымъ или недостаточнымъ колич. угодій. Земля средняя со многими угодьями.	I (добрая).	Земля добрая безъ зарослей.
		II (средняя).	Земля средняя безъ зарослей.
II (средняя).	Земля средняя съ нормальнымъ или недостаточнымъ колич. угодій. Земля худая со многими угодьями.	III (худая).	Земля худая безъ зарослей. Земля добрая съ зарослями.
		IV (добре-худая).	Земля недобрая средняя/худая съ зарослями.
III (худая).	Земля худая съ нормальнымъ или недостаточнымъ колич. угодій.		*Земли льготныя.*
IV (добре-худая).	Земля добре-худая съ угодьями и безъ нихъ.	V (льготная разныхъ качествъ).	1. Льгота на 5 лѣтъ. Перелоги безъ зарослей. 2. Льгота на 10 лѣтъ. Перелоги съ зарослями „въ колъ“ и меньше. 3. Льгота на 15 лѣтъ. Перелоги съ лѣсомъ большимъ.

[1]) Ст. 24 наказа.

Въ поясненіе этой таблицы добавимъ слѣдующее.

Основныхъ типовъ въ писцовой классификаціи четыре. Въ таблицѣ переложныхъ V-ый типъ имѣетъ особое значеніе; перелоги расцѣнивались нормально по четыремъ типамъ, но каждый изъ нихъ могъ быть, по усмотрѣнію писца и въ соотвѣтствіи съ мѣстными условіями, подведенъ подъ одинъ изъ льготныхъ разрядовъ V-го класса. Излишнее количество угодій служило основаніемъ для отнесенія пашни къ слѣдующему высшему классу; присутствіе на переложной землѣ зарослей понижало расцѣнку на одинъ или два класса.

Все вышеизложенное позволяетъ, какъ мнѣ кажется, притти къ слѣдующимъ выводамъ.

Писцовый поземельный кадастръ имѣлъ цѣлью опредѣленіе относительной доходности различныхъ участковъ пашенной земли. Эта относительная доходность не могла выводиться изъ учета хлѣбныхъ валовыхъ сборовъ, во 1-хъ, потому, что писцы не располагали нужными для этого свѣдѣніями, а, во 2-хъ, потому, что оцѣнкѣ подлежали одинаково какъ культурныя, такъ и пустующія пашни. Главнымъ основаніемъ классификаціи земель служили тѣ естественные признаки земельнаго участка, вліяніе которыхъ на производительность почвы были уже установлены втеченіе многовѣковой земледѣльческой жизни русскаго крестьянина. Оцѣнка, основанная на этихъ признакахъ, опиралась на постоянныя устойчивыя и безспорныя качества почвы и была поэтому въ большей степени свободна отъ случайныхъ ошибокъ, чѣмъ оцѣнка по количеству хлѣбнаго сбора, подверженнаго рѣзкимъ ежегоднымъ колебаніямъ. Свѣдѣнія объ урожайности, впечатлѣніе отъ растущихъ хлѣбовъ, отзывы населенія—все это служило необходимымъ дополненіемъ къ результатамъ наблюденія естественныхъ признаковъ земельнаго участка.

Райономъ сравненія служила несомнѣнно болѣе обширная территорія, чѣмъ описываемый писцовой комиссіей уѣздъ или волость. Въ окончательные результаты оцѣнки пашни, какъ таковой, вводились нѣкоторые коррективы въ зависимости отъ степени обезпеченія пашни угодьями, отъ большей или меньшей запущенности и лѣсистости пашенъ-перелоговъ.

Возвращаясь къ постановленіямъ наказа, замѣтимъ, что, по качеству, помѣстныя и вотчинныя земли дѣлились только на три разряда: земля добрая, средняя и худая. Размѣръ сохи для нихъ былъ установленъ въ 800, 1000 и 1200 четвертей. Наказъ предписываетъ при письмѣ помѣстій и вотчинъ переводить четверти средней и худой земли въ

четверти доброй: „и учинить всѣ сохи добрыя земли съ наддачею по осми-сотъ четн въ соху“ [1]). Въ соотвѣтствіи съ этимъ находятся и правила одабриванія помѣстныхъ земель. На 100 четвертей средней земли велѣно по наказу наддавать по 25 чет., а на 100 четвертей худой по 50 четвертей такого же качества земли [2]). Для „патріаршескихъ, митрополичьихъ и монастырскихъ и церковныхъ земель“ соха „лутчіе“ земли устанавливалась наказомъ въ 600 четвертей, средней—въ 700, худой земли—въ 800 четвертей, а „которая земля добре худа и безгодна и тѣ земли писати по 900 чети въ соху“ [3]). Здѣсь, какъ мы видимъ, проводится 4-хъ классное дѣленіе земель по качеству. Тѣмъ не менѣе, практика писцоваго дѣла показываетъ, что на помѣстьяхъ и вотчинахъ встрѣчается 4-хъ разрядная классификація, а на монастырскихъ 3-хъ разрядная [4]). Можно думать, что 3-хъ разрядная классификація была наиболѣе употребительна въ XVI и XVII столѣтіяхъ [5]). Вѣроятно, что московскіе дѣльцы старались сдѣлать равными отношенія между разнокачественными сохами для всѣхъ землевладѣльцевъ, какъ для служилыхъ людей, такъ и для монастырей. Размѣры помѣстной сохи въ 800, 1000, 1200 четвертей съ отношеніемъ $1 : 1^1/_4 : 1^1/_2$ и размѣры монастырской въ 600, 750 и 900 съ такимъ же отношеніемъ $1 : 1^1/_4 : 1^1/_2$—вотъ ясные слѣды предпринимавшихся въ этомъ отношеніи попы-

---

[1]) Ст. 60 наказа. Земли расписывались въ сохи, по той же статьѣ наказа, для „городовыхъ дѣлъ и посошные для службы“.

[2]) Ст. 11 наказа.

[3]) Ст. 60 наказа.

[4]) А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, прилож. V.

[5]) Въ концѣ 17 вѣка въ одномъ изъ сошныхъ руководствъ сдѣлана попытка обосновать трехразрядную классификацію соображеніями метафизическаго свойства. „От мироздания в лѣто 2243-е, а по потопе в первое Ной праведный съ осмью душъ изшедшими ис ковчега всю землю в три части опредѣли и сыновъ своихъ Сима, Хама, Афета благослови иже и донынѣ глаголетца Азиа, Африка, Европія, свидѣтельствуетъ странно-описательная козмографія явственнымъ расположеніемъ, і оттоле же и нынѣ повсюду земля в три части дѣлится 1-е в добрую, 2-е в среднюю, 3-е в худую и каждыя от них в земляхъ поля в три же поля дѣлятся яко же обыкло в земледѣльцах и описаніях четвертных—еже толико чети в поле въ дву потому-же, 1-е во всегодищное ржаное, 2-е единохлѣбное яровое, 3-е празднoе ко рже приятію“. (Рукопись Главнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ № 159/232). Кое-гдѣ въ писцовыхъ документахъ проскользываетъ двухразрядная классификація земель: 1) земля добрая, 2) земля не добрая. Въ описаніи Вологодскаго помѣстья Григорія Кузмина сына Совина писца Безобразова 128 года читаемъ: „по приправочнымъ книгамъ дозору князя Микиты Шеховского 123 году дачи его помѣстья недобрыя земли... а по мѣрѣ середніе и худые земли 199 чети съ осминою“. „Матеріалы для исторіи дѣлопроизводства Помѣстнаго Приказа по Вологод. уѣзду“. В. Сторожева стр. 157.

токъ [1]). Необходимость переходить иногда къ 4 разрядной классификаціи, разнообразіе мѣстныхъ условій, навыковъ писца [2]) — все это вмѣстѣ дѣлало писцовую классификацію размѣровъ сохъ гораздо разнообразнѣе, и вѣроятно, цѣлесообразнѣе, чѣмъ это было бы при болѣе грубомъ раздѣленіи земель на добрыя, среднія и худыя.

Въ сошное письмо, какъ извѣстно, включались порознь какъ пашня живущая, такъ и пустыя земли. Различіе „живущаго" отъ „пустого", вообще говоря, не вызывало никакихъ затрудненій, за исключеніемъ только одного случая, когда возникалъ вопросъ о такомъ участкѣ обработанной пашни, которому присваивался терминъ „пашня наѣзжая". Пашня наѣзжая къ живущему не причислялась и была свободна отъ склада; тѣмъ важнѣе поэтому тѣ признаки, наличность которыхъ позволяла писцу исключать изъ оклада иногда солидныя площади культурной земли. Исчерпывающій анализъ понятія „наѣзжая пашня" на основаніи писцовыхъ книгъ данъ Ю. В. Готье [3]), который такъ формулируетъ свои выводы: „итакъ, наѣздъ въ основномъ смыслѣ этого понятія, это отданная на оброкъ пашня, обрабатываемая вдали отъ деревни, на пустомъ незаселенномъ участкѣ". Статья 49 валового наказа позволяетъ расширить это опредѣленіе. Въ наѣзжую пашню зачислялись по наказу: во 1) пашни, которыя сами помѣщики наѣздомъ пашутъ на пустошахъ, во 2) пашни на пустошахъ, отданныя внаймы, и въ 3) пашни, лежащія возлѣ усадебъ помѣщиковъ, которыхъ владѣльцы сами „не припахиваютъ" и по бѣдности отдаютъ внаймы [4]).

Отсюда становится ясно, почему наѣзжая земля не включалась въ окладъ. Въ этотъ видъ земель включались пашни помѣщиковъ, которыя они пашутъ „сами". Это были, такимъ образомъ, земли нетяглыя по самому своему существу. Въ хозяйственномъ обиходѣ деревни 16

---

[1]) Докладъ Помѣстнаго Приказа 1684 г. о живущихъ четяхъ и сошномъ письмѣ сообщаетъ, что „сошное письмо въ Московскомъ уѣздѣ и въ городѣхъ четвертныя пашни кладено въ живущемъ и въ пустѣ за помѣщики и за вотчинники добрыя земли по 800 чети, середніе по 1000 чети, худые по 1200 чети. А за патріархомъ и за властьми и за монастыри кладено въ соху въ живущемъ и въ пустѣ, въ соху добрые земли по 600 чети, середніе по 700, а индѣ по 750 чети, худые по 800, а индѣ по 900 чети".

[2]) Привычка при письмѣ помѣстій имѣть дѣло съ сохою въ 800 четвертей заставляла, быть можетъ, писцовъ вмѣсто сохи въ 900 четвертей худой земли ставить соху въ 800 четвертей. Промежуточный, между окладами въ 600 и 800 четвертей, разрядъ въ 700 четвертей напрашивался самъ собой.

[3]) Замосковный край въ XVII вѣкѣ. стр. 143—150.

[4]) Пахать пашню „наѣздомъ" можно было и самовольно. Этотъ видъ наѣзжихъ пашенъ предусматривается ст. 56 наказа. Если такой наѣздъ имѣлъ имѣлъ мѣсто на государевыхъ пустыхъ земляхъ, то съ виновнаго взыскивалась пеня.

и 17 вѣка, повидимому, выработалось представленіе о нѣкоторой нетяглой части помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, лежащихъ вблизи владѣльческой усадьбы, которыя предназначались для хозяйственнаго использованія самимъ владѣльцемъ. Какъ онъ осуществлялъ свои полномочія, отдачею ли внаймы или организаціей собственнаго хозяйства— это не мѣняло основного свойства этихъ земель или такъ называемыхъ усадъ.

Освобожденіе отъ тягла пустошей, отданныхъ внаймы, было связано съ другими мотивами. Въ интересахъ „оживленія" земель, перевода ихъ изъ „пуста" въ „живущее", государство шло на крупныя жертвы. Возможность обработки земель по найму, безъ платежа тяжелыхъ податей, должна была привлекать земледѣльцевъ къ эксплоатаціи пустоши. За такой льготной эксплоатаціей черезъ 10—20 лѣтъ слѣдовало обычно заселеніе пустоши и обращеніе ея въ починокъ или деревню.

Расчеты правительственной власти повидимому оправдались въ нѣкоторой мѣрѣ: относительное количество наѣзжихъ пашенъ значительно возросло въ первой четверти 17 столѣтія по сравненію съ предыдущимъ вѣкомъ [1]). Быть можетъ, увеличеніе количества наѣзжихъ пашенъ и было тѣмъ отправнымъ пунктомъ, изъ котораго исходило правительство, снимая тягло съ земли и перекладывая его на дворы, въ лицѣ новой единицы „живущей четверти".

Наѣзжая пашня въ смыслѣ участка земли, обрабатываемаго владѣльцемъ, живущимъ внѣ его границъ, въ болѣе или менѣе отдаленной деревнѣ, была хорошо извѣстна не только центральнымъ областямъ Московской Руси, но и сѣверу [2]). Но отношеніе правительства къ такимъ пашнямъ на сѣверѣ было совсѣмъ иное, чѣмъ въ центрѣ. Мы видѣли уже, что ст. 49 валоваго наказа относится къ наѣзжей пашнѣ не только терпимо, но даже съ нѣкоторымъ поощреніемъ финансоваго свойства. Совсѣмъ другое отношеніе мы можемъ наблюдать на сѣверѣ. Уже Судебникъ 1589 года, въ интересахъ складниковъ совладѣльцевъ общей деревни, рѣшительно не допускалъ обработки деревенскихъ земель „наѣздомъ" болѣе 3 лѣтъ [3]). Еще болѣе рѣзки предписанія Тотемскаго писцоваго наказа 153 года: „а будетъ которые крестьяне пашню пашутъ на сторонахъ, наймуютъ у монастырей и у всякихъ людей мимо государевыхъ земель, а свои будутъ у нихъ въ го-

---

[1]) Ю. В. Готье. Замосковный край въ XVII вѣкѣ стр. 143—150.

[2]) См. напр. Судебникъ царя Ѳеодора Іоанновича 1589 года, ст. 161.

[3]) См. объ этомъ мою статью „Опытъ изученія поземельныхъ отношеній на сѣверѣ по судебнику 1589 года" въ Памятной Книжкѣ Константиновскаго Межевого Института за 1907/8 годъ.

сударевыхъ въ черныхъ земляхъ пашни лежатъ впусте, и тѣхъ людей въ томъ подавать на крѣпкія поруки съ записьми, чтобъ имъ впредь свою тяглую пашню пахать всю, а впусте ее не положить, и тягло на тое пашню положить примѣрясь къ инымъ землямъ, *а на сторонахъ имъ пашни мимо своихъ пашенъ пахать не велѣть*, чтобъ государевы земли впередъ впусте не были и лѣсомъ не поросли“ [1]).

Такое запрещеніе пахать и нанимать пашню на сторонѣ проистекало конечно изъ чисто финансовыхъ соображеній и подкрѣплялось тѣмъ обстоятельствомъ, что черныя государевы волости были достаточно обезпечены землей для потребностей средняго или даже хорошаго крестьянскаго хозяйства. Основные взгляды составителей наказа сводятся слѣдовательно къ тому, что паханіе пашни наѣздомъ (нанимая ее на сторонѣ), какъ не вытекающее изъ дѣйствительныхъ потребностей населенія, есть одинъ изъ нежелательныхъ пріемовъ уклониться отъ тягла и поэтому недопустимъ съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда обработка сторонней пашни вызывается ростомъ и успѣхомъ крестьянскаго хозяйства, она конечно допустима: „а будетъ которые пможные люди пашню свою пашутъ сполна, а на сторонахъ пашни наймуютъ, съ тѣхъ своихъ пашень для прибыли, и этимъ людемъ давать въ наемъ въ тягло или изъ выдѣльного снопа государевы пустыя земли, чтобъ одноличво государевыхъ земель впусте нигдѣ не было“ [2]).

Такимъ образомъ черный крестьянинъ обязанъ былъ не только сидѣть на черной землѣ, но и работать только на ней. Даже добросовѣстное выполненіе своихъ обязанностей предъ государствомъ—обработка даннаго ему количества пашни и отбываніе податей, не открывало ему доступа къ частновладѣльческимъ землямъ на основаніи добровольныхъ сдѣлокъ и договоровъ. Свободная иниціатива населенія черныхъ волостей неизмѣнно упиралась въ стѣну общихъ и финансовыхъ интересовъ государства. И только если въ государевыхъ волостяхъ не окажется пустыхъ земель, волостные люди могли, съ разрѣшенія писца, пахать пашню на сторонѣ, чтобъ „имъ въ томъ нужи не было“.

Выступая какъ непосредственный обладатель черныхъ земель, государственная власть по серьезнымъ соображеніямъ не допускала найма и обработки пашни на земляхъ постороннихъ владѣльцевъ и желала монополизировать въ свою исключительную пользу трудъ крестьянскаго населенія. Такую же тенденцію можно прослѣдить и на зем-

---

[1]) Тотемскій наказъ л. 17. Приведенное постановленіе взято изъ Устюжскаго писцоваго наказа 1623 года (л. 19).

[2]) Тотемскій наказъ л. 17.

ляхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ. Какъ извѣстно одной изъ обязанностей прикащика въ частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ было наблюденіе, чтобы сильные крестьяне своихъ участковъ впустѣ не писали и не пахали пашенъ, нанятыхъ на сторонѣ у другихъ землевладѣльцевъ [1]). Но государственная власть должна была учитывать то обстоятельство, что появленіе наѣзжей пашни въ частныхъ владѣніяхъ, состоявшихъ подъ строгимъ контролемъ вотчинника или его прикащика, очевидно, вызывалось достаточно уважительными причинами. Поэтому государству не было нужды регулировать вопросъ о наѣзжей пашнѣ въ частныхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ какими-либо ограничительными постановленіями, примѣнимыми только въ непосредственныхъ отношеніяхъ владѣльца земли къ живущимъ на ней земледѣльцамъ.

Особаго вниманія заслуживаетъ отношеніе писцоваго наказа 130 года къ церковнымъ землямъ. Опредѣляя размѣръ сохи, ст. 60 его вмѣстѣ съ патріаршими, митрополичьими и монастырскими ставитъ и церковныя земли, при чемъ соха доброй земли во всѣхъ этихъ земляхъ положена въ 600 четвертей. Изъ этого слѣдовало бы, кажется, что церковныя земли кладутся на ряду съ прочими въ сошное письмо. Но слѣдующая ст. 61 не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что такое пониманіе было бы слишкомъ поспѣшно и недостаточно широко. Этою послѣдней статьей, напротивъ, предписывается церковныя земли въ количествѣ не болѣе 20 четвертей, ранѣе писцами въ сошное письмо не положенныя—оставлять по старинѣ; точно также при устройствѣ новыхъ церквей отдѣленную къ нимъ пашню въ сохи класть запрещается. И только въ тѣхъ случаяхъ когда церковной земли болѣе 20 четвертей, она, повидимому, могла быть зачислена въ сошный окладъ, но о всѣхъ такихъ земляхъ писцы обязаны были писать въ Москву къ Великому Государю. Этими постановленіями наказа, можно, кажется, объяснить слѣдующій случай, описанный В. Сторожевымъ [2]). Вологодскіе писцы описывали въ 1628—1630 г. Рождественскій погостъ съ двумя храмами, выстроенными крестьянами Закушской волости на мѣстѣ „запустѣлаго" монастыря „пречистые Богородицы". Въ Закушской волости, гдѣ находились храмы, располагалась часть церковной земли погоста: пашни паханой 8,5 четв. средней земли, перелогу и лѣсомъ поросло 4 четверти, всего 12,5 четвертей. Остальныя церковныя земли погоста лежали въ трехъ другихъ волостяхъ: перелогу и лѣсомъ поросло 62,5 четверти. Относительно этихъ 62,5 четвертей нужно ска-

[1]) А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, ст. 92 и прим. 2.

[2]) Сборникъ статей, посвященныхъ В. О. Ключевскому, В. Сторожевъ. Монастырское землевладѣніе на Вологдѣ по даннымъ 1627—1630 годовъ ст. 369, 370.

зать, что онѣ приписаны къ погосту уже въ 1632 году, когда описаніе кончилось, а писцы, вѣроятно, составляли свои книги въ Москвѣ. Указанныя выше 12,5 четвертей писцы въ сошное письмо не положили, что согласуется вполнѣ съ наказомъ: церковныя пашни въ сошное письмо класть воспрещено статьей 61-ой наказа. Другую же часть церковныхъ земель 62,5 четв. писцы въ окладъ положили. Очевидно, на основаніи той же ст. 61: эти земли нельзя отнести какъ этого требуетъ наказъ къ „церковнымъ пашнямъ“ и кромѣ того онѣ находятся въ количествѣ большемъ 20-ти четвертей.

В. Н. Сторожевъ говоритъ по этому поводу: „слѣдуетъ замѣтить, что писцы, записывая три пустоши внѣ Закушской волости за погостомъ въ церковныя земли (62,5 чети сер. зем.), ошибочно положили ихъ въ сошное письмо. Сама писцовая книга, подводя итоги церковнымъ землямъ на погостахъ 19-ти волостей „другихъ“ книгъ, оговариваетъ: „а въ сошное письмо церковные земли не положены потому: въ государевѣ наказѣ, каковъ данъ писцомъ за дьячьей приписью, написано: церковныхъ земель въ сошное письмо класть не велѣно“.

Въ наказѣ, какъ мы видѣли, это правило дѣйствительно содержится, но оно относится, какъ можно думать, только къ тѣмъ землямъ въ количествѣ не большемъ 20 четвертей, которыя даны или будутъ вновь отдѣлены для обезпеченія церковнаго причта. Вообще же земли церковныя, пріобрѣтенныя церквами въ вотчину путемъ частнохозяйственныхъ операцій, очевидно, должны были описываться сохами наряду съ патріаршими, митрополичьими и монастырскими. Тѣмъ не менѣе редакцію ст.ст. 60 и 61 нельзя считать достаточно опредѣленной, и приведенное нами толкованіе единственно правильнымъ. Писцовая практика въ этомъ отношеніи лишена была стройности и единства, что оффиціально призналъ Помѣстный Приказъ въ своемъ докладѣ 1684 года относительно живущихъ четей и сошнаго письма.

„Въ старомъ наказѣ“, говоритъ докладъ, „со 130 году писцамъ было написано: церковныхъ пашенъ, у которые церкви старыхъ пашенъ четь на десять или на пятнадцать, или на двадцать, а въ сошное письмо не кладено и тѣхъ пашенъ въ сошное письмо не писать по старинѣ, а у которые церкви пашни больше 20 чети, или которые церковные пашни изстари в сошное письмо не писаны и писцамъ о тѣхъ пашняхъ писать къ великому Государю, а которыя будутъ церкви стали послѣ старыхъ писцовыхъ книгъ, а земель будетъ къ тѣмъ церквамъ нѣтъ — писцамъ къ тѣмъ церквамъ выдѣлять земли чети по 10 и по 15 и по 20 въ поле, а въ дву потому-жъ изъ помѣстныхъ и изъ порозжихъ земель, которыя земли къ тѣмъ церквамъ подошли близко, а въ сошное письмо тѣхъ церковныхъ земель не класть; а въ писцовыхъ кни-

гахъ церковныя земли въ сошное письмо и въ живущіе чети во многихъ городахъ не писаны, а въ иныхъ городѣхъ въ сошное письмо и въ живущія чети писаны, а по какому указу писаны того въ писцовыхъ книгахъ подлинно не написано" [1]).

Первая часть этого отрывка есть не что иное, какъ ст. 61 валоваго наказа 130 года, который названъ здѣсь „старымъ". Причинъ, почему писцовая практика при письмѣ церковныхъ земель была неоднообразна, составитель доклада не приводитъ: онѣ ему неясны и даже совершенно неизвѣстны. Отсюда можно заключить, что ст. 61-ая по толкованію дьяковъ Помѣстнаго Приказа освобождала отъ сошнаго письма всѣ вообще церковныя земли. Сказанное относится, конечно, только къ тѣмъ городамъ, описью которыхъ завѣдывалъ Помѣстный приказъ. По Тотемскому наказу церковныя пашни, наряду съ монастырскими включались въ сошное письмо [2]).

Заслуживаетъ нѣкотораго вниманія сопоставленіе простыхъ, видимо давно установившихся, правилъ сошнаго письма по наказу 130 года, дѣйствовавшему въ районахъ распространенія помѣстной системы, съ сложными и даже неопредѣленными началами сошнаго письма въ областяхъ съ господствомъ неслужилаго землевладѣнія.

Основной единицей измѣренія платежныхъ силъ населенія въ центральныхъ областяхъ была сначала, какъ извѣстно, соха, а затѣмъ живущая или платежная четь. Несмотря на то, что соха была примѣнена и къ обложенію сѣверныхъ уѣздовъ, основной единицей тамъ осталась все-таки выть. „При распредѣленіи вытей", говоритъ И. Бѣляевъ „у правительства были въ виду не одинъ поземельный капиталъ, но и плательщики, черезъ посредство которыхъ получался доходъ съ капитала". Эта характеристика выти относится къ XVI вѣку. Здѣсь вскрывается основное различіе между большой московской сохой XVII и второй половины XVI вѣковъ, какъ единицей измѣренія только поземельнаго капитала, и вытью, какъ единицей обложенія и по землѣ, и по трудовымъ силамъ плательщика. Та эволюція выти, которая подъ вліяніемъ централизующихъ усилій московскаго правительства имѣла мѣсто въ XVII вѣкѣ, не затронула основныхъ качествъ выти какъ единицы

---

[1]) Этотъ докладъ напечатанъ ниже.

[2]) Соха для монастырскихъ и церковныхъ земель была опредѣлена этимъ наказомъ въ 600 четвертей доброй земли, 800 ч. средней и 1 000 ч. худой; размѣръ черной сохи былъ 800 ч., 1.000 ч., 1.200 ч., смотря по качеству земли. Идея зависимости размѣровъ сохъ не только отъ юридическихъ (земля черная, монастырская) и естественныхъ (добрая, средняя, худая) свойствъ земельныхъ владѣній, но и отъ количества угодій не была чужда составителямъ Тотемскаго наказа: „и учинити всѣ сохи равны смотря по пашнямъ и по угодью". л. 40.

обложенія. Благодаря установленію постояннаго отношенія между сохой и вытью (1 : 50 въ монастырскихъ, 1 : $66^2/_3$ на добрыхъ земляхъ Тотемскаго уѣзда) первоначальный характеръ выти не измѣнился; она стала, правда, поземельной мѣрой опредѣленнаго значенія, но, какъ податная единица, никогда не мыслилась отдѣльно отъ населенія, на ней сидящаго. Учетъ земель по вытямъ связывался въ то же время съ припиской къ нимъ опредѣленнаго количества дворовъ. Въ выти есть черты, сближающія ее съ живущей четвертью: задача той и другой единицы — выдѣлить комплексы дворовъ съ одинаковой общей налогоспособностью. Живущая четверть оперировала при этомъ съ нѣкоторой мнимой величиной „живущей четью пашни", съ которой платили подать приписанные къ ней дворы. Точно также при вытномъ письмѣ реальная величина пашни не играла существенной роли. Къ опредѣленной совокупности крестьянскихъ хозяйствъ просто приписывалась выть пашни. Съ особенной ясностью этотъ характеръ выти опредѣляется при выдѣленіи писцомъ новыхъ хозяйственныхъ единицъ, когда о размѣрахъ обрабатываемой ими пашни судить было еще нельзя. Вотъ что говоритъ по этому поводу наказъ тотемскимъ писцамъ 153 года: „а въ которыхъ селѣхъ, въ деревняхъ на живущихъ вытяхъ живетъ крестьянъ человѣкъ по пяти и по шти или по десяти и больше на одной выти, а тѣ будетъ крестьяне животомъ прожиточны и семьянисты гораздо, и имъ (писцомъ) тѣхъ крестьянъ разсаживать на пустыя выти или къ нимъ прибавливать пашни изъ пустыхъ земель, чтобъ однолично въ томъ государю прибыль учинить, а жилъ бы всякъ на пашнѣ" [1]).

Наряду съ сохами и вытями на сѣверѣ употреблялись еще сошки. Правительство въ лицѣ Приказа Устюжской Четверти плохо представляло себѣ всю совокупность мѣстныхъ условій, и потому колебалось въ своемъ рѣшеніи упростить столь сложную систему податныхъ единицъ. На посадѣ дѣло обстояло проще; въ сохѣ посадской по прежнимъ книгамъ считалось: 1) „которые большими промыслы промышляютъ и судами ходятъ"—по 40 человѣкъ, 2) середнихъ по 50 и 60 дворовъ, 3) молотчихъ по 70 и 80 дворовъ, 4) „а которые добрѣ худы и тѣхъ дворовъ по 100 человѣкъ и больше". Эту классификацію наказъ предписываетъ примѣнить и при новой описи. Но, какъ быть съ вытями, сошками и сохами?

Сообщивъ для свѣдѣнія писцовъ, что: 1) прежніе писцы клали въ выть по 14 четвертей средней, и по 16 худой „вездѣ ровно", а дворовъ на выть приходилось отъ 2 до 8-ми, 2) въ сошки кладено по 224 ч. се-

---

[1]) Тотемскій наказъ л. 18. О выти см. А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, стр. 227—233.

редней земли и 256 ч. худой, т.-е. по 16-ти вытей, 3) малыя сошки въ большія сохи не написаны, 4) всѣ сошные люди государевы доходы платятъ съ выти ровно: оброку по 1 руб. 16 алтынъ 4 деньги и дани съ рубля по 2 алтына, — наказъ предписываетъ писцамъ допросить выборныхъ: „давно-ль на Тотьмѣ малыя сошки повелися, и впередъ тѣ малыя сошки надобны-ль, и для чего надобны, и какъ тѣ малыя сошки положить въ большія сохи, и всякіе государевы доходы имать зъ большихъ сохъ противъ живущія четвертныя пашни и вытного письма“ [1]).

Вмѣстѣ съ этимъ нужно было выяснить, не произойдетъ ли отъ положенія малыхъ сошекъ въ большія сохи „какія помѣшки“ и государевымъ доходамъ „убыли“.

Предъ нами рѣзкій примѣръ той осторожности, съ какою Московскій приказъ вводитъ новыя податныя единицы. Вѣдь въ Тотемскомъ уѣздѣ, какъ видно, и выть и сошка уже получили значеніе постоянныхъ, однообразныхъ земельныхъ площадей. Переводъ ихъ въ сохи принципіально никакихъ возраженій не могъ бы встрѣтить, особенно по отношенію къ сошкамъ. Но безъ опроса мѣстнаго населенія даже на скромную податную реформу правительство не рѣшалось, зная по опыту, какъ тѣсно сживается населеніе съ традиціонными формами обложенія и какъ тяжело ему привыкать къ новымъ финансовымъ единицамъ и къ новому счету податей [2]).

ГЛАВА IV.

Финансовыя задачи писцоваго описанія.

Къ непосредственнымъ заботамъ писца, какъ финансоваго агента правительства, относилось завѣдываніе всѣми оброчными статьями въ

---

[1]) Тотемскій наказъ, л. 36.

[2]) См. А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація прямого бложенія, стр. 231—232.

Тотемскій наказъ, выдержки изъ котораго мы приводили, весьма удобенъ для сравненія съ валовымъ наказомъ 130 года, въ особенности потому, что всѣ его постановленія почти дословно взяты изъ наказа Устюжскимъ писцамъ 1623 года мая 22 дня. (Этотъ документъ, любезно указанный мнѣ С. Б. Веселовскимъ, см. въ „книгахъ по Устюгу В.“ № 10. Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ). Но по отношенію къ сошному письму въ этихъ наказахъ есть любопытныя расхожденія. Размѣры уѣздныхъ сохъ, установленные для Устюжскаго уѣзда еще въ 1622 году, остались неизмѣнными и для Тотемскаго уѣзда по наказу 1645 г. Но той осторожности, которая замѣтна въ Тотемскомъ наказѣ по отношенію къ сошкамъ, совсѣмъ не замѣтно въ его прототипѣ. Вотъ что читаемъ мы въ наказѣ 1623 года Устюжскимъ писцамъ: „писцомъ оставя малые сошки класти лутчихъ и середнихъ людей и молодчихъ людей дворы по нынѣшнему Государеву указу въ большіе сохи, противъ Московскихъ сохъ, а не въ малые сошки“. (Л. 33). Въ большой сохѣ, по этому наказу, нужно было считать 7 малыхъ сошекъ.

уѣздѣ. Это завѣдываніе имѣло, конечно, временный характеръ, но оно указывало то направленіе, въ которомъ послѣ писца должны были дѣйствовать мѣстныя власти. Первой задачей, которая предстояла писцу въ этомъ отношеніи,—это точный учетъ всѣхъ угодій, розданныхъ и не розданныхъ въ помѣстье, отданныхъ на оброкъ или пустующихъ. Вмѣстѣ съ этимъ писецъ выполнялъ переоцѣнку или переоброчку описанныхъ угодій, опираясь на прежнія писцовыя книги и сотныя выписи. Полномочія писца въ этомъ случаѣ были весьма обширны. Хотя основное пожеланіе наказа сводится къ тому, чтобы отъ новой переоброчки „Государевѣ казнѣ прибыль была, а убытковъ нигдѣ въ Государевѣ казнѣ не было", тѣмъ не менѣе онъ предоставляетъ писцу власть не только „прибавить" къ оброку, но и „убавить" отъ него, чтобы „крестьянамъ бы тягости большія въ оброкѣ не было-жъ, чтобъ имъ какъ впредь прожить, а Государевы оброки и всякія дани платить ежегодъ сполна безпереводно мочно [1]).

Отдавая бортникамъ бортныя угожья писецъ, долженъ былъ тщательно описать въ книгахъ тѣ знамена и потесы, которые характеризовали владѣніе того или другого бортника, и сосчитать при этомъ количество „дѣлныхъ" бортей съ пчелами и безъ пчелъ и число „недѣлныхъ" бортныхъ деревьевъ, которыя „впередъ пригодятся". Если на одно и тоже угодье находилось нѣсколько претендентовъ крестьянъ, которые „учнутъ перекупаться", то оброчныя угодья отдавались тѣмъ бортникамъ и крестьянамъ, которые больше оброку дадутъ [2]). Взявшіе изъ платежа оброка то или другое угодье, обязывались представить по себѣ поручителей, крестьянъ старинныхъ „добрыхъ людей" въ томъ, что уплата оброковъ будетъ производится „сполна, безъ недоборовъ". На основаніи поручныхъ записей, имена поручителей, вносились со всей точностью въ писцовыя книги съ „прозвѣщи", съ указаніемъ „чей кто сынъ" и „гдѣ кто живетъ" [3]). Такъ какъ на торгахъ въ числѣ желающихъ взять угодье на оброкъ могли явиться дѣти боярскіе, обезпеченіе которыхъ землею вообще лежало на обязанности государства, то можно было бы ожидать, что правительственная власть въ лицѣ составителей наказа, пойдетъ навстрѣчу заявленнымъ требованіямъ. Однако ст. 28-ая наказа самымъ рѣшительнымъ образомъ запрещаетъ отдачу оброчныхъ угодій дѣтямъ боярскимъ: "а дѣтямъ боярскимъ бортныхъ лѣсовъ и бобровыхъ гоновъ и рыбныхъ ловель и всякихъ угодей къ

---

[1]) Ст. ст. 25, 26 и 35 наказа 130 года.

[2]) Впрочемъ, наказъ предоставляетъ самому писцу рѣшить, что выгоднѣе для Государевой казны, отдавать ли угодья на оброкъ „по старинѣ или съ наддачею"; ст. 32.

[3]) Ст. 27 наказа.

помѣстьямъ и вотчинамъ мимо бортниковъ и крестьянъ на оброкъ не отдавать никому, никоторыми дѣлы, чтобъ оттого которыя угодья не запустѣло". Очевидно, въ служилыхъ людяхъ московское правительство видѣло плохихъ хозяевъ и культуртрегеровъ и отдавало пальму первенства въ этомъ отношеніи прирожденнымъ земледѣльцамъ-крестьянамъ [1]). И только въ одномъ случаѣ, когда бортныя села и деревни розданы въ помѣстье, и помѣщики платятъ съ своихъ близъ лежащихъ угодій (а не съ земель) оброки—дозволялось оставлять оброчныя угодья въ рукахъ дѣтей боярскихъ, но подъ условіемъ „крѣпкой поруки" „съ записьми" со стороны людей добрыхъ, „неслужилыхъ". Поручныя записи брались въ томъ, что помѣщики—дѣти боярскіе—не будутъ сѣчь бортныхъ лѣсовъ, и опустошать угодей, и оброки будутъ платить въ государеву казну „сполна" и „по вся годы безпереводно [2]).

Предпочитая крестьянъ, какъ держателей оброчныхъ угодій—дѣтямъ боярскимъ, правительственная власть принимала зависящія отъ нея мѣры, чтобъ обезпечить имъ возможность наиболѣе полнаго и цѣлесообразнаго использованія взятыхъ угодій. Извѣстно, что писцовыя описанія земель меньше всего были межеваніемъ поземельныхъ владѣній. Только въ случаѣ споровъ писецъ проводилъ границу и отмежевывалъ одно владѣніе отъ другого; тѣмъ цѣннѣе, потому, правило ст. 29-ой валоваго наказа, предписывающей писцамъ непремѣнно отмежевать бортныя селенія, лѣса и угодья отъ смежныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, „хотя будетъ въ которыхъ нынѣ и спору нѣтъ". Отмежеваніе сопровождалось копаніемъ ямъ, вытесываніемъ граней и подробной записью всего сдѣланнаго въ писцовыя книги.

Правительство шло еще дальше. Если при чрезполосномъ расположеніи бортныхъ селеній и угодій съ помѣстными землями, отъ владѣльцевъ послѣднихъ чинятся бортникамъ всякія обиды и насилія, отражающіяся на эксплоатаціи угодій и платежѣ оброковъ,—то московскія власти считали принципіально допустимой принудительную мѣну бортныхъ земель и чрезполосныхъ помѣстій. Получивъ соотвѣтствующее заявленіе отъ бортниковъ, писецъ обязанъ былъ составить чертежъ съ проектомъ этой мѣны или принудительнаго разверстанія земель и угодій и отослать въ Москву на усмотрѣніе высшей власти.

Можно думать, что такое принудительное разверстаніе въ интересахъ оброчныхъ крестьянъ, ранѣе въ XVI вѣкѣ могло производиться по усмотрѣнію писца, безъ доклада высшей власти. Это можно заклю-

---

[1]) Это постановленіе валового наказа отчасти подтверждаетъ высказанное Н. А. Рожковымъ мнѣніе о хищническомъ отношеніи помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ. Сельское хозяйство Московской Руси, стр. 458.

[2]) Ст. 34 наказа.

чить изъ того, что полномочія писцовъ по распоряженію помѣстнымъ фондомъ были тогда шире, и еще потому, что наказъ 130 года, изложивъ обязанности писца по составленію чертежа и проекта мѣны помѣстныхъ и оброчныхъ угодій, добавляетъ: „а межъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстей не расписывать безъ Государевыхъ грамотъ, а бортныхъ и оброчныхъ земель, которыя въ помѣстьѣ не бывали, а нынѣ будутъ порозжи, безъ Государева вѣдома въ раздачи не раздавать никоторыми дѣлы" [1]).

Этими постановленіями сдѣланъ рѣшительный шагъ къ централизаціи контроля за распредѣленіемъ помѣстныхъ земель. Отмѣченное явленіе естественнымъ образомъ отразилось на судьбѣ Помѣстнаго Приказа, усложняя его функціи, усиливая штатъ и поднимая общее значеніе въ кругу центральныхъ учрежденій Московскаго Государства.

По отношенію къ оброчнымъ землямъ нужно указать еще на одинъ принципъ, проводимый наказомъ.

Извѣстно, что въ XVI вѣкѣ были нерѣдки случаи полученія помѣстья изъ оброчныхъ земель, подъ условіемъ платежа оброка деньгами или людьми за пожалованныя земли. По наказу 130 года,—всѣ помѣстья, съ земель которыхъ платились эти оброки, подлежали включенію въ сошное письмо наряду съ прочими помѣстными землями [2]).

Съ этого времени всѣ помѣстья Государства были привлечены къ несенію посошнаго тягла; однако, тѣ помѣстья, съ которыхъ до писцовъ взимались денежные оброки, освобождались отъ оброчныхъ сборовъ: „а съ которыхъ селъ и деревень оброки иманы денежные съ земли, а не съ угодей, и не медвяные оброки и тѣ денежные оброки писцомъ складывати" [3]). Это правило было окончательно закрѣплено въ Уложеніи 1649 года (гл. XVI, ст. 39). Такимъ образомъ, включеніе въ сошное письмо розданныхъ оброчныхъ земель означало складываніе только денежныхъ оброковъ; натуральные же, взимаемые, въ большинствѣ случаевъ, съ угодій, а не съ земель, оставались на помѣстьяхъ, иногда даже въ увеличенномъ размѣрѣ.

Изложенныя постановленія валового наказа стоятъ всецѣло на почвѣ правилъ, дѣйствовавшихъ еще въ XVI вѣкѣ. Въ оброчной книгѣ

---

[1]) Ст. 30 наказа: срв. ст, 10, 60 и Указн. кн. Пом. Прик., ст. 46. Изъ того обстоятельства, что и валовой наказъ и наказъ дозорщикамъ, изданные не позже 1622 года, обращаютъ особое вниманіе на недопустимость раздачи порозжихъ земель и расписки помѣстій между помѣщиками самими писцами безъ государевыхъ грамотъ, можно заключить, что до этого временно значенныя функціи принадлежали или могли принадлежать писцамъ.

[2]) Ст. ст. 31, 33 валоваго наказа.

[3]) Ст. 31 наказа.

1559 года читаемъ: „Царевы великаго князя деревни—волости оброчные, а оброкъ на нихъ положенъ былъ по писцовымъ книгамъ Дмитрея Китаева,... а нынѣ тѣ всѣ деревни розданы въ помѣсте дѣтямъ боярскимъ, и оброкъ съ нихъ сложенъ“ [1]).

А вотъ примѣръ, приводимый С. В. Рождественскимъ, когда сошное письмо не измѣняло прежней системы натуральныхъ оброковъ (съ частью денежныхъ): „за помѣщикомъ сошнаго письма въ живущемъ пол-полчети и пол-полчети сохи, а въ пустѣ пол-полтрети сохи, а давати ему съ живущаго оброку на дворецъ по 2 пуда с четью меду, да къ меду въ донмку деньгами, по колку в которомъ году государь велитъ взяти съ сохи да пошлинъ съ пуда по 5 денегъ“ [2]).

Такой порядокъ былъ очень удобенъ для государства, которое неохотно разставалось съ своими доходными статьями, и во многихъ случаяхъ былъ необременителенъ для помѣщиковъ, которые, при пожалованіи оброчныхъ деревень въ помѣстье, получали не заброшенныя пустоши, а цѣнныя, доходныя земли. Тѣмъ не менѣе одновременный платежъ оброковъ и сошнаго тягла создавалъ видимое неравенство въ податныхъ обязанностяхъ служилыхъ людей передъ государствомъ, поэтому и валовой наказъ 1622 года и Уложеніе 1649 года, въ согласіи съ практикой 16 вѣка, признаютъ несовмѣстимость денежныхъ оброковъ и сошнаго тягла, безотносительно къ качественной сторонѣ помѣстья.

Остановимся теперь на письмѣ пустыхъ оброчныхъ, бортныхъ и помѣстныхъ земель. Обязанности писца при описаніи ихъ были довольно сложны и разнообразны. Онъ долженъ былъ организовать большой повальный сыскъ и „сыскивать многими людьми“: во 1-хъ) давно ли тѣ земли запустѣли и отъ кого именно, 2-хъ) кто этими оброчными землями владѣетъ и на какомъ основаніи: „изъ платежа оброку или самовольствомъ“, 3-хъ) сколько лѣтъ продолжается незаконное пользованіе Государевой землей. Всѣ эти свѣдѣнія служили для наложенія пени съ виновныхъ въ самовольной эксплоатаціи пустыхъ оброчныхъ и помѣстныхъ земель. Если при этомъ окажется, что бортныя деревья посѣчены или сожжены, то писецъ взыскивалъ съ виновнаго штрафъ по слѣдующей таксѣ: за борть дѣльную съ пчелами—по 1 рублю, за дерево безъ пчелъ—по полтинѣ, а за бортное не дѣльное—холостое—по полу-полтинѣ, а за бортное недѣльное—холостое по полу-полтинѣ за дерево [3]).

Хлѣбъ и сѣно, собранные на пустой помѣстной или оброчной

---

[1]) Архивный матеріалъ, т. II, стр. 356, 370, 371.

[2]) С. В. Рождественскій. Служилое Землевладѣніе, стр. 281.

[3]) Ст. 56, 57 наказа. По Соборному Уложенію 1649 г. эти штрафы были повышены въ три раза. См. глава X, ст. 218.

землѣ, отписывались на Государя; при этомъ писецъ долженъ былъ опредѣлить количество копенъ сѣна и перемѣрить сжатый и обмолоченный хлѣбъ. Дальнѣйшая судьба конфискованныхъ продуктовъ неопредѣленно рисуется наказомъ. Хлѣбъ и сѣно сдавались на руки тому же самому владѣльцу, который ихъ снялъ и косилъ самовольно. Съ него брались поручныя записи, что все собранное онъ сохранитъ „въ лицахъ“ до указа Великаго Государя [1]).

Обязанности сѣвернаго писца по отношенію къ оброчнымъ угодьямъ въ общихъ чертахъ аналогичны обязанностямъ писцовъ центральныхъ районовъ.

Постановленія Тотемскаго писцоваго наказа представляются весьма важными, потому что въ нихъ затрагивается вопросъ объ оброчныхъ угодьяхъ, какъ въ уѣздѣ, такъ и въ посадѣ, тогда какъ валовой наказъ 130 года имѣетъ въ виду описаніе только уѣздныхъ земель. Остановимся прежде всего на постановленіяхъ Тотемскаго наказа о порядкѣ описанія оброчныхъ угодій, лежащихъ въ чертѣ города. На посадѣ, въ слободахъ и въ волостяхъ уѣзда, наказъ предписываетъ переписать амбары, лавки, скамьи, шалаши, харчевныя избы, кузницы и бани и распросить „почему кто какимъ угодьемъ владѣетъ“ и кому оброкъ даютъ, въ Государеву казну или мирскимъ людемъ. При этомъ у владѣльцевъ отмѣченными заведеніями брались документы (отписи за воеводскими печатьми и за дьячьими приписьми) на право владѣнія оброчными угодьями. На основаніи отобранныхъ документовъ оброчныя угодья записывались въ писцовую книгу. Относительно оброка, взимаемаго съ городскихъ „угодій“, можно установить, что онъ носилъ одновременно и поземельный, и промысловый характеръ. Это видно изъ слѣдующаго требованія наказа. На безоброчное (въ смыслѣ неплатежа оброковъ въ Государеву казну) владѣніе, писецъ, распросивъ выборныхъ, накладывалъ оброкъ вновь въ такомъ размѣрѣ „какъ бы имъ впредь мочно было платить, чтобъ Государевыми землями и всякими угодьи безоброчно не владѣлъ никто и даромъ они или кто безоброчно и безпошлинно не торговалъ“ [2]).

Въ составъ оброчнаго платежа, какъ видимъ, входитъ одновременно и арендная плата, и налогъ съ торговаго и промышленнаго предпріятія. Въ немъ совмѣщались два различныхъ принципа—частнохозяйственный и общегосударственный, поэтому оброкъ съ посадскихъ и волостныхъ (въ черныхъ волостяхъ) промышленныхъ заведеній носитъ нѣсколько иной характеръ, чѣмъ такой же оброкъ въ частныхъ по-

---

[1]) Ст. 67 наказа.

[2]) Тотемскій наказъ л. л. 12—13

земельныхъ владѣніяхъ [1]). Можно думать, что лавочный или промышленный оброкъ къ началу 17 вѣка уже усвоилъ себѣ черты государственнаго налога. Въ писцовыхъ книгахъ 20 годовъ равномѣрный лавочный оброкъ раскладывается пропорціонально торговому обороту оброчныхъ заведеній, поэтому и правительство, въ лицѣ писцовъ или воеводъ, и посадское населеніе въ лицѣ выборныхъ облагало торговыхъ людей оброкомъ „противъ ихъ товаровъ" или въ такомъ размѣрѣ,чтобъ „имъ впередъ платить было мочно" [2]).

Очень ярко та же тенденція обрисовывается и въ Тотемскомъ наказѣ правилами объ изоброчиваніи старыхъ оброчныхъ угодій на посадѣ и въ волостяхъ: „на старые угодьи и на всяки промыслы класть имъ оброкъ, примѣрясь къ прежнему, смотря по промысломъ, чтобъ было впредь крѣпко и стоятельно" [3]).

По отношенію къ сельскохозяйственнымъ оброчнымъ угодьямъ [4]) обязанности писцовъ сѣверныхъ уѣздовъ и центральныхъ областей были вполнѣ тожественны. Писецъ Тотемскаго уѣзда описывалъ всѣ оброчныя угодья, опредѣлялъ размѣръ оброка по старинѣ или съ наддачей „смотря по угодьямъ и примѣриваясь сотныхъ грамотъ". Такъ какъ оброчныя угодья, лежащія въ черныхъ волостяхъ, эксплоатировались волостными крестьянами или посадскими людьми, то естественно, что Тотемскій наказъ никакихъ постановленій о несдачѣ угодій дѣтямъ боярскимъ не содержитъ. Нѣкоторый интересъ представляютъ предписанія того же Тотемскаго наказа о размѣрахъ пени за самовольное пользованіе рыбными, звѣриными и птичьями ловлями, бобровыми гонами и бортными ухожьями. Писцу предоставлялись полномочія самостоятельно разрѣшать этотъ вопросъ, и наказъ даетъ только общее направленіе, въ которомъ долженъ былъ дѣйствовать писецъ. Выяснивъ по сыску, сколько лѣтъ продолжается незаконное безоброчное пользованіе угодьями, онъ взыскивалъ оброкъ за прошлые годы въ Государево казну „смотря по угодью, чтобъ отъ самовольства унять и доконца бы тѣхъ людей не оскорбить" [5]).

---

[1]) Срвн. А. С. Лаппо Данилевскій, „Организація прямого обложенія и т. д." стр. 37—39, 71. Изъ того обстоятельства, что плата за перечисленныя „оброчныя угодья" вносилась не въ Приказъ Большого Дворца, а въ центральныя финансовыя учрежденія, можно заключить, что правительство смотрѣло на этотъ видъ оброка, какъ на государственный по преимуществу.

[2]) А. С. Лаппо-Данилевскій, Организація и т. д. ст. 310—311.

[3]) Тотемскій наказъ, л. л. 13—14.

[4]) Среди нихъ Тотемскій наказъ упоминаетъ мыты и перевозы, которые въ центральныхъ областяхъ государства находились въ рукахъ частныхъ землевладѣльцевъ.

[5]) Тотемскій наказъ л. л. 17, 21, 30.

Мы видѣли выше, что обыскъ о пустыхъ помѣстныхъ земляхъ производился валовымъ писцомъ на такихъ же основаніяхъ, какъ обыскъ о самовольномъ владѣніи оброчными угодьями; точно также и при описаніи сѣверныхъ уѣздовъ правила о сыскѣ оброчныхъ угодій всецѣло примѣнялись къ обслѣдованію пустыхъ дворовъ и принадлежащихъ имъ пахотныхъ земель и угодій. Роль писцовъ и тутъ, и тамъ была одинакова, потому что и пустая помѣстная и пустая черная земля были одинаково землями государственными, предназначенными лишь для различныхъ цѣлей: одна — для устройства служилаго, другая—для устройства тяглаго классовъ населенія.

Но отношеніе къ тѣмъ лицамъ, которые самовольно владѣютъ пустыми помѣстьями, съ одной, и землями опустѣвшихъ тяглыхъ дворовъ, съ другой стороны, было различно. Вотъ что говоритъ Тотемскій наказъ о послѣднемъ случаѣ: „а которые будетъ крестьяне пашутъ пустые крестьянскіе жъ жеребьи въ тѣхъ же волостяхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ опричь своей тяглой пашни лишекъ, а тягла съ той припашной пашни не тянутъ—и писцомъ да подъячему та ихъ лишняя прибавочная пашня написать на нихъ въ живущіе выти въ тягло къ ихъ прежней тяглой пашнѣ и оброкъ на нихъ съ тѣхъ прибылыхъ пашень положить примѣриваясь къ инымъ землямъ, какъ бы имъ платить было возможно, и чтобъ ихъ въ тяглѣ не отяжелить“ [1]) Такимъ образомъ законодатель не стѣсняетъ хозяйственой иниціативы „излишняго“ крестьянина, не отнимаетъ у него захваченныхъ имъ пустыхъ пашенъ и стремится лишь къ тому, чтобы тяглая земля тягло платила и впустѣ не лежала По отношенію къ помѣстнымъ землямъ такая точка зрѣнія была недопустима уже по одному тому, что помѣстья служили прежде всего средствомъ къ исправному отбыванію служилымъ человѣкомъ своихъ военныхъ обязанностей, а не для несенія податного тягла. Сильный ростъ помѣстныхъ владѣній одного лица, не въ силу служебныхъ, а только хозяйственныхъ его заслугъ, въ корнѣ противорѣчилъ основамъ помѣстной системы, которая опиралась на возможно полное надѣленіе помѣстьями максимальнаго числа служилыхъ людей. Здѣсь обнаруживается и рѣзкое различіе между помѣстными и черными землями, приводившіе фактически къ ограниченію хозяйственнаго рвенія, которое могъ бы развить предпріимчивый помѣщикъ, недостаточно надѣленный землями [2]).

---

[1]) Тотемскій наказъ л. 18.

[2]) Впрочемъ, указомъ 1641 года былъ созданъ удовлетворительный выходъ изъ изъ такого положенія; помѣщики могли брать на срокъ до 15 лѣтъ порозжія пустоши „на льготу“ для разработки: если держатель дѣйствительно распахивалъ данную ему пустошь, возводилъ постройки и селилъ на ней крестьянъ, то она отдавалась ему въ помѣстье. См. Указная книга Помѣстнаго Приказа, стр. 128.

ГЛАВА V.

Описаніе служилыхъ земель и монастырскихъ вотчинъ.

Существенныя черты постановленій валоваго наказа 130 года по отношенію къ письму помѣстій и вотчинъ заключаются въ строгой ревизіи правъ служилыхъ людей на владѣніе землями и въ приведеніи земельныхъ дачъ въ соотвѣтствіе съ крѣпостными документами. Обязательнаго представленія крѣпостей, жалованныхъ и другихъ грамотъ наказъ не требуетъ только отъ тѣхъ помѣщиковъ, которые были записаны въ старыхъ писцовыхъ книгахъ. Если же послѣ писцовыхъ книгъ „тѣ помѣстья перемѣнились за иными помѣщики", то у новыхъ помѣщиковъ писцы обязаны были „смотрѣть" государевы грамоты, отказныя и отдѣльныя выписи и по этимъ грамотамъ писать въ книги „кто чѣмъ владѣетъ". Помѣстья лицъ не представившихъ Государевыхъ грамотъ и крѣпостей велѣно было отписывать на Государя, а владѣльцамъ являться въ Москву для суда за самовольное, „неподѣльное" владѣніе [1]).

Изъ этого общаго правила объ отпискѣ помѣстій, наказъ дѣлаетъ исключеніе въ пользу близкихъ прежнему помѣщику лицъ: „а будетъ которые недоросли живутъ на отцовскихъ помѣстьяхъ или братья на братьемъ помѣстьѣ, или племянникъ на дядинѣ и дядя на племянниковыхъ помѣстьяхъ, или вдовы владѣютъ безъ Государевыхъ грамотъ и безъ отдѣльщиковыхъ выписей—и писцамъ и подьячему тѣхъ людей помѣстье писати за ними сыскивая книгами".

На основаніи представленныхъ документовъ писцы должны были отдѣлять помѣщикамъ „дачи ихъ сполна"; излишки или примѣрныя земли—„что у кого лишка вымѣряютъ сверхъ ихъ дачъ"—по общему правилу отписывались на Государя [2]) и подлежали раздачѣ только по особому указу: „а въ раздачу тѣхъ лишнихъ земель безъ указу великаго Государя... не раздавати" [3]). То же правило соблюдалось и по отношенію къ лишкамъ противъ вотчинныхъ дачъ.

Законодательству первой половины XVII вѣка была чужда мысль о наполненіи излишками въ помѣстьяхъ помѣстныхъ окладовъ служилыхъ людей, какъ бы долго они не владѣли своими землями.

Ст. 9-ая наказа съ ясностью, не допускающей никакихъ сомнѣній, говоритъ: „а что по ихъ письму и мѣрѣ примѣрныхъ земель у старыхъ помѣщиковъ за ихъ дачами останется и что порозжихъ земель будетъ,

---

[1]) Ст. 10 и 65 наказа.

[2]) Ст. 65 наказа.

[3]) Ст. 7-ая наказа.

[4]) Ст. 10-ая наказа.

и писцомъ тѣ земли писать въ книги опрочѣ себѣ статьею". Служилые люди московскаго уѣзда еще въ 136 году обратили вниманіе правительства на это ненормальное положеніе, о чемъ сообщаетъ Указная книга Помѣстнаго Приказа, говоря, что „о примѣрныхъ и лишнихъ земляхъ бьютъ челомъ Государю старые помѣщики, за которыми оклады ихъ не сполна, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, тѣхъ земель бы имати у нихъ не велѣлъ" [1]). Ходатайство это осталось безъ отвѣта, и только полстолѣтія спустя законодатель сталъ на точку зрѣнія челобитчиковъ.

Помѣстныя земли, какъ это мы говорили выше, вообще подлежали одабриванію, при чемъ одабриваніе производилось по особой пропорціи для земель среднихъ, худыхъ и перелоговъ-зарослей. Только въ томъ случаѣ, если самъ помѣщикъ запустошилъ или заперероложилъ свою пашню, такого одабриванія писецъ не долженъ былъ дѣлать, отдавая помѣщикамъ перелоги „въ пашенъ мѣсто противъ пашенныя земли, потому что отъ нихъ запустѣла" [2]). Отдѣляя перелоги въ помѣстье, писецъ опредѣлялъ тотъ срокъ, на который можно было дать помѣщику льготу отъ податей; наивысшій предѣлъ такого льготнаго срока установленъ наказомъ, какъ мы уже говорили, въ 15 лѣтъ [3]).

Описывая помѣстныя и вотчинныя земли, писецъ въ то же время выполнялъ различныя порученія правительства по отношенію къ раздачѣ отписанныхъ на Государя лишковъ. Однимъ изъ серьезныхъ вопросовъ, возникающихъ при этомъ, являлось распредѣленіе хлѣбовъ, собираемыхъ съ этихъ лишковъ. Въ ст. 22-й наказа даются по этому поводу совершенно опредѣленныя указанія. Если хлѣбъ сѣянъ на старыхъ помѣщиковъ, то новые помѣщики обязаны были заставить крестьянъ, сѣявшихъ хлѣбъ, сжать его и отдать старымъ владѣльцамъ, за вычетомъ лишь сѣмянъ, которыя поступали новымъ помѣщикамъ. Хлѣбъ, паханый для помѣщиковыхъ людей, должны были жать не крестьяне, а помѣщиковы люди. Если отписанная земля, не поступала въ раздачу, то надзоръ за ней сосредоточивался въ мѣстныхъ губныхъ учрежденіяхъ, причемъ точно также часть собраннаго старымъ помѣщикомъ хлѣба отбиралась на сѣмена [4]).

---

[1]) Указн. кн. Пом. Прик., стр. 79.

[2]) Ст. 16-ая наказа. Здѣсь мы встрѣчаемся съ однимъ изъ карательныхъ послѣдствій неисполненія помѣщикомъ принимаемаго на себя при полученіи помѣстья обязательства: „того помѣстья не опустошити, и дворовъ не развозити и пашни не переложить".

[3]) Ст. 24-я наказа. Тотъ же срокъ былъ установленъ для порозжихъ и оброчныхъ пустошей, при отдачѣ ихъ „на льготу, на распашку и на строенье".

[4]) Ст.ст. 22, 23 наказа. Общія начала распредѣленія хлѣбнаго сбора между старыми и новыми помѣщиками были примѣнены въ 1637 году къ помѣстьямъ, отнятыхъ у „нѣтчиковъ" и розданнымъ другимъ лицамъ (указн.

Крупный интересъ для характеристики писцоваго дѣла представляютъ двѣ статьи наказа 130 года: 8-я и 59-я о помѣстьяхъ новиковъ: по недосмотру редакторовъ наказа или по другимъ причинамъ, въ 59-й статьѣ повторены тѣ же постановленія, которыя заключаются въ ст. 8-й. Приводимъ для сравненія параллельный текстъ этихъ статей:

Ст. 8 я.	Ст. 59.
А того имъ (писцамъ) беречи накрѣпко, которыя дѣти боярскія новики верстались и за собой помѣстей не сказывали, а отцовскія помѣстья писали за меньшими братьями, а меньшяя ихъ братья въ службу не поспѣли, или будетъ который верстался отъ отца, а за отцомъ его помѣстье окладъ сполна, или въ полы его окладу, а у отца его опричи его иныхъ дѣтей нѣтъ и тѣмъ дѣтямъ боярскимъ новикамъ помѣстья не давати, а писать за ними отцовскія помѣстья, а чего въ ихъ оклады не достаетъ и ихъ испомѣщивать врядъ съ помѣстными дѣтьми боярскими у кого въ окладъ чего не дойдетъ; и тѣмъ дѣтямъ боярскимъ новикамъ, которые отъ отцовъ верстались, а у отцовь ихъ иныхъ дѣтей нѣтъ и тѣмъ помѣстья не давать, а служить ему съ отцомъ вмѣстѣ съ отцова-жъ помѣстья, а ждати отцова помѣстья.	А одноличво бъ писцомъ того беречь накрѣпко и распрашивая, которыя дѣти боярскія верстались, а помѣстья за собою не сказали, а отцовскія помѣстья писаны за меньшими братьями, а меньшія ихъ братья въ службу не поспѣли; а будетъ который верстался отъ отца, а за отцомъ его окладъ сполна или въ полы окладу, а у отца его опричь его иныхъ дѣтей нѣтъ и о томъ писать же имянно—тѣмъ дѣтямъ боярскимъ новикомъ, которые отъ отцовъ верстались, а у отцовъ ихъ иныхъ дѣтей нѣтъ и тѣмъ служить съ отцомъ вмѣстѣ съ отцова помѣстья, а ждать отцова помѣстья.

Какъ извѣстно, раздача помѣстій служилымъ людямъ часто производилась писцами, командированными для общаго описанія уѣзда.

книга Пом. Прик., стр. 122). Статья 22-я валоваго наказа и указъ 1637 года послужили матеріаломъ для составителей Уложенія 1649 года. Небольшая часть ст. 38-й главы XVI этого Уложенія заимствована изъ указа 1637 года, въ большей же своей части она держится ст. 22-й валоваго наказа 130 года, что видно изъ текста соборнаго Уложенія 1649 года: „а будетъ у кого по государеву указу взято будетъ помѣстье, и отдано въ роздачи, а въ тѣхъ помѣстьяхъ сѣяна будетъ рожь на старыхъ помѣщиковъ крестьянские пахоты: и съ тое ржи новымъ помѣщикамъ дати сѣмена на живущую пашню крестьянские пахоты, тожь, что сѣяно было на стараго помѣщика, а приполонъ отдавать старымъ помѣщикамъ; а жать тотъ хлѣбъ тѣмъ же крестьяномъ, которые тотъ хлѣбъ сѣяли. А которой хлѣбъ на старыхъ помѣщиковъ сѣяли дѣловые или наемные люди: и тотъ хлѣбъ жати старымъ помѣщикомъ самимъ, а крестьянъ того хлѣба пахоты дѣловыхъ и наемныхъ людей жати не заставливать“.

Нѣкоторыя общія постановленія по этому вопросу могли быть включены въ наказъ, другія же болѣе конкретныя указанія, напр., объ испомѣщаемыхъ лицамъ, о размѣрахъ ихъ дачъ и окладовъ содержались въ памятяхъ, присылаемыхъ писцамъ изъ Приказовъ и въ особыхъ „окладныхъ“ спискахъ. Въ статьяхъ 8-й и 59-й наказа 130 года мы имѣемъ именно тѣ общія правила испомѣщенія, къ соблюденію которыхъ писцы особенно настойчиво приглашались наказомъ. Описаніе уѣзда выясняло фактическое состояніе помѣстнаго владѣнія служилыхъ отцовъ. Потому писцы, работая на мѣстѣ, могли располагать болѣе обширными и обстоятельными свѣдѣніями по отношенію къ испомѣщенію новиковъ, чѣмъ центральныя учрежденія. Ст. 8-я представляетъ писцамъ право частичнаго пересмотра верстаній по отношенію къ нѣкоторымъ разрядамъ новиковъ.

Тѣмъ новикамъ, которые верстались отъ отцовъ, не имѣющихъ другихъ дѣтей, наказъ предписываетъ помѣстій не давать, такъ какъ они должны служить съ отцами вмѣстѣ и дожидаться отцовскихъ помѣстій. Совмѣстное чтеніе ст. 8-й и ст. 59-й показываетъ, что запрещеніе давать помѣстья указаннымъ новикамъ не носило столь абсолютнаго характера, какъ это можетъ показаться сначала.

Служба отца вмѣстѣ съ сыномъ съ одного помѣстья предполагаетъ очевидно достаточный размѣръ отцовскаго помѣстья, minimum котораго наказъ устанавливаетъ для этого случая въ полоклада отца. Этотъ minimum намъ объясняетъ, почему при испомѣщеніи служилыхъ людей въ XVI столѣтіи [1]) считалось желательнымъ надѣленіе ихъ хотя бы въ размѣрѣ половины оклада. Такое испомѣщеніе надолго обезпечивало непрерывность службы съ помѣстья и отчасти снимало съ правительства сложныя заботы по земельному устройству боярскихъ дѣтей: служилый человѣкъ, получивъ такое помѣстье, служилъ съ него вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, право котораго на дальнѣйшее испомѣщеніе выражалось лишь въ незначительномъ количествѣ четвертей земли, составлявшихъ разность между новичнымъ окладомъ и отцовской помѣстной дачей. Вмѣстѣ съ тѣмъ достигалось, во-первыхъ, замѣтное сокращеніе тѣхъ требованій, которыя предъявлялись къ помѣстному фонду, и, во-вторыхъ,—соблюденіе того общаго принципа, чтобы земельная дача не выходила изъ предѣловъ оклада: верстанный новикъ, надѣленный, какъ единственный сынъ, особымъ помѣстьемъ, въ количествѣ, равномъ разности между своимъ окладомъ и помѣстной дачей отца, даже при переходѣ къ нему отцовскаго помѣстья, обладалъ бы въ общемъ помѣстными землями въ количествѣ, не превышавшемъ своего оклада.

---

[1]) Примѣры см. въ книгѣ С. В. Рождественскаго. „Служилое землевладѣніе въ XVI вѣкѣ, стр. 305—306.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда помѣстная дача не достигала половины оклада служилаго отца, его единственный сынъ, поверстанный въ отводъ, могъ использовать свое право на испомѣщеніе въ полномъ размѣрѣ своего оклада.

Нѣсколько неожиданны постановленія наказа по отношенію къ тѣмъ безпомѣстнымъ, но уже верстаннымъ новикамъ, братья которыхъ на службу не поспѣли, но записаны владѣльцами отцовыхъ помѣстій. Въ настоящемъ случаѣ допускать особое испомѣщеніе старшаго брата было бы едва ли раціонально, такъ какъ отцовское помѣстье съ сидящими на немъ недорослями никакой службы тянуть не могло. Съ другой стороны, можетъ быть было желательно оставлять старшаго взрослаго брата, въ видѣ владѣльца помѣстья, которымъ едва ли могли бы управлять братья недоросли. Можно думать, что по всѣмъ этимъ соображеніямъ, наказъ предписываетъ писцамъ помѣстья братьевъ недорослей, писать за старшимъ братомъ, верстаннымъ новикомъ, право котораго на особое испомѣщеніе выражается, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, разностью между окладомъ и отцовской дачей [1]). Несомнѣнно, что эти правила вошли въ валовой наказъ или въ 130 году при его составленіи, или въ 136-мъ при его пересмотрѣ. Такъ какъ верстанія новиковъ происходили въ 130 году, то можно полагать, что и при составленіи наказа въ 130 году правительство имѣло въ виду воспользоваться писцами, для испомѣщенія верстанныхъ новиковъ, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, мѣстахъ, гдѣ это представлялось необходимымъ по особымъ обстоятельствамъ. При сопоставленіи ст. 8-ой и 59-ой наказа 130 года съ указомъ о верстаніи новиковъ, мы можемъ отмѣтить, что эти статьи въ значительной степени дополняютъ наши представленія о существѣ новичнаго верстанія и о значеніи термина „верстаться отъ отца". Но между наказомъ 130 года и указомъ о верстаньи новиковъ 136 года есть нѣкоторое несовпаденіе. Мы видѣли выше, что помѣстье братьевъ недорослей по ст.ст. 8-ой и 59-ой должно было записываться за старшимъ братомъ, поверстаннымъ новикомъ.

Между тѣмъ въ указѣ 136 года мы читаемъ: „а у кого будетъ одинъ сынъ въ службу поспѣлъ, а иные дѣти недоросли, и того, которой въ службу поспѣлъ, поверстать же отъ отца въ отводъ, а меньшимъ его дѣтямъ ждать отцово помѣстье [2]).

Повидимому, наказъ 130 года лишаетъ братьевъ недорослей преимущественныхъ правъ на отцово помѣстье, обезпеченныхъ указомъ о

---

[1]) Для вычисленія этой разности бралась, конечно, не вся отцовская дача, а причитающійся на долю старшаго брата жеребій.

[2]) „О верстаніи новиковъ всѣхъ городовъ 7136 г."—сообщ. А. Зерцалова, стр. 8. Изъ чтеній въ Обществѣ Истор. и Др. за 1895 г.

верстаньи 136 года, и передаетъ ихъ старшему брату. Намъ кажется, что возможно согласовать постановленія обоихъ памятниковъ и установить между ними отсутствіе принципіальныхъ разноречій. Укажемъ здѣсь на слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, наказъ 130 года нормируетъ такіе случаи, которые совсѣмъ не нашли себѣ мѣста въ указахъ о новичномъ верстаніи. Во-вторыхъ, однимъ изъ руководящихъ принциповъ новичнаго верстанья по указу 136 года было обязательное оставленіе на отцовскомъ помѣстьѣ одного или двухъ сыновей для совмѣстной службы съ отцомъ съ отцовскаго жъ помѣстья; этому какъ мы видѣли, не противорѣчатъ постановленія наказа 130 года, стремящіяся къ тому, чтобы службу съ отцова помѣстья, когда отецъ уже не служитъ, непремѣнно несъ старшій сынъ, несмотря на наличность братьевъ недорослей.

Въ-третьихъ, указъ 136 года говоритъ о правахъ младшихъ братьевъ недорослей, когда при живомъ отцѣ, старшій братъ поверстанъ въ отводъ; писцовый же наказъ 130 года разсматриваетъ тотъ случай, когда отца уже не стало, а старшій сынъ хотя и былъ поверстанъ въ отводъ, но помѣстья еще не получилъ.

Въ-четвертыхъ, запись отцова помѣстья за старшимъ братомъ, очевидно имѣла временное значеніе, и права меньшихъ братьевъ осуществлялись въ полной мѣрѣ, послѣ того какъ они достигнутъ совершеннолѣтія и будутъ признаны годными для несенія государевой службы; да, кромѣ того, наказъ 130 года и не говоритъ о томъ, что младшихъ братьевъ недорослей не слѣдуетъ писать при отцовомъ помѣстьѣ, если старшій братъ новикъ поверстан окладомъ: ст. 8-ую нужно понимать именно въ томъ смыслѣ, что совладѣльцами отцова помѣстья должны быть всѣ дѣти служилаго человѣка, какъ это наблюдалось еще въ XVI вѣкѣ [1]).

Для поясненія сказаннаго и для лучшаго оріентированія постановленій наказа 130 года по отношенію къ дѣйствительнымъ явленіямъ современной ему жизни, приведемъ слѣдующій примѣръ.

Въ отказной грамотѣ 15-го іюля 1615 года на Вологду такъ излагается подлинное челобитье иноземца Воина Аврамова сына Закревскаго: „въ нынѣшнемъ въ 123 году отца ево Аврама не стало, а послѣ де ево осталось жена, а ему Воину мачеха, вдова Кателина, да ихъ три сыны, онъ Воинъ въ вашу службу поспѣлъ, а помѣснымъ окладомъ не верстанъ и помѣстья де за нимъ нѣтъ нигдѣ, да Осипко сынъ 12 лѣтъ, да Демидко 11 лѣтъ, да 2 дочери дѣвки, а ему сестры Настасьица да Василисьица, а иныхъ де дѣтей опричь того послѣ отца ево не

---

[1]) См. С. В. Рождественскій „Служилое Землевладѣніе", стр. 295—301.

осталось; а окладъ де отцу ево Авраму былъ 400 чети; а помѣстья де за отцомъ ево было старое въ Вологотѣцкомъ уѣздѣ... а въ ихъ де пашни 200 чети, и то де отца ево помѣстье напередъ сево не отдано никому. И намъ бы ево пожаловать, то отца ево помѣстье 200 чети велѣти дать ему Воину съ мачехою... да зъ братьею ево съ Осипкомъ, да зъ Демидкомъ, да съ двѣмя сестрами дѣвками... а онъ де Воинъ съ того отца своево помѣстья учнетъ нашу службу служить, а меньшая ево братья, какъ которой въ нашу службу поспѣють, будутъ въ 15 лѣтъ, и онѣ съ тово-жъ отца своево помѣстья учнутъ нашу службу служить и мачеху свою и сестръ дѣвокъ кормить, и, вскормивъ, сестры замужъ выдадутъ".

Относительно самого челобитника и его братьевъ въ той же грамотѣ сообщается, что Воинъ Закревскій написанъ „съ иноземцы въ служивомъ списку съ отца ево помѣстье", а братья его Осипъ и Демидъ—въ недоросляхъ.

Просьба Воина Закревскаго была удовлетворена и помѣстье за братьями съ мачихой и сестрами было отказано съ повтореніемъ тѣхъ же условій о службѣ съ него. которыя значатся въ приведенномъ выше челобитьѣ.

Интересно теперь прослѣдить, какова терминологія той же отказной грамоты по отношенію къ владѣльцамъ. Здѣсь важно подчеркнуть, что владѣльцами помѣстья отказная книга именуетъ то всѣхъ братьевъ съ мачихой и сестрами, то одного старшаго брата: 1) „да то помѣстье Закревсково 200 чети велѣли отказать Воину Обрамову сыну Закревскому съ мачехою ево со вдовою Каптелиною, да съ меншими братьями съ Осипъкомъ да зъ Демидкомъ, да зъ двумя сестрами зъ дѣвками". 2) „да что ему откажетъ имяны селъ и деревень... и вы бъ то все велѣли написать въ книги". Точно также въ дозорныхъ книгахъ князя Никиты Шеховского 123 года владѣльцемъ отдѣленнаго помѣстья значится одинъ Воинъ Закревскій, что не мѣшало Помѣстному Приказу при составленіи списка его помѣстій употреблять полную формулу: „за Воиномъ Закревскимъ зъ братьями, и сестрами, и съ мачехою". Замѣчательно, что писцы Семенъ Коробьинъ и подьячій Ѳедоръ Стоговъ употребили при письмѣ 136—8 годовъ нѣсколько измѣненный видъ этой формулы: „за иноземцы за Воиномъ, да за Осипомъ Обрамовыми дѣтми Закревскаго съ мачехою ихъ со вдовою Каптелиною да съ сестрою зъ дѣвкою съ Василисицею [1]".

Измѣненіе формулы объясняется тѣмъ, что еще задолго до писцовъ (лѣтъ за 10—12) второй братъ Осипъ на службу поспѣлъ и на-

[1]) Сестра Настасья ко времени описанія уже успѣла выйти замужъ.

чалъ ее служить; въ 138 же году оба брата Воинъ и Осипъ были поверстаны окладами въ 250 и 200 четвертей. Наблюденіе надъ формулой обозначенія владѣльцевъ показываетъ, что писаніе въ книги отцовскихъ помѣстій „за" старшими сыновьями новиками, означало только включеніе въ списокъ владѣльцевъ наряду съ недорослями еще и старшаго брата новика, имя котораго ставилось на первое мѣсто съ частицей „за", тогда какъ именамъ недорослей предшествовалъ предлогъ „съ". Да и само „верстаніе въ отводъ" старшаго брата при такихъ условіяхъ еще не порывало связи его съ отцовскимъ помѣстьемъ: всѣ братья числились совладѣльцами, обязанными нести службу съ одного помѣстья. Это видно напр. изъ приговора помѣстнаго приказа по дѣлу Григорія Бесѣднаго съ тѣмъ же Воиномъ Закревскимъ, который по словамъ его мачихи былъ поверстанъ въ отводъ въ 1626 году: „139 г. апрѣля въ 10 день дать Воину да Осипу [1]) Закревскимъ отца ихъ помѣстья 200 чети въ ихъ оклады, а имъ съ того помѣстья государева служба служить и мачиху свою вдову Каптелину да еѣ живота и сестру дѣвку Василиску кормить и, вскормивъ, замужъ выдать [2])". Эта связь старшаго сына съ отцовскимъ помѣстьемъ была закрѣплена въ Уложеніи 1649 года [3]), предоставившемъ старшимъ сыновьямъ, верстаннымъ въ отводъ, право требованія раздѣла отцовскаго помѣстья поровну между всѣми братьями вмѣстѣ съ тѣми новыми дачами, которыя будутъ особо получены старшимъ братомъ. Право требованія части въ отцовскомъ помѣстьѣ погашалось только въ томъ случаѣ, когда новыя дачи старшихъ сыновей будутъ представлять значительные размѣры, когда ими получена будетъ „въ четвертяхъ большая дача" [4]).

Правила писцоваго наказа 130 года, нормирующія порядокъ описанія вотчинъ служилыхъ людей, представляются гораздо болѣе слож-

---

[1]) Младшій братъ Демидъ умеръ въ 1623 году.

[2]) „Матеріалы" В. Н. Сторожева стр. 437—443, срв. стр. 363.

[3]) Еще за долго до уложенія 1649 года исходная точка зрѣнія ст. 8 наказа 130 года была признана въ указѣ 1636 года декабря 15 дня, который опредѣлилъ: тѣмъ дѣтямъ, которые верстаны въ отводъ, и помѣстья за ними есть новые дачи, и тѣмъ отказать, и съ меньшими братьями не дѣлить; а которые большіе братья безпомѣстные, и тѣмъ съ меньшими братьями отцовское помѣстье дѣлить".

[4]) Уложеніе 1649 года, гл. XVI, ст. 34. Уложеніе не опредѣляетъ болѣе точно тѣхъ признаковъ, по которымъ можно было судить о размѣрахъ упомянутой „большой дачи". Можно думать, что съ одной стороны тутъ обращалось вниманіе на окладъ старшаго сына, и дача въ полъ оклада освобождала отцово помѣстье отъ его претензій; съ другой стороны, конечно, имѣлось въ виду количество четвертей, приходившихся на каждаго изъ младшихъ братьевъ въ отцовскомъ помѣстьѣ; если оно было значительно больше „новыхъ дачъ" старшаго брата, то послѣдній могъ требовать общаго раздѣла.

ными и запутанными, чѣмъ только что изложенныя постановленія о письмѣ помѣстій. Почти все относящееся къ вотчиннымъ землямъ служилыхъ людей и монастырей составители заботливо собрали вмѣстѣ и расположили непрерывнымъ рядомъ правилъ, занимающихъ безъ пропусковъ 17 статей наказа по нашему дѣленію (36—52), т.-е. около ¼ всего текста писцовой инструкціи.

Основаніемъ для записи вотчинъ служатъ по наказу старыя писцовыя книги, выписи съ писцовыхъ и отдѣльныхъ книгъ, а также купчія, духовныя и данныя крѣпости [1]).

Если никакихъ крѣпостей владѣлецъ вотчины не представитъ, то о законности владѣнія писцы должны были произвести „сыскъ". Прежде всего подвергались обслѣдованію платежныя книги; упоминаніе въ нихъ извѣстнаго лица вотчинникомъ служило надежнымъ средствомъ для разрѣшенія вопроса о принадлежности вотчины, и сыскъ прекращался. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда платежныя книги не даютъ никакихъ руководящихъ указаній, писцы обязаны были производить обыскъ сторонними людьми. Тѣмъ не менѣе, наказъ не предоставляетъ писцамъ права самостоятельнаго разрѣшенія вопроса о записи вотчины за тѣмъ или другимъ лицомъ: независимо отъ результатовъ обыска вотчина записывалась въ книги „опричѣ себѣ статьею [2])". Это постановленіе наказа находится въ полномъ согласіи съ практикой правительственныхъ учрежденій по выдачѣ новыхъ грамотъ, взамѣнъ утраченныхъ, какъ она сложилась подъ дѣйствіемъ закона 10 февраля 1618 года. Кромѣ писцовыхъ, дозорныхъ книгъ и крѣпостей въ число доказательствъ принадлежности вотчины челобитчику были включены по названному закону платежныя книги и показанія стороннихъ людей. Писцовый наказъ 130 года, имѣя въ виду не отдѣльныя челобитья, а сплошное описаніе уѣзда также встрѣтился съ вопросомъ объ утраченныхъ вотчинныхъ грамотахъ и крѣпостяхъ и разрѣшилъ его въ смыслѣ указа 1618 года, предоставивъ писцу только собираніе нужныхъ свѣдѣній изъ платежныхъ книгъ и допроса мѣстнаго населенія; окончательное же признаніе правъ владѣльца, утратившаго документы, отнесено наказомъ къ вѣдѣнію центральныхъ учрежденій. Любопытно, что сыскъ о вотчинахъ, владѣльцы которыхъ утратили крѣпости и били челомъ о выдачѣ государевыхъ грамотъ на владѣніе, производился съ

---

[1]) Выписи съ ново-дозорныхъ книгъ за печатями дозорщиковъ и приписями подьячихъ въ число доказательствъ на право владѣнія не принимались, потому что были выданы не изъ приказовъ за подписью дьяковъ, и по тому, что повѣрить подлинность ихъ содержанія было не почему, такъ какъ дозорныя книги погорѣли въ 1621 году (ст. 71).

[2]) Ст. ст. 36-ая и 30-ая наказа. Указн. книга Помѣст. прик., стр. 30—31.

1618 года мѣстными учрежденіями, но съ 1624 года (132) т.-е. послѣ посылки валовыхъ писцовъ, былъ отнесенъ къ вѣдѣнію послѣднихъ. Мы видѣли уже, что помѣстья лицъ, не представившихъ Государевыхъ грамотъ, по наказу должны были отписываться на Государя. Если такъ строго относилось правительство къ владѣльцамъ помѣстій, не терявшимъ и послѣ отписки права полученія земельныхъ дачъ въ количествѣ, не выходившемъ изъ оклада, то тѣмъ болѣе прямолинейности должны были бы мы встрѣтить въ постановленіяхъ наказа 130 года объ описаніи вотчинъ. На самомъ дѣлѣ такого отношенія не замѣчается; наоборотъ, можно только удивляться необычайной мягкости и снисходительности, оказываемыхъ вотчинникамъ со стороны правительственной власти. Съ особенной опредѣленностью правительственная точка зрѣнія выразилась въ указѣ 10 іюля 1623 года, который призналъ ненарушимость поземельныхъ владѣній служилыхъ людей, бывшихъ за ними до службы, хотя бы они вернулись къ Москвѣ послѣ службы Тушинскому вору для того, чтобы, какъ говоритъ указъ: „государскою милостію всю люди были пожалованы и въ винахъ своихъ пощежены и межъ бы всѣхъ людей Московскаго государства того ихъ государскою милостію ссора и челобитья унято“. Правительство готово даже было возвратить земли бывшихъ измѣнниковъ изъ раздачи, но остановилось только потому, что предвидѣло большія волненія, связанныя съ этой мѣрой: если, разсуждаетъ тотъ же указъ, поворачивать то, „что ужъ задавнѣло, и въ томъ межъ людей будетъ многая ссора и брань [1])“. Эти обстоятельства свидѣтельствуютъ о здравомъ государственномъ смыслѣ и крупномъ политическомъ тактѣ, который проявило московское правительство послѣ смуты: оно стремилось къ успокоенію страны и торжеству законности въ землевладѣніи путемъ осторожныхъ и обдуманныхъ мѣропріятій. Власть не могла признать закономѣрность многихъ актовъ о пожалованіяхъ земель, которые исходили отъ самозванныхъ правительствъ, но въ то же время была безсильна рѣзко измѣнить сложившіяся отношенія и совершенно отказать имъ въ юридической санкціи. Пришлось прибѣгнуть къ компромиссному рѣшенію, которымъ наиболѣе полно удовлетворялись бы какъ притязанія частныхъ лицъ, такъ и интересы государства. Съ нѣкоторой нерѣшительностью наказа по отношенію къ вотчинамъ мы уже встрѣчались выше: вотчины, владѣльцы которыхъ не представятъ писцамъ крѣпостей и государевыхъ грамотъ, записывались въ книги особо, но не отбирались

---

[1]) Указная книга пом. прик. стр. 52. Характеристику земельнаго законодательства въ эпоху послѣ смуты см. у Ю. В. Готье „Замосковный Край въ XVII вѣкѣ“, стр. 253—254.

отъ вотчинниковъ, впредь до рѣшенія Помѣстнаго Приказа, которому писецъ отсылалъ соотвѣтствующее обыскное дѣло.

Такую же осторожность проявляетъ наказъ по отношенію къ тѣмъ вотчиннымъ землямъ, которыя записаны въ писцовыхъ книгахъ помѣстьями. Если владѣльцы не предъявятъ жалованныхъ грамотъ, а „кладутъ купчія"—то писцы, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, записывали вотчины особой статьей для доклада Государю [1]).

Полномочія писцовъ по отношенію къ вотчиннымъ землямъ были, такимъ образомъ, уже, чѣмъ по отношенію къ помѣстнымъ. Какъ бы ни объяснять указанные факты — уничтоженіемъ ли документовъ въ смутное время, большей ли точностью приказной регистраціи помѣстій, чѣмъ вотчинъ, нежеланіемъ ли колебать еще уцѣлѣвшіе культурные очаги,—одно остается несомнѣннымъ, что отобраніе вотчинъ производилось по рѣшенію приказа, а не писцовой комиссіи, какъ это имѣло мѣсто при отписываніи помѣстій. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда писцы установятъ, что одно и то же лицо получило за московское осадное сидѣнье вотчину въ двойномъ размѣрѣ, или когда окажется, что опричными дачами владѣютъ старые вотчинники безъ государевыхъ грамотъ, то имъ предоставлялось право отписыванія такихъ вотчинъ на Государя собственной властью [2]). На второмъ случаѣ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Мы уже говорили, что осѣданіе населенія на раззоренныхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ часто носило стихійный характеръ безыскусственнаго процесса, опредѣлявшагося случайной комбинаціей дѣйствовавшихъ силъ и настроеній. Тѣмъ не менѣе можно указать на одно явленіе, о которомъ глухо упоминаетъ валовой наказъ 130 года, носящее признаки сознательной борьбы за когда-то утраченныя по волѣ государей земельныя владѣнія. Мы говоримъ о попыткахъ многихъ вотчинниковъ, экспропріированныхъ въ опричину, вернуться на свои старыя мѣста, пользуясь моментомъ всеобщей разрухи и смятенія. Можно предположить, что эта, столь естественная реакція на принудительные акты государственной власти, приняла далеко не безобидный харак-

---

[1]) Ст. 52-ая наказа. Насколько послѣдовательно проведено въ наказѣ ограниченіе полномочій писца по отношенію къ вотчинамъ, видно изъ того, что вотчины, на которыя представлены будутъ жалованныя грамоты, не переписанныя по „новому уложенію" т.-е. по закону 1620 года 28 ноября, писцы записывали хотя и въ вотчинныхъ земляхъ, но особой статьей „покамѣстъ о тѣхъ вотчинахъ государевъ указъ будетъ" (ст. 72 наказа). Такимъ образомъ, и въ этомъ нехитромъ случаѣ, право произнести рѣшающій приговоръ, не было предоставлено писцамъ.

[2]) Ст. ст. 42-ая, 51-ая наказа.

теръ и могла серьезно угрожать фонду помѣстныхъ земель, такъ какъ земли, взятыя въ опричину, раздавались опричнымъ служилымъ людямъ на помѣстномъ правѣ. Съ этой опасностью считается валовой наказъ, предписывая писцамъ у старыхъ вотчинниковъ требовать новыя государевы грамоты, по которымъ ихъ прежнія земли взяты изъ раздачи или изъ порозжихъ земель и „дованы назадъ". Отсутствіе такихъ грамотъ влекло за собой отписываніе вотчинъ на Государя по постановленію писцовой комиссіи. Къ этому случаю примѣнялись общія правила о захватѣ Государевыхъ земель безъ крѣпостей и съ виновныхъ взыскивалась пеня за доходъ за всѣ годы самовольнаго владѣнія [1]). Крупный интересъ представляетъ ст. 41-ая наказа 130 года, воспроизводящая указы 30 ноября 1613 года и 20 сентября 1616 года [2]). По общему правилу [3]), относительно всѣхъ пожалованныхъ за московское осадное сидѣнье вотчинъ, писцы, прежде чѣмъ записывать ихъ въ книги, должны были произвести сыскъ о вотчинникахъ: „въ Тушинѣ и въ Калугѣ они не бывали-ль, или Вору креста не цѣловали-ль и въ одномъ ли мѣстѣ за службу вотчина ему дана". Полученіе отрицательныхъ отвѣтовъ на эти вопросы было основаніемъ для записи вотчины въ книги по жалованнымъ грамотамъ. Если же въ результатѣ сыска окажется, что вотчинники „были въ воровствѣ" или получили грамоты отъ Вора въ Тушинѣ и въ Калугѣ—то вотчины ихъ, писцы должны были писать въ помѣстье съ отобраніемъ лишковъ противъ окладовъ на Государя. Вмѣстѣ съ этимъ писцы отбирали у вотчинниковъ ихъ жалованныя грамоты, которыя представляли, по пріѣздѣ въ Москву, къ Государю [4]). Въ такой безобидной формѣ ликвидировались незаконныя пріобрѣтенія, добытыя усердной службой Тушинскому Вору. Опредѣляя по документамъ и на основаніи розыска самое существо тѣхъ правомочій, которыя предоставлены служилому человѣку по отношенію къ состоящей въ его владѣніи землѣ (вотчина, помѣстье, самовольное владѣніе), писцы должны были затѣмъ установить и самый объемъ этихъ правъ и привести земельныя дачи въ соотвѣтствіе съ правами землевладѣльцевъ. Самыя основы помѣстной системы исключали изъ обихода государственной жизни Московской Руси всякую мысль о за-

---

1) Ст. 51-ая наказа.

2) Указы 1613 года ноября 30 дня и 1616 года сентября 20. См. въ Указн. книгѣ Помѣст. Прик. стр. 40—41.

3) Ст. 40-ая наказа.

4) Ст. 41-ая валового наказа. Ст. ст. 40-ая и 41-ая его цитируются Указной Книг. Пом. Прик. на стр. 90. Тамъ же изложена жалоба коломенскихъ дворянъ, бывшихъ у Тушинскаго Вора, на писца Семена Усова, что онъ „тѣ ихъ вотчинные грамоты емлетъ".

крѣпленіи въ писцовыхъ книгахъ фактическаго состоянія землевладѣнія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ помѣстьямъ. Но по отношенію къ вотчинамъ разныхъ владѣльцевъ такая упрощенная точка зрѣнія на поземельное владѣніе уже не могла примѣняться въ полной мѣрѣ. Законодательство 17-го вѣка поэтому носитъ колеблющійся характеръ по вопросу о примѣрныхъ или излишнихъ земляхъ въ вотчинахъ. Примирить два столь несродные между собой принципа какъ укрѣпленіе земель или по документамъ, или по фактическому безспорному владѣнію было, конечно, задачей едва ли разрѣшимой по существу дѣла. Тѣмъ не менѣе правительство Михаила Федоровича сдѣлало двѣ попытки разрѣшенія стоящаго на очереди вопроса въ уложеніи 128 года о лишнихъ земляхъ и въ валовомъ наказѣ 130 года. Составителямъ валоваго наказа предстояла нелегкая задача выбрать изъ противорѣчиваго и неподдающагося связному истолкованію соборнаго приговора 128 года [1]), всѣ тѣ начала, на основаніи которыхъ можно было бы создать надлежащее руководство писцамъ для разрѣшенія вопроса объ излишкахъ. Дѣятели того времени чувствовали всю тяжесть вопроса объ излишнихъ земляхъ въ дачѣ и для смягченія его остроты избрали вѣрный путь, согласованный съ достоинствомъ и интересами государственной власти и совершенно безупречный въ моральномъ отношеніи. Уложеніе 128 года, а вслѣдъ за нимъ и валовой наказъ 130 года, дѣлитъ всѣхъ владѣльцевъ, получившихъ вотчины пожалованіемъ изъ старыхъ помѣстій, на два разряда: 1) получившихъ земли безъ утайки, по старымъ писцовымъ книгамъ и 2) получившихъ земли по разнымъ отдѣльнымъ и дозорнымъ книгамъ или своимъ сказкамъ, скрывая старые писцовые документы.

Владѣльцы перваго разряда, какъ владѣющіе добросовѣстно, получали кромѣ вотчиннаго оклада и всю излишнюю примѣрную землю въ своей дачѣ; послѣдняя жаловалась имъ въ помѣстье и только излишки сверхъ помѣстныхъ окладовъ подлежали отпискѣ на Государя для раздачи служилымъ людямъ [2]). Разумѣется, это правило было совершенно цѣлесообразно. Помѣщикъ, владѣвшій по старымъ писцовымъ книгамъ и получившій по нимъ свое старое помѣстье въ вотчину, можетъ безъ всякихъ натяжекъ быть признанъ владѣльцемъ добросовѣстнымъ, и тѣ ошибки въ измѣреніи земель, которыя были сдѣланы составителями старыхъ книгъ, не должны ставится въ вину ничего не скрывавшему человѣку.

[1]) Съ какими трудностями приходится встрѣчаться при изученіи уложенія 128 года, показываютъ комментаріи къ нему В. Н. Сторожева. Указная книга помѣстнаго приказа стр. 54—58 и 166—174.

[2]) Пунктъ а). Уложенія 128 года.

Въ валовой наказъ 130 года это правило вошло съ нѣкоторыми добавленіями для писцовъ, раскрывающими точный смыслъ Уложенія 128 года. Валовой наказъ, въ полномъ согласіи съ общимъ характеромъ полномочій писцовъ, не могъ предоставить имъ право отдачи добросовѣстному владѣльцу излишнихъ земель въ помѣстье. Для этого, какъ извѣстно, всегда требовалось повелѣніе Государя. Поэтому всѣ излишки въ пожалованныхъ вотчинахъ добросовѣстныхъ владѣльцевъ и противъ вотчинныхъ дачъ и противъ помѣстныхъ окладовъ записывались, по наказу, въ книги особо, но вотчинникамъ предоставлялось бить челомъ Государю о пожалованіи имъ лишковъ въ счетъ недостачи помѣстнаго оклада; въ исходѣ такого ходатайства наказъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній, приказывая валовымъ писцамъ „безъ государева указу тѣхъ лишнихъ земель ни за кѣмъ въ книги письма своего и мѣры не писать и стороннимъ людямъ мимо ихъ не отдавать, потому что они тѣ земли имали себѣ въ вотчину по правдѣ, по старымъ писцовымъ книгамъ и земель за собой не таили".

Лишки въ тѣхъ же вотчинахъ противъ помѣстныхъ окладовъ, уложеніе предписываетъ отбирать на Государя, но валовой наказъ, смягчая нѣсколько это требованіе, говоритъ только о записи ихъ въ книги особо и добавляетъ, что „тѣмъ землямъ Государевъ указъ будетъ на Москвѣ, какъ писцы книги жъ письма своего и мѣры положатъ [1])".

Такъ какъ писцамъ не было дано никакихъ указаній о томъ, какъ опредѣлить окладъ вотчинника, а главное, количество помѣстій за нимъ въ разныхъ городахъ [2]), то въ большинствѣ случаевъ писцы отписывали излишнія земли по слѣдующей формулѣ: и „прибыло у него по приправочнымъ книгамъ сверхъ его дачи столько-то четей... и та прибылая земля писана въ его же помѣстье... до Государева указу [3])". Такимъ образомъ, право добросовѣстнаго владѣльца пожалованной вотчины на лишнія земли въ размѣрѣ недодачи до помѣстнаго оклада, обезпеченное ясными указаніями соборнаго приговора 128 года, могло реализоваться только въ результатѣ продолжительной и непріятной процедуры челобитья и пожалованія. Относительно владѣльцевъ, получившихъ вотчины изъ своихъ помѣстій по новодозорнымъ книгамъ и своимъ сказкамъ, утаивъ старыя писцовыя книги или выписи изъ нихъ, Уложеніе 128 года (п. в.) постановили, что они могутъ получить

---

[1]) Ст. 50-ая наказа 130 года; она соотвѣтствуетъ пункту а) Уложенія 128 года.

[2]) Наказъ 1684 года въ п. 14-мъ даетъ обстоятельныя указанія по этому вопросу.

[3]) См. Ю. В. Готье „Замосковный Край въ XVII вѣкѣ стр. 161—162.

только свои вотчинныя дачи въ размѣрѣ пожалованія, всѣ же излишки противъ нихъ должны быть отписаны на Государя. Такъ какъ въ общія обязанности писца не входило производство розыска о способахъ полученія вотчины служилымъ человѣкомъ, то пунктъ в) Уложенія 128 года не нашелъ себѣ мѣста въ валовомъ наказѣ 130 года.

Писцы могли различать владѣльцевъ, получившихъ вотчины по новодозорнымъ книгамъ или своимъ сказкамъ, только смотря по тому, представили они при описаніи вотчинъ выписи съ старыхъ писцовыхъ книгъ или нѣтъ. Въ первомъ случаѣ писцы писали вотчины по писцовымъ книгамъ, а во второмъ—по дачамъ; излишки же одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ записывались „особою себѣ статьею"[1]). Повидимому, нѣтъ никакой разницы въ положеніи вотчинъ того и другого владѣльца. Между тѣмъ, она была и весьма значительна. Представленіе владѣльцемъ старыхъ выписей, конечно, имѣло значеніе только въ томъ случаѣ, когда въ приправочныхъ книгахъ писца данное владѣніе не записано. Получивъ нужныя выписи, писецъ долженъ былъ писать и мѣрить вотчины „примѣриваясь къ сотнымъ грамотамъ". При отсутствіи таковыхъ писецъ долженъ былъ самостоятельно произвести новую оцѣнку земель, раздѣлить ихъ по качествамъ и установить пропорцію одабриванія [2]).

Понятно, что при этомъ могли поколебаться права землевладѣльца, установленныя и укрѣпленныя при старомъ описаніи, что влекло за собой неизбѣжную отписку примѣрныхъ земель.

Валовой наказъ 130 года не вмѣняетъ писцамъ въ обязанность непремѣнно слѣдовать старымъ приправочнымъ книгамъ, но онъ настойчиво рекомендуетъ къ нимъ „примѣриваться". Только такой системой дѣйствій можно было избѣгнуть полнаго пересмотра укрѣпленныхъ уже правъ на земли и содѣйствовать непоколебимости ихъ и въ будущемъ. Эти соображенія были особенно примѣнимы къ описанію вотчинъ, какъ наиболѣе цѣнныхъ земель служилаго человѣка [3]).

Таковы главнѣйшія постановленія Уложенія 128 года и наказа 130 года по отношенію къ примѣрнымъ землямъ, появившимся въ дачѣ вотчинника независимо отъ усилій владѣльца расширить свои владѣнія за счетъ распашки стороннихъ земель или своихъ угодій. Положеніе

---

[1]) Ст. 45-я валоваго наказа.

[2]) Ст. 47-я наказа.

[3]) Имъ руководился Помѣстный Приказъ и при устройствѣ помѣщиковъ; вотъ примѣръ, взятый изъ отдѣльной грамоты: „въ томъ с. Никольскомъ... велѣно оставливать, по выписи съ книгъ Григорія Оксентьева добрую землю за добрую, а середнюю и худую землю одабривая". „Матеріалы" В. Н. Сторожева, стр. 44-я и сл.

примѣрныхъ земель этой послѣдней категоріи регламентируется постановленіями, выраженными въ пунктахъ б, г, д и з Уложенія 128 года. Положеніе, выставленное въ пунктѣ г, едва ли имѣетъ какой-либо смыслъ въ настоящей редакціи. Въ самомъ дѣлѣ, по этому пункту, земли написанныя за владѣльцами по старымъ писцовымъ книгамъ въ размѣрѣ меньшемъ противъ новыхъ писцовыхъ или новыхъ дозорныхъ книгъ, записываются за владѣльцами по большему окладу, потому что „въ прежніе лѣта многіе мѣста были впусте, а послѣ того населились и объявилися вживе". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при описаніи помѣстныхъ земель подобными правилами руководиться было нельзя. Помѣщики, за которыми земли были записаны въ старыхъ писцовыхъ книгахъ, или старые помѣщики, по терминологіи баловаго наказа 130 года, могли получить только то количество земли, которое точно соотвѣтствовало ихъ дачѣ [1]). Слѣдовательно, въ пунктѣ г рѣчь можетъ итти только о вотчинахъ [2]), при томъ о вотчинахъ старинныхъ, занимающихъ вполнѣ установившуюся территорію. Всякія колебанія въ площади распаханныхъ земель въ этихъ вотчинахъ не могли давать никакого повода къ возбужденію вопроса о примѣрныхъ земляхъ. Заново проредактированный пунктъ г могъ бы оказаться, разумѣется, не лишнимъ въ наказѣ писцамъ, но составители этого наказа, повидимому, сознательно уклонились отъ включенія этого неяснаго пункта въ руководство для писцовъ, тѣмъ болѣе, что правильное его истолкованіе приводитъ къ столь яснымъ и безспорнымъ положеніямъ, что о нихъ можно было бы безъ ущерба для дѣла, совсѣмъ умолчать [3]).

Совсѣмъ другое значеніе имѣетъ пунктъ з, предоставляющій владѣльцамъ права на новораспашныя земли изъ угодій въ старинныхъ вотчинахъ (о чемъ говоритъ и пунктъ б) и помѣстьяхъ: „а будетъ за которыми людьми объявятца лишніе земли, а они будетъ ихъ запахали изъ старыхъ своихъ угодей изъ лѣсовъ и изъ луговъ изъ старыхъ дачь,

---

[1]) Ст. 9-я наказа.

[2]) Въ „Матеріалахъ" В. Н. Сторожева (стр. 27) приведенъ пунктъ г при канцелярской подготовкѣ спорнаго дѣла о лишкахъ въ помѣстныхъ земляхъ, но прямого отношенія къ существу дѣла онъ не имѣетъ и никакихъ попытокъ приложить его къ рѣшенію спора не видно.

[3]) Относительно п. г возможно сдѣлать только два предположенія: 1) редакція его неудовлетворительна и онъ не выражаетъ той мысли, которую имѣлъ въ виду законодатель, 2) редакція его вѣрна, и тогда нужно признать, что на Соборѣ 1620 года была сдѣлана попытка сузить задачи валоваго письма до степени простой регистраціи фактическихъ владѣній; эта попытка, несмотря на принятіе пункта г, была сведена на нѣтъ и общимъ смысломъ уложенія 1620 года и послѣдовавшимъ за нимъ валовымъ наказомъ 1622 года. Думаемъ, что первое предположеніе болѣе вѣроятно.

а не изъ новыхъ, ...и тѣхъ земель у тѣхъ людей не отнимать, а писати за ними вотчинные земли по дачамъ, а помѣстные по окладамъ". Приведенное постановленіе имѣетъ ясный смыслъ только по отношенію къ старинымъ помѣстьямъ, излишки въ которыхъ противъ дачъ, происходящіе отъ обращенія угодій въ пашню предположено отдавать помѣщикамъ въ ихъ оклады. Но что означаетъ изложенное здѣсь же правило объ отдачѣ новораспашныхъ земель, оказывающихся въ лишкѣ противъ вотчинныхъ дачъ, „по дачамъ"? Если отдавать по дачамъ, то новораспашныя примѣрныя земли, какъ не входящія въ дачу, должны были бы подлежать отпискѣ.

Неясная редакція пункта з заставила составителей наказа итти своимъ путемъ; потому въ немъ мы не встрѣчаемъ и столь важнаго правила объ отдачѣ старымъ помѣщикамъ новораспашныхъ земель въ оклады.

Это, конечно, не значитъ, что въ этой части пунктъ з Уложенія 128 года былъ отмѣненъ валовымъ наказомъ 130 года. Право, предоставленное помѣщикамъ на расчистку своихъ угодій, съ тѣмъ, что они будутъ зачислены послѣ челобитья въ окладъ, конечно существовало втеченіе всего XVII вѣка и имѣлось въ виду валовыми писцами царствованія Михаила Федоровича.

Но, пытаясь оторваться отъ изложеннаго выше постановленія о новораспашныхъ примѣрныхъ земляхъ въ старинныхъ вотчинахъ, составители валоваго наказа не успѣли избѣжать тѣхъ противорѣчій, которыми отличается пунктъ з Уложенія 128 года. Это сказалось по отношенію къ вотчинамъ, пожалованнымъ изъ помѣстій въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ волостяхъ. Поверстные пашенные лѣса и поросли по пашнѣ, данные „къ тѣмъ волостямъ", могли оказаться ко времени писцоваго описанія уже распаханными. Имѣя это въ виду, наказъ постановляетъ, что если вотчинники „тотъ лѣсъ къ своимъ вотчинамъ расчистили и распахали и поставили деревни и починки, и проча себѣ послѣ своихъ дачъ, и писцомъ тѣхъ роспашенныхъ земель у нихъ не отнимать, а писать (за ними въ вотчину) [1]), будетъ за ними въ вотчинѣ сверхъ вотчинныхъ дачъ лишнія примѣрныя земли не будетъ". Опять встрѣчаемся съ тѣмъ же жестокимъ требованіемъ, которое находится и въ Уложеніи 128 года: новораспашныя земли въ вотчинахъ отдаются владѣльцу въ томъ случаѣ, если войдутъ въ его вотчинную дачу. Только по отношенію къ вотчинамъ, пожалованнымъ за царя Василія осадное сидѣнье изъ старыхъ помѣстій, наказъ оговариваетъ,

---

[1]) Слова, взятыя въ скобкахъ, повидимому, пропущены при изготовленіи „списка съ валоваго наказа".

что новораспашныя земли изъ поверстныхъ лѣсовъ отдаются вотчинникамъ „въ помѣстье, въ ихъ оклады, а лишекъ противъ окладовъ списывается на Государя“.

Составители наказа отмѣтили важность даруемой привилегіи тѣмъ, что посвятили ей двѣ статьи: половину 44-ой и всю 48-ую.

Несмотря на видимую суровость постановленій Уложенія 128 года и валоваго наказа, относящихся къ новораспашнымъ примѣрнымъ землямъ, мы должны признать за ними наряду съ недостатками и крупное достоинство. Въ нихъ послѣдовательно выражена и проведена государственная точка зрѣнія на земельныя владѣнія служилыхъ людей. Необходимость содержанія громадной военной силы вынуждала правительство изыскивать вездѣ, гдѣ это возможно, свободныя, еще не розданныя земли для испомѣщенія служилыхъ людей. Такъ какъ общая конфискація церковныхъ и монастырскихъ владѣній оказалась не подъ силу Московской Руси XVI и XVII столѣтій, то естественно было вмѣстѣ съ раздачей черныхъ земель, дворцовыхъ волостей обратиться къ мелочному учету земель служилыхъ людей, съ цѣлью выкроить хоть нѣсколько карликовыхъ жеребьевъ, которые и въ разбросанномъ видѣ, могли служить, для испомѣщенія дворянъ или боярскихъ дѣтей. Такъ чрезмѣрное напряженіе народныхъ силъ для обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ, тормозило культурную работу наиболѣе предпріимчивыхъ людей и убивало хозяйственную инициативу помѣщика XVII вѣка.

Тѣмъ не менѣе и того, что обезпечивалось за служилымъ человѣкомъ писцовыми книгами и законодательствомъ, было совершенно достаточно для поддержанія хозяйственной энергіи помѣщика или вотчинника на среднемъ уровнѣ. И Уложеніе 128 года и наказъ 130 года признаютъ за старыми помѣщиками право на всѣ тѣ земли и угодья, которыя записаны за ними въ старыхъ писцовыхъ книгахъ. Помѣщику отмѣривалась пашня по числу четвертей писцовой книги, и если онъ обратилъ часть своихъ угодій въ пашню, то это вело лишь къ выключенію изъ угодій соотвѣтствующаго количества десятинъ или копенъ. Расчистка поверстныхъ лѣсовъ, закрѣпленныхъ за даннымъ лицомъ, также могла осуществляться безпрепятственно, но съ условіемъ справки излишковъ въ пашнѣ противъ дачи въ окладъ. Это было вполнѣ цѣлесообразно, такъ какъ при нѣкоторыхъ помѣстьяхъ могли быть очень большія площади лѣсовъ, и государство, послѣ надѣленія служилаго человѣка въ размѣрѣ его оклада, могло излишками донадѣлять маломѣстныхъ или безпомѣстныхъ людей. Здѣсь мы подходимъ къ тому оригинальному взгляду, который господствовалъ въ древней Руси на поверстные лѣса. Государство не считало себя устраненнымъ отъ распоряженія большими поверстными лѣсами, приписанными къ дачамъ.

Какъ мы увидимъ, впослѣдствіи, валовой наказъ 130 года твердо проводитъ мысль о необходимости изверстанія служилыхъ людей, надѣленныхъ изъ бывшихъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, угодьями и лѣсами. Изъ разверстки исключались только десятинные пашенные лѣса, лежащіе между пашнями. Поэтому вполнѣ понятна строгость, проявляемая Уложеніемъ 128 года и наказомъ 130 года по отношенію къ новораспашнымъ излишнимъ землямъ въ пожалованныхъ вотчинахъ. Эти лишки получались отъ обращенія части еще неразверстанныхъ угодій въ пашню, что, конечно, было невыгодно для другихъ владѣльцевъ, имѣющихъ право въѣзда въ тѣ же лѣса. Стройное развитіе этихъ началъ, о которыхъ можно только догадываться по валовому наказу 130 года, имѣетъ мѣсто въ Соборномъ Уложеніи 1649 года. Оно признало незаконнымъ пріобрѣтеніе по дачамъ роспашей, сдѣланныхъ въ общихъ лѣсахъ, и подтвердило право расчистки лѣсовъ къ помѣстьямъ и вотчинамъ въ тѣхъ урочищахъ, которые отведены тому или другому поземельному владѣнію [1]).

Тѣмъ не менѣе и Соборное Уложеніе 1649 года говоритъ о дачѣ, какъ обязательномъ способѣ пріобрѣтенія новораспашныхъ земель, даже изъ своихъ лѣсовъ и угодій. Это было необходимо для учета экономическихъ силъ владѣльца, для наложенія на его землю тягла и службы въ соотвѣтствіи съ ея цѣнностью.

Принципъ наполненія вотчинъ только въ размѣрахъ пожалованія съ отпискою излишковъ противъ дачи на государя, за исключеніемъ излишковъ изъ новороспашныхъ земель въ вотчинахъ изъ старыхъ помѣстій, пожалованныхъ за осадное сидѣнье царя Василія Шуйскаго, показываетъ, что законодательство первой половины 17 вѣка стремилось предупредить расширеніе вотчиннаго землевладѣнія на счетъ государственныхъ земель, и, если шло на уступки въ вопросѣ объ отобраніи новораспашныхъ примѣрныхъ земель на государя, то въ формѣ обязательнаго обращенія этихъ излишковъ въ помѣстье.

Съ этой стороны постановленія Соборнаго Уложенія знаменуютъ рѣшительный поворотъ къ расширенію правъ служилыхъ вотчинниковъ по отношенію къ примѣрнымъ землямъ. Ст. 60 главы XVI уложенія 1649 года говоритъ о дачѣ новораспашныхъ земель къ помѣстью или вотчинѣ, какъ объ общемъ порядкѣ пріобрѣтенія такихъ земель вотченникомъ или помѣщикомъ, и только, въ интересахъ большей опредѣленности, оно оговариваетъ отдѣльно право на распашки въ купленныхъ отъ казны вотчинахъ, въ бортныхъ и поверстныхъ лѣсахъ. Въ первомъ случаѣ это было необходимо потому, что покупная цѣна вотчины изъ

---

[1]) Соборное Уложеніе 1649 года, гл. XVI, ст. 60.

порозжихъ земель опредѣлялась по количеству четвертей въ ней, безъ соотвѣтствіи съ количествомъ угодій. Эти вотчины послѣ продажи обязательно отдѣлялись отъ смежныхъ земель наложеніемъ на границахъ межевыхъ знаковъ. Несмотря на это, вотчинники, очевидно, могли опасаться, что появленіе въ ихъ земляхъ лишнихъ четвертей можетъ повести или къ отобранію ихъ, или къ дополнительному взысканію денегъ за непроданныя четверти. Къ разрѣшенію этихъ сомнѣній и направляется Уложеніе 1649 года, подтверждая право владѣльцевъ на все то, что находится въ межахъ купленныхъ отъ казны вотчинъ [1]. Вмѣстѣ съ этимъ Уложеніе признало право владѣльцевъ на расчистку бортныхъ и поверстныхъ лѣсовъ, состоящихъ въ писцовыхъ межахъ помѣстій и вотчинъ. Этому праву редакторы Уложенія придавали особое значеніе и говорятъ о немъ въ двухъ главахъ съ буквальнымъ почти тожествомъ выраженій [2]. Такъ разрѣшены были коренные вопросы объ излишнихъ новораспашныхъ земляхъ, столь остро поставленные уложеніемъ 128 года и валовымъ наказомъ 130 года. Можно все-таки сказать, что отобраніе лишковъ въ вотчинахъ, пожалованныхъ изъ старыхъ помѣстій, не могло получить сколько-нибудь широкаго и угрожающаго характера, такъ какъ при описаніи ихъ практиковалась система одабриванія, какъ и при письмѣ помѣстій [3].

Наличность старыхъ писцовыхъ книгъ, въ этомъ случаѣ имѣла чрезвычайно важное для владѣльцевъ значеніе, чѣмъ и объясняется требованіе валоваго наказа, обращенное къ населенію, о доставленіи старыхъ грамотъ и сотныхъ выписей [4],

Излагая правило описанія помѣстій или вотчинъ, наказъ 130 года въ то же время возлагаетъ на писцовъ обязанность по охраненію служилаго землedѣлія и по проведенію въ сознаніе помѣщиковъ и вотчинниковъ взглядовъ центральнаго правительства по тому или другому поводу. Здѣсь намъ необходимо указать на обязанности писца при описаніи казачьихъ помѣстій и вотчинъ. Наказъ констатируетъ тотъ фактъ, что казаки и казачьи атаманы свои помѣстья сдаютъ, а вотчины продаютъ въ постороннія руки; всѣ такого рода сдачи и продажи при-

[1]) Уложеніе 1649 года, глава XVII, ст. 45.

[2]) Уложеніе 1649 года, глава X, ст. 243 и глава XVII, ст. 21.

[3]) Ст. 47 валоваго наказа.

[4]) До 130 года одабривались всѣ жалованныя вотчины, послѣ же наказа 130 года одабривались только вотчины, пожалованныя изъ старыхъ помѣстій. См. „Матеріалы“ В. Н. Сторожева стр. 267—271. Тамъ же въ дѣлѣ № 2 интересный примѣръ, какъ сыскивались и отдавались излишнія земли противъ старыхъ писцовыхъ книгъ. О противорѣчіяхъ въ опредѣленіи одной и той же площади старыми писцовыми книгами, отдѣльными грамотами, отдѣльными и дозорными книгами см. стр.: 22, 26, 29—31, 320—322.

знаются наказомъ не имѣющими юридическаго значенія и не дающими основаній для записи казачьихъ земель за новыми владѣльцами. Установивъ это, наказъ предписываетъ писцамъ объявлять служилымъ людямъ, что снимать и покупать казачьи помѣстьи и вотчины имъ запрещено, и впредь такія сдѣлки разрѣшаются только между казаками же [1]). Помѣстья и вотчины казаковъ, которые, бросивъ службу, поступили въ монастырскіе служки или къ кому-либо въ холопы, или же занялись торговлею — отписывались писцами на Государя. Это постановленіе находится въ связи съ общимъ требованіемъ наказа объ отпискѣ земель у неслужилыхъ людей на Государя: „а которыми будутъ вотчинными и помѣстными землями владѣетъ кто безъ крѣпостей или по крѣпостямъ не служивые люди: попы—не къ церквямъ, и торговые мужики и монастырскіе служки или холопы боярскіе, — писцомъ тѣ земли отписывать на Государя, а тѣхъ людей въ Государевѣ пенѣ давать на крѣпкія поруки" [2]). Казакъ, выбывшій изъ службы въ тяглые слои населенія, тѣмъ самымъ утрачивалъ свои права на земли, которыя поступали въ государственный фондъ.

Мы изложили самыя существенныя постановленія наказа 130 года объ описаніи служилыхъ земель, Ихъ основные мотивы—укрѣпленіе законныхъ правъ на владѣніе, отобраніе лишковъ па Государя и признаніе правоспособными владѣльцами только служилыхъ людей. Несмотря на принципіальную простоту этихъ мотивовъ, детальное ихъ развитіе въ примѣненіи къ землевладѣнію Московской Руси послѣ смуты привело составителей наказа къ длинному ряду постановленій, мѣстами яркихъ и отчетливыхъ, чаще же расплывчатыхъ и неясныхъ, благодаря, механическому и даже текстуальному заимствованію изъ разновременныхъ и запутанныхъ указовъ по земельнымъ дѣламъ того времени.

—

Ростъ монастырскаго землевладѣнія за счетъ вотчинъ служилыхъ людей, связанный съ угрожающимъ выходомъ земель изъ службы, былъ, какъ извѣстно, предметомъ особаго вниманія со стороны правительства и общественныхъ круговъ Московской Руси 16-го вѣка. Правительство

---

[1]) Ст. 68 наказа. Это постановленіе въ неполномъ видѣ вошло въ Уложеніе 1649 года гл. XVI ст. 50: „да и казакамъ своихъ казачьихъ вотчинныхъ земель никому не продавать, и не здавать". Ст. 68 валоваго наказа, очевидно, воспроизводитъ содержаніе неизвѣстнаго намъ указа о казачьихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, изданнаго не позднѣе 1622 года. Грамота Помѣстнаго Приказа отъ 14 ноября 1622 года уже говоритъ объ указѣ, по которому казакамъ „вотчинъ продавать и закладывать не велено" С. Шумаковъ. Экскурсы по исторіи Помѣстнаго Приказа, стр. 26, 42.

[2]) Ст. 53 наказа. Срв. Уложеніе 1649 года глава XVII, ст. 41.

Михаила Федоровича въ началѣ слѣдующаго 17-го столѣтія также встрѣтилось съ вопросомъ объ ограниченіи роста монастырскихъ имуществъ, но, вѣрное своей тактикѣ смягченія конфликтовъ между интересами государства и интересами составляющихъ его частныхъ лицъ и учрежденій, оно отказалось отъ строгаго исполненія соборнаго приговора 1580 года и не опредѣлило ясно линію своего поведенія въ будущемъ.

Весь ходъ событій приводилъ къ тому, что строгое исполненіе соборнаго приговора 1580 года въ первые годы послѣ смуты дѣлалось почти неосуществимымъ безъ нежелательныхъ осложненій. Государство должно было уступить служилому сословію и духовенству въ той части своихъ требованій, закрѣпленныхъ закономъ 1580 года, которыя ограничивали первое—въ правѣ распоряженія своими вотчинами, второе—въ правѣ пріобрѣтенія новыхъ земельныхъ имуществъ. Борьба, которую вели русскіе люди за національную независимость въ 1610—1612 годахъ, сблизила первенствующія сословія Московской Руси, сплотило ихъ единствомъ стремленій и временныхъ интересовъ. Заслуги русской церкви, патріарха Гермогена, Троице-Сергіевой Лавры въ борьбѣ съ поляками выдвинули на первый планъ нравственное могущество духовныхъ организацій и ихъ искреннію любовь къ государственному цѣлому. Прибавивъ къ этому еще, что послѣ смуты высшая свѣтская власть и высшая духовная находились въ рукахъ дома Романовыхъ, мы найдемъ, что въ условіяхъ русской политической жизни первой половины 17 вѣка не было мѣста для того антагонизма между церковью и государствомъ, который наблюдался въ 16 вѣкѣ. Поэтому неудивительно, что правительство Михаила Федоровича, оставляя уложенье 1580 года неотмѣненнымъ на будущее время, сдѣлало изъ него существенныя изъятія, отчасти въ интересахъ служилыхъ людей, а главнымъ образомъ въ интересахъ монастырей.

Первое отступленіе отъ соборнаго приговора 1580 года было сдѣлано указомъ 28 ноября 1620 года, которымъ давались особыя права распоряженія вотчинами, полученными за „царя Васильево московское осадное сидѣнье“: „въ тѣхъ они (вотчинники) своихъ вотчинахъ и ихъ дѣти и внучата и правнучата вольны и вольно имъ тѣ вотчины продать и заложить и въ приданое и въ монастырь по душѣ дать“. Такимъ образомъ основное требованіе уложенія 1680 года: „вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не давать“ потеряло свою силу по отношенію къ указанной категоріи вотчинъ [1]). Судя по тому несомнѣнному реди-

[1]) Соборный приговоръ 15 января 1580 года и подтвержденіе его приговоромъ 20 іюля 1584 года см. С. Г. Гр. и Д. т. I, № 200 и 202.

гіозному подъему, который охватилъ русское общество послѣ смуты, мы должны признать за указомъ 1620 года значеніе мѣры, направленной къ удовлетворенію служилыми людьми не только экономическихъ потребностей, но и религіозныхъ интересовъ [1]).

Вторымъ законодательнымъ актомъ, подрывающимъ силу уложенья 1580 года, является соборный приговоръ 27 августа 1622 года, который ввелъ нѣкоторыя новыя начала въ практику выкупа пріобрѣтенныхъ монастырями вотчинъ. На основаніи приговора 1580 года всѣ вотчины, поступившія въ монастыри по завѣщанію послѣ 1580 года, должны были быть отобраны отъ нихъ и отданы родственникамъ завѣщателя съ уплатой соотвѣтствующей суммы денегъ монастырскимъ властямъ. Если родственниковъ жертвователя не оказывалось или они не возбуждали ходатайства о поворотѣ вотчины (исполняя волю покойнаго или не имѣя денегъ для выкупа), то послѣднюю нужно было бы брать на Государя, а въ монастырь платить деньги изъ казны. Еще строже были постановленія соборнаго приговора 1580 года относительно закладныхъ и купленныхъ монастырскихъ вотчинъ: „а кто после сего уложенія (съ 15 января 1580 г.) купитъ землю, или закладня учнетъ за собою держати и тѣ земли имати на Государя безденежно". Въ двадцатыхъ годахъ 17 столѣтія дѣло фактически обстояло такъ: въ виду начавшейся переписи и посылки писцовъ во всѣ города, исполненіе приговора 1580 года должно было бы выразиться въ массовой отпискѣ монастырскихъ земель на Государя и въ уплатѣ монастырямъ значительной суммы денегъ; состояніе же государственныхъ средствъ было таково, что столь значительная трата денегъ, обращенная, въ сущности, на покупку монастырскихъ земель, была совсѣмъ не по силамъ казнѣ [2]). Единственный выходъ изъ создавшагося положенія, продиктованный пониманіемъ общихъ экономическихъ и соціальныхъ

---

[1]) Отдача въ монастырь „по душѣ" своей выслуженной вотчины могла явится одновременно и плодомъ заботы московскаго служилаго человѣка объ устроеніи „многогрѣшной" души, и результатомъ его крайней нужды въ денежныхъ средствахъ.

[2]) Въ 16 вѣкѣ массовыя отобранія монастырскихъ вотчинъ съ уплатой денегъ изъ казны производились неоднократно. При велик. князь Василіи Ивановичѣ вотчинникамъ многихъ городовъ (Рязани, Твери, Новгорода, Бѣлоозера, Торжка, Микулина, Оболенска, а также князьямъ: Суздальскимъ, Ярославскимъ и Стародубскимъ) было запрещено давать вотчины въ монастыри безъ доклада Великому князю. Соборомъ 1551 года относительно вотчинъ, данныхъ монастырямъ безъ государева вѣдома, было постановлено: „имати (ихъ) на Государя, да за нихъ по мѣрѣ деньги платити, да тѣ вотчины отдавать въ помѣстья". Описаніе Троицкихъ вотчинъ въ 1593—1594 г. было произведено также съ цѣлью отписки незаконныхъ пріобрѣтеній этого монастыря.

условій. могъ состоять только въ отказѣ государства отъ своихъ правъ на монастырскія земли, пріобрѣтенныя послѣ приговора 1580 года. Въ согласіи съ этимъ, уложеніе 1622 года опредѣлило, что тѣ пріобрѣтенныя монастырями послѣ 1580 года вотчины, о выкупѣ которыхъ не было челобитья до 1613 года, должны оставаться за монастырями навсегда, такъ какъ „тѣ вотчины застарѣли за монастыри многими лѣты". Этимъ правительство Михаила Федоровича какъ бы снимало съ себя отвѣтственность и заботу о ликвидаціи тѣхъ правонарушеній, которыя были допущены въ царствованія прежнихъ государей. Едва ли можно думать, чтобы приговоръ 1622 года окончательно разрѣшилъ судьбу всѣхъ вотчинъ, поступившихъ въ монастыри между 1580 и 1613 годами въ благопріятномъ для духовныхъ учрежденій смыслѣ. Само собой разумѣется, что вотчины, о которыхъ были челобитья прежнимъ государямъ, подлежали, вообще говоря, возврату родственникамъ отчуждателя. Но кромѣ того, указъ 1622 года допускаетъ возможность челобитій обо всѣхъ вотчинахъ, поступившихъ въ монастыри послѣ 1580 года, даже царствующему Государю и замѣчаетъ, что о такихъ челобитіяхъ нужно „докладывать Государю и учинить указъ смотря по дѣлу о томъ какъ Государь укажетъ". Такимъ образомъ, уложенье 1622 года, по его общему смыслу, отдавало монастырямъ только дѣйствительно задавнѣвшія вотчины, находившіяся во владѣніи монастырей, быть можетъ, не одинъ десятокъ лѣтъ [1]). Размѣръ самой давности заранѣе не былъ установленъ и опредѣлялся въ каждомъ частномъ случаѣ отдѣльно. Болѣе опредѣленны постановленія уложенія 1622 года о вотчинахъ, поступившихъ въ монастыри послѣ 1613 года: онѣ подлежали выкупу со стороны родственниковъ или, если онъ былъ по разнымъ причинамъ неосуществимъ, отпискѣ на Государя съ уплатою денегъ изъ казны.

Если бы законъ 1622 года ограничился только изложенными постановленіями, то, примѣненіе его къ дѣйствительной жизни означало бы полное прекращеніе роста монастырскихъ имуществъ. Но въ него включена очень важная оговорка: выкупу не подлежали тѣ вотчины, поступившія въ монастыри при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, которыя даны по государеву имянному указу и по челобитью тѣхъ земель вотчинниковъ". Этой оговоркой заранѣе опредѣлялась та позиція, которую займетъ верховная власть въ вопросѣ о расширеніи монастырскаго землевладѣнія. Поэтому вполнѣ естественно, что въ 1636 на чело-

---

[1]) Можно считать, что уложенье 1622 года содержитъ безповоротный отказъ государства отъ конфискаціи вотчинъ, поступившихъ въ монастыри до 1613 года, и допускаетъ выкупъ ихъ родственниками, хотя бы челобитья о немъ поступили и послѣ 1613 года: выкупу не подлежатъ только вотчины „застарѣлыя" за монастырями.

битье боярина князя Б. М. Лыкова, просившаго у царя разрѣшенія на отдачу своей выслуженной вотчины, пожалованной ему изъ помѣстья за побой пана Лисовскаго, въ Пафнутьевъ монастырь „на помянокъ многогрѣшной души", послѣдовалъ указъ: „Государь пожаловалъ велѣлъ ту его вотчину после его живота дать въ Пафнутьевъ монастырь по его душе вкладъ" [1]). Если верховная власть не ставила преградъ къ поступленію служилыхъ вотчинъ въ монастыри, то тѣмъ менѣе можно ожидать, что царь Михаилъ Федоровичъ, находившійся подъ вліяніемъ своего отца, патріарха Филарета, самъ будетъ воздерживаться отъ щедрыхъ даяній своимъ богомольцамъ. Такія раздачи дворцовыхъ земель монастырямъ стали особенно часты со времени возвращенія въ Москву Филарета Никитича и производились главнымъ образомъ для поминовенія ближнихъ родственниковъ Романовыхъ. „Въ общемъ, можно признать, говоритъ Ю. В. Готье, что въ правленіе перваго царя новой династіи земли... безпрепятственно переходили во владѣніе духовенства, потому что это соотвѣтствовало взглядамъ тогдашняго общества и симпатіямъ правящихъ круговъ" [3]).

При ясной тенденціи законодательства послѣ смуты къ закрѣпленію за монастырями ихъ незаконныхъ пріобрѣтеній задачи писцоваго описанія монастырскихъ вотчинъ не могли быть особенно сложны, хотя составители валового наказа, переписавъ дословно уложенье 1622 года въ писцовую инструкцію, не дали никакихъ руководящихъ указаній писцамъ и оставили неразъясненными самыя темныя мѣста этого уложенія. Вотчины, поступившія въ монастыри послѣ 1580 года, должны были записываться въ книги за монастырями, если о нихъ не было челобитья до 1613 года. Трудно рѣшить, на основаніи какихъ свѣдѣній разрѣшали писцы вопросъ о томъ, было ли уже подано челобитье или нѣтъ. Можно думать, что кромѣ памятей изъ Приказовъ писцы руководились показаніями сторонъ, присутствовавшихъ при письмѣ. Если родственники вкладчика заявляли, что ими подано челобитье о выкупѣ, то это заявленіе, конечно, служило основаніемъ для записи монастырскихъ вотчинъ „особо" для доклада Великому Государю; отсутствіе подобныхъ заявленій служило поводомъ для записи монастырской вотчины за монастыремъ.

1) Ст. 37 валоваго наказа. Въ „Указной книгѣ Пом. Приказа" текстъ уложенья 1622 года испорченъ, см. стр. 34.

2) Указн. книга Пом. Прик., стр. 113.

3) См. Ю. В. Готье. Замосковный край въ XVII в. стр. 335—336, 346—354. Ю. В. Готье считаетъ раздачи, произведенныя монастыремъ изъ дворцовыхъ земель по указамъ Мих. Федоровича, неправомѣрными. Это едва ли такъ. Уложеніе 1622 года не только предусматриваетъ вклады вотчинъ по указамъ Государя, но и считаетъ такія вкладныя земли не подлежащими выкупу со стороны родственниковъ жертвователя.

Вѣроятно, фактъ записи вотчины за монастыремъ въ писцовую книгу являлся окончательнымъ завершеніемъ вопроса о вотчинѣ: послѣ такой записи челобитья о выкупѣ едва ли разрѣшались въ удовлетворительномъ смыслѣ. Весьма неопредѣленны также требованія ст. 38 валоваго наказа, которая посвящена вопросу о тѣхъ вотчинахъ, которыя поступили въ монастыри послѣ 1613 года; по точному смыслу наказа, такія вотчины подлежали отпискѣ на Государя только тогда, если „роду тѣхъ вотчинниковъ не стало, или кто хотя того роду дальные есть, а слывутъ иными роды, а не тѣми, которыхъ тѣ вотчины были изначала“. Собрать свѣдѣнія о всемъ родѣ вотчинника писцу было, конечно, не подъ силу. Очевидно, если писцы узнавали, что о выкупѣ вотчины начато дѣло, то они писали ее „особой“ статьей; въ противномъ случаѣ вотчина отписывалась на Государя съ объявленіемъ, что монастырю „велитъ Государь платить деньги изъ своей Государевой казны, по своему Государеву указу и по новому соборному уложенью“.

Въ видѣ правила общаго характера, объединяющаго отдѣльныя требованія наказа, редакторы этого памятника внесли слѣдующее постановленіе: „а которые вотчинники вотчины свои выслуженныя и купленныя и родовыя пишутъ въ монастыри, и писцомъ тѣхъ вотчинъ по прежнему и по нынѣшнему Государеву указу за монастыри въ книги не писать, чтобъ у служилыхъ людей земель не убывало, а писать писцомъ тѣ земли письма своего и мѣры въ книги себѣ-жъ статьею до Государева указа“ [1]).

Таковы тѣ правила, которыми должны были руководиться писцы при письмѣ монастырскихъ вотчинъ. Валовой наказъ рѣзко подчеркиваетъ, что основная цѣль правительственной политики по отношенію къ монастырскому землевладѣнію заключается въ ограниченіи роста монастырскихъ земель, „чтобъ у служилыхъ людей земель не убывало“. Но съ этимъ блестящимъ исповѣданіемъ цѣлесообразныхъ принциповъ плохо вяжутся компромиссныя постановленія уложенія и наказа 1622 года, а равно и общая правительственная практика царствованія Михаила Федоровича, при которомъ наблюдается непрерывное обогащеніе монастырей за счетъ вотчинъ и даже помѣстій служилыхъ людей.

Съ изложенными выше постановленіями валоваго наказа 1622 года небезинтересно сопоставить правила наказа 1503 года писцамъ Тотемскаго уѣзда.

Переводъ тяглыхъ земель въ руки нетяглыхъ, мощныхъ людей, обладавшихъ и средствами, и вліяніемъ, чтобы добиться выключенія своихъ имуществъ изъ общей уѣздной раскладки, грозилъ, какъ из-

---

1) Ст. 73 валоваго наказа.

вѣстно, серьезной опасностью государевой казнѣ. Борьба за неприкосновенность тяглыхъ земель одинаково соотвѣтствовала взглядамъ правительства и интересамъ тяглыхъ общинъ; поэтому законодательство, касавшееся этого вопроса, почти неизмѣнно стоитъ на сторонѣ общинъ. Проводя свои аграрныя мѣропріятія чрезъ командированныхъ для описанія уѣзда писцовъ, московское правительство давало имъ точныя указанія на характеръ предстоящей дѣятельности; вотъ почему писцовые наказы являются однимъ изъ важнѣйшихъ пособій для ознакомленія съ намѣреніями центральной власти.

Въ тотемскомъ наказѣ вопросъ о мобилизаціи тяглыхъ земель получилъ всестороннее освѣщеніе въ соединеніи съ строгой логической послѣдовательностью отдѣльныхъ постановленій. Провозглашая, что тяглая земля не должна выходить изъ тягла и что ею никто не долженъ владѣть „даромъ" безъ платежа государевыхъ податей, наказъ признаетъ подлежащими сошному и вытному письму всѣ тяглыя земли, записанныя таковыми въ книгахъ 1623—1625 годовъ, въ чьихъ бы рукахъ онѣ не находились: „которые всякіе тяглые люди деревни и дворы и всякія свои тяглые угодья давали въ монастыри и къ церквамъ вклады и писали въ закладъ, а иные монастыри и попы и Строгановы и церковные причетники и съѣзжія избы подьячіе и всякіе нетяглые люди покупали послѣ писцовъ и тѣми угодьи владѣютъ безъ государева указу, а тѣ деревни и дворы и дворовые и всякіе тяглые и оброчные мѣста и угодья въ тотемскихъ въ писцовыхъ книгахъ 131 и 132 и 133 году написаны за посадскими и уѣздными за тяглыми людьми—и писцомъ тѣ дворы и огороды и лавки и онбары и мельницы и соляные промыслы и всякіе посадскіе угодья и въ уѣздѣ деревни и мельницы и пожни и земли и всякія угодья сошнымъ выборнымъ людемъ велѣть положить въ живущехъ въ вытное и въ сошное письмо, противъ Татьмы-жъ монастырскихъ и Строгановыхъ и гостинной сотни и всякихъ тотемскихъ отписныхъ сохъ въ правду по Государеву крестному цѣлованію безо всякіе отговорки, кто чего стоитъ и чтобъ передъ тяглыми людьми никто въ ызбылыхъ не былъ *и тяглыми землями безъ тягла даромъ не владѣлъ* и съ того ихъ живущего пмати оброкъ и данныя и стрѣлецкія и ямскія деньги и всякія государевы и ихъ мірскія подати потому жъ какъ емлютъ съ тотемскихъ съ отписныхъ сохъ" [1]).

Оберегая, такимъ образъ, интересы государевой казны, писцовый наказъ принимаетъ рѣшительныя мѣры къ прекращенію перехода тяглыхъ земель въ руки монастырей и бѣломѣстцевъ, ограничивая тяг-

[1]) Тотемскій наказъ л. 23—4.

лыхъ людей въ правѣ распоряженія своими землями: „а впредь въ монастыри и къ церквамъ всякимъ церковнымъ причетникомъ и съѣзжія избы подъячимъ и гостинныя и суконныя сотни торговымъ и всякимъ нетяглымъ людемъ посадскихъ тяглыхъ дворовъ и лавокъ и анбаровъ и мельницъ и соляныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель и деревень и всякихъ земель и угодей опричь посадскихъ и уѣздныхъ тяглыхъ людей въ закладъ не имать и не покупать; а будетъ кто впередъ такія тяглые всякіе промыслы и земли и угодья купитъ и въ монастыри въ кладъ и въ закладъ и къ церквамъ возметъ и писцомъ у тѣхъ людей, кто купитъ какія угодья съ сего числа (съ 19 апрѣля 1645 года) имать на Государя безденежно, а тѣмъ людемъ кто продаетъ чинить наказанье". [1]).

Подобно тому какъ вотчины служилыхъ людей могли обращаться только въ средѣ служилыхъ людей, такъ и сдѣлки на тяглыя земли признавались дѣйствительными, если онѣ были заключены между тяглыми людьми.

Приводя въ исполненіе постановленія наказа о тяглыхъ земляхъ, тотемскіе писцы должны были, какъ и писцы валовые, оповѣщать населеніе о состоявшихся государевыхъ указахъ по этому поводу: „а впредь учинить заказъ крѣпкой, чтобъ монастыри и Строгановы и гостинныя и суконныя сотни торговые люди и къ церквамъ попы и церковные причетники и подъячіе и всякіе нетяглые люди посадцкихъ тяглыхъ дворовъ и лавокъ и анбаровъ и мельницъ и соляныхъ промысловъ и рыбныхъ ловель и деревень и всякихъ земель и угодей посадцкихъ людей не покупали и въ закладъ не имали; а будетъ кто впредь учнетъ дворы и лавки и анбары и мельницы и деревни и всякіе промыслы у посадцкихъ людей покупать и въ закладъ имать и тѣ угодья учнутъ у нихъ отымать безденежно и отдавать посадцкимъ тяглымъ людемъ, а которые тяглые люди учнутъ дворы свои и лавки и деревни и всякіе земли и угодья продавать бѣломесцомъ и тѣмъ людемъ быть отъ государя въ жестокомъ наказанье безъ пощады" [2]).

Тотемскій писцовый наказъ не разъ возвращается къ этой темѣ, внося интересныя детали и подвергая дальнѣйшимъ ограниченіямъ только что признанное за посадскими людьми и волостными крестьянами право совершенія между собой сдѣлокъ на свои тяглыя земли. Наказъ запрещаетъ на основаніи государева указа продавать крестьянамъ свои угодья отдѣльно отъ деревень, справедливо видя въ этой продажѣ начало полнаго раззоренія и запустѣнія деревни, такъ какъ

---

[1]) Тотемскій наказъ л. 25—26.

[2]) Тотемскій наказъ л. 26.

изъятіе изъ состава дворовыхъ земель сѣнокосныхъ и другихъ угодій дѣлало веденіе хозяйства на участкѣ невозможнымъ. Сознавая всю важность сохраненія отдѣльныхъ угодій въ рукахъ дворохозяина, наказъ грозитъ ослушникамъ тяжкимъ наказаньемъ и даже смертной казнью. Вотъ подлинная выдержка изъ тотемскаго наказа, трактующая указанные вопросы: „а впередъ посадцкимъ и волостнымъ людемъ заказывать накрѣпко подъ смертною казнью [1]), чтобы они впередъ въ монастыри и всякимъ людемъ деревень своихъ и всякихъ угодей безъ государеву указу не продавали и по душамъ не давали и у вотчинныхъ бы своихъ деревень сѣнныхъ покосовъ и поженъ и иныхъ никакихъ угодей въ монастыри и къ церквамъ и инымъ никакимъ людемъ отнюдь не продавали и не закладывали и безъ тѣхъ угодей для своего воровства, пропою и зерни деревень своихъ въ мірѣ впустѣ не метали; также бы прожиточные посадцкіе и волостные никакіе люди у своей братьи у крестьянъ у деревень сѣнныхъ покосовъ и поженъ и никакихъ угодей не покупали и подъ закладъ не имали, чтобъ безъ тѣхъ угодей тѣ деревни не запустѣли; а будетъ которые крестьяня учнутъ у деревень своихъ какія угодья продовати и тѣ свои деревни безъ угодей запусто учнутъ метать впустѣ—и тѣмъ крестьяномъ за то отъ Государя быть въ великомъ наказаньѣ: а кто будетъ какія угодья отъ деревень къ инымъ деревнямъ и въ монастыри деревни свои и угодья и инымъ какимъ нетяглымъ людемъ учнутъ продавать мимо государева указу и писцомъ у тѣхъ людей тѣ деревни и всякія угодья отписывати на Государя, чтобъ на то смотря не повадно было и инымъ такъ воровать и Государева указу ослушатца и безъ государева указу государевыхъ земель покупать“ [2]).

Нужно замѣтить, что и по отношенію къ тѣмъ сдѣлкамъ, которыя были совершены бѣломѣстцами и нетяглыми людьми па тяглыя земли послѣ писцовыхъ книгъ 1623—25 годовъ, наказъ не даетъ успокоительныхъ обѣщаній. Писцы, открывши купленныя или вкладныя деревни, должны были немедленно писать въ Москву съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и съ указаніемъ участія такихъ деревень

[1]) Въ высшей степени характерно различіе въ отношеніи законодателя къ служилымъ людямъ и тяглецамъ черныхъ волостей и посадовъ. Одно и то же преступленіе, состоящее въ нарушеніи указовъ о не отдачѣ земель монастырямъ трактуется писцовыми наказами различно, и тамъ, гдѣ для служилыхъ людей законодатель ограничивается молчаливымъ упрекомъ, тамъ въ сторону свободнаго крестьянина и посадскаго человѣка льется грозная, суровая рѣчь карающей власти, приравнивающая вкладъ по душѣ, сдѣланный тяглецомъ, позорному дѣлу, достойному смертной казни.

[2]) Тотемскій наказъ л. 29: постановленіе заимствовано изъ наказа писцамъ Устюжскаго уѣзда 1623 года (л. 26—27).

въ несеніи государевыхъ и мірскихъ податей. До государева указа закладными и покупными деревнями владѣть никому не разрѣшалось, а покупщикамъ писцы приказывали „крестьянъ и половниковъ съ хлѣбомъ и съ животиною изъ тѣхъ деревень не выводить“ [1]).

Если покупщикамъ тяглыхъ угодій и деревень тотемскій наказъ грозитъ будущей конфискаціей пріобрѣтенныхъ безъ государева указа земельныхъ имуществъ, то по отношенію къ бѣломѣстцамъ—владѣльцамъ посадскихъ дворовъ—проводится болѣе рѣшительная мѣра. Всѣ сдѣлки, заключенныя послѣ 1624 года бѣломѣстцами на посадскіе дворы, признаются наказомъ недѣйствительными, слѣдствіемъ чего является отписка тяглыхъ дворовъ, служившихъ предметомъ расторгнутыхъ сдѣлокъ, на Государя. Такое постановленіе наказа нельзя не считать прямымъ и логически безупречнымъ выводомъ изъ указа 1624 года, которымъ запрещено было бѣломѣстцамъ покупать тяглыя земли на посадѣ. Нужна была большая рѣшимость для проведенія въ жизнь указа 1624 года послѣ двадцатилѣтняго и безпрепятственнаго его нарушенія [2]).

---

[1]) Тотем. наказъ, л. 29. Кажется, въ дѣйствительности, предположенныя конфискаціи осуществлялись далеко не такъ рѣшительно, какъ объ этомъ можно думать на основаніи нѣкоторыхъ указовъ: въ 1651 году велѣно было отписать на Государя въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ тяглыя земли, купленныя или принятыя въ закладъ монастырямъ и торговымъ людямъ; черезъ годъ земли эти были возвращены по принадлежности, съ условіемъ платежа податей по мірскимъ разрубамъ. А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, стр. 157.

[2]) Приводимъ отрывокъ тотемскаго писцоваго наказа, мотивирующій столь рѣшительную мѣру, какъ конфискація незаконныхъ пріобрѣтеній бѣломѣсцевъ на посадѣ: „а которые люди гостиныя и суконныя сотен торговые люди и съѣзжія и таможенныя и кабацкія избы подьячіе и монастырскіе служки и крестьяне и бобыли и соборныя церкви протопопы и иныхъ церквей попы и дьяконы и всякіе церковные причетники и всякіе бѣломѣсцы покупали тяглые дворы и дворовыми мѣсты и лавки и лавочными мѣсты и мельницы и всякими оброчными угодьи въ городѣхъ владѣютъ всякихъ чиновъ люди бѣломѣсцы по купчимъ и по закладнымъ со 132 году и писцомъ тѣ тяглые дворы и дворовыя мѣста и лавки и лавочныя мѣста и мельницы и всякія оброчныя угодья отписать на Государя, потому“—далѣе слѣдуютъ указы:

I. 132 (1624) г. „Посадцкимъ людемъ въ монастыри посадцкихъ дворовъ и лавокъ вкладу не давати и въ закладъ въ монастыри и монастырскимъ служкамъ дворовъ же и лавокъ со 132 году не закладывати“. (Память изъ Челобитнаго Приказа въ Галицкую Четь).

II. (Написанъ въ нижегородскомъ дѣлѣ). Которые дворы и дворовыя мѣста въ писцовыхъ книгахъ 129 или 130 году написаны за посадцкими людьми, а на тѣхъ мѣстѣхъ нынѣ живутъ бѣломѣсцы, и тѣ дворы и дворовыя мѣста велѣно отдавать въ посадъ въ тягло; а которые дворы и дворовыя мѣста въ писцовыхъ книгахъ написаны за бѣломѣсцы, а на тѣхъ мѣстѣхъ нынѣ жи-

Мы видѣли, что по аналогичному вопросу объ отобраніи монастырскихъ вотчинъ, пріобрѣтенныхъ вопреки приговору 1580 года, московское правительство приняло другое, менѣе строгое рѣшеніе, сообразно общему политическому и финансовому положенію.

Все сказанное выше, въ связи съ общимъ развитіемъ права Московскаго государства, позволяетъ установить принципіальную близость между двумя столь различными по происхожденію памятниками, какъ валовой наказъ 130 и тотемскій 153 годовъ.

Въ цѣляхъ удовлетворенія военныхъ и финансовыхъ потребностей

вутъ тяглые люди, и тѣ дворы и дворовыя мѣста велѣно отдавать бѣломѣсцомъ всякихъ чиновъ.

III. (Написанъ въ ярославскихъ столпѣхъ). „Которые тяглые и посадцкіе дворы въ ярославскихъ въ дозорныхъ книгахъ 122 году и въ писцовыхъ книгахъ 136 и 137 году написаны за посадцкими людьми и нынѣ тѣми дворы и дворовыми мѣсты владѣютъ всякихъ чиновъ люди бѣломѣсцы по купчимъ и по закладнымъ, и по Государеву указу и по боярскимъ приговоромъ тѣ всѣ дворы велѣно имать у бѣломѣсцевъ на посадъ въ тягло по прежнему со всякимъ дворовымъ строеніемъ съ чѣмъ кто купилъ, а на продавцахъ и на порутчикахъ велѣно тѣмъ людемъ бѣломѣсцомъ по купчимъ и по закладнымъ имать деньги, а на земскихъ старостахъ и на всѣхъ посадцкихъ людехъ денегъ имать не велѣно; а что на тѣхъ дворѣхъ бѣломѣсцы построили какова двороваго строенья сверхъ купчихъ и закладныхъ, и то дворовое строенье велѣно отдавать тѣмъ людемъ бѣломѣсцомъ, кто то дворовое строенье строилъ".

IV. 151 (1643) г. „За бѣломѣсцы и всякихъ чиновъ за нетяглыми людьми лавкамъ и лавочнымъ мѣстамъ и полкомъ со 132 году не быть; а за которыми бѣломѣсцы лавки и анбары и лавочныя и анбарныя мѣста со 132 года владѣли они по духовнымъ и по даннымъ и по купчимъ и по закладнымъ, и въ писцовыхъ книгахъ написаны были за ними жъ, и тѣмъ людемъ бѣломѣсцомъ тѣ лавки и анбары и лавочныя и анбарныя мѣста и полки не крѣпко; а которыя лавки и анбары и лавочныя и анбарныя мѣста и полки даваны въ городѣхъ въ монастыри и къ церквамъ и по купчимъ всякихъ чиновъ людей, (и тѣ лавки) у бѣломѣсцовъ велено имать и отдавать тяглымъ торговымъ людемъ противъ московскихъ лавокъ, а на продавцахъ и на закладчикахъ, кто имъ тѣ лавки продавалъ и закладывалъ имать деньги по цѣнѣ; а которыхъ продавцовъ и закладчиковъ, которые въ монастыри вкладъ давали послѣ Государева указу со 132 году въ лицахъ не будетъ—и тѣ деньги за тѣ лавки имать, кто челобитчикъ торговой посадцкой человѣкъ на лавку будетъ, на томъ и деньги взять и отдать бѣломѣсцомъ по купчимъ и по даннымъ, а у бѣломѣсцовъ тѣмъ лавкамъ и анбарамъ и лавочнымъ и анбарнымъ мѣстомъ не быть; а которые лавки и анбары и лавочныя и анбарныя мѣста и полки въ городѣхъ продавы и заложены и вкладу въ монастыри и къ церквамъ даны и всякого чину бѣломѣсцы покупали у тяглыхъ людей до 132 году—и тѣмъ лавкамъ и анбарамъ и лавочнымъ и анбарнымъ мѣстамъ и полкомъ велѣно быть за бѣломѣсцы всякихъ чиновъ за людьми". (Тотем. писц. наказъ л. 48-51). Указъ IV см. у А. С. Лаппо-Данилевскаго. Организація прямого обложенія, стр. 72.

государства, правительство Московской Руси проводило строгое различіе между землями служилыми и тяглыми. Охраненіе интересовъ государственнаго хозяйства и военной мощи вызывало непрестанныя заботы законодательной власти о томъ, чтобы служилая земля изъ службы, а тяглая изъ тягла не выходили. Указы 1580, 1584 и 1622 годовъ были главнѣйшими этапами на пути развитія законодательной мысли въ эпоху, предшествующую Соборному уложенію 1649 г. по ограниченію роста монастырскихъ владѣній за счетъ служилыхъ вотчинъ, а указы 1624, 1643 и 1645 годовъ по прекращенію перехода тяглыхъ деревень и посадскихъ дворовъ въ руки монастырей и бѣломѣстцевъ. Въ двадцатыхъ годахъ 17 столѣтія для тяглыхъ имуществъ установлено, а для служилыхъ вотчинъ подтверждено запрещеніе отчуждать: первыя—неслужилымъ людямъ и монастырямъ, а вторыя—бѣломѣстцамъ и также монастырямъ. При такомъ одинаковомъ, по существу, взглядѣ законодательства на значеніе неприкосновенности служилыхъ и тяглыхъ земель, задачи писцовъ, какъ проводниковъ земельной политики правительства, должны были быть въ общихъ чертахъ одинаковы, какъ при валовомъ описаніи территоріи служилаго землевладѣнія, такъ и въ районѣ самоуправляющихся земскихъ міровъ сѣверной области. И мы видѣли, что такое сходство подтверждается параллельнымъ сравненіемъ постановленій валоваго наказа 1622 года и наказа 1645 года писцамъ Тотемскаго уѣзда.

ГЛАВА VI.

Землеустроительныя задачи валового письма.

Если справедливо распространенное въ исторической литературѣ мнѣніе, что законодательство Московскаго Государства избѣгало точной формировки отвлеченныхъ или слишкомъ общихъ принциповъ, предпочитая ей регламентацію частныхъ случаевъ и явленій соціальной жизни, то не менѣе вѣрно будетъ указаніе на то, что въ сферѣ практическихъ, конкретныхъ задачъ дѣятели 16-го и 17-го вѣковъ не разъ намѣчали тѣ основныя положенія, которыми опредѣлялось направленіе административной дѣятельности по тому или другому предмету государственнаго управленія.

Мы уже указывали на два такихъ правила, выросшихъ на почвѣ земельныхъ отношеній Московской Руси: служилая земля не должна, по мысли законодательныхъ актовъ того времени, выходить изъ службы, также какъ тяглая земля изъ тягла. Эти два тезиса развивались писцовыми наказами, на которые мы ссылались выше, съ большой послѣдовательностью и полнотой.

Обратимся теперь къ болѣе узкой, спеціальной сторонѣ, къ задачамъ землеустроительнаго характера, какъ онѣ выразились въ валовомъ наказѣ 130 года.

Землеустроительныя правила валового наказа стоятъ на той же почвѣ, которая въ достаточной мѣрѣ была подготовлена практикой помѣстной системы 16 вѣка: поэтому коснемся хотя въ самыхъ общихъ чертахъ тѣхъ основныхъ пріемовъ испомѣщенія и отдѣла помѣстій, которые выработались въ вѣкѣ Грознаго и его преемниковъ. То историческое явленіе, которое мы называемъ помѣстной системой, складывалось втеченіе двухъ-трехъ столѣтій, при чемъ вниманіе законодателя было всего болѣе поглощено установленіемъ помѣстныхъ правъ и обязанностей, заботами о соотвѣтствіи количества помѣстныхъ земель со службой и т. д. Качественная сторона помѣстнаго землевладѣнія почти не подвергалась законодательной нормировкѣ, и систематическихъ правилъ, регулирующихъ эту область земельныхъ отношеній, не было выработано до первой половины 16 вѣка.

Финансовыя реформы середины этого столѣтія, поведшія къ установленію разныхъ разрядовъ сохъ, смотря по качеству земли, доброй, средней и худой, въ тоже самое время отвѣчали назрѣвшимъ потребностямъ въ порядкѣ испомѣщенія служилыхъ людей. Система одабриванія или перевода земель среднихъ и худыхъ на добрую въ примѣненіи къ помѣстьямъ обезпечивала служилымъ людямъ возможность точнаго сравненія земельныхъ дачъ съ окладомъ, службой и тягломъ.

Второй важной мѣрой, обѣщавшей принести благотворные результаты, было изданіе во второй половинѣ 16 вѣка (до 1576 г.) указа, которымъ предписывалось „дѣтей боярскихъ испомѣщивать въ однихъ городѣхъ, кто откуда служитъ". Это предписаніе однако не могло измѣнить сложившагося уже порядка испомѣщенія служилыхъ людей въ разныхъ областяхъ и городахъ государства, главнымъ образомъ въ силу недостатка удобныхъ помѣстныхъ земель и невозможности поэтому наполнить окладъ испомѣщеніемъ въ одномъ уѣздѣ. а также въ силу перемѣщенія военныхъ группъ населенія по территоріи государства и связаннаго съ нимъ поземельнаго устройства служилыхъ людей на мѣстахъ новой службы. [1]). Допуская полученіе помѣстій однимъ помѣщикомъ въ разныхъ городахъ, правительство 16 вѣка (также какъ и 17) оказалось безсильнымъ провести тотъ взглядъ, что помѣстья одного лица въ одномъ уѣздѣ должны быть сосредоточены въ одномъ мѣстѣ, для наилучшаго использованія ихъ экономическихъ достоинствъ. Рѣшиться на прину-

---

[1]) С. Рождественскій. Служилое землевладѣніе стр. 311.

дительную переверстку всѣхъ помѣстныхъ земель даже въ одномъ уѣздѣ, правительство, очевидно, не могло, хотя бы по технической сложности возникающихъ при этомъ вопросовъ, напр., о количествѣ и качествѣ земель и угодій, ихъ оцѣнкѣ, не говоря уже о той оппозиціи со стороны помѣщиковъ, которую могъ вызвать столь рѣшительный, но уже запоздалый и потому едва ли цѣлесообразный актъ правительственной политики.

Тѣмъ не менѣе можно указать рядъ попытокъ правительства 16 вѣка поставить испомѣщеніе служилыхъ людей въ согласіе съ нѣкоторыми безспорными требованіями землеустроительной техники. Сюда можно отнести тенденцію надѣленія служилыхъ людей при массовомъ испомѣщеніи въ размѣрѣ полнаго или хотя бы половиннаго оклада, что въ особенности имѣло мѣсто на южной и восточной окраинахъ Московскаго Государства. Отводомъ значительнаго участка земли въ одномъ мѣстѣ обезпечивалась служилому человѣку возможность планомѣрнаго, болѣе или менѣе интенсивнаго труда на отведенной территоріи, тогда какъ мозаичный (по выраженію С. В. Рождественскаго) составъ помѣстья велъ къ неизбѣжному запустѣнію по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ, наиболѣе удаленныхъ отъ помѣщичьей усадьбы или центральнаго селенія, участковъ пашни.

Съ этимъ обстоятельствомъ въ особенности считались руководители помѣстной политики при надѣленіи помѣстьями помѣщиковъ въ Новгородской области въ 70 годахъ шестнадцатаго столѣтія. Отдаленность свободныхъ нерозданныхъ жеребьевъ другъ отъ друга приводила къ неизбѣжнымъ урѣзкамъ при наполненіи помѣстнаго оклада земельной дачей. Вотъ подлинныя сообщенія отдѣльныхъ книгъ Новгородской области 1579 года.

„И всего Ивану Чюбарову отдѣлено деревень четыре, а обежъ полтретьи, жилого пол-обжи, а пустого двѣ обжи, а людей одинъ. А недостало Ивана Чюбарова въ его окладу полупяты обежъ, потому что сряду и смежно деревнѣ не подошли порожжихъ помѣстей, и гдѣ Иванъ Чюбаровъ досталь окладу своего приберетъ полъ пяты обжи, и ему окладъ его додѣлить“; или „да у Семена же у Толстого за дѣломъ осталось Нечяева да Өедорова помѣстья Нечаевыхъ 6 обежъ пусти, потому что та 6 обежъ отъ Семенова помѣстія Толстого отошла далече, а не смежно—пятнадцать верстъ, а разошли деревни з земли помѣщиковы“. Точно также въ отдѣлѣ помѣстій Ивану и Матвѣю Юреневымъ сообщается, что дер. Сѣково не отдѣлена имъ, потому что „удалѣла“. [1]).

[1]) Д. Самоквасовъ. Архивный матеріалъ, II, сгр. стр. 181, 219, 187, 197, 249.

Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда права помѣщиковъ на свои земельныя дачи стояли кажется особенно крѣпко, при отдѣлѣ помѣстій сыну изъ стараго помѣстья отца, тотъ же принципъ недопустимости чрезполоснаго владѣнія проводился, повидимому, безъ ослабленія: „а за дѣломъ у Микиты Обольянинова осталось отца его старого помѣстья деревня Нероново—2 обжи, и подъячій Василій Коломенскій отписалъ на Государя царя великаго князя до помѣстные отдачи; а отписана та деревня, потому что къ Микитину помѣстью пришла не смежно."[1]).

Придавая такое значеніе отдѣлу помѣстья сряду, правительство заботилось о томъ, чтобы поставить раздачу пустыхъ земель наиболѣе раціональнымъ образомъ; средствомъ для этого служили правильно составленные чертежи съ показаніемъ разстоянія въ верстахъ между нерозданными деревнями. [2]).

Нужно всетаки отмѣтить, что древне русскіе термины „сряду, съ одного" носятъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ это можетъ намъ показаться подъ вліяніемъ столь распространеныхъ въ наше время взглядовъ о преимуществахъ отрубного владѣнія предъ чрезполоснымъ.

Деревни Московской Руси могли быть раздѣлены большими пространствами лѣсовъ, озеръ, болотъ, неудобныхъ къ культурѣ земель, но если между ними не вклинилась земля другого владѣльца, то онѣ считались расположенными „сряду, съ одного". Вотъ примѣръ. Подьячій Смирной Мартьяновъ отдѣлилъ двумъ помѣщикамъ Мелюковымъ (1572 г.) двѣ деревни населенныя да двѣ пустыя; про пустыя деревни въ отдѣльной книгѣ написано, что отъ живущихъ деревень онѣ отошли „верстъ больши пятнадцати, а смежно сряду и съ одного къ тѣмъ двемъ помѣстьямъ не черезъ землю и не черезъ деревни". [3]) По естественнымъ условіямъ, пашни деревень Новгородской области разбрасывались мелкими клочками на большомъ сравнительно пространствѣ; поэтому неудивительно, что двѣ деревеньки съ общимъ количествомъ земли въ 45 десятинъ оказались расположенными смежно, сряду, съ одного.

Несоблюденіе отдѣльщикомъ техническихъ правилъ отдѣла вызывало по жалобамъ заинтересованныхъ лицъ производство дознанія и слѣдствіе; такъ о дѣйствіяхъ подьячего Ивана Константинова въ 1574 году производился сыскъ на мѣстѣ о томъ, отдѣлилъ ли онъ помѣщику Головину помѣстье „сряду-ли, и не черезъ деревню ли, и не

[1]) Тамъ же стр. 221.

[2]) См. выше.

[3]) Архивный матеріалъ. т. II стр. 277.

черезъ земли, и не выборомъ ли пустое, а вдовѣ Оленѣ, да сыну ея Григорью сряду же ли и не выборомъ ли жилое" [1]).

Здѣсь же отмѣтимъ, что если мѣры правительства по надѣленію помѣщика землями въ одномъ мѣстѣ, можно назвать борьбой съ чрезполосицею, то по существу она велась противъ чрезполоснаго расположенія пашенъ и деревень разныхъ владѣльцевъ. Отдѣляя помѣщикамъ въ совмѣстное владѣніе „опчія" деревни, дѣятели 16 вѣка отступали отъ послѣдовательнаго проведенія намѣченнаго принципа, и только въ послѣдней четверти 17 вѣка правительство Федора Алексѣевича поставило вопросъ о размежеваніи общихъ чрезполосныхъ деревень на одно изъ первыхъ мѣстъ своей землеустроительной программы. Во всякомъ случаѣ, нужно имѣть въ виду, что ни 16, ни 17 вѣка не видѣли никакого зла въ мелкополосицѣ пашенныхъ земель, обрабатываемыхъ крестьянами, сидящими на владѣніяхъ помѣщика. Государство считало себя въ правѣ принимать нѣкоторыя мѣры для упроченія независимости каждаго помѣщика отъ другихъ, живущихъ отъ него въ непосредственной близости; въ тѣ же порядки, которые создавались внутри земледѣльческой жизни каждаго помѣстья, государство не вмѣшивалось, какъ часто не вмѣшивался и самъ помѣщикъ, предоставляя земельныя дѣла усмотрѣнію крестьянской общины.

Вторымъ требованіемъ, неизмѣнно предъявлявшимся къ лицамъ, производившимъ отдѣлы, является изверстаніе живущаго и пустого „повытно".

Нѣтъ необходимости говорить, что равномѣрное распредѣленіе дворовъ, культурныхъ земель и перелоговъ отвѣчало самому существу единовременнаго испомѣщенія нѣсколькихъ лицъ въ предѣлахъ болѣе или менѣе обширной территоріи, будь то отдѣльное помѣстье, село, или часть уѣзда. Вотъ примѣръ изъ отдѣльной книги 1582 года. „Изъ тѣхъ помѣстей велено имъ отдѣлять Офанасью, да Володимеру Оникневымъ изъ Михайлова помѣстья Плещѣева двадцать шесть обежъ... сряду, съ одново, а не въ рознъ, живущеѣ и пустое повытно" [2]).

Въ такомъ крупномъ предпріятіи, какъ испомѣщеніе массы служилыхъ людей въ Казанской области въ 1566—67 г., практиковалась правильная разверстка пашенной земли, перелоговъ, зарослей и пашенныхъ дубравъ. Первый казанскій воевода бояринъ князь П. А. Булгаковъ долженъ былъ получить помѣстье въ 500 четвертей доброй земли (половина оклада въ 1000 четей.) Писцы разсчитали, что на каждые 100 четвертей помѣстья испомѣщаемыхъ служилыхъ людей можно было дать только около 58 четвертей пашенной земли.

[1]) Тамъ же, стр. 441.

[2]) Архивный матеріалъ т. II, стр. 105.

Отступленія отъ этой цифры были незначительны: въ нѣкоторыхъ случаяхъ давали по 57, 56 и 55 четвертей). На 500 четвертей по разверсткѣ приходилось 58×5 т. е. 290 четвертей пашни. Остальныя 210 четвертей Булгакову оставалось получить изъ непашенныхъ земель. Въ этотъ счетъ ему дана оброчная мельница за 60 четвертей, перелогу 60 четвертей и зарослей 99 десятинъ. Одобряя перелогъ и заросли по той же системѣ, которая была впослѣдствіи принята валовымъ наказомъ 130 года, т. е. перелоги въ полтора раза, а заросли вдвое, писцы засчитали 60 четвертей перелога за 40 четвертей и 99 десятинъ зарослей за 99 четвертей доброй земли, всего за 139 четвертей. Такимъ бразомъ было отдѣлено Булгакову непашенныхъ земель 60+139, т. е. 199 четвертей. Недостатокъ 11 четвертей до 210 ч. былъ наполненъ Булгакову изъ пашенныхъ земель; воевода получилъ, такимъ образомъ, пашенъ немного больше, чѣмъ слѣдовало по разверсткѣ [1]).

Тоже начало пропорціональной разверстки примѣнялось не только къ распредѣленію культурныхъ и некультурныхъ земель, но къ лѣснымъ и сѣнокоснымъ угодьямъ. Въ отдѣльныхъ книгахъ 16 вѣка читаемъ: „лѣсу непашеннаго вопче у всей деревни вдоль на версту, а поперекъ на полверсты и тотъ имъ лесъ ведати по четвертной пашни" или „сена и лѣсъ вѣдати имъ по четвертной пашнѣ вопче", „а лѣсъ въ поляхъ по пашни и т. д. [2]).

Мы не ошибемся если скажемъ, что распредѣленіе угодій по пашнѣ было одинмъ изъ широко распространенныхъ и излюбленныхъ пріемовъ поземельнаго устройства, практикуемыхъ съ одинаковымъ успѣхомъ какъ государствомъ на помѣстныхъ, черныхъ и дворцовыхъ земляхъ, такъ и самими крестьянами втеченіе 16 и 17 вѣковъ. Характернымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ является разверстаніе по окладамъ, произведенное валуйскими писцами въ 1626 году.

Эта работа затронула всѣ земли служилыхъ людей г. Валуйки какъ то: дворовые усады, огородныя мѣста, пашню пахалую, перелоги, луга и всякія угодья. Площадь всей земли, разверстанной по окладамъ, доходила до 20000 десятинъ; на ней были устроены 774 человѣка, составляющихъ сообразно различію въ службѣ девять группъ отъ 285 до 2 человѣкъ въ группѣ).

Складническая деревня производила разверстаніе угодій также, какъ и агенты правительства по пашнѣ: „а луговая земля въ боль-

[1]) Рождественскій. Служилое Землевладѣніе, стр. 304—305.

[2]) Архивный матеріалъ, т. II, стр. стр. 26, 35, 37, 44, 248, 249, 250, 251 и т. д.

[3]) Н. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта, стр. 86—89.

шомъ лугу и въ острову, что доведется по горной (лучшая часть пашенъ) землѣ, по тяглу "или„ а сѣнные покосы и оранные земли въ лугахъ по горной землѣ" [1]).

Правительство не вмѣшиваясь въ детали земельныхъ распорядковъ черной или дворцовой деревни, тѣмъ не менѣе считало себя обязаннымъ указать, хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ, каждой деревнѣ тѣ угодья, которыми она можетъ пользоваться исключительно въ своихъ интересахъ.

Такъ извѣстная платежная книга села Едимонова 1589 года предписываетъ: „а землями и луги и лѣсомъ и всѣми угодьи верстатися крестьяномъ межъ себя самимъ полосами на всякую выть поровну, а не черезъ землю, чтобъ крестьянамъ межъ себя спору и брани не было ни которыми дѣлы" [2]).

Во многихъ случаяхъ такое равномѣрное надѣленіе черныхъ или дворцовыхъ деревень производилось при писцовомъ описаніи, если это соотвѣтствовало мѣстнымъ условіямъ и обстоятельствамъ. Какія препятствія могли привести къ признанію невозможности уравнительной переверстки, можно увидѣть изъ слѣдующаго текста писцовой книги черныхъ волостей Обонежской пятины (1585 г.), относящагося къ Шуйской волости Никольскаго погоста: „а къ деревнямъ (въ волости оказалось 64 деревни съ полудеревней) сѣно писано къ вытямъ неровно,—верстати вытей сѣномъ нельзя для того; в томъ погосте во многихъ мѣстехъ на Онѣскомъ озере деревни стоятъ врозни, промежъ ихъ верстъ по сороку и по пятидесятъ, а инде и по семидесятъ и больши, и сѣномъ вытей для розни верстати нельзѣ; да и крестьяне того погоста сенного верстанья для розни не похотѣли; а сказываютъ, что они ежегодь въ государевыхъ во всякихъ податехъ межъ себя равняются сами... и государевыхъ дворцовыхъ селъ и деревень крестьянскихъ вытей лѣсомъ верстати нельзѣ для того: съ архиепискупли и розныхъ монастырей крестьяны черный лѣсъ не дѣленъ" [3]).

---

[1]) Древности. Труды Археографической коммиссіи Арх. Общества, II, 2, стр. 262. См. также А. Ю. № 196: „И живучи мнѣ Василью на той деревнѣ на своемъ участкѣ пашни пахать съ сусѣды вмѣстѣ и угодьями владѣти всякому по своему жребію повытно".

Пріемъ разверстки угодій по пашнѣ вполнѣ соотвѣтствовалъ не только хозяйственному укладу русской деревни, но и системѣ взиманія податей по пашнѣ пахацой.

[2]) Русская Бесѣда 1856 г., т. 2.

[3]) Архивный матеріалъ, т. II, стр. 400. Здѣсь мы имѣемъ дѣло со слѣдами крупной аграрной реформы, связанной съ писцовымъ описаніемъ 1585 года и произведенной, какъ можно заключить изъ приведеннаго отрывка, въ согласіи съ желаніями крестьянскаго населенія.

Какъ бы ни были разнообразны и сложны причины, по которымъ уравнительная разверстка угодій не могла осуществляться въ частныхъ случаяхъ, несомнѣнно, всетаки, что на значительной части Новгородской области она была произведена въ послѣдней четверти 16 вѣка. Здѣсь, такимъ образомъ, мы видимъ, какъ простой техническій пріемъ, примѣняемый къ отдѣлу помѣстій, пріобрѣтаетъ значеніе широкаго государственнаго мѣропріятія, имѣющаго цѣлью создать по возможности равномѣрное распредѣленіе угодій въ крестьянской массѣ.

Что уравнительная тенденція населенія и правительства прежде всего проявилась въ распредѣленіи сѣнокосовъ и лѣса, это, конечно, легко объясняется общими естественными условіями жизни земледѣльческаго населенія. Количество угодій въ Московской Руси представляло величину, почти не подвергавшуюся колебаніямъ въ сторону произвольнаго увеличенія ихъ, тогда какъ распространеніе запашекъ могло осуществляться при наличности достаточныхъ силъ почти безпрепятственно въ самыхъ широкихъ размѣрахъ.

17 вѣкъ не внесъ значительныхъ измѣненій въ начало землеустроительной техники. Раздача дворцовыхъ земель и черныхъ волостей въ первые годы послѣ смуты отразилась на разработкѣ нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ. Такъ раздача черныхъ земель служилымъ людямъ производилась на основаніи сложной и неясной разверстки „по окладамъ и недодачамъ“ [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ получили особое значеніе принципы разверстки дворовъ и людей между помѣщиками. Какъ въ частныхъ случаяхъ производилась эта разверстка, видно изъ слѣдующихъ подлинныхъ текстовъ, взятыхъ изъ документовъ того времени: „на 100 четвертей доставалось всего по четыре крестьянина, а на 80 по три крестьянина, а на 50 по два крестьянина [2]), “или„ а намъ, государь, доставалось на 100 чети по три и по четыре бобылишка, а тому Григорью да Ивану досталось на 100 чети по 12 мужиковъ лутчихъ. А по вашему государскому указу и по выписи велѣно было напередъ намъ, старымъ помѣщикомъ, дачи наши выдѣлить сполна, жило и пусто по четвертямъ“ [3]).

Вловой наказъ 1622 года въ вопросахъ землеустроительной техники, какъ и въ вопросахъ болѣе общаго характера, всецѣло сто-

---

[1]) „Матеріалы“ В. Н. Сторожева стр. 154. Нѣкоторое представленіе о разверсткѣ волостей и селъ между служилыми людьми можно составить изъ указаній тѣхъ же „матеріаловъ“ на стр. стр. 22, 26, 29—31, 320—322.

[2]) Тамъ же, стр. 34; изъ челобитья Ѳ. Межакова 1626 года.

[3]) „Матеріалы“ В. Н. Сторожева стр. 90; изъ челобитья В. Шайдурова 1626-го года.

ить на почвѣ 16 вѣка. Не выставляя землеустроительныхъ задачъ писцоваго описанія на первый планъ и умалчивая о многомъ, онъ тѣмъ не менѣе отводитъ имъ нѣсколько важныхъ и значительныхъ постановленій. Заботы валового наказа о землеустройствѣ касаются главнымъ образомъ территоріи помѣстныхъ земель.

Мы не ошибемся, если скажемъ, что писцовое описаніе, выполненное по правиламъ этого наказа, должно было явиться крупной реформой, имѣвшей цѣлью прежде всего обезпечить помѣстное землевладѣніе надлежащимъ количествомъ угодій [1]).

По отношенію къ тѣмъ помѣстьямъ и вотчинамъ, которыя получены служилыми людьми при раздачѣ дворцовыхъ волостей, наказомъ принята система надѣленія земельныхъ дачъ лѣсами и всякими угодьями „по пашнѣ", если „въ угодьяхъ всякихъ и въ лѣсахъ въ хоромныхъ и въ дровяныхъ тѣ села и деревни противъ пашни не изверстаны, а въ старыхъ писцовыхъ книгахъ не написаны" [2]).

На какомъ пространствѣ предполагалось произвести такое разверстаніе—этого писцовый наказъ не разрѣшаетъ сколько-нибудь опредѣленнымъ образомъ. Но судя по общему смыслу ст. 13 и отдѣльнымъ упоминаніямъ въ ней дворцовыхъ волости, села и деревни, розданныхъ за службу, можно утверждать, что районъ разверстанія былъ ограниченъ предѣлами розданной волости, села или даже деревни. Районъ разверстанія, повидимому, никогда не охватывалъ нѣсколькихъ смежныхъ волостей, такъ какъ это повело бы къ нежелательнымъ осложненіямъ, могущимъ помѣшать практическому осуществленію разверстки.

Эта уравнительная разверстка угодій не имѣла мѣста только въ тѣхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дачахъ, которыми служилые люди владѣли по старымъ писцовымъ и дозорнымъ книгамъ—по старинѣ, если, впрочемъ, такія земли получены владѣльцами не изъ дворцовыхъ волостей, а лѣсами и угодьями уже были поверстаны при прежнихъ работахъ по отдѣлу и описанію дачъ.

При наличности перечисленныхъ условій за владѣльцами наказомъ признается неприкосновенность ихъ правъ на свои угодья и въѣзжіе лѣса, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ тѣ закрѣплены въ старыхъ приправочныхъ книгахъ [3]).

---

[1]) Упрекъ С. В. Рождественскаго, обращенный къ московскому правительству 16-го вѣка, что оно не заботилось о качественной сторонѣ помѣстнаго землевладѣнія, для первой половины 17-го вѣка можно принять только съ значительными оговорками. См. Рождественскій, Служилое землевладѣніе, стр. 282.

[2]) Ст. 13-ая Валового наказа.

[3]) Ст. 13-ая Наказа.

Всѣ же помѣстныя земли, не изверстанныя угодьями ранѣе, подлежали дѣйствію правилъ объ уравнительномъ разверстаніи, но главнымъ образомъ въ томъ случаѣ, когда селеніе, деревня или пустошь, не имѣющія угодій или имѣющія ихъ въ небольшомъ числѣ, подходили „смежно, съ одного“ [1]) къ помѣстью, обладающему „многими“ угодьями.

Требованіе смежности помѣстій, для возможности уравнительной разверстки угодій между ними, не носитъ, по писцовому наказу, характера исключительности. Наоборотъ, наказъ предвидитъ тотъ случай, когда помѣстныя села и деревни будутъ расположены не въ лѣсныхъ мѣстахъ и „прибавить будетъ къ нимъ сѣна и лѣсовъ не откуды“. Въ такихъ исключительныхъ условіяхъ наказъ разрѣшаетъ прибавлять угодья черезъ землю „изъ иныхъ мѣстъ, гдѣ лѣсовъ и сѣнъ много, за полверсты или больше какъ доведется“. Предоставляя писцамъ полную самостоятельность въ рѣшеніи вопроса о надѣленіи даннаго селенія угодьями изъ смежныхъ дачъ или „черезъ землю“, наказъ оговариваетъ только одно условіе, которому должно удовлетворять такое надѣленіе: „только бъ какъ помѣщикомъ мощно черезъ которыя мѣста свои угодья беречь и вѣдать“ [2]).

Самую цѣль требуемаго уравнительнаго раздѣленія угодій, наказъ опредѣляетъ если не совсѣмъ точно, то съ несомнѣнной ясностью: „чтобы тѣ помѣстья угодьи изверстаны были поровну“ [3]).

Только послѣ произведенной разверстки, писецъ могъ классифицировать помѣстную землю, относя ее къ тому или иному разряду по качеству пашни и по степени обезпеченія ея угодьемъ.

Нужно замѣтить, что не всѣ лѣсныя угодья поступали въ фондъ уравнительной разверстки. Изъ него исключались малые, пашенные лѣса, находящіеся между пашенъ. Они отдѣлялись соотвѣтствующему помѣщику „въ угодье, въ десятины“. Между помѣстьями разверстываются только большіе, поверстные лѣса, въ исполненіе того, неоднократно выражаемаго наказомъ требованія, чтобы „изверстать всѣхъ помѣщиковъ въ помѣстьяхъ всѣми угодьи по пашнѣ поровну“ [4]).

Трудно сказать безъ предварительнаго анализа писцовыхъ книгъ, насколько широко въ дѣйствительности примѣнялись изложенные принципы валового наказа, но имъ нельзя отказать ни въ зрѣлости, ни въ здравомъ государственномъ смыслѣ. Валовой наказъ 130 года является лучшимъ доказательствомъ того положенія, что руководители земельной политики Московскаго Государства въ первой половинѣ 17 вѣка

---

[1]) Ст. 15-ая Наказа.

[2]) Ст. 17-я Наказа.

[3]) Ст. 15-ая Наказа.

[4]) Ст. 12-ая Наказа.

не были пассивными зрителями складывающихся поземельных отношеній, а, наоборотъ, стремились внести въ порядки помѣстнаго землевладѣнія начала равенства и справедливости.

Любопытно теперь прослѣдить дальнѣйшую исторію нѣкоторыхъ постановленій валового наказа, изложенныхъ выше.

Статья 13 его вошла съ незначительными поправками въ Соборное Уложеніе 1649 года и образовала въ немъ ст. 24 главы XVII о вотчинахъ.

Изъ содержанія ея мы заключаемъ, что направленіе землеустроительной политики правительства въ 17 вѣкѣ по отношенію къ раздаваемымъ дворцовымъ землямъ осталось вѣрнымъ принципамъ валового наказа 1622 года. Не такъ обстоитъ дѣло съ старыми помѣстьями и вотчинами, полученными владѣльцами не изъ дворцовыхъ селъ. Писцовый наказъ 130 года предоставляетъ помѣщикамъ и вотчинникамъ владѣть своими землями по старинѣ, по приправочнымъ книгамъ, предполагая, что они лѣсами и угодьями изверстаны, въ противномъ случаѣ помѣстныя угодья могли подлежать уравнительной разверсткѣ между смежными селеніями [1]). По статьѣ же 24 главы XVII Уложенія 1649 года земли старыхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ остаются забронированными отъ уравнительнаго разверстанія угодій, хотя бы при записи въ старыя писцовыя и дозорныя книги они не были изверстаны угодьями. Здѣсь мы наблюдаемъ крутой поворотъ, сдѣланный Соборнымъ Уложеньемъ 1649 года въ пользу признанія полной неприкосновенности помѣстныхъ владѣній, фиксированныхъ въ писцовыхъ книгахъ. Поэтому въ уложеніе 1649 года и не вошла статья 15 наказа 130 года, предусматривающая возможность разверстанія угодій между смежными помѣстьями. Искусный редакторъ XVII главы Уложенія, внесеніемъ въ 13 статью валового Наказа частицы „не“, исключилъ изъ дѣйствующаго землеустроительнаго права необычайно важныя нормы ст. 15 наказа.

Изъ того факта, что и Уложеніе 1649 г. и валовой наказъ говорятъ о неизверстанныхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, можно заключить, что въ XVI вѣкѣ не только помѣстныя, но и вотчинныя земли подлежали въ нѣкоторыхъ случаяхъ уравнительному распредѣленію угодій. Въ началѣ 17 вѣка, въ эпоху составленія наказа 130 года, законодатель говоритъ только (за исключеніемъ дачъ изъ дворцовыхъ земель) о разверстаніи смежныхъ помѣстій; со времени же Уложенія 1649 года были признаны неподлежащими уравнительной переверсткѣ угодій и помѣстныя дачи, хотя бы и не изверстанныя ранѣе, но записанныя въ старыхъ дозорныхъ и писцовыхъ книгахъ.

---

[1]) Ст. 13-ая и 15-ая Наказа.

Такъ постепенно отмиралъ въ пользу неприкосновенности частнаго землевладѣнія принципъ государственнаго вмѣшательства въ распредѣленіе угодій по земельнымъ дачамъ.

Это явленіе, кромѣ общей тенденціи законодательства Московскаго періода къ сближенію помѣстій и вотчинъ, можетъ быть объяснено отчасти и тѣмъ, что ко времени Уложенія 1649 года писцовыя описанія были закончены по всей территоріи государства и уравненіе въ угодьяхъ, тамъ гдѣ это оказалось возможнымъ, было, слѣдовательно, уже произведено. Оставалось только дикое поле, колонизація котораго и раздача въ помѣстья получили особенно интенсивный характеръ во 2 половинѣ 17 вѣка. Но по отношенію къ поземельному устройству служилыхъ людей на южной окраинѣ Московскаго Государства, законодательство осталось на точкѣ зрѣнія писцоваго наказа 130 года, предписывая указомъ 1672 года распредѣлять лѣса и угодья въ дикихъ поляхъ между старыми и новыми помѣщиками по дачамъ [1]).

Уравнительное разверстаніе угодій по пашнѣ примѣняется по наказу 130 года въ качествѣ обычнаго пріема землеустроительной техники при намѣриваніи земельныхъ дачъ помѣщикамъ, а также и при отписываніи земель на государя. Наказъ считается съ разнообразными мѣстными условіями, въ зависимости отъ которыхъ часто находилась самая возможность надѣленія помѣстья угодьями, и говоритъ потому, что при намѣриваніи помѣстій писцы должны были отдѣлять сѣно и лѣсъ по пашнѣ, „какъ гдѣ доведется“ [2]).

Какое важное значеніе придаетъ наказъ началу равномѣрнаго распредѣленія угодій, видно изъ тѣхъ мотивовъ, которыми объясняютъ составители наказа цѣлесообразность этого пріема при отпискѣ земель на Государя. Предписывая въ такихъ случаяхъ оставлять „угодьи по пашнѣ“, составители наказа преслѣдуютъ ту несомнѣнно важную цѣль, чтобы „впредь тѣ земли для угодья порозжи не были, а были бы всѣ въ раздачѣ за служилыми людьми, а пашня бъ и всякія угодья были равны“ [3]).

Въ связи съ этимъ постановленіемъ наказъ кратко упоминаетъ о болѣе детальныхъ вопросахъ землеустроительной техники, рекомендуя писцамъ „земли живущія и пустыя угодья отписывать на Государя по пашни, сряду, съ одного, а не въ рознь [4])“, „а писать и мѣрить и отдѣлять всякія земли сряду, съ одного, а не выборомъ [5]).

---

[1]) П. С. З. № 522, п. 7.

[2]) Ст. 19-ая Наказа.

[3]) Ст. 14-я Наказа 130 года.

[4]) Ст. ст. 7, 23, 45 Валового наказа.

[5]) Ст. 62-ая наказа.

Точно также бѣгло опредѣляетъ валовой наказъ порядокъ отдѣленія земель къ тѣмъ церквамъ, которыя „стали“ послѣ прежнихъ писцовыхъ книгъ, говоря только, что къ нимъ слѣдуетъ нарѣзать нужное количество четвертей „изъ помѣстныхъ и изъ порозжихъ земель, которыя земли къ тѣмъ церквамъ подошли близко“ [1]).

Въ такомъ же неразвитомъ видѣ приводятся правила землеустроительной техники и въ Соборномъ Уложеніи 1649 года, которое упоминаетъ вскользъ объ изверстаніи „живущаго и пустого повытно, по четвертямъ“, и объ отводѣ въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ помѣстій въ одномъ, а не въ разныхъ мѣстахъ [2]).

Изъ этого можно заключить, что начала землеустроительной техники считались общеизвѣстными и не нуждающимися въ законодательной регламентировкѣ, тѣмъ болѣе, что практика помѣстно-вотчиннаго производства уже успѣла привести, сообразно съ потребностями землевладѣнія, нѣкоторые пріемы землеустроительной техники въ законченныя и удачно расположенныя формулы. Формула 16 вѣка: „а отдѣлялъ бы еси сряду съ одново живущее и пустое, не черезъ земли, и не черезъ деревни, и не черезъ поле, и не черезъ дворы и не выборомъ“, звучитъ гораздо полнѣе и обстоятельнѣе отрывочныхъ намековъ валового наказа, составители котораго, конечно, отлично были знакомы съ практикой служилаго землевладѣнія какъ 16, такъ и первыхъ десятилѣтій 17 вѣковъ. А между тѣмъ, въ тѣ же годы, когда составлялся наказъ 130 года, практика раздѣловъ и отдѣловъ помѣстій руководилась слѣдующей гибкой, полной разнообразнаго содержанія, при удивительной для своего времени краткости, формулой: „отдѣлять ему велѣли все въ полѣ, а въ дву потому-жъ, сряду, съ одного, а не въ розни, и не черезъ землю, и не черезъ деревни и пустоши, и не черезъ дворы, и не выборомъ, изверставъ живущее и пустое повытно, по четямъ, а дворовъ, и во дворѣхъ людей, и сѣна и лѣсу и всякихъ угодій по пашнѣ“ [3]).

Такимъ образомъ, тѣ землеустроительныя задачи и правила, которыя связывались съ поземельнымъ описаніемъ уѣзда, не нашли себѣ надлежащаго выраженія въ валовомъ наказѣ 130 года. Достаточно раскрыть любую писцовую книгу первой половины 17 вѣка, чтобы увидѣть, какія разнообразныя землеустроительныя функціи выполняли писцы, не въ силу предписаній наказа, а подъ вліяніемъ вѣковой и устойчивой традиціи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ изъ писцовыхъ книгъ Рязанскаго края.

---

[1]) Ст. 61-ая Наказа.

[2]) Уложеніе 1649 года, гл. XVI ст. ст. 34, 55, 58.

[3]) „Матеріалы“ В. Н. Сторожева, изъ грамотъ 1625 и 1626 годовъ, стр. 33, 42, 47, 93.

Если относительно записи въ писцовыхъ книгахъ мельницъ, выгоновъ, выпусковъ и околицъ [1]) можно еще сказать, что оно выполнялось согласно требованіямъ валового наказа, то такое объясненіе совершенно не подойдетъ къ дѣятельности писца по обезпеченію помѣстій и вотчинъ дорожной сѣтью и питьевой водой. А между тѣмъ, именно право на дороги, проѣзды, искуственныя или естественныя водохранилища регистрируется писцами съ особой тщательностью и вниманіемъ. Вотъ образецъ описанія дороги на кладбище: „да за тою жъ деревней за Гумнищевой, Иванищево-тожъ, татарское кладбище, на перкинской на бортной землѣ у Гумнищескія межи, дорогою отъ с. Бордакова до татарскаго кладбища черезъ всѣ три поля гумнищевскія земли посередь поля" [2]).

Точно также съ большой заботливостью описываются дороги и общіе прогоны черезъ помѣстныя и вотчинныя земли на пашни и отхожія поля [3]), къ въѣзжимъ лѣсамъ и лугамъ [4]), къ рѣчкамъ, рѣкамъ и озерамъ [5]). Насколько всесторонне обдумывали писцы условія деревенской жизни, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они отводили дороги въ интересахъ безопасности населенія отъ татаръ: „да имъ же дана вода изъ Горетовскаго озера, и прогонъ къ тому озеру и дорога къ рѣкѣ къ Окѣ для татарского приходу, да ихъ же людемъ и крестьяномъ на ихъ отхожее поле черезъ помѣсную и вотчинную землю д. Дубровки помѣщиковъ и вотчинниковъ Бориса, да Ѳедора, Семена, да Ѳедора жъ Татариновыхъ" [6]).

Опредѣляя каждому помѣщику или вотчиннику его право пользо-

---

[1]) А выпускъ имъ (Василью и Ѳролу Котовымъ) зъ д. Глядевою, Дятлово тожъ. съ помѣщики съ Иваномъ Кожинымъ съ товарищи вопче". „А выпуску у нихъ (Огибаловыхъ) зъ братомъ съ Михайломъ вопчѣ". Писцовыя книги Рязанскаго края под. ред. В. Н. Сторожева, стр. 1140, 1150.—„Выпускъ и околицъ вопчѣ", „пожня на выгонъ," общая мельница—см. тамъ-же стр. стр. 1237, 1223-24, 1210.

[2]) Писцов. книги Ряз. Края,—стр. 1106.

[3]) „А проґонъ ему изъ с. Микитинского, Докудовское—тожъ, да на ево поля вопчѣ съ помѣщикомъ зъ Гавріиломъ Муратовымъ" стр. 1229, 1069, или „да ему жъ дана дорога на третье ево отхожее поле черезъ помѣстную землю Дружины Трубникова д. Милиховской возлѣ дубровы Молодицъ" стр. 1076, 1140 и др.

[4]) „А дорога въ тотъ лѣсъ черезъ вотчиничьи Меншова поля Мосолова", стр. 1209; „а ѣздить ему на тотъ лугъ по дорогѣ по помѣсной землѣ," стр. 1241; „а въ лѣсъ имъ въѣзжать въ помѣстной и въ вотчинной, и дорога имъ дана съ помѣщики и вотчинники вопчѣ". 1031 стр.

[5]) „А владѣти имъ тѣмъ лѣсомъ и всякими угодьи... по старымъ межамъ, а къ рѣкѣ Полкѣ для воды ѣздити имъ по прежнему", стр. 1067.

[6]) Стр. 1073, 1223.

ванія рѣками и озерами, писцы съ еще большей пунктуальностью относились къ установленію твердаго и безспорнаго порядка въ пользованіи прудами и колодцами: „а прудъ и колодезь, что на помѣсной землѣ, по полюбовной челобитной за руками помѣщиковъ Олексѣя Истомина сына Бурцова съ товарищи, да вотчинниковъ Ѳедора Васильева сына Микифорова зъ братьеми и съ племянники, да Михаилу Горлову ко всей деревнѣ помѣщикомъ и вотчинникомъ вопчѣ. А хъ тому пруду и хъ колодезю вотчинникомъ Ѳедору Микифорову зъ братьеми и племянники, да Михаилу Горлову ходить и животина къ водопою гонять черезъ вотчинную землю Екима Микифорова и черезъ помѣсную землю Олексѣя Бурцова съ товарищи [1]).

Мы видимъ, насколько точно и детально опредѣляются въ писцовыхъ книгахъ права на проѣзды и естественныя или искуственныя водохранилища. Но въ валовомъ наказѣ объ этихъ важныхъ для деревенской жизни землеустроительныхъ вопросахъ никакихъ постановленій не содержится, какъ не содержится и точной формулировки техническихъ землеустроительныхъ пріемовъ, несмотря на то, что въ практикѣ писцовыхъ описаній и отдѣловъ помѣстій эти формулы уже были выработаны. Отмѣченное явленіе объясняется тѣмъ, что составители наказа избѣгали говорить о вещахъ, прочно установившихся въ обычной административной практикѣ земельныхъ учрежденій, и все свое вниманіе обратили на новые запросы юридической и землеустроительной техники писцовыхъ описаній, выдвинутые новыми потребностями политической и хозяйственной жизни современнаго общества.

Если можно говорить объ экономической программѣ правительства Михаила Федоровича, то первымъ пунктомъ ея нужно поставить развитіе производительныхъ силъ страны путемъ распространенія земледѣльческой культуры на запущенныхъ, опустѣвшихъ или даже вовсе не тронутыхъ земляхъ. Тѣ землеустроительныя операціи, которыя обычно съ этой цѣлью примѣнялись и въ XVI вѣкѣ, упоминаются въ наказѣ мимоходомъ или совсѣмъ не упоминаются, и только развер-

---

[1]) Ст. 1203. Приведу еще нѣсколько примѣровъ такого же подробнаго описанія правъ на колодези и пруды. „Да позадь усады колодезь вопчѣ съ помѣщики" съ Григорьемъ Житовымъ и тремя братьями Семекиными, да у нихъ же „вопчѣ прудъ", стр. 1241, 1087; „а колодезь у нихъ у всѣхъ помѣщиковъ, вопчѣ межъ поль на межѣ, на лощинѣ," ст. 1167; „а прудовое поймище съ помѣщики съ Ѳедоромъ, да съ Матвѣемъ, да съ Юріемъ Созоновыми зъ дер. Шелудинской разошла рѣка Шелуденка, а впала та рѣчка въ рѣку въ Гороленку возлѣ прудового заплоту", стр. 1056; „да у нихъ же отъ ихъ усадъ прудъ и заплота вопчѣ", стр. 1115. Нѣсколько примѣровъ устройства служилыхъ земель дорогами и водопоями см. у И. Миклашевскаго. Къ исторіи хозяйственнаго быта, стр. 77.

ставіе угодій въ дворцовыхъ селахъ и въ смежныхъ помѣстьяхъ получило въ немъ достаточное обоснованіе и развитіе. И это потому лишь, что важность уравнительнаго распредѣленія угодій, задуманнаго въ извѣстныхъ, конечно, предѣлахъ, для примѣненія на всемъ обширномъ пространствѣ Московской Руси, возвышало и ранѣе практиковавшійся пріемъ разверстки угодій до степени мѣропріятія огромнаго экономическаго значенія, имѣвшаго въ виду содѣйствовать развитію сельскохозяйственнаго производства путемъ равномѣрнаго надѣленія помѣстныхъ земель лѣсами, сѣнокосами и другими угодьями.

Тѣми же соображеніями о необходимости поднять на должную высоту упавшее еще задолго до смутъ земледѣліе объясняется требованіе наказа о примѣриваніи перелоговъ съ одобриваніемъ ихъ по той и другой пропорціи къ живущему, „чтобы переложная земля межъ пашенныхъ земель вспахана была и перелогомъ не лежала“ [1]. Насколько послѣдовательно проведена въ наказѣ мысль о необходимости вывести землю „изъ пустоты“, видно изъ того, что сдача оброчныхъ угодій разрѣшается имъ только крестьянамъ, а не дѣтямъ боярскимъ [2], и что для обезпеченія свободной эксплоатаціи бортныхъ ухожьевъ и для сведенія бортныхъ земель къ одному мѣсту правительство готово было итти на принудительную мѣну бортныхъ крестьянскихъ земель съ смежными помѣстными дачами [3].

Отголосокъ этихъ заботъ объ оживленіи страны нельзя не видѣть и въ ст. 58 наказа, по которой писцамъ вмѣнялось въ обязанность выискивать въ бортныхъ и черныхъ лѣсахъ мѣста, пригодныя для будущей колонизаціи.

Мы исчерпали постановленія валового наказа 130 года, относящіяся въ той или иной степени къ землеустройству помѣстныхъ и вотчинныхъ дачъ. Не лишнимъ будетъ теперь въ самомъ сжатомъ видѣ перечислить тѣ мѣры и техническіе пріемы, которые практиковались въ этомъ направленіи въ Московской Руси. Землеустроительная программа правительствъ 16 и 17 вѣковъ развертывается передъ нами въ слѣдующихъ основныхъ пунктахъ:

1. Система одабриванія худыхъ и среднихъ земель, позволявшая установить размѣры службы, количество тягла и величину недодачи до оклада, соотвѣтствующихъ помѣстьямъ даннаго лица съ пашнями разныхъ качествъ, перелогами, зарослями, съ угодьями и безъ нихъ.

2. Надѣленіе служилаго человѣка помѣстьями въ одномъ городѣ.

3. Отводъ помѣщику помѣстныхъ селеній и пустошей въ условіяхъ непосредственной близости и смежности отводимыхъ земель.

---

[1] Ст. 16-ая Наказа.

[2] Ст. 28-ая Наказа.

[3] Ст. 30-ая Наказа.

4. Намѣриваніе земельныхъ дачъ или отписка земель на Государя сряду, съ одного, а не черезъ земли, и не выборомъ.

5. Пропорціональное изверстаніе по дачамъ культурныхъ и некультурныхъ земель въ районѣ массоваго испомѣщенія служилыхъ людей.

6. Изверстаніе дворовъ, пашенъ и перелоговъ повытно, по четвертямъ, практиковавшееся при раздѣлахъ помѣстныхъ селеній.

7. Изверстаніе угодій по пашнѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ изъ дворцовыхъ селъ.

8. Изверстаніе угодій по пашнѣ въ близь лежащихъ помѣстныхъ селеніяхъ и при раздѣлѣ помѣстныхъ земель.

9. Обезпеченіе свободнаго доступа владѣльцамъ земель къ искусственнымъ или естественнымъ водохранилищамъ.

10. Обезпеченіе поземельныхъ участковъ дорожной сѣтью для хозяйственныхъ цѣлей.

11. Обмежеваніе помѣстій и вотчинъ.

Принципы, изложенные въ пунктахъ 2 и 3 этого перечня, замерли уже въ 16 вѣкѣ, не успѣвъ развиться, и потому писцовымъ наказомъ 130 года не упоминаются; точно также не упоминаетъ наказъ о землеустроительныхъ пріемахъ пунктовъ 5, 9 и 10, такъ какъ слѣдованіе имъ со стороны писцовъ достаточно обезпечивалось силой обычая и традиціи. Всѣ остальные принципы нашли себѣ то или иное выраженіе въ валовомъ наказѣ 130 года и послужили основой, на которой развилось землеустроительное право Соборнаго Уложенія 1649 года и послѣдующихъ законодательныхъ актовъ.

Изъ всѣхъ пунктовъ приведеннаго перечня мы не останавливались до сихъ поръ на послѣднемъ—11.

Безспорно, что обмежеваніе помѣстныхъ и вотчинныхъ земель нельзя разсматривать иначе, какъ одно изъ важнѣйшихъ звеньевъ въ ряду землеустроительныхъ мѣропріятій наказа, но, благодаря важности межевыхъ правилъ наказа и связи ихъ съ постановленіями, трактующими о разрѣшеніи земельныхъ споровъ, мы рѣшили выдѣлить ихъ особо.

ГЛАВА VII.

Земельные споры и межеваніе.

Писцовый наказъ 130 года, предполагающій валовое описаніе уѣздныхъ земель, вопросамъ межеванія удѣляетъ немного мѣста, въ соотвѣтствіи съ тѣмъ второстепеннымъ значеніемъ межевыхъ функ-

цій писца, какое онѣ занимаютъ въ ряду финансовыхъ и судебныхъ его полномочій. Валовое описаніе уѣзда по наказу 130 года не связывается съ общимъ размежеваніемъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и монастырскихъ земель. Наложеніе межъ производится только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ этомъ есть прямая необходимость. Въ опредѣленіи цѣлей межеванія валовой наказъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія, которая послѣдовательно проводилась втеченіе трехъ столѣтій русскимъ межевымъ законодательствомъ. Задачи межеванія по наказу заключаются въ обезпеченіи спокойствія и неприкосновенности поземельныхъ владѣній, потому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда на мѣстахъ возникали поземельные споры или, согласно указаніямъ опыта, они могли возникнуть въ недалекомъ будущемъ, писецъ обязанъ былъ, являясь въ роли судьи и межевщика, ликвидировать спорныя или неопредѣленныя поземельныя отношенія проложеніемъ ясныхъ и рѣзкихъ граничныхъ линій, отдѣляющихъ одно владѣніе отъ другого.

Остановимся на правилахъ валового наказа, посвященныхъ разрѣшенію поземельныхъ споровъ. Въ главѣ о переписи населенія и объ измѣреніи земель мы отмѣтили, что дѣйствіе валового наказа 130 года распространяется на земли помѣстныя, вотчинныя, земли духовныхъ учрежденій, бортныхъ и оброчныхъ селеній. Въ соотвѣтствіи съ этимъ валовые писцы могли разрѣшать тѣ споры о пашенныхъ земляхъ, лѣсахъ, сѣнокосахъ, рыбныхъ ловляхъ, бобровыхъ гонахъ и другихъ угодьяхъ, которые возникали между владѣльцами перечисленныхъ выше категорій земельныхъ имуществъ.

Несмотря на то, что описаніе черныхъ земель (вмѣстѣ съ дворцовыми) было изъято изъ вѣдѣнія валовыхъ писцовъ, имъ, однако, было предоставлено разрѣшеніе споровъ, возникающихъ на частновладѣльческихъ, бортныхъ или оброчныхъ земляхъ по смежеству съ посадскими или черными землями.

Самый порядокъ разбора спорныхъ дѣлъ не указанъ въ валовомъ наказѣ сколько-нибудь опредѣленнымъ образомъ: въ немъ нѣтъ указаній ни на сроки представленія документовъ, ни на значеніе и силу тѣхъ или другихъ видовъ судебныхъ доказательствъ [1]). Наказъ говоритъ кратко, что писцы обязаны во всѣхъ спорныхъ земляхъ „судити и обыскивати тутошними и сторонними людьми и всякими сыски накрѣпко, чьи тѣ земли и ухожья, да по суду и по обыску управу имъ въ землехъ и въ угодьяхъ чинити и тѣ спорныя мѣста размежевать“ [2]).

[1]) Валовые писцы, какъ говоритъ одинъ оффиціальный документъ, писали „безсрочно“, т. е. не давая владѣльцамъ никакихъ сроковъ для предъявленія крѣпостей.

[2]) Ст. 54 Наказа 130 года.

Гораздо полнѣе и точнѣе постановленія Тотемскаго писцоваго наказа 153 года, касающіяся того же вопроса о разрѣшеніи земельныхъ споровъ: „а будетъ межъ посадцкими и монастырскими и церковными или волостными людьми въ земляхъ и въ сѣнныхъ покосехъ и въ водахъ и въ иныхъ какихъ угодьяхъ учинитца споръ, и писцомъ въ спорныхъ мѣстехъ поставя тѣхъ людей съ очей на очи, будетъ на тѣ спорныя мѣста ни у ково никакихъ государевыхъ грамотъ и крѣпостей не будетъ и безъ суда будетъ розвести немочно, и тѣхъ судить и роспрашивать и сыскивать всякими сыски накрѣпко тутошними и окольными людьми въ правду по государеву крестному цѣлованью, а по суду, и по роспросу и по сыску межъ ими въ тѣхъ земляхъ и во всякихъ угодьяхъ расправа чинить безволокитно; а будетъ въ чемъ сыскъ не иметъ, а дойдетъ до вѣры и имъ въ тѣхъ спорныхъ земляхъ и во всякихъ угодьяхъ вѣра давать и образное хожденье смотря по тамошнему дѣлу“ [1]).

Въ приведенной выдержкѣ мы имѣемъ полное освѣщеніе порядковъ разрѣшенія земельныхъ споровъ, полное настолько, что извѣстныя постановленія Соборнаго Уложенія 1649 года почти ничего не прибавляютъ новаго къ тому, что уже практикуютъ писцы сѣверныхъ уѣздовъ по крайней мѣрѣ съ 1623 года [2]).

Компетенція писца, какъ судьи, вполнѣ согласно опредѣляется и валовымъ наказомъ 130 года и наказомъ писцамъ Тотемскаго уѣзда 153 года. Но въ стремленіи къ большей опредѣленности этотъ послѣдній наказъ добавляетъ: „а опричь земляныхъ спорныхъ дѣлъ, которыя къ земляному дѣлу не пристоятъ, крестьянъ ни въ какихъ дѣлѣхъ не судити и въ томъ неволи никоторыя не дѣлать; а въ воеводскія и въ мирскія земскія судныя дѣла безъ государева указу не вступатца и въ томъ ссоры межъ себя въ государевыхъ дѣлахъ ни въ какихъ не дѣлать“ [3]).

---

[1]) Тотемскій наказъ, л. 33. Также говоритъ о разрѣшеніи споровъ и наказъ писцамъ Устюжскаго уѣзда 1623 года.

[2]) Соборное Улож. 1649 г., гл. XVII ст. ст. 50, 51, 52 и гл. X ст. ст. 235, 236, 237.

[3]) Тотемскій Наказъ л. 33. Насколько все таки широко толковалось понятіе „земляныя дѣла“ видно изъ того, что писцы Ростовскаго уѣзда въ 1629—31 г. князь Андрей Звенигородскій и дьякъ Михаилъ Бухаровъ разрѣшили пререканія между священникомъ с. Васильевскаго и вдовою прежняго попа, причемъ прибавили вдовѣ челобитчицѣ земель изъ церковныхъ владѣній и приказали старшему ея сыну „жить при церкви въ дьячкахъ“; они же разсмотрѣли жалобу крестьянъ Мурзы Семендерева на владѣльцевъ бывшаго дворцоваго села Савинскаго, что послѣдніе не пускаютъ ихъ въ церковь, и удовлетворили просьбу жалобщиковъ. См. Ю. В. Готье. „Замосковн. Край въ XVII вѣкѣ“, ст. 93.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда при разрѣшеніи дѣла писцы встрѣтятъ какія-либо затрудненія, въ силу которыхъ имъ будетъ „управы учинить немочно", они должны были писать въ Москву, къ Великому Государю [1]).

Относительно межевыхъ знаковъ на спорныхъ мѣстахъ въ валовомъ наказѣ 130 года содержатся достаточно ясныя, хотя и краткія постановленія: „на межахъ велѣть ямы копать глубоки и широки, а въ лѣсныхъ мѣстахъ на деревьяхъ грани тесать, а на полевыхъ мѣстахъ ставить столбы и на нихъ по тому жъ грани тесать и подъ ними ямы копать и межи и грани въ книги писать имянно, чтобъ впредь межъ ихъ споровъ не было" [2]).

Въ приведенномъ постановленіи важно отмѣтить слѣдующую черту. Наказъ различаетъ межевые знаки въ лѣсныхъ и полевыхъ мѣстахъ; въ первомъ случаѣ они состоятъ изъ ямъ и затесанныхъ деревьевъ, во второмъ—также изъ ямъ и изъ поставленныхъ столбовъ. Это различіе между полевыми и лѣсными межами, не нашедшее себѣ выраженія въ Соборномъ Уложеніи 1649 года, было принято въ писцовыхъ наказахъ 80 годовъ 17 столѣтія [3]).

Менѣе опредѣленны, по сравненію съ валовымъ наказомъ 130 года, правила Тотемскаго наказа о наложеніи межъ на спорныхъ мѣстахъ: „и спорныя мѣста писати по сыску и мѣрить вервью вправду жъ, чтобъ впредь никому ни въ чемъ спору не было, и межи въ спорныхъ мѣстахъ учинить и ямы покопать, и на деревьяхъ грани потесать и въ книги тѣ спорныя земли и межи писать имянно" [4]).

Перейдемъ теперь къ тѣмъ постановленіямъ валового наказа, которыми предписывается наложеніе межъ и въ безспорныхъ мѣстахъ, если есть основаніе ожидать возникновенія споровъ въ будущемъ. Такой случай по наказу представляется тогда, когда, въ силу изложенной выше землеустроительной операціи уравненія угодій, придется часть угодій одного помѣстнаго селенія прирѣзать къ другому. Такъ какъ самый отводъ угодій могъ вызвать неудовольствія, пререканія и даже споры со стороны тѣхъ владѣльцевъ, отъ которыхъ угодья отнимались, то для предупрежденія такихъ нежелательныхъ явленій писцы должны были, во-первыхъ, описать въ писцовыхъ книгахъ „подлинно, порознь," кому, изъ чьихъ земель и сколько додано угодій, и, во-вто-

---

[1]) Ст. 54 Наказа 130 года и л. 34 Наказа Тотемскимъ писцамъ 153 года.

[2]) Ст. 54 Наказа 130 года.

[3]) Писцовый Наказъ 1681 г., п. 17, (П. С. З. № 890); Писцов. Наказъ 1683 г. п. 1 (П. С. З. № 1013); Писцовый Наказъ 1684 г., п. 28 (П. С. З. № 1074); См. также „Неволинъ, Полное Собраніе Сочиненій, т. VI, стр. 497.

[4]) Тотемскій Наказъ, л. 34.

рыхъ, обозначить раздѣльную границу межевыми знаками: ямами и гранями на деревьяхъ, чтобы „впредь въ лѣсехъ и въ покосехъ и во всякихъ угодьяхъ и въ бортныхъ ухожьяхъ ни у кого ни съ кѣмъ споровъ не было“ [1]).

Въ данномъ случаѣ межеваніе является, слѣдовательно, актомъ, сопутствующимъ землеустроительнымъ мѣропріятіямъ наказа.

На этой же точкѣ зрѣнія остается наказъ и тогда, когда предписываетъ устанавливать межевые знаки при выдѣленіи пашни новымъ помѣщикамъ изъ земель старыхъ владѣльцевъ. Наложеніе межъ въ этомъ случаѣ не относится исключительно къ обязанностямъ писца: если растущіе въ полѣ хлѣба препятствуютъ осуществленію выдѣла, то писцы предоставляли производство раздѣла пашенъ и наложеніе межъ самимъ владѣльцамъ послѣ уборки хлѣбовъ. Писцы должны были приказать владѣльцамъ, чтобы они, „тѣ поля межъ себя подѣлили сами по четвертямъ на колько четвертей въ которомъ полѣ пашни, которому полю доведется и межи межъ себя сами жъ учинили и ямы покопали и грани поклали“. Точное описаніе сдѣланныхъ при этомъ межъ за своими подписями владѣльцы должны были привозить писцамъ, которые, пользуясь представленными выписями, описывали въ своихъ книгахъ границы и межи помѣщичьихъ земель. Цѣль наложенія межъ при отрѣзкѣ пашенныхъ земель отъ одного помѣщика въ пользу другого формулируется наказомъ точно также, какъ и при добавочномъ надѣленіи угодьями, „чтобы впредь межъ нихъ споровъ въ земляхъ не было“ [2]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что писцовый наказъ охотно предоставляетъ размежеваніе земель и наложеніе межевыхъ знаковъ самимъ помѣщикамъ, что вполнѣ соотвѣтствовало какъ навыкамъ населенія, такъ и той спѣшности, съ которой производились писцовыя описанія земель. Работа по раздѣлу пашенныхъ земель даннаго селенія между испомѣщенными въ немъ служилыми людьми должна была занять у писцовъ много времени; мы не ошибемся если скажемъ, что продолжительность этихъ работъ даже при совершенныхъ техническихъ средствахъ должна исчисляться недѣлями. Ясно, что на писцовъ возлагать подобныя задачи было невозможно. Но съ другой стороны и владѣльцы, предоставленные самимъ себѣ, часто не могли справиться съ размежеваніемъ своихъ земель. Наказъ 130 года указываетъ слѣдующій выходъ изъ этого затруднительнаго положенія. Писцы по заявленію помѣщиковъ, что „имъ межъ себя самимъ пашни дѣлить и размежевать

[1]) Статья 17 Наказа.
[2]) Статья 20 Наказа.

немочно", должны были давать выписи губнымъ старостамъ и городовымъ прикащикамъ, предписывая этимъ должностнымъ лицамъ послать дворянина или подъячаго на размежеваніе указанныхъ помѣстныхъ дачъ, и на основаніи составленныхъ при этомъ актовъ записывать межи въ писцовыя книги [1]).

Вотъ наиболѣе существенныя постановленія валового наказа 130 года о размежеваніи земель [2]).

Мысль о томъ, что межи должны быть проложены всюду, гдѣ поземельныя владѣнія соприкасаются между собой, была развита въ немъ не въ полной мѣрѣ, хотя и была ему хорошо знакома. Мы уже видѣли, какъ заботливо наказъ предусматриваетъ тѣ случаи, при которыхъ безъ наложенія межъ могли возникнуть земельные споры между сосѣдними владѣльцами. Еще лучшее доказательство выставленнаго положенія даетъ статья 29 наказа, по которой земли бортныхъ селеній, смежныя съ помѣстными и вотчинными землями, отмежевываются отъ послѣднихъ обязательно, „хотя будетъ въ которыхъ нынѣ и спору нѣтъ", чтобы „впредь межъ ихъ въ земляхъ споровъ не было".

Можно ли поставить въ упрекъ составителямъ валового наказа 130 года, что они уклонились отъ принципа обязательности писцоваго межеванія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда поземельныя владѣнія разныхъ лицъ соприкасаются между собой? Мы думаемъ, что нельзя. Владѣльцамъ помѣстныхъ и разнаго рода вотчинныхъ земель предоставлялась самая широкая возможность разграничивать свои дачи путемъ полюбовныхъ соглашеній, съ занесеніемъ сдѣланныхъ при этомъ межъ въ писцовыя книги. Когда потребность въ такомъ разграниченіи была на лицо, то межеваніе земель совершалось, конечно, безпрепятственно. Съ другой стороны всѣ наиболѣе острые случаи, при которыхъ можно было опасаться возникновенія споровъ въ будущемъ, были указаны писцамъ въ валовомъ наказѣ 130 года съ требованіемъ обязательнаго проложенія межъ, обозначенныхъ межевыми знаками, между смежными владѣніями. Такимъ образомъ, послѣ писцовыхъ работъ оказывались не укрѣпленными межевыми знаками и записью въ писцовыя книги только тѣ граничныя межи, которыя проходили въ безспорныхъ мѣстахъ и не вызывали въ смежныхъ владѣльцахъ никакихъ

---

[1]) Статья 21 Наказа.

[2]) Въ валовомъ наказѣ нѣтъ упоминанія объ обязательномъ отмежеваніи проданныхъ въ вотчину порозжихъ земель, которое было установлено въ 1573 и подтверждено въ 1628 году. Это потому, во-1, что валовой наказъ составлялся въ 1622 году, т. е. ранѣе подтвердительнаго указа 1628 года и, во-2, на томъ основаніи, что отмежеваніе проданныхъ земель производилось по отдѣльнымъ указамъ Государя. Ук. Кн. Пом. Пр. 80-81.

сомнѣній въ своей непоколебимости. Но если увѣренность двухъ смежныхъ владѣльцевъ въ твердости и ясности разграничивающей ихъ межи доходитъ до того, что они не дѣлаютъ никакихъ попытокъ къ фиксированію существующей границы ни въ натурѣ, ни въ писцовыхъ книгахъ,—то нужно ли было принимать инціативу такого закрѣпленія государству на себя, въ лицѣ писцовой коммиссіи? Эта мѣра была бы, конечно, далеко не лишней, но въ ней не было настоятельной необходимости.

Признавая право инціативы на производство межеванія одинаково какъ за государствомъ, такъ и за частными владѣльцами, законодательство 17 вѣка въ указѣ 1629 года и Соборномъ Уложеніи 1649 года, было только послѣдовательно, предоставляя частнымъ лицамъ право просить Государя о межеваніи своихъ, немежеванныхъ писцами земель, и о возобновленіи устарѣвшихъ межевыхъ знаковъ [1]).

Если въ укрѣпленіи границъ между смежными владѣльцами не всегда, съ точки зрѣнія валоваго наказа 130 года, была прямая необходимость, то отсюда понятно, что этотъ памятникъ совсѣмъ не говоритъ объ общемъ размежеваніи земель путемъ проложенія и укрѣпленія окружныхъ межъ. Общее размежеваніе уѣздныхъ земель было несвоевременно и практически невыполнимо въ эпоху валоваго наказа 130 года, и не потому только, что было бы весьма продолжительно или непосильно для писцовъ, а потому еще, что то единственное условіе, при которомъ всякое межеваніе становится возможнымъ и необходимымъ—непосредственная смежность и близость поземельныхъ владѣній, наблюдалось далеко не вездѣ въ Московскомъ Государствѣ послѣ смуты.

На основаніи всего сказаннаго выше, постановленія валоваго наказа 130 года о межеваніи можно формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1. Межеваніе по наказу лишено самостоятельнаго значенія (за исключеніемъ немногихъ случаевъ) и является актомъ, сопутствующимъ или судебному рѣшенію, или землеустроительной операціи.

---

[1]) Уложеніе 1649 г. Глава X, ст. 234 и гл. XVII, ст. 50—53. Въ указѣ 16 октября 1629 года было постановлено: „хто станетъ бити челомъ въ Московскомъ уѣздѣ о межеванье, которыхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель не межевали Лаврентей Кологривовъ, да подьячей Дружина Скиринъ, и тѣмъ челобитчикомъ указали давать свои государевы межевые грамоты и выписи съ Лаврентьевыхъ книгъ Кологривова, и указали тѣ земли по выписямъ межевать писцомъ Семену Дивову да подьячему Игнатью Ѳедотову“. Указная книга Помѣстнаго приказа, ст. 97—98.

2. Оно имѣетъ цѣлью ликвидировать существующіе поземельные споры и предупредить возникновеніе ихъ въ будущемъ.

3. Валовой наказъ не знаетъ окружной межи и предусматриваетъ наложеніе межевыхъ знаковъ и ихъ описаніе только въ нѣкоторыхъ, наиболѣе подверженныхъ захватамъ и притязаніямъ мѣстахъ.

4. Валовой наказъ различаетъ межи проложенныя и обозначенныя, во-1, писцами, во вторыхъ владѣльцами и чинами провинціальной администаціи по приказу писца; послѣднія получаютъ значеніе писцовыхъ межъ путемъ внесенія ихъ въ писцовыя книги.

5. Наказъ проводитъ нѣкоторое различіе между межевыми знами, поставленными въ полевыхъ и лѣсныхъ мѣстахъ.

ГЛАВА VIII.

Общія обязанности писца и населенія. Составленіе писцовыхъ книгъ. Заключеніе.

Общія обязанности населенія при производствѣ писцоваго описанія уѣзда опредѣлены въ валовомъ наказѣ 130 года весьма неполно: оставленъ безъ всякаго упоминанія цѣлый кругъ отношеній, возникающихъ изъ обязанности владѣльцевъ описываемаго уѣзда содержать писца и его партію, поставлять нужные для работы подводы, матеріалы и рабочихъ, особенно при описаніи всякаго рода порожзихъ земель. Всѣ эти вопросы разрѣшались на практикѣ, вѣроятно, очень просто, по традиціи, по старинѣ. Наказъ стремится формулировать только наиболѣе важныя, основныя требованія, которыя предъявлялись населенію.

Эти требованія сводились въ общемъ къ слѣдующему положенію: владѣльцы помѣстныхъ и вотчинныхъ земель приглашаются наказомъ не вводить писцовъ въ заблужденіе и сообщать имъ нужныя свѣдѣнія по правдѣ. Какъ извѣстно описаніе каждаго владѣнія начиналось подачею или самимъ владѣльцемъ, или его прикащикомъ, сказки о количествѣ состоящей за нимъ живущей пашни, перелогу, угодій, крестьянъ и бобылей [1]). Писецъ обязанъ былъ предварительно объяснить владѣльцамъ, чтобы они писали въ сказкахъ „неложно, прямо, вправду, по святой и непорочной Евангельской заповѣди,... а не лгали и земель бы и угодей всякихъ не обводили“ и „крестьянъ и бобылей не таили“ [2]).

---

[1]) Статья 4 Наказа.
[2]) Статья 5 Наказа.

Наказъ даже перечисляетъ наиболѣе опасные и яркіе виды тѣхъ обмановъ, съ которыми придется имѣть дѣло писцу, и которые, очевидно, были довольно распространены въ Московской Руси того времени. Наказъ предписываетъ писцамъ производить крѣпкій сыскъ въ томъ случаѣ, если владѣльцы, за которыми „села и деревни до писцовъ были живущіе", „нынѣ послыша писцовъ", учнутъ держать крестьянъ будто въ бѣгахъ и для того вышлютъ крестьянъ и бобылей съ лошадьми и съ животиною въ лѣса, или сведутъ жильцовъ изъ разныхъ дворовъ въ одинъ дворъ, а опустѣвшіе дворы развезутъ и пожгутъ, а села и деревни напишутъ „впустѣ", а пашню пахаиую назовутъ пустой или наѣзжей.

Помѣщиковъ и вотчинниковъ, оказавшихся виновными въ подобныхъ утайкахъ, ожидала суровая кара. Утаенные земли и крестьяне отписывались отъ нихъ на Государя, со взысканіемъ доходовъ утаеннаго имущества вдвое и съ отдачею виновныхъ въ государевой пенѣ на крѣпкія поруки съ записьми. Кромѣ того они лишались права на полученіе помѣстій въ будущемъ. Чтобы облегчить раскрытіе обмановъ со стороны владѣльцевъ, наказъ рекомендуетъ писцамъ разъяснять владѣльцамъ, особенно малопомѣстнымъ или безпомѣстнымъ, что Государь „тѣ земли обводныя и крестьянъ и бобылей велитъ отдавать тѣмъ, кто доведетъ" или „про то извѣститъ" [1]).

Въ связи съ общимъ требованіемъ о неутайкѣ земель и крестьянъ находятся постановленія валоваго наказа, возлагающія на помѣщиковъ, вотчинниковъ и крестьянъ обязанности доставлять писцу имѣющіеся у нихъ на рукахъ документы, особенно старыя сотныя выписи, безъ которыхъ, въ случаѣ утраты самыхъ писцовыхъ книгъ, вести описаніе земель было бы затруднительно. Въ уложеніи 128 года о примѣрныхъ земляхъ (пунктъ а) этотъ вопросъ разработанъ достаточно подробно. Составители валового наказа внесли текстъ Уложенія безъ существенныхъ измѣненій въ инструкціи писцамъ, но добавили, что если кто-либо утаитъ старыя сотныя грамоты и про то сыщется „коимъ обычаемъ", то виновнымъ „быть отъ великаго Государя въ опалѣ и въ казни" [2]).

О требованіяхъ наказа населеніе оповѣщалось черезъ бирючей, которые должны были, по распоряженію писцовъ, „кликать" по торгамъ въ торговые дни о приносѣ къ писцамъ старыхъ документовъ „не по одинъ день". По отношенію къ землямъ пожалованнымъ изъ дворцовыхъ селъ, интересно отмѣтить, что старосты, цѣловальники и

---

[1]) Ст. ст. 6 и 63 валов. наказа.

[2]) Уложеніе 128 года (пунктъ а) и ст. 43 валового наказа.

крестьяне розданныхъ земель должны были сдать писцу свои старыя грамоты и выписи на владѣніе, которыя имъ послѣ снятія копій уже не возвращались.

Во всѣхъ отстальныхъ случаяхъ писецъ вмѣстѣ съ предъявленіемъ подлинной грамоты или выписи требовалъ у владѣльцевъ списковъ съ нихъ за своими или поповыми руками. Наказъ не устаетъ повторять, что со всѣхъ документовъ на владѣніе, писцы должны были оставить у себя точные списки слово въ слово; въ нѣсколькихъ статьяхъ наказъ говоритъ о сниманіи списковъ съ государевыхъ грамотъ, отдѣльщиковыхъ и откащиковыхъ выписей, старыхъ сотныхъ грамотъ, писцовыхъ и дозорныхъ выписей за дьячьими руками, прежнихъ судовъ правыхъ грамотъ и со всякихъ иныхъ „крѣпостей“ [1]).

Такимъ образомъ у писцовъ, въ силу требованій наказа, долженъ былъ образоваться при описаніи уѣзда, громадный архивъ съ разнообразными и иногда очень древними документами. Этотъ матеріалъ служилъ для оправданія всѣхъ дѣйствій писца, пособіемъ при составленіи писцовыхъ книгъ и надежнымъ источникомъ при наведеніи какихъ либо справокъ, какъ у писца во время описанія, такъ и въ последующее время въ Помѣстномъ Приказѣ. Въ виду особой цѣнности имѣющагося при писцахъ документальнаго матеріала, имъ велѣно, по наказу, всякія книги и списки держать за своими печатями „для береженья“ [2]).

Такое же важное значеніе добросовѣстнымъ показаніямъ владѣльцевъ и старымъ сотнымъ грамотамъ придаетъ наказъ писцамъ Тотемскаго уѣзда: „а то писцамъ посадскимъ и волостнымъ старостамъ заказывати съ великимъ укрѣпленіемъ: будетъ кто хотя не великое что утаитъ и за собою не скажетъ или сотныхъ грамотъ передъ ними, писцы, не положатъ, что у нихъ сотныя грамоты есть, а они ихъ имъ писцамъ не объявятъ, а послѣ про то сыщетца или кто на кого въ томъ скажетъ, и того государь пожалуетъ своимъ государевымъ жалованіемъ, а тѣмъ людемъ, которые что утаятъ или обведутъ отъ Государя... быть въ великой апалѣ и въ казни; и они бъ однолично межъ себя сотныхъ грамотъ не нашли и другъ на друга сказывали, чтобъ за тѣмъ ихъ письму порухи и мотчанья не было и было бъ къ чему примѣритца“ [3]).

Въ заключительныхъ словахъ приведенной выдержки звучитъ зна-

---

[1]) Ст. ст. 45, 55, 65, 70 и 71 валового наказа.

[2]) Ст. 64. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Тотемскій Наказъ предписываетъ: „книги приправочныя писцомъ для береженья держать за своими печатьми“. Л. 45.

[3]) Тотемскій Наказъ. Л. 32.

комый намъ уже мотивъ: новое описаніе должно вестись въ общихъ чертахъ на основѣ стараго. Такъ, даже крупныя мѣропріятія московскаго правительства пронизываются тонкой струей здороваго консерватизма, какъ надежной опоры для возстановленія поколебленныхъ смутнымъ временемъ правоотношеній. Примѣриваясь къ старымъ писцовымъ книгамъ, валовой писецъ долженъ былъ слѣдовать также нѣкоторымъ общимъ правиламъ, которыя изложены въ наказѣ по поводу составленія писцовыхъ книгъ.

Отмѣтимъ прежде всего, что наказъ имѣетъ въ виду описаніе уѣзда по системѣ личной, а не реальной; онъ стремится получить изъ писцовыхъ книгъ и перечней къ нимъ, достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, „сколько за кѣмъ“ находится земли и людей во владѣніи [1]).

Составленіе бѣловыхъ книгъ на основаніи предварительныхъ черновыхъ записей наказъ предписываетъ вести параллельно общему ходу работъ по описанію уѣзда, а именно, послѣ того какъ всѣ земли даннаго стана будутъ описаны въ черновыхъ книгахъ, необходимыя записи должны были переписываться „на бѣло“, „на чисто“. Своевременному составленію бѣловыхъ книгъ наказъ придаетъ важное значеніе, такъ какъ рѣшительно предписываетъ „книгъ въ чернѣ не держать“. Самую переписку писцы должны были поручить молодымъ подьячимъ, которые обязаны были заниматься ею въ личномъ присутствіи писцовъ („передъ собою“), подъ ихъ непосредственнымъ и ближайшимъ надзоромъ. На стараго подьячаго возлагалось кромѣ того составленіе и веденіе „полевыхъ книгъ“. Это требованіе наказа вполнѣ цѣлесообразно, такъ какъ полевыя книги съ описаніемъ межевыхъ знаковъ и изложеніемъ существа поземельнаго спора должны были быть изготовлены и подписаны сторонами и присутствующими при межеваніи и судѣ лицами непосредственно, вслѣдъ за соотвѣтствующими работами въ полѣ. Поручать молодымъ подьячимъ веденіе столь отвѣтственныхъ протоколовъ было бы едва ли допустимо безъ ущерба для дѣла.

Наказъ ничего не говоритъ о составленіи итоговъ населенію и землямъ въ описанномъ станѣ; вѣроятно, эта продолжительная и трудная работа предполагалась къ исполненію уже по пріѣздѣ писцовъ въ Москву. Но зато онъ требуетъ обязательнаго составленія по отдѣльнымъ станамъ и для всего уѣзда особыхъ перечневыхъ списковъ, въ которыхъ должно быть показано, „что за кѣмъ живущаго и пустого“. Эти перечни писцы должны были изготовить ко времени пріѣзда въ Москву и сдать въ Помѣстный Приказъ, причемъ, какъ видно изъ ст. 64 наказа, немедленная сдача требовалась только по отношенію къ перечнямъ, а не къ самымъ писцовымъ книгамъ.

---

[1]) Ст. ст. 1 и 64 наказа.

Составленіе перечней имѣло особо важное значеніе, потому что, опираясь на нихъ, писцы могли произвести столь необходимую повѣрку какъ правильности записей въ книгахъ, такъ и правдивости показаній владѣльцевъ. Если еще пахатныя земли и угодья, за исключеніемъ, конечно, скрытыхъ обводныхъ писецъ могъ усчитать непосредственнымъ измѣреніемъ, то количество живущихъ дворовъ и населенія въ нихъ вписывалось въ книги на основаніи представленныхъ владѣльцами сказокъ, безъ достаточно строгой повѣрки ихъ содержанія на мѣстѣ. Принимая декларацію владѣльца за основаніе при наложеніи на землю тягла и не имѣя способовъ къ сколько-нибудь надежному контролю сдѣланныхъ заявленій, правительство Московской Руси 17 вѣка обратилось къ тому средству, на которомъ останавливаются въ настоящее время передовыя по культурѣ и постановкѣ финансовой техники страны, именно къ публичному оглашенію количества состоящихъ за каждымъ владѣльцемъ имущества и капитала; „а какъ писцы весь городъ допишутъ, и имъ помѣщиковъ и вотчинниковъ собрати и книги передъ ними прочесть—перечни, что за кѣмъ сколько написано крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и четвертные пашни, для прописки [1]).

Отъ предъявленія владѣльцамъ перечней наказъ ожидаетъ серьёзныхъ послѣдствій, именно раскрытія обмановъ и утаекъ: „да будетъ на кого въ то время скажутъ, кто за собой крестьянъ и бобылей и четвертныя пашни утаилъ, или будетъ за кѣмъ что прописано, и писцомъ на тѣ спорныя земли ѣхать самимъ не замотчавъ и сыскивать накрѣпко“. Если у владѣльца окажется во владѣніи людей и земель „сверхъ“ поданной сказки или сверхъ записаннаго въ книги количества, то виновный въ утайкѣ подвергается изложеннымъ выше карамъ, какъ то отпискѣ помѣстій на Государя и пр. Въ приведенномъ постановленіи обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что утайка ставится въ вину владѣльцамъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ писцовой книгѣ буденъ написано менѣе дѣйствительнаго количества земель и людей, состоящихъ за ними во владѣніи. Слѣдовательно помѣщики и вотчиники приглашаются наказомъ не только къ добросовѣстному составленію сказокъ о владѣніи, но и къ обязательной заботѣ о правильности самого составленія соотвѣтствующей части писцовой книги. Конечно трудно предположить, чтобы у владѣльца, правдиво написавшаго все нужное въ сказку, отбиралось помѣстье, за ошибку писца, но можно думать, что если самъ владѣлецъ при чтеніи перечня, не объявитъ о существующей въ книгѣ погрѣшности, а доведутъ о ней другіе, то онъ разсматривался, какъ виновный въ утайкѣ земель и крестьянъ.

---

[1]) Ст. 64 Наказа.

Въ оглашеніи перечней нельзя не видѣть открытаго и рѣшительнаго признанія гласности составленія писцовыхъ книгъ однимъ изъ основныхъ началъ помѣстно-вотчиннаго режима въ Московскомъ государствѣ. Въ логической связи съ этимъ началомъ стоитъ та широкая доступность писцовыхъ книгъ для населенія, которая присваивалась книгамъ послѣ сдачи ихъ въ приказъ. Всякаго рода розыски утаенныхъ помѣстій, выиганныхъ земель, выморочныхъ и порозжихъ селеній и пустошей предполагаютъ, конечно, что въ любой моментъ заинтересованное лицо можетъ навести нужную справку по подлинной писцовой книгѣ или списку съ нея. Для этого оно могло обратиться не только въ Помѣстный Приказъ, но и къ мѣстному воеводѣ или губному старостѣ, у которыхъ хранились списки писцовыхъ книгъ, перечни, платежныя книги и проч. документы, составленные на основаніи работъ по описанію уѣзда.

Населеніе черныхъ волостей также считало естественнымъ и необходимымъ результатомъ завершенія письма въ уѣздѣ или на посадѣ „объявленіе" составленныхъ при этомъ писцовыхъ книгъ; напримѣръ, тотемскіе крестьяне и посадскіе люди въ своей челобитной 1640 года поставили въ вину дозорщику воеводѣ Ивану Малыгину, что онъ книгъ своего дозора „на Тотьмѣ не объявливалъ" [1]).

Такимъ образомъ, наказъ всесторонне освѣщаетъ тѣ средства, при помощи которыхъ писцы могли получить надежные результаты; тутъ фигурируютъ и сказки населенія, и допросъ нужныхъ лицъ, и повальный сыскъ, и всякаго рода документы, и измѣреніе земель и, наконецъ, оглашеніе перечней предъ собраніемъ всѣхъ помѣщиковъ даннаго города. Для сообщенія большей достовѣрности писцовымъ книгамъ наказъ предписываетъ писцовое дѣло дѣлать всѣмъ писцамъ вмѣстѣ, „а нарознь имъ не писать и земли не мѣрить и не судить". Такимъ образомъ, всякая запись въ писцовой книгѣ является постановленіемъ судобно-административной коммиссіи, организованной на началахъ коллегіальности [2]).

Валовой наказъ 130 года не даетъ какихъ либо подробныхъ указаній на порядокъ производства порученнаго писцамъ дѣла, какъ и на тѣ формы, въ которыя выливалось при тѣхъ или другихъ случаяхъ участіе населенія въ составленіи и утвержденіи писцовыхъ книгъ. Въ частности, напр., въ наказѣ не содержится правилъ о подписяхъ владѣльцевъ на составленныхъ книгахъ. Этотъ важный вопросъ остался

---

[1]) Тотем. Наказъ л. 3.

[2]) См. Улож. гл. X ст. 2 и 23: „а вершить то дѣло по суду и по сыску судьямъ всѣмъ вопчѣ".

безъ законодательнаго опредѣленія и разрѣшался на практикѣ различно, скорѣе въ томъ смыслѣ, что подписи владѣльцевъ подъ книгами признавались валовыми писцами излишней формальностью. Можно, впрочемъ, указать на писцовыя книги, скрѣпленныя кромѣ подписей писцовъ и подписями владѣльцевъ [1]). Наказъ ищетъ гарантій правильнаго составленія писцовыхъ книгъ главнымъ образомъ въ осмотрительности и неустанномъ вниманіи писца: „а писати писцамъ въ книгу и всякія земляныя дѣла дѣлать передъ собой".

Личное присутствіе писцовъ на мѣстѣ работъ, непосредственное руководство измѣреніемъ земель, межеваніемъ ихъ и описаніемъ въ книгахъ—вотъ цѣлая система дѣйствій писцовой коммиссіи, рекомендуемая валовымъ наказомъ. Пользуясь въ самой широкой степени свѣдѣніями, сообщаемыми населеніемъ, и публично оглашая результаты описанія, писцы имѣли всѣ шансы на полученіе достовѣрныхъ результатовъ, для цѣнности которыхъ формальное скрѣпленіе писцовыхъ книгъ представителями населенія не могло имѣть существеннаго значенія. Не смотря на всю убѣдительность и обоснованность этой части постановленій валоваго наказа, нельзя не отмѣтить, что рѣшенія, принятыя въ немъ, не могутъ считаться единственно вѣрными, и мы сейчасъ на примѣрѣ наказа Тотемскимъ писцамъ познакомимся съ нѣсколько иной постановкой дѣла составленія писцовыхъ книгъ.

Тотемскій наказъ, какъ и валовой наказъ 130 года, предписываетъ писцамъ вести изготовленіе писцовыхъ книгъ параллельно самому описанію, при чемъ точно не указываетъ того района, на который непосредственно вслѣдъ за выполненіемъ описанія должны обязательно были быть написаны хотя бы черновыя книги, не переходя къ работѣ по другому району. Онъ говоритъ: „а писати писцовыя книги вскорѣ тотчасъ, какъ гдѣ что опишутъ, чтобъ въ томъ у переписки книгъ перемѣны не было и чтобы тутошнымъ всякимъ людемъ было

---

[1]) Для полнаго освѣщенія поставленнаго вопроса нужно обратиться къ обслѣдованію сохранившихся черновыхъ писцовыхъ книгъ, такъ какъ только онѣ изготовлялись на мѣстѣ и могли быть предъявлены населенію непосредственно вслѣдъ за описаніемъ.

[2]) Обязанности дозорщика г. Вязьмы въ наказѣ 153 года изложены такъ „А одноличнобъ въ Вязьмѣ въ городѣ и въ острогѣ и на посадѣхъ монастыри и церкви ружные и приходскіе и всякихъ людей дворы жилые и осадные и во дворѣхъ людей и про всякіе угодья сыскивать въ правду по нашему крестному целованію, а никому ни въ чемъ не дружить и ни покомъ не покрывать, и на всякихъ земляхъ и на дворовыхъ и на лавочныхъ мѣстехъ были сами, а за очи бъ ничего не писали, и иного никово мимо себя писать и дозорить не посылали". Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. П. Д. С. Л. № 68.

безволокитно" [1]). Въ приведенномъ требованіи тотемскаго наказа неясно пока только указаніе на волокиту населенія, связанную съ позднимъ составленіемъ писцовыхъ книгъ. Эта неясность вполнѣ разсѣивается слѣдующимъ постановленіемъ наказа: „а гдѣ что опишутъ и измѣрятъ и кто съ ними на спорныхъ земляхъ тутошныхъ или стороннихъ людей на дозорѣ будутъ, и имъ тутошнихъ и спорныхъ людей подо всякою волостью въ черныхъ своихъ книгахъ, каковы у нихъ впередъ для спору будутъ, подписывать имяны, кто съ ними былъ на дозорѣ и велѣть имъ или въ ихъ мѣсто отцомъ ихъ духовнымъ руки свои прикладывати въ тѣхъ же черныхъ писцовыхъ книгахъ" [2]).

Такимъ образомъ, Тотемскій наказъ придаетъ немаловажное значеніе подписямъ лицъ, бывшихъ „на дозорѣ", въ составленныхъ при этомъ писцовыхъ книгахъ [3]). Если мы вспомнимъ, что описаніе сѣверныхъ уѣздовъ совершалось въ присутствіи избранныхъ на посадѣ и въ уѣздѣ представителей мѣстнаго населенія, то придется признать, что постановленія валоваго наказа 130 года, въ этой своей части, являются менѣе совершенными, чѣмъ правила наказа тотемскимъ писцамъ, при работахъ которыхъ столь видное мѣсто отводилось „тутошнимъ всякимъ людемъ".

Точно также тотемскій наказъ даетъ болѣе опредѣленныя указанія писцамъ о составленіи писцовыхъ книгъ и перечней къ нимъ: „а въ книгахъ подъ посадами и подъ волостями велѣть писать большіе перечни порознь, что въ которой волости селъ, и деревень, и починковъ, и пустошей, и селищъ, и займищъ, а въ нихъ что будетъ монастырскихъ, и поповыхъ, и дьяконовыхъ, и церковныхъ причетниковъ, и крестьянскихъ живущихъ пашенныхъ и непашенныхъ и бобыльскихъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ, а сколько по ихъ письму и мѣрѣ монастырскія, и церковныя и крестьянскія пашни пахавыя, и перелогу, и лѣсамъ поросли, и сѣна, и лѣсу и всякихъ угодей порознь и вытей и сохъ большихъ въ живущемъ, и почему съ которыя волости государевыхъ денежныхъ всякихъ доходовъ крестьяне платили по прежнему, и что съ которыя волости по ихъ письму государевыхъ денежныхъ всякихъ доходовъ: прибудетъ порознь или гдѣ убудетъ, и сколько отдадутъ на льготу изъ пуста въ жило, или на сколько кому льготы дано,

[1]) Тотем. Наказъ л. 47. Изъ требованія наказа (см. далѣе) о подписяхъ мѣстныхъ людей подо всякою волостью, можно заключить, что этимъ райономъ предполагалась волость.

[2]) Тотем. наказъ, л. 47.

[3]) Неправильность письма воеводы Ивана Малыгина тотемцы доказывали въ своей челобитной 1640 года во 1) тѣмъ, что его книги на посадѣ не объявлены, и во 2) тѣмъ, что „рукъ у тѣхъ дозорныхъ книгъ посадцкихъ людей Тимофея Брагина и Іева Кубасова нѣтъ". Тамъ же, л. 3.

что и будетъ впусто или въ жило передъ прежними писцовыми книгами прибудетъ, и то все въ книгахъ въ перечняхъ расписывать подлинно порознь и по статьямъ подъ посадомъ и подо всѣми волостьми, и въ большомъ перечню малыми сошками и вытьмы, почему на тотьмѣ изстари велось противъ прежнихъ писцовыхъ и дозорныхъ книгъ и сошныхъ грамотъ, и сошныхъ письмомъ по сему государеву указу, чтобы впредь по ихъ письму и дозору малыми сошками вытьми и большими сохами въ книгахъ описано было имянно" [1]).

Какъ видно изъ приведенной выдержки тотемскій наказъ устанавливаетъ два вида перечневыхъ книгъ для уѣзда: 1) малые перечни на отдѣльныя волости и посадъ и 2) перечень большой, относящійся ко всей описанной территоріи города Тотьмы. При этомъ не остается никакихъ сомнѣній, что перечни, требуемые тотемскимъ наказомъ, являются документами совсѣмъ иного рода, чѣмъ перечни валоваго наказа 130 года. Тамъ перечень—это указатель „сколько за кѣмъ" состоитъ земель и людей по писцовой книгѣ, здѣсь—это итогъ людей и земель по родамъ владѣній или роспись этихъ итоговъ по вытямъ, сошкамъ и сохамъ.

Дальнѣйшая судьба составленныхъ писцами книгъ и перечней изображается тотемскимъ наказомъ въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ описанія посада и уѣзда, составивъ писцовыя книги и перечневую къ нимъ роспись, писцы должны были ѣхать „къ государю, а на Москвѣ явитись и книги и противъ книгъ перечневую роспись и всякіе сыски за своими руками отдать въ Устюжской Чети дьяку Минѣ Грязеву" [2]). Однако было бы ошибочно думать, что этимъ заканчивается послѣдняя стадія писцовыхъ работъ, именно составленіе и сдача писцовыхъ книгъ. Какъ увидимъ ниже, здѣсь тотемскій наказъ говоритъ только о предварительной сдачѣ составленныхъ писцами документовъ для обозрѣнія дьяками всего сдѣланнаго ими, отнюдь не считая составленіе книгъ и перечней къ нимъ законченнымъ ко времени пріѣзда писцовъ въ Москву: „а перечнь тотемскому посаду и уѣзду письма своего, сдѣлавъ порознь отдать въ Устюжской Четверти напередъ своихъ писцовыхъ книгъ, а сотныхъ грамотъ и выписей съ тѣхъ своихъ книгъ посадцкимъ

---

[1]) Тотем. наказъ, л.л. 43-44.

[2]) Тотем. наказъ л. 46, Соотвѣтствующее требованіе валоваго наказа 130 года см. въ ст. 75. Иногда перечни требовалось прислать въ Москву прежде писцовыхъ книгъ. Такъ о работахъ писцовъ 1676 года, посланныхъ въ Устюгъ—В., Соловичегодскъ, Тотьму и Чаронду въ докладѣ Приказа Устюжской Чети 1677 года сказано: „а что по ихъ дозору и письму пустоты объявилось, того... не вѣдомо, потому что писцы о томъ къ Великому Государю неписывали и перечневыхъ выписокъ, которые велено имъ прислать преже писцовыхъ книгъ... неприсылывали" П. Д. С. Л, № 200. (Арх. Мин. Ин. Дѣлъ).

и уѣзднымъ людемъ не давати до тѣхъ мѣстъ, покамѣстъ положатъ книги, и перечни отдадутъ совсѣмъ, чтобъ въ томъ впередъ спору не было, а учнутъ сотные давать на Москвѣ за приписью дьяка Мины Грязева“ [1]). Слѣдовательно, окончательное составленіе писцовыхъ книгъ пріурочивается тотемскимъ наказомъ къ моменту несомнѣнно болѣе позднему, чѣмъ предварительная сдача ихъ въ приказъ. Съ этимъ вполнѣ согласуется выводъ, сдѣланный Ю. В. Готье по поводу писцовыхъ книгъ уѣздовъ Замосковнаго края, а именно, что въ большинствѣ случаевъ писцовыя книги 20 и 80 годовъ 17 вѣка редактировались писцами уже въ столицѣ подъ надзоромъ помѣстнаго приказа [2]). Такъ какъ послѣ пріѣзда писцовъ въ Москву писцовыя работы на мѣстѣ, вообще говоря, прекращались и писцы находились въ распоряженіи соотвѣтствующаго приказа, то вполнѣ естественно, что валовой наказъ 130 года и тотемскій 153 обходятъ молчаніемъ вопросъ о срокѣ для окончательнаго изготовленія писцовыхъ книгъ, который, какъ показалъ это Ю. В. Готье, доходилъ иногда до десяти лѣтъ [3]).

Впрочемъ валовой наказъ совсѣмъ ничего не говоритъ также и о продолжительности писцовыхъ работъ на мѣстѣ. Въ условіяхъ валового письма различныхъ уѣздовъ сроки для описанія одного уѣзда могли быть чрезвычайно разнообразны, смотря по величинѣ его, дробности владѣній, количеству споровъ, межевыхъ дѣлъ, и пр. Но составители наказа писцамъ Тотемскаго уѣзда разработали этотъ вопросъ довольно подробно, освѣтивъ его примѣрами изъ недавняго прошлаго: „а однолично письцомъ на Тотьмѣ посадъ и уѣздъ писать безъ замотчанія вскорѣ, а для своей корысти и для кормовъ, на Тотьмѣ долгово времени не жить, не такъ какъ прежніе писцы писали года по три и по четыре, и жили на Тотьмѣ съ женами и съ дѣтьми прохладомъ и тѣмъ мірскимъ людемъ и своими большими расходами и кормами учинили скудость: а будетъ писцы учнутъ на Тотьмѣ за писцовымъ дѣломъ жить съ женами и съ дѣтьми, или мірскимъ людемъ учнутъ какое насильство чинить и кормы лишніе имать, и описавъ своихъ писцовыхъ книгъ вскорѣ не сдѣлаютъ и къ Государю къ Москвѣ не привезутъ, а про ихъ писцово насильство отъ мірскихъ людей будетъ Государю какое челобитное и про то ихъ насильство будетъ что сыщетца и писцамъ за то отъ Государя... быть въ великой опалѣ и въ наказаньи“ [4]). Изъ этого постановленія мы видимъ, что письмо Тотемскаго уѣзда, произведенное въ 1623—1625 г., т. е. втеченіе 3—4 лѣтъ, пис-

[1]) Тотем. наказъ л. 46.

[2]) Ю. В. Готье. Замосковный Край, стр. 105—109.

[3]) Ю. В. Готье. Замосковный Край, стр. 108.

[4]) Тотем. Наказъ л. 56—57.

цомъ Ѳокой Дуровымъ и подъячимъ Остафіемъ Колюпановымъ, считалось въ правящихъ кругахъ чрезвычайно продолжительнымъ. Наказъ тотемскимъ писцамъ, повидимому, предполагаетъ, что описаніе уѣзда можно выполнить въ одинъ годъ, какъ это можно заключить на основаніи слѣдующей выдержки: „а которыхъ мѣстъ до зимнего пути описать и измѣрить не успѣть, и тѣ земли и мельницы и всякія угодья переписать въ осень, а посадъ мочно описать инымъ временемъ“ [1]). Требованія наказа оказались совершенно выполнимыми, и описаніе уѣзда и посада было дѣйствительно произведено втеченіе одного года [2]). Валовые писцы царствованія Михаила Федоровича иногда справлялись съ описаніемъ своихъ уѣздовъ въ сравнительно непродолжительное время: въ годъ—два, но, гораздо чаще случаи болѣе продолжительнаго производства работъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ уѣздамъ работали втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ по двѣ партіи [3]).

Какъ одно изъ дѣйствительныхъ средствъ для ускоренія писцовыхъ работъ, тотемскій наказъ примѣняетъ категорическое запрещеніе писцу жить съ своей семьей во время исполненія порученнаго ему дѣла. Присутствіе на мѣстѣ работъ жены и дѣтей, по мнѣнію наказа, поведетъ къ большимъ расходамъ мѣстнаго населенія на содержаніе семьи писца и повліяетъ на его работоспособность и энергію; живя съ семействомъ на полномъ содержаніи отъ посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, писецъ могъ получить расположеніе работать не спѣша, „прохладомъ“, что, конечно, было недопустимо ни со стороны мѣстныхъ, ни государственныхъ интересовъ. Валовой наказъ умалчиваетъ о столь рѣшительной мѣрѣ понужденія писцовъ къ быстрому описанію земель, но изъ одного любопытнаго пререканія между писцами въ 20 годахъ 17 столѣтія, можно заключить, что и къ валовымъ писцамъ примѣнялись требованія, изложенныя въ наказѣ Тотемскимъ писцамъ. Можайскій писецъ Никифоръ Неплюевъ жаловался на старшаго подъячаго своей партіи Алексѣя Берестова, что онъ, Берестовъ, бражничаетъ „пьетъ безъ просыпу“, уничтожаетъ книги, написанныя молодыми подьячими, ругаетъ его Неплюева „матерны и всякою неподобною лаею“ и, не дѣлая государева дѣла, „дворъ себѣ ставитъ и хоромы строитъ“. Воеводѣ приказано было, если жалоба окажется справедливой, наказать Берестова батогами и скованнаго посадить за письмо книгъ на съѣзжемъ дворѣ и, кромѣ того, независимо отъ виновности Берестова, выслать жену его изъ Можайска и Можайскаго

---

[1]) Тамъ же л. 31.

[2]) См. Описаніе документовъ и бумагъ А. М. Ю. т. I, 271.

[3]) Ю. В. Готье. Замосковный Край, 103.

уѣзда „вонъ и впередъ ему ее держать у себя не велѣть“ [1]). Такимъ образомъ, можно думать, что недержаніе при себѣ женъ и дѣтей было общимъ требованіемъ, обращеннымъ къ писцамъ 17 столѣтія.

Валовой наказъ, какъ мы уже говорили, оставляетъ безъ разсмотрѣнія весьма существенную сторону писцовой дѣятельности—именно опредѣленіе тѣхъ расходовъ которые должно было нести населеніе при описаніи уѣзда, а также источниковъ для покрытія тѣхъ издержекъ, которыя могли быть сдѣланы писцами при покупкѣ бумаги, чернилъ, свѣчей и дровъ для отопленія своей квартиры. Эти вопросы за то подробно разработаны въ Тотемскомъ наказѣ, который опредѣлилъ деньги на всѣ перечисленные выше матеріалы и „на всякіе избные расходы“ брать въ земской избѣ изъ ямскихъ и сборныхъ денегъ, „а другихъ денегъ на тѣ расходы одноличено съ посаду и съ уѣзду не сбирать“ [2]).

Теперь спросимъ, каковы были полномочія писцовъ въ томъ случаѣ, когда при описаніи уѣзда имъ встрѣтятся особыя обстоятельства или затрудненія, которыя нельзя разрѣшить на основаніи прямыхъ постановленній наказа. Тотемскій наказъ даетъ по этому поводу слѣдующее указаніе: „а которые будетъ дѣла въ семъ государевѣ наказѣ не написаны, а по сыску объявятца, а смотря по тамошнимъ дѣламъ чаятъ въ ныхъ государю прибыли, а крестьянамъ утѣсненья въ томъ не будетъ, а писцомъ о томъ писати ко Государю... и государь о томъ велитъ указъ учинить“ [3]).

Строгое исполненіе правилъ наказа, испрашиваніе у начальства разъясненій при всякомъ случаѣ, не предусмотрѣнномъ въ инструкціи,—вотъ тѣ рамки, въ которыя поставленъ писецъ сѣверныхъ уѣздовъ, лишенный сколько-нибудь широкаго довѣрія со стороны правительственной власти. Иная постановка дѣла чувствуется въ валовомъ наказѣ 130 года. Писецъ этого наказа—лицо облеченное особымъ довѣріемъ правительства, лицо, на разумъ и совѣсть котораго всецѣло полагается верховная власть: „а будетъ которыя статьи у писцовъ объявятца вновь, а въ семъ наказѣ не написано и писцамъ о томъ писать къ великому Государю, и дѣлать смотря по тамошнему дѣлу, по своему разсмотрѣнію“ [4]).

Мы подошли такимъ образомъ къ тѣмъ нормамъ, которыя опредѣляютъ общее положеніе писца и общія его обязанности передъ лицомъ государственной власти и населенія.

Въ валовомъ наказѣ 130 года особенно замѣчательна въ этомъ

---

1) Ю. В. Готье. Замосковный Край, стр. 101.

2) Тотем. Паказъ, л. 55.

3) Тамъ же л. 45.

4) Ст. 74 валоваго наказа.

отношенiи ст. 26, въ которой собраны всѣ пожеланiя его составителей, обращенныя къ писцамъ, какъ исполнителямъ важнаго государева дѣла: „а писать и мѣрить и отдѣлять... всякихъ чиновъ людемъ сряду, съ одного, а не выборомъ, и въ сошное письмо смѣтить и оброки всяки, сыскивая, въ книги писать по своему письму, и всякiя земляныя дѣла дѣлати впрямо, вправду безъ всякiя хитрости—по святей непорочней евангельской заповѣди Господни по сему Государеву указу, а лишка и выборомъ добрые земли за середнею и за худую землю, и среднiя земли за худую землю, и середнiе и худые земли—за добрую землю не писать, и посулковъ и поминковъ писцамъ ни кого ничего никоторыми дѣлы не имать“ [1]). Что эти наставленiя не были лицемѣрнымъ выраженiемъ оффицiальнаго благочестiя редакторовъ наказа, доказывается лучше всего тѣмъ, что ставя въ обязанность писцамъ „искать Государю прибыли“, наказъ въ тоже время обращаетъ вниманiе писцовъ на необходимость такой росписи сохъ и оброковъ, при которой крестьянамъ не было бы „великой тягости“, а было бы возможно впередъ „прожить“, платя государевѣ подати „безпереводно“ [2]).

На такой же точкѣ зрѣнiя стоитъ и наказъ тотемскимъ писцамъ: „а одноличио писцамъ... Тотьму посадъ и волости... писать и земли мѣрить и про спорныя земли и всякiя угодья сыскивать вправду по государеву цареву... крестному цѣлованью: живущихъ дворовъ впусто, а добрыя земли за середнею, а среднiя за худую землю не писать, и со всякихъ оброчныхъ угодей государевыхъ доходовъ не по дѣлу не складывать, и оттого у крестьянъ посуловъ и поминковъ не имать ни у кого ничего ни которыми дѣлы, а по дѣлу ни на кого лишка въ сошномъ письмѣ и въ оброкахъ потому жъ не прибавливать и искати во всемъ Государю прибыли вправду, какъ бы государевѣ казнѣ было прибыльнѣе, а посадскимъ бы и волостнымъ людемъ впредь государевы подати платить было возможно“ [3]). Призывая писцовъ къ строгому соблюденiю правилъ писцового наказа, по правдѣ и по крестному цѣлованью, Тотемскiй наказъ не забылъ прибавить къ этому внушительную, хотя и довольно обычную въ свое время угрозу: „а будетъ писцы учнутъ писать и мѣрить не по сему государеву наказу и не по правдѣ и оттого учнутъ посулы и поминки имать и послѣ про то сыщетца, и писцамъ отъ Государя... за то быть въ великой опалѣ и въ казни“ [4]).

Но тщетно мы стали бы искать подобнаго постановленiя въ правилахъ валового наказа 130 года. Составители его предпочли умолчать

[1]) См. также ст. 69 валоваго наказа.

[2]) Ст. ст. 25, 32 и 60 валоваго наказа.

[3]) Тотем. наказъ л. 44—45.

[4]) Тамъ же л. 45.

о карѣ за корыстныя и злонамѣренныя дѣйствія писцовъ, не потому, конечно, что валовые писцы считались безнаказанными, а потому что, представляя имъ обширныя полномочія, правительство не могло не сознавать той простой истины, что залогомъ успѣшнаго исполненія валового письма служитъ не боязнь и страхъ исполнителей предъ карающей десницей власти, а ихъ добросовѣстность и сознаніе своего долга. Въ соотвѣтствіи съ общимъ религіознымъ подъемомъ въ русскомъ обществѣ послѣ смуты, составители валового наказа обращаются къ писцамъ съ довѣрчивымъ призывомъ исполнять порученное имъ дѣло по совѣсти, потому что его „Государь... положилъ на ихъ писцовыхъ душахъ“ [1]).

Такъ, послѣдовательно проводя мысль о чрезвычайной важности предпринятаго валового письма и предоставляя писцамъ право въ затруднительныхъ случаяхъ дѣйствовать по своему „разсмотрѣнію“ валовой наказъ облекаетъ ихъ полнымъ довѣріемъ власти, готовой видѣть въ ихъ недобросовѣстности не преступленіе, а грѣхъ, и чающей найти въ разумѣ и совѣсти исполнителей письма лучшихъ союзниковъ въ своихъ попыткахъ упорядочить разстроенное смутой землевладѣніе.

Потому ли что религіозный подъемъ, современный эпохѣ составленія наказа, скоро прошелъ, или валовое письмо послѣ Михаила Федоровича утратило свое первенствующее значеніе, или потому, наконецъ, чта валовые писцы первой половины 17 вѣка оказались не въ состояніи подняться на ту высоту, на которую ихъ призывалъ наказъ 130 года,—но писцовые наказы 80 годовъ иначе опредѣляютъ общее положеніе писцовъ и иначе реагируютъ на возможныя съ ихъ стороны правонарушенія. Въ этомъ отношеніи валовой наказъ 130 года представляется исключительнымъ по своей оригинальности и свѣжести нравственнаго чувства документомъ, въ ряду однородныхъ памятниковъ 17 вѣка.

Мы изложили наиболѣе важныя постановленія валоваго наказа 130 года. Въ немъ не замѣтно сколько-нибудь строго проведенной системы расположенія статей, не замѣтно также искусной редакторской руки, которая, несомнѣнно, сократила бы излишнія длинноты и исключила нерѣдкія повторенія одного и того же положенія [2]). Несмотря на эти

---

[1]) Ст. 60 валоваго наказа.

[2]) Въ наказѣ по два раза упомянуто о помѣстьяхъ новиковъ, объ излишнихъ земляхъ, пожалованныхъ за царя Василія осадное сидѣніе, о неутайкѣ владѣльцами людей и земель, о соблюденіи писцами правилъ наказа и евангельской заповѣди и проч.

внѣшніе недостатки, основныя цѣли валоваго письма обрисованы въ наказѣ 130 года достаточно ярко и опредѣленно. Разрѣшеніе стоящихъ предъ правительствомъ царя Михаила Федоровича задачъ по устройству землевладѣнія, обезпеченію нужныхъ для поднятія сельскаго хозяйства спокойствія и увѣренности землевладѣльцевъ въ неприкосновенности своихъ правъ и приведенію тягла въ соотвѣтствіе съ платежными силами населенія, было связано въ значительной мѣрѣ съ успѣхомъ предположеннаго валового письма. Въ соотвѣтствіи съ этимъ и наказъ 130 года, данный въ руководство валовымъ писцамъ, преслѣдуетъ три цѣли сплошного описанія земель въ государствѣ: 1) юридическую, 2) финансовую и 3) экономическую. Первая достигалась ликвидаціей незаконныхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ въ періодъ смуты, разрѣшеніемъ земельныхъ споровъ и межеваніемъ спорныхъ земель, вторая—тщательной оцѣнкой земель по качеству почвы и обезпеченію ея угодьями, третья—равномѣрнымъ распредѣленіемъ угодій въ помѣстьяхъ и пожалованныхъ вотчинахъ, намѣриваніемъ перелоговъ къ живущему по усиленной пропорціи одабриванія и отдачей оброчныхъ земель въ аренду исключительно крестьянамъ. Средствами для разрѣшенія возникающихъ при описаніи вопросовъ служатъ по наказу 130 года: 1) изученіе разнаго рода документовъ, 2) опросъ мѣстныхъ людей, 3) непосредственное изслѣдованіе земельныхъ владѣній и 4) публичное оглашеніе результатовъ описанія. Но, въ виду важности и разнообразія предоставленныхъ писцу функцій, успѣхъ предположеннаго описанія поставленъ наказомъ въ тѣсную связь съ добросовѣстностью писца, долженствующаго руководиться сознаніемъ своего нравственнаго долга и важности исполняемаго имъ дѣла.

Таковы тѣ основныя начала, которыя подробно развиты въ писцовой инструкціи 130 года, служившей втеченіе 40—50 лѣтъ послѣ своего составленія неизмѣннымъ и главнѣйшимъ наставленіемъ писцамъ, производившимъ валовыя описанія земель Московскаго государства въ царствованія первыхъ двухъ государей изъ дома Романовыхъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Списокъ съ валового наказу.

Въ прошлыхъ годѣхъ со 130 году по указу великого Государя Царя и великого князя Михайла Өедоровича всеа Русіи и отца ево Государева великого Государя Святѣйшаго патріарха Өиларета Никитича Московского и всеа Русіи посыланы изъ Помѣсного Приказу въ розные городы валовые писцы, а во 172 и 173 году по указу великого Государя Царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца посланы писцы въ Вязьму и на Веневу, и даны имъ наказы, а что писцомъ въ наказѣ писано і то писано ниже сего порознь по статьямъ.

1. Писцомъ имркъ велеть въ Московскомъ уѣздѣ [1]) въ станѣхъ

---

[1]) Валовой наказъ 130 года содержитъ правила объ описаніи только уѣздныхъ земель. Какъ производилось описаніе самого города—это видно изъ многочисленныхъ замѣчаній, приведенныхъ въ текстѣ статьи „Валовой наказъ 130 года", и изъ слѣдующей выдержки изъ наказа писцамъ Тотемскаго уѣзда: „а на Тотьмѣ писцомъ отписать городъ и башни воротныя, и глухія и огородни и всякія городовыя крѣпости, и тайникъ, и въ какомъ лѣсѣ что дѣлано и сколь давно, и какими крѣпостьми укрѣплено и впередъ вѣчно-ль; и что по башнямъ и на городѣ наряду порознь мѣденого и желѣзного, полуторныхъ и полковыхъ и скорострѣльныхъ пищалей и тюфяковъ, и въ государевѣ казнѣ ручныхъ пищалей цѣлыхъ съ замками и безъ замковъ, и какова дѣла тѣ пищали, изъ какихъ пядей которой нарядъ и пищали ручные, и что къ какому наряду ядеръ порознь свинчатыхъ и желѣзныхъ, и посколъку гривенокъ ядро, и что вѣсомъ какова дробь къ тюфякомъ и въ казнѣ зелья и свинцу и всякихъ пищальныхъ запасовъ, и весь ли тотъ нарядъ цѣлъ и устроенъ въ государевѣ казнѣ или изставленъ по мѣстамъ—по воротамъ и по башнямъ и по городу и по острогу, и станки и колеса у того наряду у всево-ль... и сколько на Тотьмѣ пушкарей и затинщиковъ и воротниковъ порознь и почему имъ государева жалованья и каковы около города рвы въ глубину и въ ширину и иныя какія крѣпости около города и острога и то все написать порознь—всякія крѣпости и сколько саженъ въ которыхъ мѣстѣхъ около города и острогу порожжихъ мѣстъ; да на посадѣ переписать имъ церкви соборныя, и ружныя и приходскія, и монастыри, и въ монастырѣхъ церкви жъ и въ церквахъ образы окладные и неокладные, и у образовъ приклады золотые и серебреные и жемчужные, и книги и ризы и сосуды и колокола, и всякое церковное и монастырское строенье, и сколько въ которой монастырь или къ ружной къ которой церкве государевы царевы и великого князя Михайла Өедоровича всеа Русіи руги деньгами и хлѣбомъ и соли, и на которой срокъ то имъ государево жалованье идетъ, и съ которыхъ мѣстъ, и по какому государеву указу, и изъ какихъ доходовъ— то все писцомъ написать въ писцовыя книги подлинно, порознь по статьямъ, и на церковныхъ и на монастырскихъ земляхъ дворы поповы и дьяконовы и дьячковы и всякихъ церковныхъ причетниковъ, и пашни монастырскія и церковныя земли и всякія угодья осмотрить и описать". Тот. наказъ лл. 5, 6, 7.

и волостяхъ помѣсные, и вотчинные, и монастырскіе, и всякіе земли села и деревни и починки съ пустошми, и селища, и займища за бояры и окольничими, и за думными людми, и за стольники, и за стряпчими, и за дворяны, и за иноземцы, и за всякими за приказными людми, и за дѣтми боярскими, и за вдовами, и за недорослями прожиточныя помѣстья, которые великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ пожаловалъ, и за тѣми помѣщики всѣ помѣстья, и вотчины, и оброчные и бортные села и деревни, и починки, пустоши, и селища, и займища, которы въ помѣстія (часть строки вытерта)... кіе помѣстья, и вотчины патріаршескіе, и митрополичьи, и владычни, и монастырскіе, и церковные записать писцомъ порознь что за кѣмъ въ которомъ селѣ и деревняхъ и починкахъ дворовъ и во дворахъ людей поимянно жъ, и что въ которомъ селѣ, и въ деревняхъ, и вотчинахъ пустыхъ дворовъ, и отчего пусты, и сколь давно.

2. А пашня въ одномъ полѣ паханая, и перелогъ, и что лѣсомъ поросло по пашнѣ мѣрять писцомъ въ десятины, а десятину мѣрить въ длину по осмидесяти саженъ, а поперегъ по тридцати саженъ; а въ дву поляхъ пашня и перелогъ, и что лѣсомъ поросло по пашнѣ писать выспрашивая поповъ и дьяконовъ по священству, а старостъ, и цѣловальниковъ, и лутчихъ людей крестьянъ по святей непорочней евангельской заповѣди Гдни; да и самимъ писцомъ въ дву поляхъ пашня, и перелогъ, и что лѣсомъ поросло по пашнѣ смечать гораздо накрѣпко; а въ которомъ полѣ будетъ пашни и перелогу и поросли по пашнѣ лишекъ, і писцомъ тотъ лишокъ пашни и перелогу прикидывать къ меньшому полю и изверстать пашня, и перелогъ и лѣсомъ поросло по пашнѣ поровну, чтобъ одноличпо во всѣхъ 3 поляхъ пашня, и перелогъ, и лѣсомъ поросло по пашнѣ въ книги ровно написать.

3. „А отхожіе пашни и роспаши и поляны на лѣсахъ писцомъ по тому-жъ мѣрить въ одномъ полѣ, а въ дву поляхъ смѣчая писать и выпрашивая и сыскивая накрѣпко; а сѣнные покосы и лѣса пашенные и непашенные—мѣрить въ десятины-жъ и писать имепно сколько на которыхъ гдѣ покосехъ и на сколькихъ десятинахъ и по скольку копенъ съ десятины сѣна ставится, и насколько гдѣ десятинъ пашеннаго и непашеннаго лѣсу; а гдѣ будетъ лѣса большіе, а мѣрить ихъ въ десятины будетъ нельзя—и писцомъ тѣ лѣса писать смѣчая-жъ и выпрашивая и сыскивая накрѣпко сколько гдѣ верстъ или десятинъ пашеннаго и непашеннаго и бортнаго лѣсу и что гдѣ, подъ которомъ селомъ и подъ которою деревнею—рѣкъ и озеръ и прудовъ и мельницъ и спудовъ и перевесей и рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ и всякихъ угодей и какова гдѣ въ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и на пустошахъ

и на селищахъ и на займищахъ и въ отхожихъ пашняхъ земля добрая или середнея, или худая и писцомъ то все велѣть писать въ книги письма своего подлинно порознь.

4. А у дворянъ и у дѣтей боярскихъ и у прикащиковъ и всякихъ чиновъ людей имати сказки—кто умѣетъ грамотѣ за ихъ руками, и кто грамотѣ не умѣетъ и у тѣхъ людей имать сказки,—за отцовъ духовныхъ руками,—сколько за кѣмъ живущіе пашни и перелогу и что за кѣмъ крестьянъ и бобылей.

5. Да писцамъ-же говорить всѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и ихъ прикащикамъ и крестьянамъ накрѣпко,—чтобъ они тѣхъ своихъ помѣстей и вотчинъ, селъ и деревень и починковъ и пустошой и селищъ и займищъ и крестьянъ и пашни и на селехъ полянъ и всякаго угодья не таили, и въ сказкахъ своихъ писали неложно, прямо, вправду по святей и непорочной Евангельской заповѣди Господни, что за кѣмъ и сколько крестьянъ и бобылей и, что за кѣмъ пашни и перелогу, и всякихъ угодей, а не лгали и земель-бы и угодей всякихъ не обводили; а которыя села и деревни и починки стали послѣ писцовъ и раздѣльщиковъ и приправочныхъ книгъ, а въ книгахъ тѣ села и деревни и починки и пустоши и селища и займище не писаны, и отхожіе пашни, которыя распаханы на лѣсахъ ново и которыя старыя деревни и починки у прежнихъ писцовъ обведены и они-бъ про тѣ, про всѣ земли сказывали прямо вправду по святей непорочной Евангельской заповѣди Господни, еже ей, ей, а земель-бы и крестьянъ и бобылей не таили и угодей всякихъ не обводили.

6. А кто у себя крестьянъ или бобылей и земли и угодья учнетъ обводить и великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, у тѣхъ людей, кто утаитъ помѣстье и вотчины, все велитъ отписать на себя великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца и въ раздачу раздавати, а имъ помѣстье впредь давати не велитъ и съ тѣхъ земель велитъ Государь доходы доправить вдвое и самимъ имъ за то кто утаитъ отъ великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца—быть въ великой опалѣ и въ казни; а дѣтямъ боярскимъ беспомѣстнымъ и мало помѣстнымъ писцомъ то сказывать, чтобъ они о тѣхъ земляхъ и о крестьянехъ и о бобыляхъ, которыя земли учнутъ обводить, а крестьянъ и бобылей учнутъ таить у писцовъ—били челомъ великому Государю Царю и векому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу и Государь тѣ земли обводныя и крестьянъ и бобылей велитъ тѣмъ отдавать кто доведетъ; а тѣхъ людей, кто землю обведетъ

или утаитъ и крестьянъ и бобылей, въ Государеве пене давать на крѣпкую поруку, а помѣстье его все отписать на Государя.

7. А писать и мѣрить помѣстныя земли и отдѣлять старымъ помѣщикамъ дачи ихъ сполна сколько за кѣмъ въ дачахъ—по Государевымъ ввознымъ грамотамъ и по отдѣлщиковымъ и по отказнымъ выписямъ; а что у кого лишка вымѣряютъ сверхъ ихъ дачъ и тѣ у нихъ лишки отписывать на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца до его Государева указу; а отписывати-бы тѣ лишнія земли изъ селъ и изъ деревень и изъ пустошей изверстая живущее и пустое по вытно, по четьямъ; да и порозжія земли по тому-жъ писать и мѣрить.

8. А того имъ беречи накрѣпко, которыя дѣти боярскія новики верстались и за собою помѣстей не сказывали, а отцовскія помѣстья писали за меньшими братьями а меньшая ихъ братья въ службу не поспѣли, или будетъ который верстался отъ отца, а за отцомъ его помѣстье окладъ сполна, или въ полы его окладу, а у отца его, опричи его иныхъ дѣтей нѣтъ и тѣмъ дѣтямъ боярскимъ новикамъ—помѣстья не давати, а писать за ними отцовскія помѣстья, а чего въ ихъ оклады не достанетъ и ихъ испомѣщивать врядъ съ помѣстными дѣтьми боярскими, у кого въ окладъ чего не дойдетъ; а тѣмъ дѣтямъ боярскимъ Новикамъ, которые отъ отцовъ верстались, а у отцовъ ихъ иныхъ дѣтей нѣтъ—и тѣмъ помѣстья не давать, а служить ему со отцомъ вмѣстѣ съ отцова-жъ помѣстья, а ждати отцова помѣстья.

9. А что по ихъ письму и мѣрѣ примѣрныхъ земель у старыхъ помѣщиковъ за ихъ дачами останется, и что порозжихъ земель будетъ и писцомъ тѣ земли писать въ книги, о прочѣ себѣ статьею.

10. А за бояры, и за окольничимп, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими, и за жильцы, и дворяны, и дѣтьми боярскими, которые служатъ изъ иныхъ городовъ, и за приказными людьми, и за вдовами, и за недоросльми писати помѣстья по старымъ писцовымъ книгамъ и по дачамъ, сыскивая дозорными и писцовыми книгами и Государивыми грамотами и отдѣльными и отказными выписьми; а что сверхъ писцовыхъ книгъ у кого будетъ по ихъ мѣрѣ въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчинахъ лишка и за кѣмъ именемъ и насколько чети лишка передъ старымъ прибудетъ—и писцомъ о томъ писать къ великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу къ Москвѣ, а въ раздачу тѣхъ лишнихъ земель безъ указу великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца не раздавати.

11. А гдѣ будетъ въ помѣстныхъ земляхъ земля середняя и на

середнюю землю наддавать середнею-жъ землею на сто чети по двадцати по пяти чети, а гдѣ будетъ земля худая и на худую землю худыя-жъ земли наддавать на сто четвертей по пятидесятъ четвертей, и учинити имъ: середнея и худая земля противъ добрые-жъ земли, а доброю-жъ землею,— середнею землею—не писать и середнею землею—худою землею не писать-же.

12. А лѣса пашенные, которые промежъ пашни небольшіе и тѣ лѣса отдѣлять имъ въ помѣстье въ угодья въ десятины, а которые лѣса большіе пашенные и непашенные, а мѣрить ихъ въ десятины нельзя и тѣ лѣса отдѣляти имъ, смечая всякихъ угодей отмѣривать въ помѣстья по пашни, и изверстать всѣхъ помѣщиковъ въ помѣстьяхъ всѣми угодьи по пашни поровну.

13. А которыя дворцовыя волости села и деревни розданы въ раздачу вновь въ помѣстья и въ вотчины разнымъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, а въ угодьяхъ во всякихъ и въ лѣсахъ въ хоромныхъ и въ дровяныхъ тѣ села и деревни противъ пашни неизверстаны, а въ старыхъ писцовыхъ книгахъ не написаны, и тѣ всѣ лѣса и угодья дровяные и хоромные писцамъ подѣлити, изверставъ противъ пашни по ихъ дачамъ, опричь помѣстныхъ и вотчинныхъ старыхъ земель.

А которыми землями по старымъ писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ владѣютъ помѣщики и вотчинники въ помѣстьѣ, или въ вотчинѣ—по старинѣ, а не по дачамъ, изъ дворцовыхъ селъ и угодьй и лѣсами изверстаны, и тѣмъ людемъ всякому своимъ угодьемъ владѣть по старымъ писцовымъ и по дозорнымъ книгамъ, каковыя у нихъ, у писцовъ для приправки даны, и въ тѣ лѣса для дровъ и для хоромнаго лѣсу велѣть ѣздить всякому въ свой лѣсъ по старинѣ.

14. А къ порозжимъ и къ примѣрнымъ землямъ, которыя останутся у помѣщиковъ и у вотчинниковъ за ихъ дачами оставливать угодьи по пашни-жъ, чтобъ впредь тѣ земли для угодья порозжи не были, а были-бы всѣ въ раздачѣ за служилыми людьми, а пашня-бъ и всякія угодьи были ровны.

15. А у которыхъ будетъ селъ и у деревень, и у починковъ, и у пустошей, и у селищъ лѣса и покосы, и рѣки, и озера, и всякія угодья многія, а къ тѣмъ-же будетъ угодьямъ пришли иные села и деревни и починки и пустоши и селища, помѣстные-жъ съ одного, у которыхъ угодей нѣтъ, или есть да не по пашнѣ мало, и писцамъ къ тѣмъ селамъ и къ деревнямъ и къ починкамъ и къ пустошамъ и къ селищамъ угодьи и лѣсовъ и покосовъ и иныхъ угодей прибавливати отъ тѣхъ селъ и деревень и отъ починковъ и отъ пустошей и отъ селищъ, у которыхъ всякихъ угодей много, чтобъ тѣ помѣстья, угодьи изверстаны были поровну.

16. А гдѣ будетъ пашня перелогомъ лежитъ, а запустѣла будетъ отъ тѣхъ помѣщиковъ, за которыми тѣ помѣстныя переложныя земли и писцамъ—тѣмъ помѣщикамъ переложную землю давать въ пашенъ мѣсто противъ пашенныя земли, потому что отъ нихъ запустѣло; а будетъ не отъ нихъ запустѣло и писцомъ сыскать накрѣпко переложную землю, гдѣ добре пашня заросла—земля не добра, въ пашни мѣсто перелогу до давати передъ лутчими землями полтора, а гдѣ будетъ худа добре земля ино вдвое, смотря по пашнѣ и по всякимъ угодьямъ, какъ будетъ пригожъ; а одноличпо пореложная земля примѣривати къ живущему, чтобъ переложная земля межъ пашенныхъ земель вспахана была и перелогомъ бы не лежала.

17. А гдѣ будутъ которыя села и деревни не въ лѣсныхъ мѣстахъ, и прибавити будетъ къ нимъ сѣна и лѣсовъ не откуды, и пригодится будетъ черезъ иныя земли лѣсовъ и сѣнъ придавати изъ иныхъ мѣстъ, гдѣ лѣсовъ и сѣнъ много, за полверсты или больше, какъ доведется, и писцомъ къ тѣмъ селамъ и деревнямъ и черезъ земли въ угодья лѣсовъ и сѣнъ измѣрить въ десятины придавать и только бъ какъ помѣщикамъ мощно черезъ которыя мѣста свои угодья беречь и вѣдать; и кому черезъ чьи земли къ которымъ селамъ и деревнямъ и отъ чьихъ селъ и деревень сколько десятинъ лѣсу и сѣнъ придадутъ и писцомъ то все велѣть написать въ книги подлинно порознь, да разъѣзды и межи въ тѣхъ земляхъ, въ которыхъ мѣстахъ, у которыхъ угодей убавятъ и къ которымъ мѣстамъ которыя угодья прибавятъ чинить межи, а па межахъ велѣть ямы копать и грани тесать—имянно и въ книги писать подлинно, чтобъ впредь въ лѣсехъ и въ покосехъ и во всякихъ угодьяхъ и въ бортныхъ угожьяхъ ни у кого, ни съ кѣмъ споровъ не было.

18. А которая земля добра и угодья, и лѣсовъ, и покосовъ, и рѣкъ, и озеръ, и всякихъ угодій къ ней много и убавить будетъ угодей къ инымъ мѣстамъ немошно и та земля и угодьи писать писцамъ за добрую землю безъ наддачи; а гдѣ будетъ земля середняя, а угодей всякихъ много-жъ, а убавить будетъ угодей къ инымъ мѣстамъ нельзя и та земля для угодей писати писцомъ за добрую землю безъ наддачи; а гдѣ будетъ земля худа, а угодей всякихъ много-жъ, а убавить будетъ угодей къ инымъ землямъ нельзя, и писцомъ та земля для угодей-жъ—писать за середнюю землю.

19. А гдѣ будетъ и въ дачу къ тѣмъ деревнямъ и починкамъ доведется додать сполна и писцомъ къ тѣмъ деревнямъ и починкамъ придавать отмѣривая пашни сполна, а сѣна и лѣсу отдѣлять по пашнѣ, какъ гдѣ доведется; а въ которыхъ будетъ поляхъ сѣяпъ хлѣбъ и для того хлѣба мѣрить, которыхъ будетъ поль нельзя, и въ тѣхъ поляхъ

писцомъ самимъ пашня смѣчать и выпрашивая накрѣпко и писать въ книги подлинно—чье помѣстье и вотчина и въ которомъ полѣ, и сколько у котораго помѣщика и вотчинника четвертныя пашни и угодей будетъ.

20. А тѣмъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ сказать, кому у кого доведется выдѣлять пашни и у кото рыхъ ту пашню возмутъ и отдѣлятъ новымъ помѣщикамъ, какъ хлѣбъ съ поль сойдетъ и они-бъ одноли шно тѣ поля межь себя подѣлили сами по четвертямъ на колько четвертей въ которомъ полѣ пашни, къ которому полю доведется и межи межъ себя сами-жъ учинили и ямы покапали и грани поклали, чтобъ впредь межъ ихъ споровъ въ земляхъ не было, да тѣ межи написать на списокъ и руки свои къ тому списку приложить, привозить бы тѣ списки къ нимъ писцомъ, и по тѣмъ имъ выписямъ тѣ межи въ книги писать, по сему Государеву наказу.

21. А которые дѣти боярскіе писцамъ скажутъ, что имъ межъ себя, самимъ пашни дѣлить и размеживать немочно, и писцомъ тѣхъ дѣтей боярскихъ помѣстей, которыя не размежеваны дать выпись губнымъ старостамъ и городовымъ прикащикамъ, и велѣти посылать въ тѣ помѣстья размежевать и на списки межи писать, да тѣ списки межевые писцомъ велѣть присылать къ себѣ, а писцомъ по тѣмъ спискамъ межи писать въ книги письма своего.

22. А у которыхъ помѣщиковъ писцы опишутъ и въ раздачу раздатутъ лишки, какъ къ нимъ объ лишнихъ земляхъ Государевъ указъ пошлютъ, и новые припаши, а въ тѣхъ будетъ лишкахъ и въ новыхъ припашкахъ сѣянъ хлѣбъ на старыхъ помѣщиковъ, у которыхъ тѣ лишки и новые припаши за мѣрами останутся, а не на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и не на новыхъ помѣщиковъ и писцомъ приказывать тѣмъ помѣщикамъ кому лишки и припаши отдадутъ, какъ тотъ хлѣбъ поспѣетъ и тотъ бы хлѣбъ новые помѣщики велѣли крестьянамъ тѣмъ, которые рожь пахали—жать на старыхъ помѣщиковъ, а новымъ помѣщикамъ изъ того хлѣба велѣть сѣмена выдать крестьянскіе пахоты на десятины, а въ тѣхъ сѣменахъ старымъ помѣщикамъ у новыхъ помѣщиковъ велѣти имать отписи, *а приполонной* хлѣбъ весь сполна отдати старымъ помѣщикамъ, а у нихъ въ томъ хлѣбѣ велѣти имать отписи-жъ, впредь для спору-жъ; а который хлѣбъ пахапъ на помѣщиковыхъ людей, а не на самихъ помѣщиковъ, и того хлѣба крестьянамъ жать не велѣть, а жать тотъ хлѣбъ помѣщиковымъ людямъ самимъ.

23. А что въ уѣзде у помѣщиковъ у всѣхъ за ихъ дачами земель и всякихъ угодей останется, и писцомъ тѣ земли живущія и пустыя

угодья отписывать на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца по пашни сряду съ одного, а не въ рознь, и приказывати приказнымъ людямъ и губнымъ старостамъ и городовымъ прикащикамъ и не служилымъ людямъ, кому доведется, вѣдати и беречи и доходы сбирати; а гдѣ пашни помѣщиковы и тутъ пашня пахать на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, а сѣмена на тѣ пашни выматп по сему-жъ Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца наказу да о томъ о всемъ отписать къ Государю Царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, что бы то все Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу было вѣдомо.

24. Да и то писцомъ сыскать накрѣпко расписать порознь, переложную землю гдѣ добре пашня заросла лѣсомъ и которыя мѣста лежатъ перелогомъ лѣтъ по пяти и по шти и больше—все расписать подлинно порознь и наколько лѣтъ пригоже, на которыя мѣста лготы дать; да которыя земли лежатъ перелогомъ много лѣтъ и поросли большимъ лѣсомъ и на тѣ мѣста давать писцомъ лготы во всякихъ Государевыхъ податяхъ на пятнадцать лѣтъ; а которыя мѣста поросли вколь и меньше и на тѣ мѣста давать лготы—на десять лѣтъ; а которыя мѣста лежатъ перелогомъ, а лѣсомъ не поросли, и на тѣ давать лготы—на пять лѣтъ, чтобы переложныя земли впредь распаханы были и перелогомъ бы не лежали; да то все расписать подлинно на колько лѣтъ, на которыя мѣста пригожъ льготы дать, а пріѣхавъ къ Москвѣ о томъ о всемъ писцамъ доложить Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и Государь Царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указъ учинитъ.

25. Да писцомъ же—уѣзде писать села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища и оброчныя рѣки, и озера, и истоки, и пруды, и мельницы, и вспуды и перевесы, и рыбныя ловли, и бобровые гоны, и лосиные стойла, и бортныя угожья всякихъ оброковъ, которые въ помѣстья розданы и которые не въ раздачѣ писать подлинно порознь, да и слободы и села и всякія угодья и пустыя мѣста. которыя на лготѣ и на оброкѣ по Государевымъ грамотамъ или по писцовымъ и по отдѣльнымъ книгамъ и по выписямъ писать со всякими угодьи, и мѣрить и смѣчать по сему-жъ и Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца наказу; а на бортные, и на оброчные и всякихъ оброковъ на села, и на деревни, и на починки, и на пустоши, и на се-

лица, и на всякія угодья оброки за посопной кормъ и за мелкой и за всякой доходъ деньгами и медомъ и иными какими всякими оброки, которые оброки напередъ сего въ Государеву казну по писцовымъ книгамъ шли класти писцамъ, сыскивая книгами и сотными прежнихъ писцовъ и отписми по своему письму, *чтобъ въ Государеве казнѣ прибыль была, а убытковъ нигдѣ въ Государеве казнѣ не было, и крестьянамъ-бы тягости большія въ оброкѣ не было-жъ, чтобъ имъ какъ впредъ прожить, а Государевы оброки и всякія дани платить ежегодъ сполна безпереводно мочно;* а сколько съ котораго села и деревни, и съ починковъ, и съ пустошей, и съ селищъ, и бортныхъ лѣсовъ, и съ рѣкъ, и съ озеръ, и съ истоковъ, и съ перевесей, и съ рыбныхъ ловель, и бобровыхъ гоновъ, и со всякихъ угодей, которымъ людямъ по окладу впредь деньгами и медомъ и иными всякими оброки въ Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца въ казну порознь давать на годъ, и писцомъ то все велѣть написать въ книги подлинно порознь; а расписывать въ книгахъ медвяные оброки о прочѣ, а съ рѣкъ и озеръ и съ пустошъ и перевесей опричѣ-жъ; а что передъ старымъ гдѣ какія угодья и какова оброку прибавятъ, или гдѣ сколько съ которыхъ угожей чего для оброку передъ старымъ убавятъ и писцомъ то все велѣть написать въ книги-жъ подлинно порознь.

26. А которыя будетъ всякія угодья прежніе писцы объѣхали и которыхъ не объѣхали, а оброку будетъ на тѣ угодья и прежніе писцы не положили, а нынѣ будетъ на нихъ пригоже оброкъ положить и писцомъ сыскивая накрѣпко тѣ угодья всякія писати-жъ; а гдѣ будетъ межь которыхъ угодей пашня есть и писцомъ тѣ пашни измѣрить и оброки на нихъ деньгами или медомъ или иные какіе оброки доведутся класти по сему-жъ Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца наказу, смотря по землямъ и по всякимъ угодьямъ, какъ будетъ пригожъ и какъ-бы Государеве казнѣ было прибыльнѣе, и чтобъ ни которыя угодья безъ оброчны не были, да и въ книги подлинно-жъ писать за кѣмъ которыя прибыльныя угодья и что съ нихъ котораго оброку порознь.

27. А гдѣ писцы найдутъ бортныя угожья и тѣ угожья написать за бортники съ знамены и съ потесы имянно порознь, сколько у котораго бортника и въ которыхъ мѣстехъ и урочищахъ угожьевъ бортныхъ—дѣлныхъ бортей со пчелами и безъ пчелъ, и какова котораго бортника на бортяхъ знамя накладываны, или каковъ потесъ натесыванъ, и сколько у котораго бортника въ угожіе недѣлнаго бортнаго деревья, которыя деревья впредь пригодятся—борти, и сколько въ нихъ угожьихъ рѣкъ и озеръ и рыбныхъ ловель и бобровыхъ гоновъ и иныхъ

какихъ всякихъ угодей; да и оброки медвяные и за бобры и за рыбныя ловли и за всякія угодья гдѣ что доведется въ книги велѣть писать подлинно-жъ порознь; и поруки въ книги въ оброкехъ бортныхъ и въ бортныхъ угожьяхъ писать бортниковъ-же *старинныхъ* крестьянъ добрыхъ людей, чтобъ Государевы оброки по вся годы за поруками сполна безъ недоборовъ сходили; а въ которыхъ угодьяхъ бортники крестьяне учнутъ въ оброкахъ перекупаться, а учнетъ кто надъ кѣмъ оброку наддавать и писцомъ давати оброчныя угодьи тѣмъ бортникамъ и крестьянамъ, которые больше оброку дадутъ, чтобъ Государю прибыльнѣе было, а въ оброкѣ имать поруки съ записми, бортниковъ-же и крестьянъ добрыхъ людей по имяномъ съ прозвищи, чей кто сынъ и гдѣ кто живетъ, писать въ книгахъ подлинно.

28. А дѣтямъ боярскимъ бортныхъ лѣсовъ и бобровыхъ гоновъ и рыбныхъ ловель и всякихъ угодей къ помѣстьямъ и вотчиннамъ мимо бортниковъ и крестьянъ на оброкъ не отдавать ни кому ни которыми дѣлы, *чтобъ оттого которыя угодья не запустѣло.*

29. А которые бортные лѣса и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища сошлись съ помѣстными землями съ пашнями и съ покосы и со всякими угодьи, хотя будетъ въ которыхъ нынѣ и спору нѣтъ и писцомъ тѣ бортныя земли съ помѣсными и съ вотчинными землями размежевать и межу чинить, и на межахъ велѣти ямы покопати и грани потесати и въ книги имянно межи ихъ велѣть писать по межамъ, чтобъ впредь межъ ихъ въ земляхъ споровъ не было.

30. А которые села и деревни, и починки, и пустоши, и селища бортные межъ дѣтей боярскихъ помѣстей отхожихъ отъ лѣсовъ отъ бортныхъ и отъ иныхъ угодей отошли, будутъ которые далече и вѣдаютъ будетъ которые бортники ухожей свои бортные лѣса и бобровые гоны и рыбныя ловли и иныя всякія какія угодья изъ тѣхъ селъ и деревень наѣздомъ, а пришли будетъ къ ихъ бортнымъ лѣсамъ или къ рѣкамъ и озерамъ и ко всякимъ угодьямъ, съ которыхъ они оброки платятъ помѣсныя села и деревни и починки и пустоши и селища и займища, или будетъ отъ помѣщиковъ въ бортныхъ ухожаехъ, или въ рыбныхъ, или въ бобровыхъ ловляхъ и во всякихъ угодьяхъ силы и обиды и споры чинятся великіе, и оброкъ будетъ которые за тѣмъ сполна не платятъ, да впредь которые скажутъ, что имъ отъ обидъ оброковъ платить немочно, или которые бортники въ ухожіе свои учнутъ отказывать, а скажутъ, что имъ впредь и тѣхъ ухожеевъ вѣдати наѣздомъ и оброковъ сполна платить отъ обидъ немочно, и пригожъ будетъ которые бортныя земли смѣнить съ помѣсными землями.

И писцомъ—помѣсныхъ и бортныхъ селъ и деревень и починковъ и пустошей и селищъ пашни и лѣса и покосы измѣрить и всякія

угодья смѣтити по сему-жъ Государеву наказу; а смѣтя земля противъ земли и угодья противъ угодей и велѣти тѣ обои земли и угодья писать въ книги подлинно порознь, и чертежъ учинить, и оброки выписавъ, и доложить о томъ Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и Государь Царь, и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ о томъ указъ учинитъ; а межъ дворянъ и дѣтей боярскихъ помѣстей не росписывать безъ Государевыхъ грамотъ, а бортныхъ и оброчныхъ земель, которыя въ помѣстьѣ не бывали, а нынѣ будетъ порозжи, безъ Государева вѣдома въ раздачи не раздавать ни которыми дѣлы.

31. А которыя бортныя оброчныя земли по Государеву указу розданы послѣ прежнихъ писцовъ въ помѣстье, и грамоты Государевы жалованныя и ввозныя на тѣ земли у помѣщиковъ есть, и о тѣхъ земляхъ сыскивая Государевыми грамотами и отдѣльными выписми—писать ихъ въ помѣстныя земли съ помѣсными сохами, а съ которыхъ селъ и деревень оброки иманы денежные съ земли, а не съ угодей и не медвяные оброки и тѣ денежные оброки писцомъ складывати, и въ книги та складка писать имянно подо всякою статьею.

32. А которые денежные оброки сбираются съ рѣкъ, и съ озеръ, и за рыбныя и за бобровыя ловли, и съ перевесей, и съ иныхъ угодей. а не съ земель, и тѣ денежные оброки всѣ класти на всякія угодья, по старинѣ или съ наддачею, какъ бы Государеве казнѣ было прибыльнѣе и оброки-бъ впредь сполна съ которыхъ угодей въ Государеву казну мочно было платить.

33. А съ которыхъ селъ и деревень съ бортныхъ и съ оброчныхъ, которыя розданы въ помѣстье изстари—оброки платятъ медомъ съ земель, а не съ лѣсовъ, и на тѣ земли писцомъ класти въ сошное письмо въ рядъ съ четвертными сохами, сыскивая накрѣпко по своему письму, какъ было Государю прибыльнѣе, по сему Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михаиловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца наказу, и въ книги подлинно написать прибыль гдѣ, что прибудетъ, или гдѣ, что убудетъ.

34. А съ которыхъ будетъ бортныхъ и оброчныхъ селъ и деревень, которыя въ помѣстья розданы съ лѣсовъ, а не съ земель—медомъ оброки, и съ рыбныхъ и съ бобровыхъ ловель и со всякихъ угодей оброки-жъ платятъ, а тѣ будутъ бортныя ухожьи—всякія угодья и тѣхъ селъ и деревень, которыя въ помѣстья розданы по близку; и въ тѣхъ въ медвяныхъ и во всякихъ оброкахъ писцомъ по дѣтяхъ боярскихъ имати крѣпкія поруки съ записми людей добрыхъ не служилыхъ, чтобъ имъ тѣхъ бортныхъ лѣсовъ не сѣчь, и всякихъ угодей

не запустошить, и Государевы Царевы и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца оброки въ Государеву казну, съ тѣхъ же со всѣхъ угодей борти безъ переводно платить по вся годы сполна.

35. А которыя бортныя угожья и рыбныя ловли и бобровые гоны и иныя угодья тѣхъ дачъ розныхъ селъ отошли далече, а вѣдаютъ будетъ тѣ угодья крестьяне изъ тѣхъ селъ, и въ тѣхъ угодьяхъ медвяныхъ и во всякихъ оброкехъ имати поруки съ записми по крестьянехъ—кто тѣ бортныя угожья и всякія угодья вѣдаютъ и ходятъ, а оброки на нихъ класти смотря по всякимъ угодьямъ, какъ будетъ пригожъ, чтобъ какъ великому Государю прибыльнѣе и впредь-бы мочно было сполна оброки платить.

36. А вотчины за бояры, и за околничими, и за дворяны, и за дѣтьми боярскими, и за всѣми вотчинники, и патріарши, и митрополичьи, и владычни, и монастырскіе, и церковные села и деревни, и починки, и пустоши, и селища, и займища, и церковные села писати обыскивая всякими людьми и старыми книгами и государевыми жалованными и сотными грамотами и всякими крѣпостми накрѣпко; и самимъ писцомъ Государевыхъ грамотъ и всякихъ крѣпостей смотрити по чему кто которыми землями владѣетъ и имати съ тѣхъ крѣпостей списки за ихъ, или за отцовъ ихъ духовныхъ руками, чтобъ однолично писцомъ за всѣми вотчинники, и патріарши и митрополичьи и владычни и монастырскіе земли писать, смотря Государевыхъ грамотъ и писцовыхъ и отдѣлщиковыхъ выписей и купчихъ и духовныхъ и даныхъ, что кто, въ который монастырь вотчину свою, по душѣ своей и по родителехъ далъ до Государева уложенья и до 89-го году, а которыя вотчины купленныя и даваны села и деревни и пожни въ монастыри по душамъ вкладу, а иныя продаваны послѣ Уложенья Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи 89-го году, а вотчинники изъ монастырей въ тѣ годы по московское разоренье прежнимъ Государемъ не били челомъ, и тѣхъ вотчинъ не выкупали и тѣ вотчины писать за монастыри по прежнему, смотря Государевыхъ грамотъ и писцовыхъ и отдѣлщиковыхъ выписей и даныхъ и купчихъ и духовныхъ, что кто въ который монастырь вотчину свою, по своей душѣ и по родителехъ своихъ далъ, потому что тѣ вотчины застарѣли въ монастыряхъ многими лѣты; а о которыхъ вотчинахъ били челомъ великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу и при прежнихъ Государяхъ челобитчики и писцомъ тѣ вотчины писати себѣ статьею, и докладывать о тѣхъ вотчинахъ великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя

Россіи Самодержца, и великій Государь велитъ о тѣхъ вотчинахъ указъ учинить.

37. А которые люди давали вотчины свои, родственныя и купленныя вкладу при Государѣ Царѣ и великомъ князѣ Михаилѣ Федоровичѣ всеа Русіи, мимо указу Государя Царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи и прежнихъ Государехъ уложенья, а впредь о тѣхъ вотчинахъ по родству учнутъ бити челомъ Государю изъ монастырей на выкупъ, хотя кто въ роду и далеко и имъ тѣ вотчины села и деревни и пожни изъ монастырей выкупати вотчинникомъ по Уложенью, опричь тѣхъ земель, которыя даваны въ монастырь по Государеву имянному указу, и по челобитью тѣхъ земель вотчинниковъ, и писцомъ тѣ вотчины писати себѣ-жъ статьею [1]).

38. А которыя вотчины даваны въ монастырь со 121-го году, а роду тѣхъ вотчинъ вотчинниковъ не стало, или хотя кто того роду далные есть, а слывутъ иными роды, а не тѣми, которыхъ тѣ вотчины были изначала и тѣ вотчины отписывать на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, а въ монастыри за нихъ велитъ Государь платить деньги изъ своей Государевой казны, по своему Государеву указу и по новому соборному Уложенью.

39. А будетъ кто которыми землями въ вотчину владѣетъ, а Государевыхъ грамотъ и писцовыхъ отдѣлщиковыхъ выписей и данныхъ и иныхъ никакихъ крѣпостей не положатъ, а учнутъ сказывать, что крѣпости въ смутное время и въ Литовское разоренье пропали и писцомъ про тѣ вотчины сыскивать платежными книгами, а будетъ платежныхъ книгъ нѣтъ и имъ обыскивать около тѣхъ вотчинъ сторонними людьми всякими сыски накрѣпко, да по сыску тѣ вотчины писать въ книгѣ о прочѣ себѣ статьею.

40. А которые вотчины даваны за московское осадное сидѣнье при Царѣ и великомъ князѣ Василѣ Ивановичѣ всеа Русіи и нынѣ передъ писцовъ положатъ жалованныя грамоты Государя Царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русіи и великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и про тѣхъ людей, кому такія вотчины были даваны, сыскивать накрѣпко въ Тушинѣ и въ Калугѣ они не бывали-ль, или вору креста не цѣловали-ль, и въ одномъ ли мѣстѣ за службу вотчина ему дана; да будетъ по сыску которые люди въ Ту-

[1]) Словами „по Уложенью, опричь тѣхъ земель, которыя даваны въ монастырь по Государеву имянному указу, и по челобитью тѣхъ земель вотчинниковъ“—возстанавливается пропускъ въ „Указной книгѣ“ Помѣстнаго Приказа, стр. 34.

шинѣ и въ Калугѣ и у вора—не бывали и за тѣми людьми по Государевымъ жалованнымъ грамотамъ тѣ вотчины писати въ книги.

41. А которымъ людямъ даваны вотчины отъ вора въ Тушинѣ и въ Калугѣ противъ московскихъ осадныхъ сидѣльцовъ, которые были въ воровствѣ и которымъ даваны за Московское очищенье, и тѣхъ вотчинъ за вотчинники не писать; а писати за ними тѣ вотчины въ ихъ оклады въ помѣстье, а кому въ окладъ не войдетъ и у тѣхъ отписывать на Государя, и вотчинныя грамоты у нихъ имать и привезти къ великому Государю къ Москвѣ.

42. Да писцомъ-жъ сыскивать накрѣпко—за Московское осадное сидѣнье вотчины вдвое въ одномъ городѣ кто не взяли, а будетъ кто взялъ вотчину вдвое, и у тѣхъ людей обѣ вотчины отписать на великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца,—да ихъ въ Гусадареве пене велѣть давать на крѣпкія поруки.

43. Да писцомъ-же по торгамъ въ торговые дни кликати бирнчемъ не по единъ день—которымъ людямъ даваны вотчины жъ за московское осадное сидѣнье при царѣ и великомъ князѣ Василье Ивановичѣ всеа Русіи, которыми вотчинами великій Государь Царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіи пожаловалъ велѣлъ дать за другое Московское осадное сидѣнье, какъ сидѣли противъ королевича, а даваны имъ тѣ вотчины изъ ихъ помѣстей которыя имъ даваны изъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей, и у кого тѣхъ волостей у старостъ и у цѣловальниковъ и у крестьянъ есть старыхъ писцовыхъ книгъ—сотныя грамоты, и они-бъ сотные грамоты объявляли и приносили къ нимъ писцомъ, а не таили; а кто принесетъ и по тѣмъ сотнымъ грамотамъ тѣ села и волости мѣрить и писать въ книги подлинно—примѣриваясь къ сотнымъ грамотамъ, а кто сотныя грамоты учнетъ таить, а послѣ коимъ обычаемъ, по чьему челобитью сыщется и тѣмъ людямъ быти отъ великаго Государя въ опалѣ и въ казни.

44. А кто скажетъ что сотныя грамоты въ разоренье пропали, и тѣ села и волости кому даваны по новымъ дозорнымъ книгахъ и по ихъ сказкамъ многія земли за малыя чети, какъ и помѣсныя земли, а которыя земли и вотчины даваны изъ старыхъ помѣстей, а въ приправочныхъ книгахъ будетъ не написаны, и старыхъ грамотъ выписей у нихъ нѣтъ, а имали въ вотчину по новымъ книгамъ и по сказкамъ, и тѣ вотчины мѣрити-жъ, а что вымѣрятъ сверхъ дачъ лишка, и тѣ лишки отписывать на великаго Государя; а будетъ тѣ вотчинники послѣ своихъ дачъ припахали изъ своихъ лѣсовъ и поставили деревни и починки на своихъ поверстныхъ лѣсахъ, проча себѣ которыя вот-

чины даваны за Царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи московское осадное сидѣнье, и у тѣхъ, что они припахали изъ своихъ лѣсовъ—давать имъ въ помѣстье, а въ лишки не ставить.

45. А которые вотчинники на свои земли, которыя у писцовъ въ приправочныхъ и въ старыхъ писцовыхъ книгахъ не написаны учнутъ къ писцомъ приносить старыя грамоты и выписи по чему имъ и отцамъ ихъ тѣ земли даваны, или которыя даваны изъ Государевыхъ дворцовыхъ и изъ черныхъ волостей въ помѣстье, а послѣ имъ даваны въ вотчины за ихъ службы, учнутъ приносить старыхъ писцовыхъ книгъ сотныя грамоты, и писцомъ съ тѣхъ старыхъ помѣстныхъ и сотныхъ грамотъ и съ писцовыхъ и съ отдѣлщиковыхъ выписей имати списки за ихъ и за поповыми руками; да тѣ вотчины, которыя даваны изъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей за московское осадное сидѣнье при Царѣ и великомъ князѣ Васильѣ Ивановичѣ всеа Русіи, которыя вотчины пожаловалъ великій Государь Царь и великій князь Михаилъ Ѳедоровичъ всеа Русіи за осадное сидѣнье Королевичева приходу, а учнутъ приносить сотныя грамоты старыхъ писцовыхъ книгъ, и писцомъ примѣриваясь къ сотнымъ грамотамъ тѣ вотчины за ними писать и мѣрить; а которые люди учнутъ писцомъ сказывать что сотныя грамоты въ разоренье пропали, а даваны имъ по новымъ дозорнымъ книгамъ и по ихъ сказкамъ многія чети за малыя чети, и писцомъ тѣ вотчины мѣрить по сему Государеву наказу, и писати за ними въ вотчинахъ, по ихъ дачамъ, а что у кого лишка вымѣритъ и писцомъ тѣ лишнія земли писати подъ тѣми статьями, особно себѣ статьями, изверставъ живущее и пустое по выти и по четямъ.

46. А которымъ людямъ даваны изъ дворцовыхъ селъ и изъ черныхъ волостей въ помѣстье, а изъ помѣстья давано въ вотчину, а къ тѣмъ волостямъ данъ лѣсъ пашенной и по пашнѣ лѣсомъ поросль, или поверстный лѣсъ версты на двѣ, или на три или на пять или на шесть, и они тотъ лѣсъ къ своимъ вотчинамъ расчистили и распахали, и поставили деревни и починки и проча себѣ послѣ своихъ дачъ, и писцомъ тѣхъ распашенныхъ земель у нихъ не отнимать, а писати тѣ распашныя земли и новопоставленные починки и деревни, которые они поставили на своихъ лѣсахъ, будетъ за ними въ вотчинѣ, сверхъ вотчинъ дачъ лишнія примѣрныя земли не будетъ.

47. А которыя вотчины даваны изъ старыхъ помѣстей, а писцовыхъ книгъ нѣтъ, въ приправочныхъ книгахъ не написано, и старыхъ грамотъ и выписей передъ ними не положатъ, и писцомъ тѣ вотчины мѣрить-же и писати за ними ихъ дачи доброю землею-за доброю, о середнюю и худую землю одобря съ наддачею, а что вымѣритъ сверхъ

ихъ дачъ лишка и тѣ лишки отписывать на Государя середнею и худою землею одобря съ наддачею.

48. А будетъ тѣ вотчинники, которымъ даваны вотчины за Царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи осадное сидѣнье въ тѣхъ своихъ вотчинахъ послѣ своихъ дачъ припахали изъ своихъ лѣсовъ, поставили деревни и починки на своихъ поверстныхъ лѣсахъ и тѣ лишнія земли писать за ними въ помѣстья въ ихъ оклады, а у кого за окладомъ лишка остается и тѣ лишки отписывать на Государя.

49. А которыя будутъ земли паханыя наѣздомъ пашутъ помѣщики или вотчинники сами на пустошахъ или въ наймы отдаютъ, или которые помѣщики и вотчинники бѣдные люди усадъ своихъ сами не припахиваютъ и отдаютъ въ наймы, имъ про то сыскивать накрѣпко, а сыскивая тѣ пашни писать въ наѣзжую пашню, а въ живущею не писать.

50. А которыя земли объявятся за кѣмъ въ вотчинѣ, а прежъ сего бывали будетъ ихъ старинныя помѣстья, а въ вотчину имъ давано по ихъ челобитью противъ старыхъ-же писцовыхъ книгъ, а не по новымъ дозорнымъ книгамъ, или по рознымъ отдѣлщикомъ, а не утая старыхъ писцовыхъ книгъ, и въ тѣхъ земляхъ писати за ними вотчинныя дачи по Государеву указу и Уложенью, сколько кому дать велѣно, и что будетъ въ тѣхъ земляхъ за ними лишка сверхъ ихъ вотчинныхъ дачъ—писцомъ тѣ лишки писать себѣ статьею, покамѣсть тѣхъ людей о той землѣ къ великому Государю челобитье будетъ; а безъ Государева указу тѣхъ лишнихъ земель ни за кѣмъ въ книги письма своего и мѣры не писать и стороннимъ людямъ, мимо ихъ не отдавать, потому что они тѣ земли имали себѣ въ вотчину по правдѣ, по старымъ писцовымъ книгамъ и земель за собою не таили; а за которыми людьми будетъ въ лишкѣ земли сверхъ ихъ помѣстныхъ и вотчинныхъ окладовъ и писцомъ тѣ земли писать себѣ-жъ статьею и тѣмъ землямъ Государевъ указъ будетъ на Москвѣ, какъ писцы книги-жъ письма своего и мѣры положатъ.

51. Да писцомъ-же смотрѣть того накрѣпко, которыя вотчины у вотчинниковъ иманы въ опричнину и раздаваны были въ помѣстья, а послѣ тѣхъ помѣщиковъ тѣ вотчины запустѣли, а нынѣ будетъ тѣми землями владѣютъ прежніе вотчинники по старымъ своимъ крѣпостямъ, а новыхъ у нихъ Государевыхъ грамотъ, какъ имъ тѣ вотчины взявъ изъ роздачи, или изъ порожжихъ земель даваны назадъ, писцомъ про тѣ земли сыскивать накрѣпко сколько лѣтъ, который вотчинникъ вотчиною владѣетъ, и сколько кто съ такихъ вотчинъ имали на годъ какова доходу—деньгами и хлѣбомъ и медомъ и иныхъ

какихъ доходовъ, и по сыску писцомъ тѣ земли отписывать на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и въ книги тѣ земли писать опрочѣ; а тѣхъ вотчинниковъ кто такими землями владѣлъ безъ Государева указу и безъ крѣпостей въ пене великаго Государя и во владѣнье давать на крѣпкія поруки съ записми, и за поруками велѣть имъ стать на Москвѣ въ Помѣстномъ Приказѣ съ собою писцами вмѣстѣ, и великій Государь имъ въ тѣхъ земляхъ указъ учинитъ; а однолично-бъ писцомъ вотчинныя земли не сыскавъ накрѣпко ни за кѣмъ въ книги не писати.

52. А которыя вотчинныя земли написаны въ писцовыхъ книгахъ въ помѣсныхъ земляхъ, а Государевыхъ жалованныхъ грамотъ и послужныхъ вотчинники на нихъ не положатъ, а кладутъ купчія, и тѣ земли писцомъ писать въ книги о прочѣ себѣ статьею, да потомъ о всемъ доложить Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца.

53. А которыми будутъ вотчинными и помѣстными землями владѣетъ кто безъ крѣпостей, или по крѣпостямъ не служивые люди попы—не къ церквамъ, и торговые мужики и монастырскіе служки, или холопи боярскіе—писцомъ тѣ земли отписывать на Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, а тѣхъ людей въ Государеве пенѣ давать на крѣпкія поруки.

54. А въ которыхъ будетъ мѣстахъ—въ селехъ, и въ деревняхъ, и въ починкахъ, и въ пустошахъ, и въ пашнѣ, и въ сѣнныхъ покосехъ, и въ рыбныхъ ловляхъ, и въ бобровыхъ гоняхъ, и во всякихъ угодьяхъ бортникамъ и оброчникамъ, и всякихъ оброчниковъ крестьянамъ съ помѣстными и вотчинными, и съ патріаршими и владычними, и монастырскими землями, или будетъ кому и патріаршескими, и владычными, и монастырскими, и церковными землями межъ себя и съ помѣсными, и съ вотчинными, и бортными, и съ оброчными, и съ черными землями, или кому съ посадскими людьми въ земляхъ и во всякихъ угодьяхъ споры и писцомъ. Въ тѣхъ во всѣхъ спорныхъ земляхъ судити и обыскивати тутошными и сторонними людьми и всякими сыски накрѣпко, чьи тѣ земли и ухожья, да по суду и по обыску управу имъ въ земляхъ и въ угодьяхъ чинити и тѣ спорныя мѣста размежевать; а на межахъ велѣть ямы копать глубоки и широки, а въ лѣсныхъ мѣстахъ на деревьяхъ грани тесать, а на полевыхъ мѣстехъ ставить столбы и на нихъ по тому-жъ грани тесать и подъ ними ямы копать, и межи и грани въ книги писать имянно, чтобъ впредь межъ ихъ споровъ не было; а будетъ въ которыхъ мѣстехъ

въ спорныхъ земляхъ безъ указу великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца управы учинить не мочно и писцомъ въ тѣхъ дѣлехъ докладывать Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ въ тѣхъ земляхъ имъ указъ учинить.

55. А которые люди въ которыхъ земляхъ передъ писцы положатъ прежнихъ судовъ правыя грамоты или иныя какія крѣпости, и писцомъ съ тѣхъ со всѣхъ крѣпостей велѣть списывати списки слово въ слово, да тѣ списки за руками и писцомъ за своими руками привезти ко Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу.

56. А которые села и деревни и починки и пустоши и селища и займища помѣстныя и бортныя ухожья запустѣли и хоромы будетъ развожены, а земля будетъ лежитъ перелогомъ, или которую землю будетъ кто пашетъ наѣздомъ или сильно, и писцомъ около тѣхъ пустыхъ мѣстъ сыскивать игумены и попы и дьяконы по священству, и дворяны и дѣтьми боярскими и старосты и цѣловальники и крестьяны— большимъ повальнымъ обыскомъ многими людьми по святей и непорочней Евангельской заповѣди Господни—давно тѣ селы и деревни и починки и пустоши и селища и займища запустѣли, и отъ кого имянемъ, и кто тѣми пустыми землями нынѣ владѣетъ, пашню пашетъ и сѣно коситъ, и буде владѣетъ, и почему кто владѣетъ, и со оброку-ль, или кто тою пустою землею владѣетъ безоброчно, самовольствомъ, да кто, что про то, про все въ обыску обыскные люди скажутъ, и писцомъ тѣхъ обыскныхъ людей имена и рѣчи велѣть имъ написать на списокъ подлинно—порознь, а къ тѣмъ обыскнымъ спискамъ обыскнымъ людямъ, которые грамотѣ умѣютъ велѣть руки свои приложить, а которые обыскные люди грамотѣ не умѣютъ и въ тѣхъ людей мѣсто къ тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ велѣлъ отцомъ ихъ духовнымъ руки свои приложить; да будетъ пашни тѣ пустыя, села и деревни и починки и пустоши и селища и займища запустѣли не въ давныхъ лѣтехъ, а родственниковъ кто тѣми селы и деревни владѣли никого не осталось, и писцомъ по тѣмъ обыскамъ тѣ порозжія земли писать письма своего и мѣры по тому-жъ въ книги себѣ-жъ статьею съ порозжими землями.

57. А будетъ гдѣ великаго Государя борти или бортныя деревья сожено или и посѣчено, и писцомъ тѣхъ бортей самимъ досматривать и обыскивать по сему-жъ наказу, и кто тѣ бортныя деревья выжегъ или высѣкъ, да будетъ на кого въ обыску скажутъ, что бортныя деревья тѣ люди высѣкли и выжгли кто, и писцомъ на тѣхъ людяхъ ве-

лѣть доправить на Государя за борть за дѣлную, которые со пчелами—по рублю за дерево, а которое дерево дѣльное, а безъ пчелъ, и за то дерево доправить по полтинѣ, а которое дерево бортное, а не дѣлное-холостое, и за то дерево доправить по полу-полтинѣ; да что тѣхъ денегъ писцы сберутъ и на комъ что денегъ возмутъ, и писцомъ то все велѣть писать въ книги, да тѣ книги привезти имъ ко Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу.

58. Да и того писцомъ досмотрити и смѣтивъ въ книги написать на которыхъ бортныхъ и на черныхъ лѣсехъ пригожъ и мочно впредь деревни и починки ставить, и сколько тѣхъ лѣсовъ по мѣрѣ, или по смѣтѣ десятинъ или верстъ, да и тѣ лѣса на которыхъ на бортныхъ и черныхъ лѣсехъ впередъ не пригожъ, и не мочно деревень и починковъ чего—для ставить, и потому-жъ смѣтивъ написать.

59. А однолично-бъ писцомъ того беречъ накрѣпко и разспрашивая, которыя дѣти боярскія верстались, а помѣстья за собою не сказали, а отцовскія помѣстья писаны за меньшими братьями, а меньшіе ихъ братья въ службу не поспѣли; а будетъ который верстался отъ отца, и за отцомъ его окладъ сполна или въ полы окладу, а у отца его опричь его иныхъ дѣтей нѣтъ, и о томъ писать-же имянно—тѣмъ дѣтямъ боярскимъ—новикомъ которые отъ отцовъ верстались, а у отцовъ ихъ иныхъ дѣтей нѣтъ и тѣмъ служить съ отцомъ вмѣстѣ съ отцова помѣстья, а ждать отцова помѣстья.

60. А сошное писмо по Государеву Цареву и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца указу писцомъ уѣздѣ за помѣщики и за вотчинники писать добрые земли по осми сотъ чети въ соху, а середніе земли—по тысячи чети въ соху, а худые земли—по тысячи по двѣсти чети въ соху и учинить всѣ сохи добрыя земли съ наддачею по осми сотъ чети въ соху; а патріаршескихъ и митропольичихъ и монастырскихъ и церковныхъ земель писать лутчіе земли по шти сотъ чети въ сохѣ, а середніе земли—по семи сотъ чети въ соху, а худые земли по осми сотъ чети въ соху, а которая земля добре худа и безгодна и тѣ земли писать по девяти сотъ чети въ соху; а росписати порознь въ сошное писмо для городовыхъ дѣлъ и по сошные для службы, а однолично-бы писцомъ въ сошное письмо, какъ бы было великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу прибылнѣе, а крестьянамъ бы тягости великія не было, какъ бы и впередъ мочно Государевы всякія подати и тягло тянуть сполна—и то Государь Царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ положилъ на ихъ писцовыхъ душахъ.

61. А церковныхъ пашенъ у которые церкви старыхъ пашенъ четп на десять и на пятнадцать или на двадцать, а въ сошное письмо не кладено, и тѣхъ пашенъ въ сошное письмо не писать по старинѣ; а у которыя церкви пашни больше двадцати четп, или которыя церковныя пашни изстари въ сошное письмо не писаны и писцомъ о тѣхъ пашняхъ доложить Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца; а которыя будутъ церкви стали послѣ старыхъ писцовыхъ книгъ, а земель будетъ къ тѣмъ церквамъ нѣтъ и писцомъ къ тѣмъ церквамъ выдѣляти земли четп по десяти и по пятнадцати и по двадцати въ полѣ, а въ дву по тому-жъ изъ помѣстныхъ и изъ порозжихъ земель, которые земли къ тѣмъ церквамъ подошли близко, а въ сошное письмо тѣхъ церковныхъ земель не класти-жъ.

62. А писать и мѣрить и отдѣлять писцомъ—боярамъ и окольничимъ, и думнымъ людямъ, и столникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ московскимъ, и городовымъ дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ—уѣзду сряду съ одного, а не выборомъ и въ сошное письмо смѣтить и оброки всякіе сыскивая въ книги писать по своему письму и всякія земляныя дѣла дѣлати прямо, вправду безъ всякія хитрости—по святей непорочней Евангельской заповѣди Господни по сему Государеву указу, а лишка и выборомъ добрые земли—за середнею и за худую землю, и середнія земли—за худую землю, и середніе и худые земли—за доброю землю—не писать, и посуливъ и помилковъ писцамъ ни у кого ничего, ни которыми дѣлы не *имать, а дѣлать писцомъ всѣмъ вмѣстѣ, а на рознь имъ не писать и земли не мѣрить и не судить.*

63. А за которыми дѣтьми боярскими за помѣщики, и за вотчиники, и за патріархомъ, и за митрополитомъ, и за монастыри, и за приказными людьми, и за вдовами, и за недорослями села и деревни до писцовъ были живущіе, а нынѣ послыша писцовъ, и съ тѣхъ селъ и деревень и починковъ крестьянъ и бобылей помѣщики и вотчинники вышлютъ по лѣсамъ съ лошадми и съ животиною, а дворы тѣхъ крестьянъ развезутъ, а иные пожгутъ, и тѣ села и деревни и починки учнутъ у писцовъ писать за собою въ пустѣ, а землю паханную тѣхъ развоженныхъ дворовъ напишутъ въ пустехъ-жъ или наѣзжею пашнею, и Государевыхъ податей съ тѣхъ земель всякихъ не платятъ, и писцомъ про тѣ села и деревни и про починки во всемъ уѣздѣ сыскивать на крѣпко по сему-жъ Государеву наказу, а по обыску, которые помѣщики и вотчинники, и патріарши, и митрополичьи, и архиепископли дѣти боярскія и монастырей и изо всякихъ людей крестьянъ учнутъ держати по лѣсомъ, и изъ разныхъ дворовъ кто сведетъ въ одинъ

дворъ, а дворы ихъ развезутъ, а иные сожгутъ, а пашню тѣхъ селъ и деревень учнутъ писать впустѣ, и писцомъ тѣ села и деревни и починки и пустоши отписывать на великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца; а тѣхъ людей кто изъ котораго села и изъ деревни и изъ починковъ крестьянъ учнетъ держать будто въ бѣгахъ, хоронити ихъ по лѣсамъ и изъ розныхъ дворовъ сводить въ одинъ дворъ—давать на крѣпкія поруки съ записми, потомъ отписать ко Государю Царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, и Государь Царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ тѣмъ людямъ свой Государевъ указъ учинитъ, а тѣ ихъ села и деревни и починки велитъ роздать тѣмъ людямъ, кто про то извѣститъ.

64. А писать писцомъ въ книгу всякія земляныя дѣла-дѣлати передъ собою; а котораго стану села и деревни и починки и пустоши и селища и займища отпишутъ и писцомъ на чисто велѣть въ книгу писать передъ собою набѣло, а въ чернѣ книгъ не держать; а полевыя книги писать старому подьячему своею рукою, да тѣ книги и всякіе списки держать писцомъ за своими печатьми, для береженья; а перечень тѣхъ земель и что за кѣмъ живущаго и пустого привезти съ собою вмѣстѣ и отдать имъ въ Помѣстномъ Приказѣ; а какъ писцы весь городъ да опишутъ, и имъ помѣщиковъ и вотчинниковъ собрати, и книги передъ ними прочесть—перечни, что за кѣмъ сколько написано крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и четвертные пашни для прописки; да будетъ на кого въ то время скажутъ кто за собою крестьянъ и бобылей и четвертные пашни утаилъ, или будетъ за кѣмъ что прописано и писцомъ на тѣ спорныя земли ѣхать самимъ не замотчавъ и сыскивать накрѣпко; да у кого сыщутъ сверхъ его сказки и своего письма лишку крестьянъ и бобылей и четвертные пашни, и тѣхъ людей, кто за собою утаилъ за ихъ воровство помѣстья ихъ отписывать на великаго Государя Царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, и тѣхъ людей въ Государеве пенѣ велѣть давати на крѣпкія поруки съ записми.

65. А которыя помѣстья въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ написаны за старыми помѣщики, а послѣ писцовыхъ книгъ тѣ помѣстья перемѣнились за иными помѣщики, и писцомъ у тѣхъ помѣщиковъ смотрѣть Государевыхъ грамотъ и отдѣлщиковыхъ и откащиковыхъ выписей да съ тѣхъ грамотъ и съ отдѣлщиковыхъ и съ откащиковыхъ выписей имать списки слово въ слово за ихъ или за отцовъ ихъ духовныхъ руками, и потому за ними тѣ помѣстья письма своего и мѣры въ книги писать—кто чѣмъ владѣетъ; а будетъ которые недоросли жи-

вутъ на отцовскихъ помѣстьяхъ, или братья на братнемъ помѣстьѣ, или племянникъ на дядинѣ и дядя на племянниковыхъ помѣстьяхъ или вдовы владѣютъ безъ Государевыхъ грамотъ и безъ отдѣлщиковыхъ выписей, и писцомъ и подьячему тѣхъ людей помѣстье писати за ними сыскивая книгами; а будетъ кто владѣетъ чужимъ помѣстьемъ неподѣлно безъ Государевыхъ грамотъ и безъ крѣпостей, и тѣ помѣстья отписывать на Государя, а тѣхъ людей велѣть давати на крѣпкія поруки съ записми въ Государеве пенѣ и въ доходѣхъ прошлыхъ лѣтъ, и велѣть имъ за поруками ѣхати къ Москвѣ и тѣ ихъ помѣстья писать въ книги опричъ до Государева указу.

66. А веревку сдѣлати писцомъ для мѣры десятинъ длиною восьмдесятъ саженъ, а поперегъ тридцать саженъ, а саженъ имъ Государева казенная дана на Москвѣ трехаршинная за печатью великаго Государя.

67. А которыя порозжія земли не въ раздачѣ, а пашню пашутъ и сѣно на немъ косятъ самовольствомъ, и имъ писцомъ на тѣхъ порозжихъ земляхъ хлѣбъ всякой и сѣно отписывати на Государя, и приказати тотъ хлѣбъ пожати и перемолотя перемѣривъ все-бъ, и сѣно смѣтя сколько копенъ будетъ, отдати тѣмъ-же кто тотъ хлѣбъ сѣялъ и сѣно косилъ до указу; а по нихъ въ томъ собрать крѣпкія поруки, чтобъ тотъ хлѣбъ и сѣно было въ лицахъ и о томъ писать къ великому Государю; а которыя люди тѣми землями владѣли безъ крѣпостей и безоброчно, и писцомъ про то сыскивать, сколько кто лѣтъ тѣми землями владѣлъ—пашню пахали и сѣно косили самовольствомъ, и велѣти ихъ давати на поруки въ Государеве пенѣ и во владѣнье.

68. Да писцомъ-же кликать биричемъ не по одинъ день—которымъ атаманомъ и казакомъ уѣздѣ изъ Государевыхъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей—изъ отписныхъ всякихъ земель, а инымъ изъ помѣстей за московское осадное сидѣнье даны вотчины, и тѣ атаманы и казаки тѣ свои помѣстья сдаютъ, а вотчины продаютъ, и писцомъ тѣхъ атамановъ и казаковъ помѣстья кто кому сдалъ, а вотчину продалъ, по сдачамъ и вотчины по продажѣ, ни за кѣмъ въ книги письма своего и мѣры не писати; а говорити о томъ уѣзде всякимъ служилымъ людямъ, чтобъ они у атамановъ и казаковъ вотчинъ не покупали и помѣстье не снимали, а атаманомъ и казакомъ заказывать накрѣпко, чтобъ они вотчинъ не продавали-жъ, а помѣстей никому опричь казаковъ-же не сдавали, а служили съ тѣхъ помѣстей и вотчинъ сами, а который атаманъ или казакъ пошелъ или впредь пойдетъ въ монастырскіе служки или въ холопи въ боярской дворъ, или къ кому нибудь, или учнетъ торговать или за кѣмъ сядетъ гдѣ на пашнѣ, и писцомъ ихъ тѣ помѣстья и вотчины отписывать на Государя Царя и великаго князя

Алексѣя Михаиловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца и въ книги—писать себѣ-жъ статьею, и о томъ писать къ великому Государю.

69. Да писцомъ-жъ по указу великаго Государя за помѣщики и за вотчинники писати и мѣрити помѣстныя и вотчинныя земли по Государевымъ жалованнымъ вотчиннымъ и ввознымъ грамотамъ всякія земли—жило и пусто—вправду, по свѣтей непорочной Евангельской заповѣди Господни и по сему Государеву наказу.

70. А которые помѣщики и вотчинники учнутъ класти передъ писцы сотныя грамоты старыхъ писцовъ, изъ дозорныхъ книгъ выписи за дьячьими приписми, и писцомъ съ тѣхъ сотныхъ грамотъ и съ выписей имать у нихъ списки слово въ слово за ихъ и за отцовъ ихъ руками—для приправки, и по тѣмъ сотнымъ грамотамъ и выписямъ приправливати за помѣщики и за вотчинники письма своего и мѣры въ книги села и деревни и починки и пустоши и селища и займища, и пашню паханную и перелогъ и лѣсомъ поросло описавъ и измѣривъ по своему письму и по мѣрѣ писати въ книги по сему Государеву наказу.

71. А которые помѣщики и вотчинники учнутъ класти съ новыхъ дозорныхъ книгъ выписи за дозорщиковыми печатми и за подьяческими руками, и тѣмъ выписямъ не вѣрить для того что *дозорныя книги погорѣли,* а писать писцомъ тѣ земли за помѣщики и за вотчинники и мѣрить по своему письму и по мѣрѣ и написать въ книги.

72. А которые вотчинники учнутъ класти на свои вотчины Государевы Царевы и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Россіи, и Царя и великаго князя Василія Ивановича всеа Русіи—жалованныя грамоты, которымъ даваны за московское осадное сидѣнье въ вотчину, а по новому Уложенью тѣ грамоты не переписаны, и писцомъ тѣ вотчины за вотчинники писать въ вотчинѣ-жъ себѣ статьею; а которые вотчинники-жъ померли, а послѣ ихъ жены и дѣти и братья и племянники учнутъ класти передъ писцы Государевы Царевы и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Русіи жалованныя вотчинныя грамоты, которымъ жалованы вотчины за Царя и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи московское осадное сидѣнье по Государеву указу, и по новому Уложенью тѣ грамоты не переписаны-жъ, и писцомъ тѣ вотчины писать писма своего и мѣры въ книги за вотчинники себѣ-жъ статьею, покамѣсть о тѣхъ вотчинахъ Государевъ указъ будетъ.

73. А которые вотчинники вотчины свои выслуженныя и купленныя и родовыя пишутъ въ монастыри, и писцомъ тѣхъ вотчинъ по прежнему и по нынѣшнему Государеву указу за монастыри въ книги не писать, чтобъ у служилыхъ людей земель не убывало, а писать

писцомъ тѣ земли писма своего и мѣры въ книги себѣ-жъ статьею до Государева указу.

74. А будетъ которыя статьи у писцовъ объявятся вновь, а въ семъ наказѣ не написано, и писцомъ о томъ писать къ великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу, и дѣлать смотря по тамошнему дѣлу, по своему разсмотрѣнію.

75. А описавъ писцомъ Уѣздъ во всѣхъ станехъ и волостяхъ помѣстныя и вотчинныя и патріарши и митрополичи и архіепископли и монастырскія и церковныя и порозжія земли со всякимъ угодьемъ и размежевавъ, письма своего и мѣры, написать въ книги, да съ тѣхъ книгъ сдѣлать перечневой списокъ, ѣхать къ великому Государю Царю и великому князю Алексѣю Михайловичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу къ Москвѣ. Съ подлиннымъ чолъ Матюшка Горностаевъ.

(Приказныя дѣла—7157—7202 г. г., кн. 28) 5052, л. л. 1—39. Вотчинн. Отд. А. М. Ю.).

Перечень статей валового наказа съ краткимъ изложеніемъ содержанія ихъ.

ВВЕДЕНІЕ.

О посылкѣ со 130-го года валовыхъ писцовъ въ разные города для описи земель, и о дачѣ имъ наказа.

1. Объ описаніи въ уѣздѣ всѣхъ земель помѣстныхъ, вотчинныхъ, монастырскихъ, церковныхъ учрежденій съ перечисленіемъ дворовъ, въ дворахъ людей, а также объ изслѣдованіи причинъ запустѣнія и его продолжительности.

2. Объ измѣреніи пашни въ одномъ полѣ и объ изверстываніи излишковъ въ другихъ поляхъ, чтобы въ каждомъ полѣ пашни, перелогу и лѣсныхъ зарослей было поровну.

3. Объ измѣреніи отхожихъ пашенъ, сѣнныхъ покосовъ, лѣсовъ и о раздѣленіи пашенной земли на три разряда: добрую, среднюю и худую.

4. О взятіи у владѣльцевъ сказокъ за руками о живущей пашнѣ, перелогѣ и о числѣ крестьянъ и бобылей.

5. О неутайкѣ владѣльцами деревень, угодій и крестьянъ.

6. Объ отвѣтственности владѣльцевъ за утайку крестьянъ, бобылей, земель и угодій, и о наградахъ челобитчикамъ за раскрытіе утаенныхъ земель и людей.

7. Объ отпискѣ излишковъ сверхъ дачъ въ помѣстьяхъ на Государя.

8. О помѣстьяхъ верстанныхъ новиковъ.

9. О написаніи въ книгахъ „опрочѣ себѣ статьею" примѣрныхъ и порозжихъ земель.

10. О нераздачѣ примѣрныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель безъ указу.

11. Объ одабриваніи среднихъ и худыхъ земель.

12. Объ изверстаніи угодій по пашнѣ въ помѣстьяхъ.

13. Объ изверстаніи угодій по пашнѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ изъ дворцовыхъ селъ, и о неприкосновенности угодій, записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ.

14. Объ отрѣзкѣ къ порозжимъ и къ примѣрнымъ землямъ угодій „по пашнѣ".

15. О надѣленіи помѣстныхъ безугодныхъ селеній, которыя пришли къ чужимъ многимъ угодьямъ, изъ этихъ послѣднихъ.

16. О намѣриваніи переложныхъ земель „въ пашень мѣсто" къ живущему.

17. Объ учиненіи межъ и разъѣздовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ къ какому-либо селенію будутъ прибавлены или убавлены угодья, и объ описаніи этихъ угодій и межъ въ книгахъ.

18. О написаніи средней земли съ многими угодьями за добрую, и такой же худой за среднюю.

19. О надѣленіи къ деревнямъ и починкамъ пашни сполна по дачѣ, а сѣна и лѣса по пашнѣ.

20. О раздѣленіи пашенной земли по четвертямъ самими тѣми помѣщиками „кому у кого доведется выдѣлять пашни", и о написаніи сдѣланныхъ при этомъ межъ въ списки для внесенія въ писцовыя книги.

21. О раздѣленіи пашенной земли черезъ губныхъ старостъ и командированныхъ ими людей, если самимъ помѣщикамъ размежеваться будетъ немочно.

22. Объ отдачѣ прежнему помѣщику хлѣба, собраннаго на отписанныхъ у него излишнихъ земляхъ, за вычетомъ крестьянскихъ сѣмянъ, и объ уборкѣ полей, паханныхъ на помѣщиковыхъ людей, самими этими людьми, а не крестьянами.

23. Объ отписываній земель и угодій на Государя сряду, съ одного, „а не въ рознь", о собираніи съ нихъ доходовъ и объ обработкѣ отписанныхъ пашенныхъ земель.

24. О податныхъ льготахъ на переложныя земли разныхъ разрядовъ.

25. О подробномъ описаніи оброчныхъ угодій, и о наложеніи за пользованіе ими новыхъ окладовъ деньгами и натурою.

26. О наложеніи оброка на всѣ угодья, почему либо ранѣе не облагавшіяся сборами.

27. О сдачѣ вновонайденныхъ бортныхъ ухожей въ оброкъ съ торговъ и о поручительствѣ за бортниковъ со стороны „старинныхъ крестьянъ добрыхъ людей“.

28. О неотдачѣ всякихъ угодій къ помѣстьямъ и вотчинамъ мимо бортниковъ и крестьянъ.

29. О непремѣнномъ отмежеваніи бортныхъ лѣсовъ и селеній отъ смежныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель.

30. О мѣнѣ бортныхъ земель, владѣльцы которыхъ вѣдаютъ свои ухожья наѣздомъ и терпятъ при этомъ обиды отъ смежныхъ помѣщиковъ, съ землями этихъ послѣднихъ, и о раздачѣ порозжихъ бортныхъ и оброчныхъ земель, которыя „въ помѣстьяхъ не бывали“ по Государеву указу.

31. О написаніи прежде розданныхъ въ помѣстье бортныхъ оброчныхъ земель въ помѣстныя сохи, и о сложеніи съ нихъ денежныхъ оброковъ, назначенныхъ ранѣе за пользованіе землею, а не угодьями.

32. О наложеніи денежныхъ оброковъ, сбираемыхъ съ угодій, а не съ земель, по старинѣ или съ „наддачей“.

33. О положеніи въ сошное письмо, въ рядъ съ четвертными сохами, тѣхъ помѣстей, съ земель которыхъ, а не съ лѣсовъ, идутъ медвяные оброки.

34. Объ отдачѣ помѣщикамъ—дѣтямъ боярскимъ оброчныхъ угодій, лежащихъ въ дачахъ „по близку къ розданнымъ въ помѣстье селеніямъ, изъ платежа оброковъ и за поруками „добрыхъ неслуживыхъ людей“.

35. Объ отдачѣ оброчныхъ угодій, (см. ст. 34) отошедшихъ „далече“ отъ селъ и состоящихъ въ пользованіи крестьянъ, крестьянамъ же изъ платежа оброковъ и за поруками.

36. 1) О записываніи вотчинъ за всякими вотчинниками „обыскивая всякими людьми и старыми книгами, государевыми грамотами и всякими крѣпостями“, 2) о записываніи невыкупленныхъ до московскаго разоренія вотчинъ, пріобрѣтенныхъ монастырями послѣ указа 1581 года, за монастырями, 3) о записываніи монастырскихъ вотчинъ, о выкупѣ которыхъ били челомъ челобитчики особо, до государева указа.

37. О выкупѣ и записи въ книги особо тѣхъ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ, которыя даны въ монастыри по душѣ послѣ воцаренія Михаила Федоровича.

38. Объ отписываніи на Государя и о платежѣ денегъ изъ казны за вотчины, данныя въ монастыри послѣ 121-го году, если „роду тѣхъ вотчинъ вотчинниковъ не стало“.

39. О записываніи вотчинъ, которыми кто безъ всякихъ крѣностей владѣетъ, „опрочѣ себѣ статьею“.

40. О записи вотчинъ, пожалованныхъ за московское осадное сидѣнье при В. Шуйскомъ, за вотчинниками, если они по сыску въ Тушинѣ и въ Калугѣ не бывали, и Вору креста не цѣловали.

41. О записываніи вотчинъ, пожалованныхъ отъ Вора, въ помѣстья и объ отпискѣ лишковъ противъ окладовъ на Государя.

42. Объ отпискѣ на Государя, пожалованныхъ за Московское осадное сидѣнье вотчинъ, если вотчинники обманомъ получили вдвое противъ указовъ въ одномъ городѣ.

43. Объ истребованіи отъ волостныхъ старостъ, цѣловальниковъ и крестьянъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, бывшихъ сначала въ помѣстьѣ, а за осадныя сидѣнья пожалованныхъ въ вотчину, старыхъ сотныхъ грамотъ, и о письмѣ этихъ вотчинъ по доставленнымъ грамотамъ.

44. Объ отпискѣ на государя лишковъ сверхъ дачъ въ вотчинахъ, пожалованныхъ за осадное сидѣнье при В. Шуйскомъ, и объ отдачѣ примѣрныхъ земель, припаханныхъ владѣльцами изъ вотчинныхъ лѣсовъ въ помѣстья.

45. О списываніи копіи со старыхъ сотныхъ грамотъ и выписей, о письмѣ вотчинныхъ земель, бывшихъ дворцовыхъ и черныхъ, по старымъ сотнымъ грамотамъ, и о записываніи лишковъ въ книгахъ особо.

46. О письмѣ въ прежде бывшихъ дворцовыхъ и черныхъ волостяхъ новораспашныхъ земель и починковъ, поставленныхъ вотчинниками на своихъ лѣсахъ, за ними въ вотчину, если сверхъ дачъ лишнихъ земель не будетъ.

47. Объ одабриваніи вотчинъ, пожалованныхъ изъ старыхъ помѣстій, на которыя писцовыхъ документовъ не сохранилось, и объ отобраніи лишковъ на государя.

48. О письмѣ лишковъ изъ новораспаханныхъ земель въ вотчинахъ, пожалованныхъ за осадное сидѣнье царя Василія, въ помѣстные оклады.

49. О письмѣ наѣзжей пашни.

50. О писаніи лишковъ противъ дачъ въ вотчинахъ, пожалованныхъ изъ старинныхъ помѣстій, по старымъ писцовымъ книгамъ, особой статьею.

51. О письмѣ вотчинъ, отобранныхъ при Иванѣ Грозномъ въ опричину, и розданныхъ въ помѣстья.

52. О письмѣ вотчинъ, написанныхъ въ писцовыхъ книгахъ помѣстьями, особо, если владѣльцы не предъявятъ государевыхъ грамотъ.

53. Объ отпискѣ на Государя помѣстныхъ и вотчинныхъ земель, которыми владѣютъ неслужилые люди.

54. О разбирательствѣ писцами земельныхъ споровъ и о размежеваніи спорныхъ земель.

55. О снятіи копій со всякихъ крѣпостей, предъявленныхъ писцамъ.

56. О производствѣ большого повальнаго обыска о запустѣвшихъ селахъ, деревняхъ и починкахъ.

57. О взыскиваніи за сожженныя или посѣченныя борти и деревья особаго штрафа.

58. О досмотрѣ и смѣтѣ тѣхъ лѣсныхъ пространствъ, которыя пригодны для заселенія.

59. О помѣстьяхъ новиковъ.

60. О размѣрахъ сохъ на земляхъ разныхъ владѣльцевъ и разныхъ качествъ.

61. О неположеніи церковныхъ земель въ сошное письмо.

62. О производствѣ писцовыхъ работъ сряду съ одного, а не выборомъ, вправду по евангельской заповѣди, и объ обязанности писцовъ дѣлать порученное имъ дѣло всѣмъ вмѣстѣ.

63. Объ отпискѣ на Государя тѣхъ помѣстій и вотчинъ, владѣльцы которыхъ скроютъ крестьянъ и ложно покажутъ свои земли пустыми.

64. О составленіи писцовыхъ книгъ и перечней.

65. Объ отпискѣ на Государя помѣстій, владѣльцы которыхъ не положатъ государевыхъ грамотъ и крѣпостей.

66. О длинѣ мѣрныхъ веревокъ и о дачѣ писцамъ трехъаршинной сажени.

67. О пенѣ Государевой за самовольное пользованіе порозжими землями.

68. О не сдачѣ казаками помѣстій никому опричь казаковъ, о запрещеніи имъ продавать свои вотчины, и объ отписываніи на Государя тѣхъ казачьихъ помѣстій и вотчинъ, владѣльцы которыхъ выйдутъ изъ службы.

69. О производствѣ возложеннаго на писцовъ дѣла вправду, по евангельской заповѣди и по наказу.

70. О снимании копій со старыхъ сотныхъ грамотъ и дозорныхъ выписей для „приправки“.

71. О выписяхъ съ новыхъ дозорныхъ книгъ.

72. О написаніи особо тѣхъ вотчинъ, данныхъ за осадныя сидѣнья, на которыя владѣльцы положатъ грамоты царей Василія и Михаила, не переписанныя по новому Уложенію.

73. О не запискѣ вотчинъ служилыхъ людей за монастырями.

74. О встрѣченныхъ писцами при исполненіи дѣла сомнѣніяхъ, на которыя нѣтъ отвѣта въ наказѣ.

75. О составленіи писцовыхъ книгъ и перечней, съ которыми ѣхать къ Великому Государю.

II.

Докладъ Помѣстнаго Приказа о сошномъ письмѣ и о живущихъ четяхъ (1684 г.).

Печатаемая ниже „выписка живущей пашни въ сошное письмо" есть ни что иное, какъ подробная докладная записка, составленная Помѣстнымъ Приказомъ въ 1684 году по одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ предстоящаго валового письма. Изъ нея мы узнаемъ. что въ 1684 году состоялось повелѣніе царей Петра, Іоанна и царевны Софіи о включеніи въ наказъ валовымъ писцамъ правилъ раскладки земель и дворовъ по сохамъ и живущимъ четямъ. Но самый размѣръ сошныхъ окладовъ и живущихъ четвертей не былъ при этомъ опредѣленъ верховной властью. Поэтому Помѣстный Приказъ, представляя въ своемъ докладѣ конспективное изложеніе всего предшествующаго законодательства по затронутымъ вопросамъ, испрашиваетъ Высочайшихъ указаній во 1-хъ) о томъ, что нужно ли писать церковныя земли въ живущія чети и въ сошное письмо, и во 2-хъ), каковы должны быть размѣры сохъ и живущихъ четвертей въ разныхъ городахъ и на земляхъ разныхъ владѣльцевъ.

Рѣшенія Государей и Боярской думы по докладу Помѣстнаго Приказа мы не знаемъ, но изъ писцоваго наказа 1684 г. [1]) можно заключить, что правящіе круги считали себя недостаточно подготовленными для составленія новой росписи сохъ и живущихъ четвертей въ моментъ обсужденія статей валового наказа, и предпочли отложить эту работу до представленія новыхъ писцовыхъ книгъ въ Помѣстный Приказъ.

Кромѣ общаго интереса, который представляетъ докладъ Помѣстнаго Приказа, какъ документъ, характеризующій движеніе законодательныхъ вопросовъ въ концѣ 17-го вѣка, въ немъ мы находимъ нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія о живущей четверти.

Указы о ея размѣрахъ, помѣщенные въ „Указной книгѣ" Помѣстнаго Приказа, изданы въ 138-мъ и 139-мъ годахъ, за промежутокъ времени, равный приблизительно одному году. Между тѣмъ законодательство о живущей четверти складывалось въ теченіе довольно долгаго періода времени, всего около 27—30 лѣтъ (133 г.—160 г.), и

---

[1]) П. С. З. № 1074, п. 7.

только лишь расцвѣтъ правительственной дѣятельности по этому поводу падаетъ на 138 и 139-й годы. Изъ общаго числа 83 городовъ, для которыхъ, по даннымъ Указной книги и доклада Помѣстнаго Приказа, были установлены размѣры живущей четверти, для 75-ти соотвѣтствующія нормы были выработаны въ 138-мъ и 139-мъ годахъ, и только для 8 городовъ (Москва, Верея, Старица, Можайскъ, Арзамасъ, Нижній-Новгородъ, Курмышъ и Алатырь) въ эпохи послѣдующія или предшествующія этимъ годамъ.

Такимъ образомъ, географическое распредѣленіе окладовъ живущей четверти можно считать теперь выясненнымъ въ достаточной степени, но кромѣ этого, докладная выписка даетъ нѣкоторыя матеріалы для сужденія о взаимномъ отношеніи платежныхъ силъ бобыльскаго и крестьянскаго двора.

Замѣтимъ прежде всего, что указы о живущей четверти подъ бобылемъ разумѣютъ, повидимому, человѣка „пашеннаго", занимающагося такъ же какъ и крестьянинъ, земледѣліемъ. Торговые и мастеровые люди, живущіе за помѣщиками и вотчинниками, не называются бобылями, а только приравниваются къ нимъ по размѣру тягла.

Объединяя въ одномъ разрядѣ плательщиковъ столь несходныя по своему экономическому положенію группы, какъ пашенные бобыли и всякаго рода торговые и рукодѣльные люди, правительство должно было самымъ тщательнымъ образомъ опредѣлить отношеніе налогоспособностей крестьянскаго и бобыльскаго дворовъ. Это отношеніе въ разныхъ мѣстахъ было неодинаково, но къ удивленію современнаго изслѣдователя, Московское правительство признало искомое отношеніе величиной постоянной и предписало при недостаткѣ крестьянскихъ дворовъ считать одинъ крестьянскій дворъ за два бобыльскихъ.

Схематичность такого опредѣленія стало, повидимому, сознавать и правительство: начиная со 140-го года (1632 г.) оно приняло уже одинъ крестьянскій дворъ за полтора бобыльскихъ. Это послѣднее отношеніе, правда, имѣло мѣсто только въ немногихъ городахъ: въ Курмышѣ (со 140 г.), Алатырѣ (со 140 г.), Мещерскѣ (со 160 г.) и Нижнемъ Новгородѣ (со 140 г.).

Сказать опредѣленно, въ чемъ заключалась причина такого измѣненія, все-таки довольно трудно.

Первое обстоятельство, которое могло оказать извѣстное вліяніе въ направленіи признанія за бобыльскимъ дворомъ большей налогоспособности—это довольно быстрый ростъ экономическаго благосостоянія бобыльской группы населенія, имѣвшій мѣсто въ первой половинѣ 17-го вѣка.

Второе—заключается въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностяхъ названныхъ уѣздовъ, главнымъ образомъ Курмышскаго и Алатырскаго.

Третье предположеніе, которое можно сдѣлать по затронутому вопросу, сводится къ той мысли, что не было ли измѣненіе первоначальнаго соотношенія между крестьянскимъ и бобыльскимъ дворомъ однимъ изъ техническихъ пріемовъ для измѣненія величины платежной чети.

При первомъ взглядѣ можетъ показаться, что приравнивая крестьянскій дворъ полутора бобыльскимъ, мы возвышаемъ значеніе бобыльскаго двора и дѣлаемъ прежній размѣръ живущей четверти, по числу крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ ней, болѣе льготнымъ. Однако это не такъ: повышеніе относительнаго значенія бобыльскаго двора можетъ разсматриваться также и какъ средство повысить тяжесть платежной чети.

Для поясненія обратимся къ слѣдующему примѣру. Въ Курмышскомъ уѣздѣ до 1632-го года отношеніе между крестьянскимъ и бобыльскомъ дворомъ считалось равнымъ 2, послѣ чего уменьшено до $1^1/_2$. Въ живущую четверть было положено въ этомъ уѣздѣ 5 крестьянскихъ и 3 бобыльскихъ. Вотъ ея дѣйствительные размѣры при первомъ и второмъ отношеніяхъ.

Отношеніе крест. дв. къ бобыльскому.	Величина ж. четверти въ крестьян. дворахъ.	Величина ж. четверти въ бобыльскихъ двор.
2	$6^1/_2$	13
$1^1/_2$	7	$10^1/_2$

Изъ этой таблички видно, что съ измѣненіемъ отношенія между крестьянскимъ и бобыльскимъ дворомъ отъ 2 до $1^1/_2$, величина живущей четверти также мѣняется, при чемъ это измѣненіе можно разсматривать, или какъ установленіе болѣе льготнаго числа крестьянскихъ дворовъ (7 вмѣсто 6), или какъ введеніе болѣе тяжелаго оклада ($10^1/_2$ бобыльскихъ дворовъ вмѣсто 13). При дѣйствительной раскладкѣ населенія даннаго района по живущимъ четвертямъ могутъ поэтому произойти совсѣмъ неожиданныя и нежелательныя аномаліи. Обратимся къ примѣру.

1000 кр. дворовъ и 1000 бобыльскихъ кладутся въ четверти, считая въ каждой 5 дв. кр. + 3 дв. боб. и 1 дворъ крестьянскій за 2 бобыльскихъ.

Число живущихъ четвертей будетъ:

$$\frac{1000 \,.\, 2 + 1000}{5 \,.\, 2 + 3} = \frac{3000}{13} = 231 \text{ ч.}$$

Если за отношеніе между крестьянскимъ и бобыльскимъ дворомъ возьмемъ $1^1/_2$, то число четвертей получится равнымъ

$$\frac{1000 \cdot 1^1/_2 + 1000}{5 \cdot 1^1/_2 + \ \ 3} = \frac{2500}{10^1/_2} = 238 \text{ ч.}$$

Такимъ образомъ, столь значительное измѣненіе соотношенія между крестьянскимъ и бобыльскимъ дворомъ, отразилось въ данномъ случаѣ ничтожнымъ повышеніемъ количества платежныхъ единицъ— всего на 3%. Кромѣ того, если отношеніе между числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, находящихся въ данной мѣстности, равно отношенію между числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, составляющихъ живущую четверть, то это послѣднее отношеніе не окажетъ никакого вліянія на окончательный результатъ вычисленія. Напр., 5000 кр. дв. + 3000 боб. при живущей четверти въ 5 кр. дв. + 3 боб. дв., составятъ одинаково 1000 платежныхъ единицъ, будетъ ли взято за величину крестьянскаго двора два или полтора бобыльскихъ.

Изъ этого мы заключаемъ, что московское правительство едва ли могло избрать, для осуществленія своихъ финансовыхъ намѣреній, такой ненадежный путь, какъ измѣненіе уже принятаго, хотя бы условно, отношенія между налогоспособностью крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

Поэтому причину наблюдаемаго нами явленія нужно искать въ отмѣченномъ выше реальномъ измѣненіи общихъ или мѣстныхъ условій экономической жизни.

Рѣшеніе поставленной задачи связано съ изученіемъ, главнымъ образомъ, писцовыхъ книгъ, сопоставленіе которыхъ съ указами о живущей четверти могло бы дать надежный матеріалъ для освѣщенія многихъ важныхъ вопросовъ по исторіи живущей четверти, и, въ частности, объяснить какими мотивами руководилось московское правительство при составленіи живущей четверти изъ опредѣленнаго числа крестьянскихъ дворовъ съ непремѣннымъ прибавленіемъ къ нимъ нѣкотораго меньшаго числа бобыльскихъ.

Два наиболѣе распространенныхъ и устойчивыхъ типа живущей четверти 8 кр. д. + 4 б. д. и 12 кр. д. + 8 б. д. во владѣніяхъ свѣтскихъ лицъ, при соотвѣтствующемъ составѣ живущей четверти въ вотчинахъ духовенства: 6 кр. д. + 3 б. д. и 9 кр. д. + 6 б. д., характеризуются постояннымъ отношеніемъ между числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, входящихъ въ одну четверть. Это отношеніе для перваго типа равно 2, а для второго $1^1/_2$. Выражая его въ процентахъ, найдемъ, что крестьянскихъ дворовъ въ составѣ живущей четверти 60—67%, а бобыльскихъ 40—33%. Такъ какъ эти числа весьма близки къ дѣйствительному соотношенію между общимъ количествомъ

крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ Московской Руси первой половины 17-го вѣка, то можно думать, что при опредѣленіи размѣра живущей четверти правительство исходило изъ наблюдаемыхъ въ дѣйствительности отношеній. Въ какой формѣ и въ какихъ цѣляхъ оно использовало имѣющіяся у него свѣдѣнія—все это вопросы еще не затронутые изслѣдователями [1]).

Между тѣмъ живущая четверть, какъ податная единица, чрезвычайно оригинальна по своему строенію и налоговому дѣйствію на тѣ или другія податныя группы. Связанные съ этой стороной живущей четверти вопросы нуждаются прежде всего въ теоретическомъ освѣщеніи. Подробный анализъ существа дѣла приводитъ къ цѣлому ряду простыхъ и симметрично расположенныхъ формулъ, въ основѣ которыхъ лежитъ предположеніе, что принятое правительствомъ отношеніе между состоятельностью крестьянскаго и бобыльскаго двора (2) не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Выводы, къ которымъ мы пришли въ результатѣ теоретическаго изученія состава живущей четверти, тѣмъ не менѣе могутъ быть изложены и доказаны безъ помощи формулъ, путемъ иллюстрацін соотвѣтствующихъ положеній. Мы подвергли изслѣдованію только два наиболѣе распространенныхъ типа въ 8 к. + 4 б. и въ 12 к. + 8 б. (Литерами к и б мы означаемъ крестьянскій или бобыльскій дворы).

Оказывается, что наиболѣе крупныя особенности въ примѣненіи живущей четверти, какъ единицы обложенія, находятся въ зависимости отъ большей или меньшей близости отношенія между числомъ состоящихъ въ данномъ имѣніи крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ къ тому отношенію, въ которомъ находятся соотвѣтствующія количества въ составѣ живущей четверти. Это послѣднее отношеніе въ дальнѣйшемъ мы называемъ нормальнымъ; оно будетъ равно для перваго типа $\frac{4}{8}$, т. е. $\frac{1}{2}$ а для второго $\frac{8}{12}$ или $\frac{2}{3}$.

Примемъ, что для цѣлаго ряда имѣній отношеніе $\frac{к}{б}$ равно не 2, а $1\frac{1}{2}$, т. е. выдѣлимъ тѣ поземельныя владѣнія, въ которыхъ можно считать бобыльскій дворъ довольно близкимъ по состоятельности къ крестьянскому.

---

[1]) Цѣнныя замѣчанія о живущей четверти см. въ книгѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго „Организація прямого обложенія“ стр. 243—255 и 529—533. Это изслѣдованіе дало толчокъ къ изученію исторіи живущей четверти. Нѣкоторыя попытки въ этомъ направленіи сдѣланы г. г. Дьяконовымъ, Миклашевскимъ, Готье и въ особенности Милюковымъ. Литература вопроса указана въ книгѣ Ю. В. Готье „Замосковный край въ XVII в.“ стр. 138.

Всѣ такія владѣнія разобьемъ на три группы:

I-я — въ которой число бобыльскихъ дворовъ менѣе нормальнаго.

II-я — съ нормальнымъ отношеніемъ между численностью крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

III-я — въ которой число бобыльскихъ дворовъ болѣе нормальнаго.

1-й типъ живущей четверти: 8 к. + 4 б. (6 к. + 3 б.) [1]).

Для первой группы съ небольшимъ (относительно) числомъ бобыльскихъ дворовъ, исчисленное писцами количество живущихъ четвертей болѣе слѣдуемаго на нѣкоторую величину, наибольшее значеніе которой (при полномъ отсутствіи бобыльскихъ дворовъ) поднимается до 7% (7%). Отмѣтимъ, что это увеличеніе тягла падаетъ на владѣнія съ благопріятнымъ составомъ населенія.

Для второй группы неправильное опредѣленіе правительствомъ отношенія между крестьянскимъ и бобыльскимъ дворами не имѣетъ никакого значенія.

Для третьей группы съ значительнымъ (относительно) числомъ бобыльскихъ, т. е. для группы сравнительно малосильной, неправильное опредѣленіе отношенія между состоятельностью крестьянскаго и бобыльскаго двора, повлечетъ за собой уменьшеніе слѣдуемаго съ нея тягла; наибольшее значеніе этого уменьшенія (при полномъ отсутствіи крестьянскихъ дворовъ въ имѣніи) поднимается до значительной величины въ 20% (20%). Отмѣтимъ, что пониженіе тягла выпадаетъ на долю малосильной группы населенія.

Для иллюстраціи этихъ положеній приводимъ слѣдующую таблицу.

Владѣніе свѣтскихъ лицъ.

Группы.	Населеніе.	Окладъ при к=1,5 б.	Правит. окладъ при к=2 б.	Разность.
		ж. четвертей.		
I . .	100 к. + 10 б.	10	$10^1/_2$	+5%
II . .	80 к. + 40 б.	10	10	0
III . .	40 к. + 100 б.	10	9	—10%

2-й типъ живущей четверти: 12 к. + 8 б. (9 к. + 6 б.).

Общій характеръ уклоненій исчисленнаго оклада отъ его истинной величины остается такимъ же, какъ и при первомъ типѣ живущей четверти.

Для первой группы съ небольшимъ относительно числомъ бобыльскихъ дворовъ (менѣе $^2/_3$ количества крестьянскихъ), число живущихъ четвертей, расчитанное по правительственной нормѣ, превосходитъ слѣдуемый окладъ не болѣе какъ на $8^1/_2$ ($8^1/_2$) %.

[1]) Цифры въ скобкахъ относятся къ владѣніямъ духовенства.

Для второй группы, съ нормальнымъ количествомъ бобыльскихъ дворовъ, величина отношенія $\frac{к}{б}$ не играетъ никакой роли.

Для третьей группы съ значительнымъ (относительно) количествомъ бобыльскихъ дворовъ, правительственный окладъ будетъ менѣе слѣдуемаго числа живущихъ четвертей не болѣе какъ на $18^3/_4$ $(18^3/_4)\%$.

Здѣсь отмѣтимъ, что довольно значительное пониженіе тягла опять падаетъ на сравнительно малосильную группу.

Изложенные выводы подтверждаются слѣдующей таблицей, аналогичной приведенной уже для перваго типа живущей четверти.

Владѣнія свѣтскихъ лицъ.

Группы.	Населеніе.	Окладъ при к.=1,5 б.	Правит. окладъ при к=2 б.	Разность.
		ж. четвертей.		
I . .	150 к.+ 35 б.	10	$10^{15}/_{32}$	$+ 4,7\%$
II . .	120 к.+ 80 б.	10	10	0
III . .	40 к.+200 б.	10	$8^3/_4$	$-12,5\%$

Для обоихъ типовъ живущей четверти мы разсмотрѣли только тотъ случай, когда бобыльскій дворъ по состоятельности болѣе близокъ къ крестьянскому, чѣмъ это полагаютъ указы 138-го и 139 года.

При обратномъ предположеніи, т. е. что бобыльскій дворъ болѣе чѣмъ въ два раза слабѣе крестьянскаго, мы придемъ и къ выводамъ, противоположнымъ съ вышеизложенными.

Принимая $\frac{к}{б}$ равнымъ $2^1/_2$, находимъ, что, при вычисленіи оклада живущихъ четвертей по правительственной нормѣ, наиболѣе проигрываютъ группы съ большимъ, противъ нормальнаго, количествомъ бобыльскихъ дворовъ; въ крайнемъ случаѣ онѣ переплачиваютъ 20% для перваго типа и $18^3/_4\%$ для второго.

Наоборотъ, тѣ группы, въ которыхъ число бобыльскихъ дворовъ незначительно, окладываются болѣе льготнымъ образомъ, съ пониженіемъ противъ нормы въ 4% и 5% для обоихъ типовъ живущей четверти. Подтвержденіе сказаннаго можно видѣть въ слѣдующей таблицѣ, составленной для перваго типа.

Владѣнія свѣтскихъ лицъ.

Группы.	Населеніе.	Окладъ при к.=2,5 б.	Правит. окладъ при к.=2 б.	Разность.
I . .	90 к.+ 15 б.	10	$9^3/_4$	$- 2,5\%$
II . .	80 к.+ 40 б.	10	10	0
III . .	40 к.+140 б.	10	11	$+ 10\%$

Изучая послѣдствія неправильнаго опредѣленія отношенія $\frac{к}{б}$, мы должны, очевидно, исключить изъ нашего разсмотрѣнія во 1-хъ тѣ владѣнія, для которыхъ правительственная норма (к=2 б) оказалась вѣрной, и во 2-хъ тѣ, въ которыхъ отношеніе между численностью бобыльскихъ и крестьянскихъ дворовъ было равно (или близко къ) нормальному

Все остальное населеніе, несущее въ той или другой мѣрѣ послѣдствія отъ неудачнаго опредѣленія указаннаго отношенія, можно разбить на 4 группы, несходныя между собой и по составу и по характеру колебаній въ тяжести обложенія.

I группа—съ преобладаніемъ крестьянск. дворовъ при высок. степени состоятельности бобылей (к=$1^1/_2$ б.).	Повышеніе тягла до $7-8^1/_2$%
II группа—съ преобладан. бобыльскихъ дворовъ при высокой степени ихъ состоятельности (к=$1^1/_2$ б.).	Пониженіе тягла до до $18^3/_4-20$%
III группа—съ преобладаніемъ крестьянск. дворовъ при малой состоятельности бобыльскихъ (к=2,5 б.).	Пониженіе тягла до $4-5$%
IV группа—съ преобладаніемъ бобыльск. дворовъ при малой ихъ состоятельности (к=$2^1/_2$ б.).	Повышеніе тягла до $18^3/_4-20$%.

Безъ значительныхъ натяжекъ можно признать, что эти четыре группы расположены по нисходящимъ степенямъ состоятельности: крайнія звенья представлены группами I и IV, а средину цѣпи составляютъ группы II и III, приблизительно одинаковыя по налогоспособности.

Какъ видимъ, при принятомъ оффиціально отношеніи бобыльскаго двора къ крестьянскому, наиболѣе существенный ущербъ получали или самыя сильныя или самыя убогія хозяйства, средина же оказывалась въ неизмѣнномъ выигрышѣ.

Принимая во вниманіе, что въ XVII вѣкѣ мы присутствуемъ при непрерывномъ уменьшеніи относительнаго количества бобыльскихъ дворовъ и при постепенномъ ростѣ ихъ состоятельности, можно утверждать что IV-я группа была весьма ничтожна по объему, и что наиболѣе частымъ явленіемъ того времени было не очень большое количество бобыльскихъ дворовъ во владѣніи, при значительной близости экономическаго положенія крестьянъ и бобылей.

А если такъ, то нельзя не согласиться съ тѣмъ, что принятая

правительствомъ система составленія живущей четверти при однообразномъ отношеніи крестьянскаго двора къ бобыльскому обладала завидной способностью автоматическаго приспособленія къ состоятельности окладываемыхъ группъ: малосильныя (относительно) селенія пользовались значительной льготой (не болѣе 20%), въ возмѣщеніе которой на прожиточныя группы накладывалось болѣе тяжелое бремя (не болѣе $8^1/_2$%) [1])

Изъ этого ясно, что механизмъ живущей четверти удивительно хорошо подходилъ къ условіямъ того историческаго момента, потребностямъ котораго онъ призванъ былъ служить.

Поэтому мы видимъ, что въ теченіе цѣлаго полувѣка московское правительство почти не измѣняло разъ налаженныхъ пріемовъ комбинированія состава живущей четверти: для этого не было основанія, такъ какъ населеніе не могло не чувствовать значительной гибкости принятой системы обложенія.

Интересы населенія могли быть затронуты отнесеніемъ даннаго города къ тому или другому разряду, а также высотой ставокъ, но серьезныхъ причинъ для недовольства техникой обложенія, поскольку она опредѣлялась указами о живущей четверти, быть, конечно, не могло.

Можно думать, что не всѣ послѣдствія, вытекающія изъ примѣненія живущей четверти къ обложенію той или другой группы населенія, были предусмотрѣны правительствомъ, но, кажется, что оно понимало всю важность составленія живущей четверти изъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ вмѣстѣ. Такая система снимала съ него нелегкую заботу объ опредѣленіи дѣйствительнаго отношенія между состоятельностью крестьянскаго и бобыльскаго двора въ различныхъ районахъ государства и дѣлало правительственный окладъ во многихъ случаяхъ почти не зависящимъ отъ неизбѣжныхъ ошибокъ при опредѣленіи этого отношенія.

Шестилѣтняя практика примѣненія живущей четверти (съ 1625 г.) показала московскому правительству всѣ выгоды, связанныя съ новой податной единицей, и оно въ 1630—31 году рѣшительно высказалось за однообразное нормированіе отношенія между бобыльскимъ и крестьянскимъ дворомъ.

Детальное разсмотрѣніе вопроса показываетъ, что, благодаря этой скорѣе невольной, чѣмъ предвзятой схематичности, въ практикѣ по-

---

[1]) Этимъ до нѣкоторой степени исправлялся тотъ свойственный живущей четверти недостатокъ, что, при ея дѣйствіи, состоятельные крестьянскіе и бобыльскіе дворы, неся одинаковые платежи съ малосильными, облагались въ сущности слабѣе послѣднихъ.

датнаго обложенія должны были обнаруживаться благопріятныя послѣдствія, связанныя съ автоматическимъ переложеніемъ части тягла съ слабыхъ группъ населенія на болѣе выносливыя плечи.

Изложенные выше выводы теоретическаго характера, нуждаются въ подкрѣпленіи конкретными указаніями историческихъ документовъ. Такая задача пока невыполнима по недостатку соотвѣтствующихъ матеріаловъ и по невыясненности многихъ вопросовъ, связанныхъ съ исторіей живущей четверти.

Темная для насъ эта исторія была не совсѣмъ извѣстна также и Помѣстному Приказу, учрежденію, которое проводило и осуществляло идею живущей четверти въ теченіе цѣлаго полувѣка.

Представляя Государямъ свой докладъ о сошномъ письмѣ и живущихъ четвертяхъ въ 1684 году, Помѣстный Приказъ не могъ найти наиболѣе раннихъ указовъ о живущей четверти отъ 133 по 137-й годы, и сослался на нихъ, пользуясь писцовыми книгами Московскаго, Верейскаго, Можайскаго, Старицкаго и Нижегородскаго уѣздовъ. Далѣе, одно изъ наиболѣе интересныхъ явленій въ практикѣ живущей четверти, именно частыя, хотя и незначительныя отступленія писцовъ отъ опредѣленнаго указами числа крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ четверти,—было совершенно не затронуто Помѣстнымъ Приказомъ; онъ выразилъ по этому поводу только канцелярское недоумѣніе: „а для чего кладено не ровно, того въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ имянно не написано".

Впрочемъ, сказанное отнюдь не свидѣтельствуетъ о небрежномъ отношеніи Приказа къ важнѣйшимъ изъ своихъ обязанностей—къ участію въ подготовкѣ законопроектовъ, но даетъ все-таки нѣкоторый матеріалъ для сужденія о томъ, какъ вообще дѣлались подобнаго рода дѣла въ Московской Руси.

Упоминаемый докладъ Помѣстнаго Приказа можно назвать неудачнымъ по построенію, но онъ составленъ съ надлежащей канцелярской тщательностью. Можетъ быть слово „докладъ" и не совсѣмъ подходитъ къ той „выпискѣ" или „справкѣ", которую представилъ Помѣстный Приказъ. Это дѣйствительно голая справка съ законодательствомъ и дѣлами, изъ которой нельзя вывести никакихъ заключеній о тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришли сами составители и которые они намѣреваются проводить предъ боярской коллегіей и Государями.

Тѣмъ цѣннѣе поэтому тѣ объективныя данныя, которыя сообщаются выпиской о сошномъ письмѣ и живущихъ четвертяхъ, составленной въ одинъ изъ интереснѣйшихъ моментовъ въ исторіи русскаго межеванія и землевладѣнія.

Ниже мы приводимъ въ алфавитномъ порядкѣ перечень городовъ,

для которыхъ были установлены размѣры живущей четверти. Онъ составленъ на основаніи „Указной книги“ Помѣстнаго Приказа и приложенной здѣсь „выписки живущей пашни въ сошное письмо“ [1]). Въ поясненіе добавимъ, что литеры а, б, в и г соотвѣтствуютъ слѣдующимъ указамъ:

а . . . . 138 года Марта 19-го дня.
б . . . . 139 „ Ноября 10-го „
в . . . . 139 „ Января 8-го „
г . . . . 139 „ Апрѣля 21-го „

Названія городовъ.	Составъ жив. четверти (дворовъ). Влад. свѣтск. л. кр.	боб.	Влад. духовен. кр.	боб.	к.[2]) / б.	Хронологическія указанія.
1. Алатырь	2	2	2	1	2	Между 138 и 140 годами.
	5	3	4	2	1½	Со 140 года.
Алексинъ	4	2	3	2	2	. . . . *а*
	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Арзамасъ . . .	2	2	2	1	2	По указ. 133 и 134 годовъ.
Балахна	4	2	3	2	2	. . . . *а*
	8	4	6	3	2	. . . . *г*
Болховъ	2	2	2	1	2	. . . . *а*
	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Боровскъ	4	2	3	2	2	. . . . *а*
	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Брянскъ	2	2	2	1	2	. . . . *а*
	12	8	9	6	2	. . . . *б*

[1]) Сводъ указовъ о живущей четверти составленъ В. Н. Сторожевымъ и помѣщенъ въ приложеніи къ „Указной книгѣ“ Помѣстнаго Приказа. (стр. 197—200). Въ немъ есть нѣкоторыя неточности: указъ 21-го апрѣля 1631 года названъ указомъ 21-го января 1631-го года, городъ Тверь правильно отнесенный по указу 19-го марта 138-го года въ 6-й разрядъ, не перечисленъ затѣмъ на основаніи указа 21-го апрѣля 139 года къ послѣднему разряду. Этотъ сводъ съ отмѣченными погрѣшностями перепечатанъ А. С. Лаппо-Данилевскимъ въ его извѣстной работѣ „Организація прямого обложенія“, прил. VIII (стр. 530—531).

[2]) Символъ $\frac{к}{б}$ обозначаетъ отношеніе между тягломъ крестьянскаг и бобыльскаго двора.

Названіе городовъ.	Составъ жив. четверти (дворовъ).				к. б.	Хронологическія указанія.
	Влад. свѣтск. л.		Влад. духовен.			
	кр.	боб.	кр.	боб.		
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Бѣжецкъ.	12	8	9	6	2	. . . . *г*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Бѣлевъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
10. Бѣлоозеро. . . .	12	8	9	6	2	Ранѣе указа подъ лит. *г*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Великія Луки . .	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Веневъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Верея.	12	8	9	6	2	По пам. Пом. Пр. 134-137 г.
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Владиміръ. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Вологда.	8	4	6	3	2	. . . . *г*
Волокъ	12	8	9	6	2	. . . . *г*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Воронежъ. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Воротынскъ . . .	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Вязьма	12	8	9	6	2	. . . . *в*
	5	3	4	2	2	. . . . *а*
20. Галичъ	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Гороховецъ . . .	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Данковъ.	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Дмитровъ	8	4	6	3	2	. . . . *а*

Названіе городовъ.	Составъ жив. четверти (дворовъ).				к./б.	Хронологическія указанія.
	Влад. свѣтск. л.		Влад. духовен.			
	кр.	боб.	кр.	боб.		
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Дѣдиловъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Елецъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Епифань	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Зубцовъ.	12	8	9	6	2	. . . . *в*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
	4	3	3	3	2	. . . . *б*
Калуга	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Карачевъ	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
30. Касимовъ	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Кашинъ.	12	8	9	6	2	. . . . *г*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Кашира.	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Кинешма	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Козельскъ. . . .	12	8	9	6	2	. . . . *в*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Коломна	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Кострома	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Кромы	8	4	6	3	2	. . . . *в*

Названіе городовъ.	Составъ жив. четверти (дворовъ). Влад. свѣтск. л. кр.	боб.	Влад. духовен. кр.	боб.	к. б.	Хронологическія указанія.
. . . .	2	2	2	1	2	Между 138 и 140 годами.
Курмышъ	5	3	4	2	$1^1/_2$	Со 140 года.
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Курскъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
.	2	2	2	1	2	. . . . *а*
40. Лебедянь	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Ливны	8	4	6	3	2	. . . . *в*
.	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Лихвинъ	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Лухъ.	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Малоярославецъ .	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Медынь.	12	8	9	6	2	Ранѣе указа лит. *б*.
	12	8	9	6	2	
Мещовскъ (Мещерскъ). . . .	5	3	4	2	$1^1/_2$	Ранѣе указа лит. *б*. По указу 18 іюня 160 года.
Можайскъ. . . .	12	8	9	6	2	По пам. Пом. Прик. 134-137 г.
. . . .	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Мосальскъ. . . .	12	8	9	6	2	. . . . *б*
Москва	12	8	9	6	2	По пам. Пом. Пр. 134-137 г.
.	4	2	3	2	2	. . . . *а*
50. Муромъ.	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Мценскъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
. . . .	2	2	2	1	2	По указамъ 133 и 134 г.
Нижній Новгородъ	5	3	4	2	$1^1/_2$	Со 140 года.

Названіе городовъ.	Составъ жив. четверти (дворовъ). Влад. свѣтск. л. кр.	боб.	Влад. духовен. кр.	боб.	к. б.	Хронологическія указанія.
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Новосиль	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Оболенскъ. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Одоевъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
Осколъ	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Перемышль . . .	12	8	9	6	2	. . . . *б*
Переяславль-Зал.	8	4	6	3	2	. . . . *а*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Пошехонь. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *г*
60. Псковъ.	8	4	6	3	2	. . . . *а*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Пусторжевъ. . .	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Путивль.	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Ржевъ (па Волгѣ).	12	8	9	6	2	Ранѣе указа подъ лит. *в*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Романовъ. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Ростовъ.	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Рыльскъ.	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
Ряжскъ.	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	2	2	1	2	. . . . *а*
	4	3	3	3	2	. . . . *б*
Рязань	8	4	6	3	2	. . . . *в*

Названіе городовъ.	Составъ жив. четверти (дворовъ). Влад. свѣтск. л. кр.	боб.	Влад. духовн. кр.	боб.	к. б.	Хронологическія указанія.
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Серпуховъ. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
70. Солова	8	4	6	3	2	. . . . *в*
Старица.	12	8	9	6	2	По пам. Пом. Пр. 134-137 г.
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Суздаль.	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Таруса	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Тверь.	12	8	9	6	2	. . . . *г*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Торжокъ	12	8	9	6	2	. . . . *в*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Торопецъ . . .	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
	4	3	3	3	2	. . . . *б*
Тула	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	8	4	6	3	2	. . . . *а*
Угличъ	12	8	9	6	2	. . . . *г*
Холмъ.	12	8	9	6	2	. . . . *б*
	2	3	2	2	2	. . . . *а*
80. Чернь.	8	4	6	3	2	. . . . *в*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
Шуя	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	2	3	2	2	. . . . *а*
Юрьевъ-Польскій.	8	4	6	3	2	. . . . *г*
	4	3	3	3	2	. . . . *а*
83. Ярославль. . . .	8	4	6	3	2	. . . . *г*

Характерную особенность законодательства о живущей четверти составляютъ, какъ извѣстно, во 1) весьма быстрое уничтоженіе наиболѣе тяжелыхъ окладовъ живущей четверти съ распространеніемъ на подавляющее большинство городовъ двухъ ея типовъ въ 8 кр.+4 боб. и 12 кр.+8 боб., и во 2) расположеніе окладовъ живущей четверти, установленныхъ для каждаго города въ видѣ лѣстницы съ двумя и даже тремя нисходящими ступенями, въ соотвѣтствіи съ тѣми или другими законодательными опредѣленіями.

Изъ составленнаго нами перечня городовъ видно, что только Арзамасъ, повидимому, былъ забытъ законодателемъ при пересмотрѣ окладовъ живущей четверти и оставленъ при наиболѣе тяжеломъ составѣ ея (2 кр.+2 боб.).

Говоря о пересмотрѣ окладовъ, отмѣтимъ, что для 13 городовъ [1]) изъ 83-хъ разъ установленные размѣры живущей четверти не были измѣнены впослѣдствіи, для 67-ми они были устанавливаемы дважды и для трехъ городовъ (Калуга, Рязань, Тула) по три раза. При этомъ оказалось, что для 7-ми городовъ [2]) окладъ живущей четверти увеличенъ (т. е. сдѣланъ болѣе льготнымъ) въ 5 разъ, для 24—въ 3 раза, для 27—въ 2 и для 11—въ $1^1/_2$ раза. И только для одного города Мещовска нужно отмѣтить нарушеніе повсемѣстно наблюдаемаго увеличенія состава живущей четверти: установленный въ 1630 году окладъ ея въ 12 кр.+8 боб. черезъ 22 года (1652 г.) былъ замѣненъ болѣе тяжелымъ въ 5 кр.+3 боб. дворовъ. Вмѣстѣ съ этимъ было измѣнено и отношеніе между тягломъ крестьянскаго и бобыльскаго дворовъ; съ 1652 года въ Мещерскомъ уѣздѣ крестьянскій дворъ сталъ считаться за полтора бобыльскихъ.

Въ среднемъ для всѣхъ городовъ установленіе болѣе льготныхъ окладовъ означало пониженіе тягла въ $2^3/_4$ раза.

Такъ путемъ непрерывныхъ усилій законодателя, путемъ многократныхъ ошибокъ и опытовъ вырабатывались основныя начала новой системы обложенія по живущимъ четвертямъ.

---

[1]) Арзамасъ, Бѣлоозеро, Верея, Волокъ, Дмитровъ, Медынь, Можайскъ, Москва, Переяславль-Залѣсскій, Псковъ, Ржевъ (на Волгѣ), Старица и Холмъ.

[2]) Брянскъ, Воротынскъ, Карачевъ, Козельскъ, Лихвинъ, Мосальскъ, Перемышль.

Выписка живущей пашни въ сошное письмо.

„Въ указѣ блаженные памяти великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Руссіи Самодержца и отца его Государева блаженные памяти великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича патріарха Московскаго и всеа Руссіи 139-го году за приписью дьяка Неупокоя Кокошкина написано: прежнимъ писцамъ за помѣщики и за вотчинники въ живущую пашню класть: въ Болховѣ, во Мценску, въ Путивлѣ, въ Рылску, въ Курску, на Воронежѣ, въ Бѣлевѣ, въ Гяску, въ Донковѣ, на Лебедяни, на Дѣдиловѣ, на Венёвѣ, на Епифани, на Соловѣ [1]), въ Новосили, въ Кромахъ, на Осколѣ, въ Одоевѣ, на Черни, на Елцѣ, на Коломнѣ, на Каширѣ, въ Серпуховѣ, въ Оболенску, въ Тарусѣ, въ Алексинѣ, въ Боровску, въ Ярославцѣ, на Резани, на Тулѣ, въ Калугѣ по 8 дворовъ крестьянскихъ да по четыре двора бобыльскихъ, всего по 12 дворовъ въ чети, а за монастыри по 6 дворовъ крестьянскихъ да по 3 двора бобыльскихъ всего по 9 дворовъ въ чети; въ Зубцовѣ, въ Вязмѣ, въ Торшку, въ Козелску по 12 дворовъ крестьянскихъ да по 8 дворовъ бобыльскихъ, всего по 20 дворовъ въ чети, а въ Митрополичьихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ по 9 дворовъ крестьянскихъ, да по 6 дворовъ бобыльскихъ, всего по 15 дворовъ въ чети; да въ Государеве указѣ за приписью дьяка Василья Ключарева 139-го апрѣля въ 21-й написано: въ Володимерѣ, въ Суздалѣ, въ Луху, въ Муромѣ, въ Юрьевѣ Полскомъ, въ Касимовѣ, на Болохнѣ, въ Гороховцѣ на Кинешмѣ, въ Шуѣ, въ Ярославлѣ, на Костромѣ, на Романовѣ, въ Пошехоньѣ, на Вологдѣ, въ Ростовѣ, въ Галичи — противъ Рязани и Коломни и Кашина и Переславля-Залѣскаго съ товарыщи по 8 дворовъ крестьянскихъ да по 4 двора бобыльскихъ, всего по 12 дворовъ въ чети; а въ Митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинахъ по 6 дворовъ крестьянскихъ, да по три двора бобыльскихъ, всего по 9 дворовъ въ чети, на Угличѣ и въ Бѣжецкомъ верху, въ Твери и на Волокѣ — противъ Бѣла Озера съ товарыщи по 12 дворовъ крестьянскихъ да по 8 дворовъ бобыльскихъ, всего по 20 дворовъ въ чети; а въ Митрополичьихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ по 9 дворовъ крестьянскихъ да по 6 дворовъ бобыльскихъ, всего по 15 дворовъ въ четѣ [2]); въ Мосалску, въ Брянску, въ Лихвинѣ, въ Воротынскѣ, въ Перемышлѣ, въ Карачевѣ, на Лукахъ Великихъ, въ Торопцѣ и въ Холму и въ Ржевѣ-пустой положить на живущую пашню противъ Мещоску

[1]) Пропущено „на Ливнахъ", см. указъ 8-го января 139-го года.

[2]) Далѣе слѣдуетъ содержаніе указа 139-го года ноября 10 дня, дата котораго опущена составителями доклада Помѣстнаго Приказа.

и Медыни по 12 дворовъ крестьянскихъ по 8 дворовъ бобыльскихъ въ чети, а въ Митрополичьихъ и монастырскихъ вотчинахъ по 9 дворовъ крестьянскихъ да по 6 дворовъ бобыльскихъ, всего по 15 дворовъ въ чети [1]); да въ указѣ 140-году написано: За бояры и за окольничими и за думными людьми и за стольники и за стряпчими и за дворяны московскими и за дьяки и за жильцы и разныхъ городовъ за дворяны и за дѣтьми боярскими, за которыми помѣстья и вотчины на Олаторѣ и на Курмышѣ и за олаторцы и за курмышаны, за дворяны и за дѣтьми боярскими, за вдовами и за недорослями и за иноземцы и всякихъ чиновъ за людьми передъ Резанскими городы положено съ убавкою на живущую четь пашни—добрые земли по 5 дворовъ крестьянскихъ да по 3 двора бобыльскихъ, а за монастыри по 4 двора крестьянскихъ да по 2 двора болыльскихъ, а гдѣ за Олаторскими и за Курмышскими помѣщики и вотчинники крестьянъ не достанетъ и тутъ положено за одинъ дворъ крестьянской по полтора двора бобыльскихъ, а гдѣ за помѣщики и за вотчинники живутъ торговые и мастеровые люди и бѣлопашцы и они кладены въ живущую пашню съ бобыльскими дворы ровно. А въ Нижегородскомъ уѣздѣ за помѣщики и за вотчинники на живущую четь пашни добрые земли положено по 2 двора крестьянскихъ да по два двора бобыльскихъ, а въ монастырскихъ вотчинахъ на живущую четь положено по 3 двора крестьянскихъ и бобыльскихъ; и во 140-мъ же году по указу блаженные памяти великаго Государя и Святѣйшаго Государя Патріарха по челобитью дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые испомѣщены въ Нижегородскомъ уѣздѣ помѣстныя и вотчинныя ихъ земли въ живущемъ велѣно положить противъ Курмыша и Олаторя; да во 160-мъ году іюня въ 18 день блаженные памяти великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ слушавъ выписки указалъ и бояре приговорили за помѣщики и за вотчинники за которыми помѣстья и вотчины въ Мещерскомъ уѣздѣ положить на живущую пашню по 5 дворовъ крестьянскихъ, да по 3 двора бобыльскихъ, всего крестьянскихъ и бобыльскихъ по 8 дворовъ; а за монастыри по 4 двора крестьянскихъ да по 2 двора бобыльскихъ, всего по 6 дворовъ въ чети, а гдѣ за Мещерскими помѣщики и вотчинники крестьянъ не достанетъ и тутъ положить за одинъ дворъ крестьянской по полутора двора бобыльскихъ, а гдѣ за помѣщики и за вотчинники живутъ торговые и мастеровые люди и бѣлопашцы и ихъ класть въ живущую пашню съ бобыль-

[1]) Указъ 9-го ноября 139-го года здѣсь приведенъ не весь: опущены города Тула, Калуга и Рязань, размѣръ живущей четверти для которыхъ въ окончательномъ видѣ данъ въ первомъ указѣ (8-го января 139-го года), цитированномъ докладомъ.

скими дворы равно; а въ нынѣшнемъ во 192-мъ году великіе Государи Цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа великіе и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы и сестра ихъ великая Государыня благовѣрная Царевна и великая княжна Софія Алексѣевна слушавъ выписки изъ прежнихъ наказовъ указали и бояре приговорили въ наказы воловымъ писцамъ написать въ сошное письмо въ живущія чети класть, а по скольку дворовъ въ которомъ городѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ писать—того въ томъ ихъ великихъ Государей указѣ и въ боярскомъ приговорѣ не написано. И нынѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ по скольку дворовъ въ которыхъ городѣхъ въ живущую четь класть и великіе Государи Цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы что укажутъ. Въ указѣ блаженные памяти великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всеа Руссіи Самодержца и отца его Государева блаженные памяти великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича патріарха Московскаго и всеа Россіи 139 году за приписью дьяковъ Неупокоя Кокошкина, Василья Ключарева.

Прежнимъ воловымъ писцамъ за помѣщики и за вотчинники въ живущія четверти класть:

Въ Болховѣ.	Въ Мценску.	Въ Путивлѣ.
Въ Рылску.	Въ Курску.	На Воронежѣ.
Въ Бѣлевѣ.	Въ Ряску.	Въ Донковѣ.
На Лебедяни.	На Дѣдиловѣ.	На Веневѣ.
На Епифани.	На Соловѣ.	Въ Новосили.
Въ Кромахъ.	На Осколѣ.	Въ Одоевѣ.
На Черни.	На Елцѣ.	На Коломнѣ.
На Каширѣ.	Въ Серпуховѣ.	Въ Оболенску.
Въ Тарусѣ.	Въ Алексинѣ.	Въ Боровску.
Въ Калугѣ.	Въ Володимірѣ.	Въ Суздалѣ.
Въ Луху.	Въ Муромѣ.	Въ Юрьевѣ-Полскомъ.
Въ Касимовѣ.	На Балахнѣ.	Въ Гороховцѣ.
На Кинешмѣ.	Въ Шуѣ.	Въ Ярославлѣ.
На Костромѣ.	На Романовѣ.	Въ Пошехоньѣ.
На Вологдѣ.	Въ Ростовѣ.	Въ Галичѣ.

Всего въ 48-ми городѣхъ [1]) за помѣщики и за вотчинники по 8 дворовъ крестьянскихъ по 4 двора бобыльскихъ, всего по 12 дворовъ въ четверть, а въ патріаршихъ и въ митрополичьихъ и въ мо-

[1]) Всего выписано 45 городовъ; опущены: Псковъ, Дмитровъ. Малый-Ярославецъ, Ливны, Тула, Рязань, Переяславль-Залѣсскій.

настырскихъ вотчинахъ по 6 дворовъ крестьянскихъ по 3 двора бобыльскихъ, всего по 9 дворовъ въ четверть.

Въ Зубцовѣ.	Въ Вязмѣ.	Въ Торшку.
Въ Козелску.	На Угличѣ.	Въ Бѣжескомъ верху.
Въ Твери.	На Волоку.	Въ Масальску.
Во Брянску.	Въ Лихвинѣ.	Въ Воротынску.
Въ Перемышлѣ.	Въ Карачевѣ.	На Лукахъ.
Въ Торопцѣ.	Въ Холму.	Во Ржевѣ Пустой.

Всего въ 18 городѣхъ [1]) за помѣщики и за вотчинники по 12 дворовъ крестьянскимъ, по 8 дворовъ бобыльскихъ—всего по 20 дворовъ въ четверть; а въ патріаршихъ и въ митрополичьихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ по 9 дворовъ крестьянскихъ, по 6 дворовъ бобыльскихъ, всего по 15-ти дворовъ въ четверть; а гдѣ за помѣщики и за вотчинники живутъ торговые и мастеровые люди и бѣлопашцы и ихъ велѣно класть въ живущую пашню съ бобыльскими дворы равно, а гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достанетъ и тутъ положить за одинъ дворъ крестьянскій по 2 двора бобыльскихъ. Въ писцовыхъ книгахъ написано: Въ Московскомъ уѣздѣ въ Вереѣ, въ Можайску, въ Старицѣ— кладено въ живущую четверть по указу блаженные памяти великихъ Государей и по памятямъ изъ Помѣстнаго Приказу 134 и 135 и 136 и 137 году противъ первой статьи за помѣщики и за вотчинники по 12 дворовъ крестьянскихъ по 8 дворовъ бобыльскихъ, всего по 20 дворовъ [2]), а въ патріаршихъ и во властелинскихъ и въ монастырскихъ вотчинахъ по 9 дворовъ крестьянскихъ, по 6 дворовъ бобыльскихъ, всего по 15 дворовъ. Въ Нижегородскихъ писцовыхъ книгахъ написано: по указу блаженные памяти великихъ Государей 133 и 134 году за помѣщики и за вотчинники на живущую четь пашни добрые земли положено по

---

[1]) Опущены города: Ржевъ (на Волгѣ), Кашинъ, Бѣлоозеро, Медынь и Мещовскъ. Впрочемъ, Мещовскъ и не могъ быть включенъ въ приведенный перечень, такъ какъ окончательный размѣръ живущей четверти былъ установленъ для него въ 160-мъ году съ пониженіемъ числа крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ одной чети.

[2]) На стр. 159, не разъ упомянутаго труда Ю. В. Готье „Замосковный край въ XVII в.", приводится интересная выдержка изъ указа 134-го года (13-го октября), на основаніи котораго въ Московскомъ уѣздѣ „въ живущее" положено „крестьянъ по 12 человѣкъ, да бобылей по 8 человѣкъ", всего по 20 человѣкъ въ четверть. Вышеприведенное свидѣтельство докладной выписки не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что въ Московскомъ уѣздѣ живущая четверть составлялась изъ дворовъ (12 кр. + 8 боб.), а не изъ душъ, и что, говоря о 12, 8 и 20-ти „человѣкъ", указъ 134-го года разумѣетъ дворохозяевъ. Съ установленіемъ точнаго смысла указа 134-го года, отпадаютъ нѣкоторыя замѣчанія Ю. В. Готье, основанныя на буквальномъ пониманіи текста писцовой книги.

2 двора крестьянскихъ, по 2 двора бобыльскихъ, а въ монастырскихъ вотчинахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ по 3 двора, а въ Арзамасѣ въ живущую четь кладено противъ Нижняго. Въ указѣ блаженные памяти великаго Государя Царя и великаго князя Михаила Феодоровича всеа Русіи Самодержца и отца его Государева блаженные памяти великаго Государя Святѣйшаго Филарета Никитича Патріарха Московскаго и всеа Росіи 140-году написано: За которыми людьми помѣстья и вотчины на Алатарѣ и на Курмышѣ и за Алатарскими и Курмышскими помѣщики и вотчинники всякихъ чиновъ за людми передъ Рязянскими городы положено съ убавкою на живущую четь пашни добрые земли по 5 дворовъ крестьянскихъ, по 3 двора бобыльскихъ, всего по 8 дворовъ, а за монастыри по 4 двора крестьянскихъ по 2 двора бобыльскихъ, всего по 6 дворовъ. И во 140-мъ же году по указу блаженные памяти великаго Государя въ Нижегородскомъ уѣздѣ за помѣщики и за вотчинники въ живущемъ велѣно положить противъ Курмыша и Олатаря. Да во 160-мъ году блаженные памяти великій Государь Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ слушавъ выписки указалъ и бояре приговорили въ Мещерскомъ уѣздѣ за помѣщики и за вотчинники положить на живущую пашню по 5 дворовъ крестьянскихъ по 3 двора бобыльскихъ, всего по 8-ми дворовъ, а за монастыри по 4 двора крестьянскихъ, по 2 двора бобыльскихъ, всего по 6 дворовъ въ четь, а гдѣ за Мещерскими помѣщики и вотчинники крестьянъ не достанетъ и тутъ положить за одинъ дворъ крестьянскій по полутора двора бобыльскихъ; а гдѣ за помѣщики и за вотчинники живутъ торговые и мастеровые люди и бѣлопашцы и ихъ класть въ живущую пашню съ бобыльскими дворы равно, а въ живущую пашню клали писцы крестьянскіе дворы противъ указа, какъ въ которомъ городѣ указано на четь крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ класть гдѣ жилые крестьянскіе и бобыльскіе дворы по ихъ письму объявились хотя буде за помѣщики и за вотчинники четвертная и малая дача, а съ пустыхъ дачъ и съ большихъ чети въ живущіе платежу не писали. А въ писцовыхъ книгахъ въ живущую четь за патріархомъ и за властями и за монастыри и за помѣщики и за вотчинники крестьянскіе и бобыльскіе дворы въ тѣхъ вышеписанныхъ городахъ клажено противъ указу блаженные памяти великихъ Государей 137 и 138 и 139 году, а гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достало и тутъ положено за одинъ дворъ крестьянскій по 2 двора бобыльскихъ, а въ иныхъ статьяхъ въ тѣхъ же городовъ въ писцовыхъ книгахъ кладено не противъ того Государева указу больше и меньше, а для чего кладено не равно того въ тѣхъ писцовыхъ книгахъ имянно не написано; а въ сошное письмо въ Московскомъ уѣздѣ и въ горо-

дѣхъ четвертныя пашни кладено въ соху въ живущемъ и въ пустѣ за помѣщики и за вотчинники добрые земли по 800 чети, середніе по 1000 чети, худые по 1200 чети. А за патріархомъ и за властми и за монастыри кладено въ соху въ живущемъ и въ пустѣ, въ соху — добрые земли по 600 чети, середніе по 700, а индѣ по 700 чети, худые по 800, а индѣ по 900 чети. Въ старомъ наказѣ со 130 году писцомъ было написано: Церковныхъ пашенъ, у которые церкви старыхъ пашенъ четь на десять или на пятнадцать, или на двадцать, а въ сошное письмо не кладено и тѣхъ пашенъ въ сошное письмо не писать по старинѣ, а у которые церкви пашни больше 20 чети или которые церковные пашни изстари въ сошное письмо не писаны и писцамъ о тѣхъ пашняхъ писать къ великому Государю, а которыя будутъ церкви стали послѣ старыхъ писцовыхъ книгъ, а земель будетъ къ тѣмъ церквамъ нѣтъ—писцамъ къ тѣмъ церквамъ выдѣлять земли чети по 10 и по 15 и по 20 въ поль, а въ дву потому-жъ изъ помѣстныхъ изъ порозжихъ земель, которыя земли къ тѣмъ церквамъ подошли близко, а въ сошное письмо тѣхъ церковныхъ земель не класть; а въ писцовыхъ книгахъ церковныя земли въ сошное письмо и въ живущія чети во многихъ городѣхъ не писаны, а въ иныхъ городѣхъ въ сошное письмо и живущія чети писаны, а по какому указу писаны—того въ писцовыхъ книгахъ подлинно не написано. А въ нынѣшнемъ во 192 году великіе Государи Цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы и сестра ихъ великая Государыня Благовѣрная Царевна и великая княжна Софія Алексѣевна слушавъ выписки изъ прежнихъ наказовъ указали и бояре приговорили въ наказы валовымъ писцамъ написать въ сошное письмо и въ живущія чети класть, а поскольку въ которомъ городѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ живущую четь и въ соху четвертные пашни писать и церковныя земли въ живущія чети и въ сошное письмо писать ли того въ томъ ихъ великихъ Государей указѣ и въ боярскомъ приговорѣ не написано. И нынѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ по скольку дворовъ въ которыхъ городѣхъ и что въ соху четвертныя пашни за патріархомъ и за властми и за монастыри и за помѣщики и за вотчинники класть и церковныя земли въ живущія чети и въ сошное письмо писать-ли великіе Государи Цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы—что укажутъ". (Приказныя Дѣла кн. 28/5052, л. л. 259—266. Вотч. Отд. А. М. Ю.).

—

Наказъ переписчику 1678 года.

Реформаторскія попытки, произведенныя правительствомъ царя Феодора Алексѣевича по устройству поземельныхъ владѣній въ государствѣ, вылились въ форму двухъ мѣропріятій: переписи 1678 года и валового межеванія 1680—1682 годовъ. Къ 80-мъ годамъ 17 столѣтія поземельные кадастры временъ Михаила Феодорочa и Алексѣя Михайловича, а равно и данныя переписи 1646 года уже совершенно устарѣли. Въ составѣ населенія произошелъ рядъ крупныхъ измѣненій, обусловленныхъ частію эпидеміями 2-й половины 17-го вѣка, а, главнымъ образомъ, развитіемъ колонизаціоннаго движенія и вселеніемъ новыхъ элементовъ: полоняниковъ, приходцевъ и проч. Вмѣстѣ съ этимъ во многихъ мѣстахъ появились пустые дворы, заброшенныя пашни, а за ними и крупныя недоимки. Какъ были велики недоборы податей, можно судить по слѣдующему примѣру.

За пятилѣтіе 1672—1676 гг. съ посадовъ и уѣздовъ Устюга Великаго, Сольвычегодска, Тотьмы и Чаронды накопилось 64 тысячи рублей недоимокъ, при ежегодномъ окладѣ въ 48 тыс. рублей. Наиболѣе тяжела была, какъ извѣстно, стрѣлецкая подать: она составляла для названныхъ городовъ 75% оклада и 85% всей недоимки [1]) Кромѣ тяжести самыхъ окладовъ не малую роль при образованіи недоимокъ играли запустѣвшіе дворы; количество ихъ было настолько велико, что въ 1673 году жители 4 вышеназванныхъ городовъ просили о „Государевой милостивой пощадѣ, чтобъ Великій Государь пожаловалъ ихъ — свои Великого Государя денежные доходы, которые въ доимкѣ, велѣлъ съ нихъ сложить для того, что у нихъ въ городѣхъ и въ уѣздѣхъ учинилась многая пустота".

По этому челобитно недоимка за 1672 и 1673 годы была сложена, и въ 1674 году для дозора пустоты были посланы писцы на Устюгъ, Сольвычегодскъ, Тотьму и Чаронду. Черезъ годъ дозоръ былъ законченъ: впустѣ оказалось $308^1/_2$ вытей, съ которыхъ по ежегодному окладу шло около 5000 рублей, что составляетъ почти $^1/_3$ часть всей, падавшей на Устюгъ, суммы налоговъ. Двумя офиціальными источниками причины запустѣнія объяснялись въ общихъ чертахъ одинаково: писцы Петръ Измаиловъ да подьячій Алексѣй Мясковъ писали, что запустѣніе произошло отъ того, что съ Устюга Великаго взято 2407 человѣкъ, да умерло и сошло—2351 чел., воевода же Ив. Ржевскій еще ранѣе въ 1673 году извѣщалъ Устюжскую Четь (со словъ тяглыхъ лю-

---

[1]) Аналогичныя свѣдѣнія см. у А. Лаппо-Данилевкаго „Организація прямого облаженія" стр. 27.

дей), что въ солдаты взято—6000 чел., а сбѣжало въ Сибирь и другіе города 2351 чел.[1]) Такимъ образомъ одной изъ главнѣйшихъ причинъ запустѣнія сѣверныхъ городовъ кромѣ усиленныхъ наборовъ ратныхъ людей служило бѣгство населенія въ Сибирь и другіе города, иначе говоря, самовольная колонизація еще незаселенныхъ окраинъ. Въ такомъ же точно положеніи находились и замосковные уѣзды: въ первой половинѣ 17-го столѣтія населеніе ихъ возрастало въ слабой степени, растекаясь обильнымъ колонизаціоннымъ потокомъ на южную и восточную окраины государства[2]).

Значительное перемѣщеніе населенія и его непропорціональный ростъ въ различныхъ районахъ государстра, были, конечно, своевременно замѣчены правительствомъ, и въ царствованіе Алексѣя Михайловича не разъ дѣлались попытки къ частичному пересоставленію писцовыхъ книгъ. Кромѣ того, какъ сообщаетъ Татищевъ, „царь Алексѣй Михайловичъ желалъ во всемъ государствѣ земли измѣрить и размежевать, и наказъ сочиненъ былъ, но за его кончиною оное не начато". Изъ указа 7-го мая 1675 года, изданнаго незадолго до кончины царя Алексѣя, можно заключить о предполагавшейся въ то время посылкѣ валовыхъ писцовъ и мѣрщиковъ[3]).

Слѣдовательно, въ 70-хъ годахъ 17-го столѣтія правительство готовилось произвести во 1-хъ) новую перепись населенія, во 2 хъ) сплошной поземельный кадастръ, и въ 3) генеральное размежеваніе всѣхъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

Трудно сказать, въ какой формѣ и съ какимъ успѣхомъ было бы выполнено валовое письмо, преслѣдовавшее одновременно три грандіозныя по своей трудности задачи. Можно сказать одно, что если бы даже подобная работа и была выполнена, то въ длинный срокъ, измѣряемый чуть ли не десятками лѣтъ. Ходъ вещей подсказалъ правительству, что нужно избрать путь послѣдовательнаго осуществленія предположенныхъ мѣропріятій.

Такъ какъ старое сошное письмо едва ли удалось бы замѣнить новымъ въ короткій срокъ, то пришлось остановиться сначала на переписи населенія, чѣмъ, въ сущности, уже предопредѣлялось на-

---

[1]) Въ своемъ донесеніи воевода сообщилъ, что недоимку онъ правитъ жестокимъ правежомъ „по вся дни безъ спуску, а къ ночи сажаетъ въ тюрьму и за караулы", и что съ того правежа старцы Троицкаго монастыря и Филипповской пустоши привозятъ въ платежъ на съѣзжую избу „церковную утварь, книги, и ризы, и колокола, и всякое церковное украшеніе".

[2]) Ю. В. Готье. Замосковный край въ XVII в., стр. 264.

[3]) П. С. З. № 601. Какъ увидимъ далѣе, указъ объ этомъ состоялся только черезъ два года въ мартѣ 1677 года.

правленіе финансовой реформы, по крайней мѣрѣ на то время, пока не будетъ законченъ поземельный кадастръ.

Начало переписи было положено указомъ 1677 года, подлинное содержаніе котораго передаетъ одна выписка, изготовленная въ Приказѣ Устюжской Чети: „в указѣ Великаго Государя в Срѣлецкомъ Приказѣ, каковъ присланъ пс Помѣснаго Приказу в нынѣшнемъ 185 году Марта в 9 день написано:

Великій Государь царь и Великій князь Ѳедоръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ и бояре приговорили: послать во все государство ис Помѣснаго Приказу валовыхъ писцовъ и перепищикомъ быть имъ же и дворы переписывать прежъ валового письма, и тотъ ево Великого Государя указъ и боярскій приговоръ боярину князю Івану Борисовичу Рѣпнину [1]) сказанъ, и в зборѣ стрѣлецкихъ денегъ и хлѣба какъ впредь имать о томъ ево Великого Государя указъ будетъ в то время, какъ перепищики изо всѣхъ городовъ переписные свои книги въ Помѣсной Приказъ пришлютъ, а покамѣсть переписные книги присланы будутъ и стрѣлецкихъ доимочныхъ денегъ и хлѣба на прошлые годы по 184 годъ править не велено, а на 184 годъ и на нынѣшній 185 деньги и хлѣбъ взять и впредь имать, покамѣстъ по тѣмъ переписнымъ книгамъ указъ учиненъ будетъ, по прежнему окладу сполна“ [2]).

Содержаніе приведеннаго указа сводится, какъ видимъ, къ слѣдующимъ положеніямъ. 1) Недоимки въ сборѣ стрѣлецкихъ денегъ и хлѣба, накопившіяся къ началу 184 года, слагаются повсемѣстно. 2) Производство новой переписи мотивируется необходимостью пересмотра окладовъ стрѣлецкихъ денегъ и хлѣба [3]). 3) Перепись раз-

---

[1]) Начальнику Помѣстнаго Приказа.

[2]) Указъ 1677 года и свѣдѣнія о городахъ Устюгѣ Великомъ, Сольвычегодскѣ, Тотьмѣ и Чароидѣ взяты изъ документовъ Гл. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ: П. Д. С. Л. № 200 и 195.

[3]) Предположеніе П. Н. Милюкова, что причины, вызвавшія перепись 1678 года, стоятъ въ связи съ затруднительнымъ финансовымъ положеніемъ, такимъ образомъ, оправдывается въ полной мѣрѣ. (Государственное хозяйство, стр. 84).

Перепись 1646 года офиціально мотивируется другими соображеніями Такъ называемый писцовый наказъ 1646 года о переписи Московскаго уѣзда (А. А. Э. т. IV, № 14) составленіемъ переписныхъ книгъ преслѣдуетъ двѣ цѣли. Во-первыхъ, прикрѣпленіе крестьянъ и бобылей: „а какъ у крестьянъ и бобылей дворы ихъ перепишутъ и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти и братья и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ“. Во-вторыхъ, регистрацію бѣглыхъ крестьянъ: „писать тѣхъ (бѣжавшихъ) крестьянъ и бобылей... съ отцы и съ прозвищи и кто въ которомъ году выбѣжалъ въ указные въ десять лѣтъ, а далѣ десяти лѣтъ не писать“.

сматривается указомъ какъ одно изъ звеньевъ предстоящаго валового письма, причемъ указъ предполагаетъ, что переписчики послѣ переписи населенія приступятъ къ описанію земель всего государства [1]). 4) Валовое письмо всѣхъ земель государства указъ поручаетъ вѣдѣнію Помѣстнаго Приказа, чѣмъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ къ централизаціи писцового дѣла въ одномъ учрежденіи.

Въ началѣ 186 года (т.-е. въ концѣ 1677 г.) былъ составленъ наказъ переписчикамъ. Списокъ съ него, осложненный нѣкоторыми добавленіями случайнаго характера, печатается ниже.

Наказъ переписчикамъ мотивируетъ необходимость новой переписи слѣдующимъ образомъ.

Указавъ, что „всякія подати прежъ сего иманы и нынѣ на великаго Государя емлютъ по переписнымъ книгамъ 154 и 155 году“, наказъ продолжаетъ: „а въ нынѣшнемъ во 186 году великому Государю . . . . вѣдомо учинилось: въ городахъ съ посадовъ посадскіе жилецкіе люди взяты въ службу, а иные отъ скудости собою сошли въ иные городы, а въ уѣздѣ помѣщики и вотчинники изъ помѣстій своихъ и изъ вотчинъ крестьянъ и бобылей перевели иныхъ городовъ въ уѣзды на помѣстныя и на вотчинныя свои земли, а инне волею Божіею въ моровое повѣтріе померли и разбѣжались, и отъ того села и деревни и починки омалолюдили и запустѣли“.

Здѣсь мы видимъ довольно подробный перечень причинъ, вызвавшихъ опустѣніе когда-то населенныхъ районовъ. Бросается въ глаза отсутствіе всякихъ указаній на естественный приростъ населенія, который самъ по себѣ могъ бы служить достаточнымъ поводомъ для вторичной переписи населенія черезъ 30 лѣтъ послѣ первой. Но изъ этого обстоятельства, конечно, не слѣдуетъ выводить, что мысль о періодичности переписей была чужда Московской Руси 17-го вѣка; повидимому, тотъ стихійный сдвигъ населенія, который имѣлъ мѣсто

Но, какъ уже замѣтилъ П. Н. Милюковъ, составленіе переписныхъ книгъ 1646 года несомнѣно вызывалось и финансовыми цѣлями, такъ какъ немедленно послѣ ихъ составленія былъ введенъ новый экстренный сборъ на жалованье ратнымъ людямъ по двѣ гривны со двора (Госуд. Хозяйство, стр. 71). Итакъ, обѣ переписи и 1646 и 1678 гг. были направлены для удовлетворенія финансовыхъ цѣлей правительства, но для первой онѣ имѣли значеніе побочное, а для второй доминирующее. Нельзя не отмѣтить также, что мысль о переписяхъ возникала именно въ такіе моменты, когда въ правительственныхъ кругахъ оживлялся интересъ къ крупнымъ финансовымъ реформамъ.

[1]) По разнымъ причинамъ (въ силу внутреннихъ и внѣшнихъ осложненій и связанныхъ съ ними перерывовъ въ валовомъ письмѣ) предположеніе указа не осуществилось, и можно насчитать немного случаевъ, когда бывшіе переписчики выступали впослѣдствіи въ роли валовыхъ межевщиковъ.

во второй половинѣ 17-го столѣтія, былъ настолько замѣтенъ и значителенъ, что вниманіе составителей наказа было всецѣло поглощено рѣзкими явленіями именно этого порядка. Исключивъ изъ перечня тѣхъ причинъ, которыя по мнѣнію наказа, обусловили необходимость новой переписи, массовую смертность отъ морового повѣтрія, мы найдемъ, что опустѣніе многихъ городовъ офиціально объясняется: во-первыхъ, обременительнымъ рекрутированіемъ посадскихъ людей на военную службу; во-вторыхъ, бѣгствомъ тяглыхъ людей отъ скудости въ иные города; въ третьихъ, перемѣщеніе земледѣльческаго населенія по волѣ землевладѣльцевъ съ однѣхъ земель на другія.

Такимъ образомъ, правительство, въ сущности говоря, было встревожено непрерывнымъ колонизаціоннымъ потокомъ, частію самовольнымъ, частію закономѣрнымъ [1]), который нарушилъ справедливость обложенія по старымъ переписнымъ книгамъ и обусловилъ необходимость новаго учета и населенія и земель.

Прежде чѣмъ переходить къ обязанностямъ переписчика, отмѣтимъ, что наказъ, спискомъ съ котораго мы пользуемся, имѣетъ въ виду тотъ случай, когда посылаемый для переписи чиновникъ является на смѣну ранѣе работавшаго лица и долженъ продолжить начатое дѣло. Прежній переписчикъ именуется въ наказѣ Александромъ, безъ обозначенія его прозвища и чина, такъ какъ новый переписчикъ совсѣмъ не названъ, то трудно сказать какой переписчикъ былъ смѣненъ во время переписи. Повидимому рѣчь идетъ о переписчикѣ Балахнинскаго уѣзда Александрѣ Жедринскомъ, который къ 5-му января 186 года закончилъ перепись посадскихъ дворовъ и началъ переписывать Жарскую волость въ сотрудничествѣ съ подъячимъ Харламомъ Юрловымъ [2]). Судя по наказу, 26-го января того же года Жедринскій былъ смѣненъ, такъ какъ Государь „указалъ его перемѣнить, для того, что ему быть на его великаго Государя службѣ“. Съ нашимъ предположеніемъ, что въ наказѣ переписчику говорится

---

[1]) Здѣсь важно отмѣтить выводъ Ю. В. Готье, что направленія вольной и частновладѣльческой колонизаціи были одинаковы и неизмѣнно приводили къ сползанію населенія съ сѣвера на югъ. (Замосковный край въ XVII в., стр. 282, 270—284). Ростъ 16 городовъ южной окраины за 9-лѣтіе 1677—1686 гг. выразился слѣдующими цифрами: вмѣсто 9006 дворовъ, бывшихъ въ 1677 году, въ 1686 г. стало уже 13.386. (И. Миклашевскій. Къ исторіи хозяйственнаго быта, стр. 209—210), т.-е. на 4380 дворовъ или на 48,6% больше. Исходя изъ размѣра ежегоднаго естественнаго прироста населенія М. Руси второй половины XVII вѣка въ 1%, найдемъ, что изъ указанныхъ 4.380 новопоставленныхъ дворовъ около 3 000—3.500, т.-е. 70—80% всего прироста, обязаны своимъ возникновеніемъ правительственной и самовольной колонизаціи.

[2]) Описаніе докум. и бумагъ А. М. Ю., т. 1, № 48.

именно объ Александрѣ Жедринскомъ согласуется то обстоятельство, что часть той же Жарской волости, Балахнинскаго уѣзда (владѣнія Тр.-Сергіева монаст.), была закончена 25-го февраля другимъ переписчикомъ Семеномъ Ивановичемъ Колычевымъ. Далѣе, въ наказѣ новому переписчику содержится весьма важное указаніе на то, смѣна Александра (Жедринскаго) не затрагиваетъ положенія подьячихъ его партіи: „подьячимъ съ нимъ быть тѣмъ же, которые были". И мы дѣйствительно видимъ, что Харламъ Юрловъ въ февралѣ 1678 года работаетъ уже съ Семеномъ Ивановичемъ Колычевымъ. Наконецъ, наказъ переписчику говоритъ о переписи не одного посада и уѣзда, а нѣсколькихъ, съ чѣмъ также согласуются наши свѣдѣнія о дѣятельности Семена Колычева, который переписывалъ населеніе на Балахнѣ и Гороховцѣ [1]).

Замѣтимъ, что одному переписчику при переписи 1678 года поручалось иногда два и даже болѣе городовъ, при чемъ переписной участокъ нерѣдко составлялся изъ нѣсколькихъ даже несмежныхъ между собою волостей, разбросанныхъ въ разныхъ уѣздахъ.

Вотъ примѣры. Переписчикъ Мих. Петр. Воейковъ переписалъ города Котельничъ, Орловъ, Слободской и Шестаковъ; Романъ Федоровъ Матовъ переписывалъ Коломну (1678 г.) и Рязань (1677 г.); стольникъ Афанасій Денис. Фонъ-Визинъ — Архангельскъ, Холмогоры и Двинскій уѣздъ; Афанасій Ильичъ Шишкинъ — Путивль и Рыльскъ; Семенъ Ивановичъ Колычевъ — Балахну и Гороховецъ; князь Яковъ Ивановичъ Вяземскій — Лухъ и Юрьевецъ-Поволгскій [2]).

---

[1]) Описаніе докум. и бум. А. М. Ю. №№ 49, 444.

[2]) Опис. док. и бум. А. М. Ю., т. I. №№ 1135, 1939, 2496, 2888; 1027, 2374; 40, 2772; 2077 и 2164; 49, 444; 1215, 2904.

При переписи 1646 года такой сложный составъ переписного участка наблюдается чаще. Вели перепись въ нѣсколькихъ городахъ слѣдующія лица:

1) Аф. Ф. Бобарыкинъ — въ Бѣлгородѣ, Корочѣ, Осколѣ и Яблоновѣ. (№№ 106, 1070, 1942, 2933).

2) Р. Ф. Бобарыкинъ—въ Вязьмѣ и Можайскѣ. (№№ 366, 367, 1266).

3) Д. П. Волынскій—въ Боровскѣ, Кременскѣ, Малоярославцѣ и Медыни. (№№ 74, 75, 1143, 1221, 1233).

4) Б. С. Змѣевъ — въ Василѣ, Цивильскѣ и Ядринѣ. (№№ 151, 2786, 2934).

5) Б. И. Камынинъ — въ Боровскѣ, Вереѣ и Можайскѣ. (№№ 76, 187, 1267).

6) А. Гр. Ладыженскій — въ Козьмодемьянскѣ, Чебоксарахъ и Царевококшайскѣ (№№ 1003, 1004, 2782, 2789).

7) У. С. Фофановъ—въ Алексинѣ, Калугѣ, Оболенскѣ, Серпуховѣ и Тарусѣ. (№№ 9, 865, 1893, 2466, 2584).

Обязанности новаго переписчика (Семена Колычева) прежде всего заключались въ пріемкѣ переписныхъ книгъ отъ прежняго переписчика, который долженъ былъ скрѣпить своей подписью уже изготовленныя имъ книги.

Далѣе наказъ предписываетъ произвести сыскъ о дѣйствіяхъ смѣняемаго лица: „какія тягости и тѣсноты онъ не чинилъ ли и кормовыя деньги имáлъ противу указу-ль великаго Государя, или не противъ указа великаго Государя лишнія кормовыя деньги". Такъ какъ, судя по наказу, на Александра (Жедринскаго) жалобъ со стороны населенія не было, то на ревизію его дѣйствій нужно смотрѣть какъ на одинъ изъ обычныхъ способовъ, при помощи которыхъ центральная власть осуществляла свой надзоръ за производствомъ переписи независимо отъ желаній и челобитій мѣстнаго населенія. Такую ревизію легко было произвести напр. при смѣнѣ переписчиковъ или черезъ особо посланныхъ ревизоровъ. Примѣромъ послѣдняго рода можетъ служить стольникъ князь Яковъ Ивановичъ Вяземскій. Въ 1646 году онъ переписывалъ г. Старицу, а черезъ 32 года мы снова видимъ его въ качествѣ переписчика; такъ въ мартѣ 1678 года онъ переписалъ въ Юрьевцѣ-Поволгскомъ Городенскую волость, а въ апрѣлѣ—г. Лухъ съ уѣздомъ. Въ томъ же 1678 году, разъѣзжая по дѣламъ переписи, князь Вяземскій допрашивалъ посадскихъ людей г. Шуи о томъ, что бывшій въ декабрѣ м-цѣ 1677 года переписчикъ посада Данило Ивановъ сынъ Гурьевъ „тягости и тѣсноты имъ какой въ городѣ не учинилъ, и кормовые деньги имáлъ противъ указу ли, или не противъ указу великаго государя лишніе кормовые деньги" [1]).

Земскій староста и посадскіе люди на допросѣ сказали, что онъ Данило имъ тягости и тѣсноты никакой не учинилъ и кормовыя деньги имáлъ противъ указу великаго государя.

Изъ этого можно заключить, что ревизія князя Вяземскаго была назначена не по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ, а по усмотрѣнія самой администраціи. Обязанности ревизора по переписи г. Шуи были возложены на князя Вяземскаго, кажется, потому, что ему нужно было

8) Н. Ф. Мещерскій (князь)—въ Путивлѣ, Рыльскѣ и Сѣвскѣ. (№№ 2076, 2163. 2579).

9) Д. М. Несвицкій (князь)—въ Орлѣ и Кромахъ. (№№ 1146, 1923).

10) Ф. П. Неѣловъ—въ Коломнѣ и Каширѣ (№№ 921, 922, 1015, 1016).

11) Н. Т. Фустовъ—въ Кевролѣ и Мезени. (№№ 951. 952, 1237, 1238).

12) И. И. Шаховской (князь)—въ Соловѣ и Тулѣ. (№№ 2506, 2677).

13) Д. К. Щербатый—въ Рузѣ и Волоколамскѣ. (№№ 328, 2144).

14) О. М. Юшковъ—въ Воронежѣ и Лебедяни. (№№ 339, 1168).

15) И. Ф. Яновъ—въ Ефремовѣ и Мценскѣ. (№№ 787, 1647).

[1]) Ю. В. Готье. Замосковный край въ XVII в., стр. 96.

заѣхать въ Шую за подьячимъ Кузьмой Копюховымъ, который ранѣе работалъ съ шуйскимъ переписчикомъ, а послѣ окончанія переписи въ г. Шуѣ былъ откомандированъ помощникомъ къ князю Вяземскому и писалъ съ нимъ въ Юрьевцѣ-Поволгскомъ и Лухѣ.

Можно думать, что Помѣстный Приказъ, не имѣя особыхъ должностныхъ лицъ — ревизоровъ переписи или кадастра, пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, была ли то перемѣна одного переписчика другимъ или случайный проѣздъ компетентнаго лица черезъ тотъ или другой городъ, чтобы допросить мѣстное населеніе о дѣйствіяхъ переписчиковъ.

Работа переписчика на мѣстѣ слагалась, по наказу 1678 года, изъ слѣдующихъ двухъ моментовъ: 1) отобранія отъ населенія сказокъ и 2) изъ составленія переписныхъ книгъ.

Наказъ предписываетъ переписчикамъ „прежъ переписи“ потребовать отъ земскихъ старостъ и посадскихъ людей, отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и ихъ прикащиковъ—подробныя сказки за подписями владѣльцевъ или отцовъ ихъ духовныхъ руками о количествѣ живущаго на ихъ земляхъ населенія съ обозначеніемъ дворовъ и жильцовъ въ каждомъ. Посадскіе люди должны были обозначать въ сказкѣ имена дворохозяина, его дѣтей, братьевъ, племянниковъ, внучатъ, сосѣдей и подсосѣдниковъ, а владѣльцы селъ и деревень — число состоящихъ за ними крестьянскихъ, бобыльскихъ и людскихъ дворовъ, также съ обозначеніемъ имени каждаго дворохозяина, его дѣтей, братьевъ, племянниковъ, сосѣдей, подсосѣдниковъ и захребетниковъ. Переписывались только лица мужского пола по именамъ, съ „отцы и прозвищи“ и съ указаніемъ сколько кому лѣтъ [1]).

Помѣщикамъ, вотчинникамъ и монастырямъ, а также ихъ прикащикамъ или старостамъ переписчикъ объявлялъ, чтобы они „у переписки“ крестьянъ и бобылей не таили, людей изъ нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ не переводили, чужихъ крестьянъ и бобылей заочно за собой не писали, а крестьянъ своихъ и бобылей „людьми“ или служками и дѣтенышами не называли [2]).

---

[1]) Впрочемъ, съ полной опредѣленностью наказъ высказывается только объ обозначеніи возраста несовершеннолѣтнихъ. О регистраціи возраста, хотя бы однихъ несовершеннолѣтнихъ, наказъ 1646 года совсѣмъ умалчиваетъ.

[2]) Такое же требованіе содержится и въ наказѣ 1646 года. По этому последнему наказу, переписчикъ долженъ былъ до составленія сказокъ и начала переписи вычитывать населенію втеченіе нѣсколькихъ дней указы Государя о правилахъ переписи и послѣдствіяхъ утайки и недобросовѣстности, и уже послѣ такого объявленія отбирать отъ владѣльцевъ и ихъ прикащиковъ сказки о крестьянскихъ, бобыльскихъ и людскихъ дворахъ. Приблизительно то же самое дѣлали и переписчики по наказу 1678 года.

Наказъ предвидитъ тотъ случай, когда владѣльцы станутъ писать за собой чужихъ крестьянъ, надѣясь, очевидно, что послѣ записи въ переписныя книги такіе крестьяне будутъ имъ крѣпки.

Переписчикъ обязанъ былъ разъяснить, что споръ о неправильно записанныхъ крестьянахъ будетъ разрѣшаться на основаніи крѣпостей и что, послѣ отдачи крестьянъ дѣйствительному владѣльцу, лицо, показавшее ихъ своими, будетъ платить за пустые дворы, какъ за жилые [1]).

Относительно дѣтенышей и служекъ въ монастырскихъ владѣніяхъ переписчикъ долженъ былъ распросить прикащиковъ „откуда у нихъ тѣ дѣтеныши и служки пришли и сколь давно за ними живутъ", и затѣмъ записать ихъ въ книги особой статьей.

Точно также относительно дворовыхъ людей помѣщики и вотчинники должны были въ сказкахъ написать, какія у нихъ на тѣхъ людей крѣпости: кабальныя, купленныя, старинныя или полонныя. Въ послѣднемъ случаѣ, въ сказкѣ нужно было показать, гдѣ такія полонныя крѣпости записаны [2]). Наказъ очень опредѣленно говоритъ, что всѣхъ частновладѣльческихъ дворовыхъ людей переписчикъ долженъ былъ заносить въ переписныя книги „противъ сказокъ", т.-е. не требуя крѣпостей [3]). Съ этимъ выводомъ совпадаютъ документальныя извѣстія о дѣйствіяхъ переписчиковъ. Такъ напр., въ 1678 г. тверскіе переписчики объявили владѣльцамъ, чтобъ они „про дворовыхъ и дѣловыхъ и задворныхъ людей. . . везли въ Тверь сказки за руками. . . . а въ сказкахъ писали именно, какія у нихъ на тѣхъ людей крѣпости". Розсыльщики, вернувшись изъ уѣзда, подали писцамъ свои доѣзды, въ которыхъ написали, что „тверскіе помѣщики и вотчинники высланы на службу великаго государя, а прикащики и старосты имъ сказали, что безъ помѣщиковъ и вотчинниковъ на дворовыхъ, и дѣловыхъ, и задворныхъ людей про крѣпости не вѣдаютъ". Прикащики и старосты могли, конечно, не имѣть на рукахъ всѣхъ

---

[1]) Въ наказѣ 1646 года кара за подобное преступленіе опредѣлена словами: „быть отъ Государя... въ опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ".

[2]) О закрѣпленіи полонныхъ людей см. Ю. В. Готье. Замосковн. край стр. 292—3.

[3]) Тѣмъ не менѣе нѣкоторые переписчики 1678 г. пересматривали крѣпости на дворовыхъ людей и въ случаѣ непредъявленія ихъ писали, что владѣлецъ „крѣпостей не положилъ". Переписчики 1646 года были обязаны „досматривать" крѣпости на крѣпостныхъ людей, а про старинныхъ людей, поставя ихъ передъ собой, распрашивать „сколь давно тѣ люди за ними (владѣльцами) живутъ, и изъ которыхъ мѣстъ и изъ-за кого имянемъ они пришли". Такой же допросъ производился относительно монастырскихъ служекъ и дѣтенышей.

крѣпостныхъ документовъ помѣщика, и извѣстили переписчиковъ, что сообщить свѣдѣнія о крѣпостяхъ на дворовыхъ людей имъ невозможно. Въ этомъ отвѣтѣ едва ли слѣдуетъ усматривать признаки злонамѣренности населенія и попытокъ его скрыть отъ переписчиковъ истинное положеніе дѣла, какъ предполагаетъ Ю. В. Готье [1]). Да и самый пересмотръ крѣпостей на дворовыхъ людей уже былъ едва ли цѣлесообразенъ. Учетъ земель по крѣпостямъ оправдывался серьезными соображеніями, такъ какъ въ основѣ его лежалъ тотъ принципъ, что всѣ излишки, находящіеся у владѣльцевъ противъ крѣпостей, принадлежатъ государству. Точно также при переписи 1646 года досмотръ крѣпостей имѣлъ цѣлью отдѣлить нетяглые дворы отъ тяглыхъ и учитать количество послѣднихъ безъ преуменьшенія.

Въ послѣдней же четверти 17-го вѣка, когда сложилось рѣшеніе привлечь къ тяглу людскіе дворы на равномъ основаніи съ крестьянскими, предъявленіе или непредъявленіе крѣпостей на дворовыхъ людей было уже совершенно безразлично для финансовыхъ интересовъ государства.

Какъ любопытную черту наказа 1678 года отмѣтимъ, что онъ, въ противоположность наказу 1646 года, не содержитъ никакихъ правилъ о регистраціи бѣглаго населенія.

На основаніи представленныхъ владѣльцами и ихъ прикащиками сказокъ составлялись и самыя переписныя книги, причемъ наказъ не содержитъ ясно выраженнаго требованія о непремѣнномъ пересмотрѣ на мѣстѣ всѣхъ помѣченныхъ въ сказкѣ лицъ [2]). Наказъ, повидимому,

---

[1]) Замосковн. край въ XVII в., стр. 95—95.

[2]) Такое требованіе имѣется въ наказѣ 1646 года: „а взявъ у нихъ (владѣльцевъ) сказки за ихъ руками, и тѣхъ дворовъ и во дворехъ людей пересмотрѣть и переписать самимъ всѣхъ на лицо“. Въ случаѣ, если бы оказался лишекъ противъ сказокъ, то онѣ возвращались владѣльцамъ для исправленія. Такимъ путемъ правительство стремилось получить точное соотвѣтствіе между содержаніемъ переписныхъ книгъ и владѣльческихъ сказокъ, при которомъ всякія жалобы населенія на невѣрность переписныхъ книгъ были бы уже совершенно невозможны. Эта цѣль не была достигнута при переписи 1646 года, и наказъ 1678 года не дѣлаетъ никакихъ попытокъ къ исправленію невѣрно составленныхъ сказокъ. По наказу 1646 года, прописка въ сказкѣ 2 — 3 человѣкъ на 100 въ вину владѣльцу не ставилось. За каждаго же утаеннаго крестьянина отбиралось по 50 четвертей земли на Государя, а самихъ крестьянъ отдавали тому, кто доведетъ объ утайкѣ.

Самый пересмотръ сельскаго населенія по наказу 1646 года происходилъ при дѣятельномъ участіи мѣстныхъ людей: переписчики при объѣздѣ становъ и волостей должны были „для подкрѣпленья . . . . . имать по селамъ и по деревнямъ старожилцовъ, прикащиковъ, и старостъ, и цѣловальниковъ и лутчихъ крестьянъ человѣка по три и по четыре, и велѣть имъ ѣздить за собою

имѣетъ въ виду точный учетъ не населенія по числу душъ, а только дворовъ, поэтому переписчики должны были провѣрить на мѣстѣ, вѣрно ли въ сказкахъ каждаго владѣльца проставлено число крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Это правило выражено наказомъ въ очень смутной формѣ: „а какъ помѣщики и вотчинники всякихъ чиновъ люди и ихъ прикащики подадутъ сказки и имъ (переписчикамъ) сверхъ тѣхъ сказокъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ досматривать самимъ". Дворы, оказавшіеся „сверхъ сказокъ", записывались въ книги особой статьей.

Изготовить переписныя книги окончательно „въ отдѣлкѣ", т.-е. съ подведеніемъ итоговъ [1]) наказъ предписываетъ къ 1-му Апрѣля 186 года. Это требованіе, конечно, не означаетъ, что переписныя книги всѣмъ городамъ предполагалось составить къ 1-му Апрѣля: перепись 1678 года, какъ извѣстно, продолжалась въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и въ апрѣлѣ и даже въ маѣ мѣсяцахъ [2]).

Общія требованія наказа сводятся къ выполненію переписчиками возложеннаго на нихъ дѣла не оплошно, безъ промедленія, не наровя никому и не принимая отъ заинтересованныхъ лицъ никакихъ „взятокъ". Ослушникамъ наказъ грозитъ жестокимъ наказаньемъ, казнью безъ пощады и отпискою помѣстій и вотчинъ безповоротно [3]).

Расходы мѣстнаго населенія на содержаніе переписчиковъ опредѣлены наказомъ не точно. Размѣръ кормовыхъ денегъ въ немъ не

тѣмъ, которые въ селехъ и въ деревняхъ за кѣмъ крестьянъ и бобылей имяны знаютъ". Показаніями этихъ лицъ переписчики пользовались для раскрытія утаекъ и повѣрки сказокъ землевладѣльцевъ. Въ условіяхъ переписи 1678 г. такой способъ контроля владѣльческихъ сказокъ былъ уже не нуженъ, и наказъ 1678 года о немъ не упоминаетъ.

[1]) Наказы переписчикамъ 1646 и 1678 гг. одинаково говорятъ о томъ, что людскіе дворы нужно писать особой статьей, и что въ переписныхъ книгахъ нужно выставить общее количество дворовъ и живущихъ въ нихъ крестьянъ и бобылей „порознь по статьямъ". Но о томъ, какъ должны подсчитываться холопскіе дворы, наказы умалчиваютъ; поэтому тотъ фактъ, что въ переписныхъ книгахъ 1646 года, въ противоположность книгамъ 1678 года, итоги холопскому населенію не подведены, нужно объяснять не различіемъ въ инструкціяхъ и указахъ о переписи, а другими причинами. Очевидно, кромѣ инструкцій, переписчики руководились также общимъ характеромъ предпринимаемой правительствомъ мѣры, и въ соотвѣтствіи съ этимъ удѣляли холопскому населенію то большее, то меньшее вниманіе. Ср. Ю. Готье. Зам. кр. стр. 132.

[2]) Въ видѣ исключенія укажемъ на перепись г. Хлынова, которая производилась въ августѣ мѣсяцѣ 1678 года. Описаніе докум. и бумагъ А. М. Ю. №№ 2768, 2769.

[3]) Такое же наказаніе въ соотвѣтствующемъ случаѣ налагалось на переписчиковъ по наказу 1646 года.

указанъ, сдѣлана только ссылка, что ихъ нужно взимать противъ государева указа [1]).

Подводы для перевозки переписчика отъ села до села и отъ деревни до деревни должны были поставляться мѣстнымъ населеніемъ въ такомъ количествѣ: переписчику—8, старому подьячему—2, молодымъ по одной [2]).

Свою партію переписчикъ комплектовалъ уже на мѣстѣ. Старый подьячій назначался ему изъ Помѣстнаго Приказа, молодыхъ же подьячихъ, а равно стрѣльцовъ и пушкарей для разсылки въ количествѣ не болѣе 3 человѣкъ, онъ получалъ отъ мѣстнаго воеводы, которому объ этомъ посылались особыя грамоты изъ Помѣстнаго Приказа.

Таковы тѣ общія начала, на основаніи которыхъ производилась въ 1678 году перепись населенія, имѣвшая цѣлью доставить правительству надежныя свѣдѣнія для временнаго (впредь до завершенія новаго поземельнаго кадастра) распредѣленія податей и налоговъ,

---

„Списокъ съ перепищикова наказу 186-го году".

„Лѣта 7186 году Генваря въ 26-й день—великій Государь Царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ ѣхать . . . . . . въ уѣздъ въ станы и волости въ Патріарши и въ Митропольи и во Архіепископли и Епископли и въ Монастырскія вотчины и на церковныя земли, и бояръ и окольничныхъ и думныхъ людей и стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ Московскихъ и жильцовъ и Городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцовъ и отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и вдовъ и недорослей всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ ихъ и въ вотчины, въ села и въ деревни и въ починки для того . . . . города съ посадскихъ людей и тѣхъ городовъ уѣзду съ помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ, съ селъ и деревень и съ починковъ всякія подати прежъ сего иманы и нынѣ на великаго Государя емлютъ по переписнымъ книгамъ 154 и 155 году; а въ нынѣшнемъ во 186 году великому Государю Царю и Великому князю Феодору Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу

---

[1]) Во время переписи 1678 года переписчикъ получалъ наравнѣ съ остальною частью его партіи 6 алтынъ 4 деньги въ день. А. С. Лаппо-Данилевскій. Организація прямого обложенія, стр. 204.

[2]) Такимъ же образомъ наказъ 1640 года опредѣляетъ количество подводъ, слѣдуемыхъ переписчику и старому подьячему.

вѣдомо учинилось: въ городѣхъ съ посадовъ посадскіе жилецкія люди взяты въ службу, а иные отъ скудости собою сошли въ иные городы, а въ уѣздѣ помѣщики и вотчинники изъ помѣстей своихъ и изъ вотчинъ крестьянъ и бобылей перевели иныхъ городовъ въ уѣзды на помѣстныя и на вотчинныя свои земли, а иные волею Божію въ моровое повѣтріе померли и разбѣжались и отъ того села и деревни и починки омалолюдили и запустѣли и въ нынѣшнемъ во 186-мъ году по указу великаго Государя Царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца . . . . . для переписки на посады посадскихъ людей, а въ уѣздъ за помѣщики и за вотчинники крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ посланъ Александръ . . . . . . А нынѣ великій Государь Царь и великій князь Феодоръ Алексѣевичъ всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ указалъ его перемѣнить для того, что ему быть на его великаго Государя службѣ и . . . . . . пріѣхавъ взять у переписныхъ книги сколько до его пріѣзду переписано и къ тѣмъ книгамъ велѣть ему руку приложить, а посадскихъ людей и . . . . . . уѣздехъ—уѣздныхъ людей которыхъ переписывалъ допросить какія тягости и тѣсноты онъ не чинилъ-ли и кормовыя деньги ималъ противу указу-ль великаго Государя, или не противъ указа великаго Государя лишнія кормовыя деньги; а будетъ у него на посадехъ и въ уѣздахъ за помѣщики и за вотчинники чего не дописано и ему и подьячему тѣхъ городовъ на посадѣ у земскихъ старостъ и у посадскихъ людей въ уѣздехъ, въ селахъ и въ деревняхъ у помѣщиковъ и у вотчинниковъ и у прикащиковъ прежъ переписи взять сказки за ихъ и за отцовъ ихъ духовныхъ руками, что . . . . . , на пасадехъ посадскихъ людей и у нихъ дѣтей и братьи и племянниковъ и внучатъ и сосѣдей и подъ сосѣдниковъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ переписывалъ, и въ уѣздахъ за помѣщики и за вотчинники крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и въ нихъ людей по имянамъ и у тѣхъ крестьянъ и бобылей дѣтей и братьи и племянниковъ и сосѣди и подсосѣдниковъ и недорослей сколькихъ лѣтъ, а взявъ сказки; тѣ недописныя на посадѣ-посадскихъ людей и въ уѣздѣ за помѣщики и за вотчинники крестьянскіе и бобыльскіе дворы переписать по сему великаго Государя наказу; а того имъ беречь накрѣпко и прикащикамъ сказать чтобъ у переписки никто крестьянъ и бобылей не таили, и изъ двухъ и изъ трехъ дворовъ въ одинъ дворъ людей не переводили и чужихъ крестьянъ и бобылей ничьихъ заочно за собою не писали, а въ монастыряхъ крестьянъ-бы служками и дѣтенышами не пазывали, а кто учнетъ дворы крестьянскіе и бобыльскіе и въ нихъ людей называть служками и дѣтенышами и про тѣхъ людей—тѣхъ приказныхъ людей распрашивать откуда у

нихъ тѣ дѣтеныши и служки пришли и сколь давно за ними живутъ и писать въ книги особъ статьею; а у помѣщиковъ и у вотчинниковъ у самихъ, а которыхъ самихъ не будетъ у ихъ прикащиковъ или у старостъ по тому-жъ взять сказки за руками, что въ тѣхъ селехъ и въ деревняхъ и на починкахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ и въ нихъ людей по имяномъ и у нихъ дѣтей и братью и племянниковъ сосѣдъ и подсосѣдниковъ и захребетниковъ съ отцы и съ прозвищи и недорослей сколькихъ лѣтъ и помѣщикамъ и вотчинникамъ и приказчикамъ сказать и самимъ имъ...... того беречь накрѣпко, чтобъ у переписки крестьянъ и бобылей не таили и изъ дву и изъ трехъ дворовъ въ одинъ дворъ людей не переводили и чужихъ крестьянъ и бобылей ни чьихъ заочно за собою не писали и крестьянъ своихъ людми не называли, а которые помѣщики и вотчинники и ихъ прикащики и старосты станутъ у переписки сказывать, что въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ во дворехъ живутъ дворовые люди, а не вотчинные и не помѣстные крестьяне и ихъ писать противъ сказокъ, а въ сказкахъ помѣщикамъ и вотчинникамъ и ихъ прикащикамъ писать про тѣхъ людей имянно, какія у нихъ на нихъ крѣпости кабальныя-ль или купленныя или полонныя, или старинныя, и буде полонныя и гдѣ они записаны, а буде старинныя какія у нихъ на старину крѣпости; а въ сказкахъ крестнаго цѣлованія и Евангельской заповѣди писать не велѣть, а велѣть писать просто, а какъ помѣщики и вотчинники всякихъ чиновъ люди и ихъ прикащики подадутъ сказки и имъ...... сверхъ тѣхъ сказокъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ досматривать самимъ, а буде за которыми помѣщики и вотчинники крестьянскіе и бобыльскіе дворы объявятся сверхъ сказокъ и тѣ дворы писать въ книги особъ статьею; а тоимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ сказывать, будетъ кто напишетъ за собою чужихъ крестьянъ и бобылей, а послѣ того тѣ крестьяне и бобыли прежнимъ помѣщикамъ и вотчинникамъ по крепостямъ будутъ отданы и съ тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ за тѣ пустые дворы укажетъ великій Государь имать всякіе пожитки противъ жилыхъ дворовъ, а которые помѣщики и вотчинники послѣ переписныхъ книгъ на пустыхъ дачахъ построятъ вновь села и деревни и починки и крестьянъ и бобылей населятъ и тѣхъ крестьянъ и бобылей писать жилыми дворами и у нихъ дѣтей и братью и племянниковъ и сосѣдей и подсосѣдниковъ и захребетниковъ по имяномъ со отцы и съ прозвищи и сколько кому лѣтъ и то все писать въ книгахъ подлинно а буде прежніе переписчики за которыми помѣщики и вотчинники крестьянъ и бобылей по ихъ сказкамъ написали дворовыми и дѣловыми и у задворными людьми и имъ у тѣхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ и у прикащиковъ взять сказки за руками какія на нихъ крѣпости кабальныя-ли, купленныя, или полон-

ныя, или старинныя и буде полонныя—гдѣ они записаны, а буде старинныя какія у нихъ на старину крѣпости и то все писать въ книги, а буде прежніе перепищики на посадѣхъ и въ уѣздахъ переписали и съ тѣхъ людей кормовыхъ денегъ и подводъ не имать; да что на посадѣ-посадскихъ людей и въ уѣздѣ всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ по переписке прежнихъ переписчиковъ и по переписке будетъ дворовъ и во дворѣ крестьянъ и бобылей и ихъ дѣтей и братьи и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ и захребетниковъ имяны со отцы и съ прозвищи и имъ то все велѣть написать въ книги подлинно порознь по статьямъ. А подводы имать по указу великихъ Государей...... уѣздехъ отъ села до села и отъ деревни до деревни.... по осьми подводъ, подьячему—двѣ подводы, молодымъ по подводѣ человѣку; а одноличнo имъ...... и подьячему въ тѣхъ уѣздехъ въ селехъ и въ деревняхъ и въ починкахъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и въ нихъ крестьянъ и бобылей и дѣтей и братью и племянниковъ и сосѣдъ и подсосѣдниковъ писать прямо вправду по Государеву крестному цѣлованію не оплошно безо всякаго мотчанія по сему великаго Государя наказу непаровя никому ни которыми дѣлы и отъ того взятковъ никакихъ не имать и живущихъ дворовъ пустыми дворами и крестьянъ изъ дву и изъ трехъ дворовъ въ одинъ дворъ и чужихъ крестьянъ и бобылей заочно ни за кѣмъ и дворы крестьянскіе людскими дворы и крестьянъ слушками и дѣтенышами не писать; а переписныя книги совсѣмъ въ отдѣлкѣ учинить на срокъ нынѣшняго 186-го году Апрѣля къ 1-му числу. А будутъ учнутъ дѣлать не противъ великаго Государя наказу другу—дружить, а недругу мстить; жилые дворы учнутъ писать пустыми дворами, а крестьянъ и бобылей изъ дву и изъ трехъ дворовъ въ одинъ дворъ и чужихъ крестьянъ и бобылей за кѣмъ заочно и дворы крестьянскіе людскими дворы и крестьянъ слушками и дѣтенышами учнутъ писать, и оттого какія взятки учнутъ имать и учнутъ Государевымъ дѣламъ мотчать, а про ту ихъ неправду и нерадѣніе сыщется и имъ отъ великаго Государя Царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца быть въ жестокомъ наказаніи и въ казни безъ пощады и помѣстья и вотчины отписаны будутъ на великаго Государя и розданы будутъ въ раздачу безповоротно.

А переписавъ тѣхъ городовъ на посадѣхъ посадскихъ людей и въ уѣздѣхъ за помѣщики и за вотчинники и за монастыри крестьянскіе и бобыльскіе дворы ѣхать къ великому Государю Царю и великому князю Феодору Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу къ Москвѣ и переписки своей переписныя книги подать въ Помѣстномъ Приказѣ бояриму князю Ивану Борисовичу Рѣп-

нину, да дьякамъ Александру Алексѣеву, Ивану Протопопову, Ивану Казаринову, Ивану Рагозинину, Семену Струкову, Дмитрію Федорову; а для письма подьячихъ и для разсылки на ослушниковъ человѣка по два, по два и по три имать стрѣльцовъ и пушкарей и разсыльщиковъ тѣхъ городовъ у воеводъ, а великаго Государя Царя и великаго князя Феодора Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца въ тѣ городы грамоты къ воеводамъ посланы; а подьячимъ съ нимъ старому и молодымъ быть тѣмъ-же которые были". (Приказныя Дѣла кн. 28/5052, л.л. 40—45).

IV.

Писцовой наказъ 1685 года и „новоприбавочныя" къ нему статьи.

Заботы преемниковъ царя Алексѣя Михайловича объ установленіи порядка и спокойствія въ поземельныхъ отношеніяхъ обширнаго царства выразились, какъ извѣстно, посылкою валовыхъ писцовъ въ восьмидесятыхъ годахъ 17-го столѣтія. Въ руководство писцамъ были даваемы наказы, т. е. болѣе или менѣе обширные своды, опредѣлявшіе цѣли, средства и порядокъ исполненія предпринимаемыхъ межеваній. Неволинъ насчитываетъ пять слѣдующихъ писцовыхъ наказовъ, сочиненныхъ со времени царя Федора Алексѣевича:

1. Писцовый наказъ межевщикамъ Московскаго уѣзда 1680 г.
2. Писцовый наказъ 1681 г. Августа 26.
3. Писцовый наказъ 1682 года.
4. Писцовый наказъ 1683 года.
5. Писцовый наказъ 1684 года Апрѣля[1]).

Единственнымъ источникомъ для составленія приведеннаго списка наказовъ служило знаменитому историку-юристу Полное Собраніе Законовъ[2]).

Важнѣйшимъ изъ наказовъ Неволинъ считаетъ наказъ 1684-го года, въ полномъ согласіи со всѣми писавшими по вопросу о межеваніяхъ послѣдней четверти 17-го вѣка[3]).

Онъ состоитъ изъ 77 статей, опредѣляющихъ весьма подробно весь процессъ описанія и межеванія земель. Несмотря на эту полно-

---

[1]) Полное собраніе сочиненій К. А. Неволина, т. VI. стр. 488. Вопросу о первыхъ писцовыхъ наказахъ начала 80-хъ годовъ 17-го столѣтія будетъ посвященъ 2-й выпускъ настоящихъ „Очерковъ и матеріаловъ".

[2]) П. С. З. №№ 813, 830, 832, 890, 1013, 1074, 1086.

[3]) Неволинъ, 488 стр., Бѣляевъ—Лекціи по исторіи русскаго законодательства 560 стр., Германъ—Исторія межевого законодательства 216, 217 стр.; см. также его Исторія русскаго межеванія (курсъ).

ту съ первыхъ же шаговъ валовыхъ межевщиковъ обнаружились нѣкоторые недостатки узаконеній, вошедшихъ въ наказъ 1684-го года. Такъ 7-го Августа 1684-го года состоялся, на основаніи заручной челобитной стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, дворянъ городовыхъ, копейщиковъ и рейтаръ, именной указъ съ боярскимъ приговоромъ „о не отдачѣ просителямъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ прочихъ городахъ, обводныхъ земель до Указу"[1]). 16-го Марта 1686 года были изданы особыя статьи, названныя составителями Полнаго Собранія Законовъ „дополнительными къ писцовому наказу 7192 года". Эти статьи явились, какъ это слѣдуетъ изъ вступительной части указа, въ результатѣ возбужденія посланными на межеваніе писцами цѣлаго ряда вопросовъ, не разрѣшимыхъ на основаніи прямого смысла „наказа". Одинъ изъ вопросовъ, предложенныхъ писцами, заслуживаетъ особаго вниманія и разсмотрѣнія: „3. Которыя помѣстныя и вотчинныя земли писаны будутъ по какимъ крѣпостямъ, а крестьянскіе и бобыльскіе дворы по сказкамъ, и на тѣхъ крѣпостяхъ и на сказкахъ велѣно подписывать именно, въ которыхъ годѣхъ и мѣсяцѣхъ и числѣхъ по тѣмъ крѣпостямъ, тѣ помѣстья и вотчины межеваны будутъ, и помѣщики и вотчинники на тѣ свои помѣстья и вотчины подадутъ жалованныя Великихъ Государей печатныя и письменныя и ввозныя и послушныя грамоты, и на тѣхъ жалованныхъ печатныхъ и письменныхъ и на ввозныхъ и на послушныхъ грамотахъ и на выписяхъ, за дьячими приписьми, на подлинныхъ подписывать, или съ тѣхъ крѣпостей на спискахъ"?

Естественно предположить, что этотъ вопросъ, вызвавшій 3-ью „дополнительную" статью къ писцовому наказу „7192" года, возбужденъ неясной редакціей соотвѣтствующей статьи этого наказа, т. е. можно думать, что наказъ 1684-го года предписывалъ писцамъ на крѣпостяхъ и сказкахъ владѣльцевъ дѣлать помѣты о времени межеванія помѣстныхъ и вотчинныхъ земель. Однако такого требованія, какъ это ни удивительно, на первый взглядъ, въ писцовомъ наказѣ 1684-го года не содержится. Но вступительная часть „дополнительныхъ" статей категорически утверждаетъ, что сомнѣнія возникли благодаря неясностямъ „писцоваго наказа": „и въ прошломъ во 193-мъ году подали въ Помѣстномъ Приказѣ статьи, а въ нынѣшнемъ во 194-мъ году писали въ отпискахъ своихъ, которыхъ статей въ „*наказѣ не написано*". Является неизбѣжный вопросъ: въ наказѣ какого года?

Ключъ къ разрѣшенію вопроса даетъ первая фраза вступительной части уже цитированнаго приговора Помѣстнаго Приказа, нося-

[1]) П. С. З. № 1086.

щаго названіе „Дополнительныхъ статей къ писцовому наказу 7192-го года; „Въ прошломъ 193-мъ году, по указу Великихъ Государей, посланы были изъ помѣстнаго приказу въ Московскій уѣздъ и 52 городы писцы 62 человѣка, а велѣно имъ помѣстныя и вотчинныя земли писать и мѣрить и межевать *по наказу*". Смыслъ приведенной выдержки ясенъ: въ ней не говорится о межеваніи „по наказу 7192-го года", а просто „по наказу"; это значитъ, что въ 193-мъ году предъ отправленіемъ писцовъ имъ данъ былъ писцовой наказъ. Насколько онъ согласенъ съ наказомъ 1684-го года, видно уже изъ того, что 3-я дополнительная статья отвѣчаетъ на вопросъ, совершенно незатронутый послѣднимъ наказомъ. Кромѣ того, въ указѣ 26-го февраля 1686-го года[1]) есть прямыя указанія на нѣкоторыя статьи наказа 1685-го года. „И въ прошломъ, во 193-мъ и въ нынѣшнемъ во 194-мъ годахъ въ разныхъ числахъ къ Великимъ Государямъ въ помѣстный приказъ писцы писали: велѣно де имъ писать и мѣрить и межевать помѣстныя и вотчинныя земли, а почему имъ тѣ земли писать, и о томъ имъ въ наказъ написаны статьи; а которые де помѣщики и вотчинники у письма учнутъ спорить о бѣглыхъ своихъ дворовыхъ людяхъ, или о... крестьянахъ своихъ, и учнутъ бить челомъ, чтобы ихъ въ писцовыя книги за тѣми людьми, за кѣмъ они живутъ, не писать, а на тѣхъ бѣглыхъ людей и крестьянъ положатъ крѣпости, а иные про крѣпости скажутъ, что де у нихъ крѣпости въ иныхъ городахъ; и такихъ старинныхъ людей и крестьянъ въ писцовыя книги какъ писать, и тѣ де статьи имъ въ наказахъ не написаны". Помѣстный приказъ, внося этотъ вопросъ, подкрѣпленный челобитьями служилыхъ людей всякихъ чиновъ, въ докладъ Государямъ, привелъ тѣ статьи „наказа", которыми хотя бы отчасти затрогивалось существо дѣла. Такихъ статей оказалось двѣ—7-я и 11-ая. Изъ седьмой статьи приведена выдержка, совпадающая съ 7-ой же статьей наказа 1684-го года; про вторую же 11-ую статью сказано слѣдующее: „Да въ 11-ой статьѣ (написано): писать помѣстныя и вотчинныя земли по наказу, а въ крѣпостяхъ поверстнаго срока никому и воеводамъ не давать, писать рядомъ и безъ нихъ, чтобъ отъ того челобитчикамъ лишнія проѣсти и волокиты не было".

Справляемся съ писцовымъ наказомъ 1684-го года; его 11 статья говоритъ объ измѣреніи земли во всѣхъ трехъ поляхъ и о размѣрахъ длинника и поперечника десятины. Приведенная же выше 11-ая статья какого-то наказа составляетъ заключительную часть ст. 9-ой наказа 192-го года. Въ дѣлахъ Помѣстнаго Приказа Архива Министерства

---

[1]) П. С. З. № 1169.

Юстиціи этого наказа найти не удалось, но въ дѣлѣ о составленіи дополнительныхъ статей 16-го Марта 1686-го года находимъ ясные слѣды этого законодательнаго акта. Особенно важно слѣдующее указаніе: „а въ наказѣ писцамъ *нынѣшняго 193-го году* въ 4-ой статьѣ написано",—далѣе слѣдуетъ текстъ статьи, совпадающій съ таковой же наказа 1684-го года.

Приводимыя часто изъ какого-то писцоваго наказа статьи, оказалось, имѣютъ почти дословную редакцію статей наказа 192-го года, но отличаются отъ нихъ номераціей.

Всѣ возникшіе вопросы и недоумѣнія удалось, наконецъ, разрѣшить отысканіемъ самаго наказа 193-го года. Онъ приведенъ на стр. 69—164 рукописи № 161 Собранія Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. (см. каталогъ рукописей по юриспруденціи г. Токмакова).

Вступительная часть этого наказа имѣетъ слѣдующее содержаніе:

193-го года іюля въ   день Великіе Государи Цари и Великіе Князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцы указали:

Писцомъ..да подьячему........................

.... ѣхать и пріѣхавъ ихъ Великихъ Государей указъ сказать всякихъ чиновъ помѣщикомъ и вотчинникомъ и ихъ людемъ и крестьяномъ—вѣдомо имъ Великимъ Государямъ учинилось, что у помѣщиковъ и у вотчинниковъ въ помѣстныхъ ихъ и въ вотчинныхъ земляхъ и въ лѣсахъ и луґахъ и во всякихъ угодьяхъ межъ ими учинились споры и ссоры многіе; и за то у нихъ напередъ сего были и понынѣ чинятъ межъ себя бои и грабежи и смертныя убивства—и для того Великіе Государи указали: во всѣ городы послать воловыхъ писцовъ и тѣ спорные земли и всякіе угодья розвесть и помѣстные и вотчинные земли писать и мѣрить и межевать писцомъ и опибъ всякихъ чиновъ помѣщики и вотчинники и люди ихъ и крестьяне за тѣмъ ихъ Великихъ Государей Указомъ на спорныхъ земляхъ споровъ и дракъ и убивствъ отнюдь не чинили. А сказавъ имъ ихъ Великихъ Государей Указъ того города въ уѣздѣхъ, въ станѣхъ и въ волостяхъ патріарши и властелинскіе и монастырскіе и церковные земли и за бояры, и за окольничими, и за думными людьми, и за стольники, и за стряпчими и за дворяны Московскими, и за дьяки, и за жильцы, и за городовыми дворяны, и за дѣтьми боярскими, и за вдовами, и за недоросльми, и всякихъ чиновъ за помѣщики и за вотчинники помѣстные и вотчинные земли, села и деревни, и починки, и пустоши, и селища и займища, и въ нихъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы, и

во дворѣхъ людей по имяномъ, и мѣста дворовые, и оброчные, и бортные, и порозжие, и обводные земли, и дикіе поля и всякіе угодья межеванные и немежеванные—все что объявится по ихъ наѣзду писать и мѣрить и межевать по писцовымъ книгамъ и по дачемъ, и по крѣпостямъ, а какъ имъ писцомъ помѣстные и вотчинные земли писать и мѣрить и межевать и то писано въ семъ наказѣ ниже сего".

Далѣе слѣдуютъ 77 статей наказа, что наводитъ на мысль о полномъ тожествѣ наказовъ 193-го и 192-го годовъ. Однако это не такъ.

Статьи 1, 2, 3, 4, 5, 6 наказа 193-го года совпадаютъ съ соотвѣтствующими статьями наказа 192-го года.

Статья 7-ая новооткрытаго памятника включаетъ въ себя статью 7-ую наказа 192-го года и, кромѣ того, имѣетъ существенное дополненіе, приводимое здѣсь ниже:

I. „Въ которыхъ годѣхъ и мѣсяцѣ и числѣ за кѣмъ, за помѣщики, и за вотчинники помѣстные или вотчинные или порозжіе земли и крестьянъ и бобылей кому они писцы въ книги письма своего и мѣры и межеванья напишутъ, и земли обмежуютъ, и то въ книгахъ описывать имянно: въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ тѣ земли и крестьяня и бобыли писаны и земли межеваны, и кто на тѣ земли и на крестьянъ какія крѣпости клалъ или сказку далъ—и на тѣхъ крѣпостяхъ и на сказкахъ, по которымъ тѣ земли и крестьяня писаны будутъ описывать имянно въ которыхъ годѣхъ и мѣсяцѣ и числѣ по тѣмъ крѣпостямъ и сказкамъ крестьяне въ писцовыхъ книгахъ писаны и земли межеваны и тѣ сказки и крѣпости въ книгахъ писать имянно, да съ тѣхъ крѣпостей списки и сказки писцомъ съ писцовыми книгами подать въ Помѣстномъ Приказѣ за руками.

II. А писать и мѣрить и межевать помѣстные и вотчинные и порозжіе земли отъ города сряду съ одного, а не переѣзжая и не черезъ земли; а до которыхъ селъ и деревень по воловому письму не дойдутъ и въ тѣ села и въ деревни подьячихъ и служилыхъ людей отъ себя для сказокъ и крѣпостей не посылать и помѣщикомъ и вотчинникомъ убытковъ и волокитъ не учинить, а сказки и крѣпости на земли и на крестьянъ имать въ то время, какъ по воловому писму которыхъ селъ и деревень земли учнутъ писать и мѣрить и межевать".

Приведенное дополненіе къ ст. 7-ой, какъ видно, разбивается на двѣ части. 1-ая вводитъ весьма важный принципъ отмѣтки въ крѣпостяхъ и сказкахъ того момента времени, въ который совершилось межеваніе и запись земель съ крестьянами въ писцовыя книги. Помѣченныя такимъ образомъ крѣпости, въ случаѣ какихъ-либо столкновеній, споровъ сразу давали суду руководящую нить для разрѣшенія возникшихъ недоразумѣній. Кромѣ того указанная отмѣтка является логиче-

скимъ завершеніемъ той связи между межевыми и крѣпостными дѣлами, которая обоснована была законами Соборнаго Уложенія 1649-го года. Какъ видно изъ предыдущаго, 3-ій пунктъ „дополнительныхъ статей" явился отвѣтомъ на эту часть ст. 7-ой наказа 1685-го года, которая не совсѣмъ точно указывала, на какихъ крѣпостяхъ долженъ дѣлать писецъ отмѣтку, на подлинныхъ или на спискахъ съ нихъ.

Вторая (II) часть дополненія къ ст. 7-ой чрезвычайно важна болѣе ясной формулировкой того порядка межеванія и описанія земель, которому должны были слѣдовать писцы и который при генеральномъ размежеваніи 18-го вѣка былъ названъ „циркульнымъ". Именно, писцамъ предписывалось межевать и писать земли „отъ города, сряду съ одного, а не переѣзжая и не черезъ земли".

Несомнѣнный бытовой интересъ представляетъ содержащееся во II части запрещеніе „имать" крѣпости у тѣхъ владѣльцевъ, до которыхъ писцы межеваніемъ не дошли.

Какъ извѣстно, послѣ пріѣзда писца въ уѣздный городъ, старые и молодые подьячіе и служилые люди его партіи разсыпались по уѣзду для сбора крѣпостей и сказокъ съ владѣльцевъ. Эти поѣздки по уѣзду были, вѣроятно, крайне привлекательны для подьячихъ и сопровождались обильною жатвою приношеній, денежныхъ поборовъ, отчасти добровольнаго характера, а частію вынужденнаго. Требованіе крѣпостей, сказокъ и копій съ нихъ могло создать крайне острую потребность въ опытныхъ переписчикахъ старыхъ документовъ, а такими переписчиками, конечно, должны были, въ большинствѣ случаевъ, явиться подьячіе писцовой партіи, за вознагражденіе, опредѣляемое ими по своему усмотрѣнію. Такія предварительныя экскурсіи по уѣзду были совершенно запрещены ст. 7-ой наказа 1685-го года, чтобы „помѣщикомъ и вотчинникамъ убытковъ и волокитъ не учинить".

Статья 8-ая наказа 1685-го года тождественна съ одноименной же статьей наказа 1684-го года. Далѣе ст. ст. 9, 10 и 11-я новооткрытаго наказа соотвѣтствуютъ одной 9-ой статьѣ наказа 1684-го года, при чемъ 9-ая ст. наказа 1685-го года имѣетъ слѣдующее содержаніе: „Которые вотчинники владѣютъ вотчинными землями, а крѣпостей никакихъ не положатъ, и писцомъ тѣ вотчины писать за ними по розыску по сказкамъ, буде спору не будетъ". Теперь укажемъ содержаніе ст. 11-ой наказа 1685-го года, которая соотвѣтствуетъ концу ст. 9-ой наказа за 1684-го года; оставшаяся средняя часть ст. 9-ой по наказу 1684-го года составитъ ст. 10-ую наказа 1685-го года. Ст. 11-я наказа 1685-го г.: „Писцомъ писать и мѣрять и межевать помѣстныя и вотчинныя земли, а въ крѣпостяхъ поверстнаго сроку никому и Воеводамъ не давать, писать рядомъ и безъ нихъ, чтобы

отъ того челобитчикомъ лишнія проѣсти и волокиты не было". Содержаніе этой статьи нами приведено выше изъ указа 26-го февраля 186-го года.

Статьи 12, 13, 14, 15, 16, 17 наказа 1685-го г. точно совпадаютъ со ст. ст. 10, 11, 12, 13, 14, 15 наказа 1684-го года.

По отношенію къ ст. 18 наказа 1685-го года нужно сказать, что она представляетъ передѣлку ст. 16 наказа 1684-го года съ нѣкоторыми значительными измѣненіями.

Для удобства изложенія обѣ упомянутыя статьи приведены ниже.

Ст. 18-ая

писцоваго наказа 1685-го года.

„Которыя земли объявляются за межами и за гранями въ Патріаршихъ и Митрополичьихъ и Архіепископскихъ и Епископскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, а владѣютъ они ими изстари къ тѣмъ вотчинамъ, а въ писцовыхъ книгахъ тѣ земли не написаны; а Патріархъ и Митрополиты и Архіепископы и монастыри на тѣ земли крѣпостей не положатъ, и учнутъ бить челомъ, что тѣ земли ихъ прописные и съ ихъ землями смежны, и ничьи земли ихъ не разошли, и изстари тѣми землями они владѣютъ, а спору ни откого не будетъ и также земли писать за Патріархомъ и за властьми и за монастыри къ тѣмъ ихъ вотчинамъ. А буде о тѣхъ земляхъ учнутъ бить челомъ челобитчики изъ порозжихъ обводныхъ земель или смежные помѣщики и вотчинники тѣ земли учнутъ спорить и называть своими землями, и про такіе земли розыскивать, а по розыску тѣ земли писцомъ измѣрявъ, отмежевать особъ статьею.

Ст. 16-ая

писцоваго наказа 1684-го года.

„Которыя земли объявятся за межами и за гранями въ Патріаршихъ и Митрополичьихъ и Архіепископскихъ и Епископскихъ и монастырскихъ вотчинахъ, а владѣютъ они ими изстари къ тѣмъ вотчинамъ, а въ писцовыхъ книгахъ тѣ земли не написаны; а Патріархъ и Митрополиты и Архіепископы и монастыри на тѣ земли крѣпостей не положатъ; и учнутъ бить челомъ, что тѣ земли ихъ прописныя, и изстари тѣми землями они владѣютъ, а челобитчики о тѣхъ земляхъ учнутъ бить челомъ изъ порозжихъ ободныхъ земель: и про такія земли розыскивать, и буде по розыску тѣ земли объявятся въ Патріаршихъ и въ Митрополичьихъ и въ Архіепископлихъ и въ Епископлихъ и монастырскихъ вотчинныхъ земляхъ, и съ ихъ землями смежны, и ничьи земли ихъ не разошли, и изстари тѣми землями они владѣютъ: и такихъ земель безъ указу Великихъ Государей, челобитчикомъ въ помѣстье не отдавать, а въ писцовыя книги такія земли и съ угодьи писать и обмежевать особъ статьею, и о томъ писать въ Помѣстный Приказъ.

Начало этихъ статей тожественно, и переработка касается приблизительно $^2/_3$ текста ст. 16-й наказа 1684-го года. Редакція этой

статьи дѣйствительно неудовлетворительна: ею нормируется только тотъ случай, когда о прописныхъ земляхъ владѣнія духовныхъ учрежденій возникнетъ споръ со стороны челобитчиковъ. Въ этихъ случаяхъ писецъ обязанъ произвести розыскъ и о полученныхъ результатахъ доложить Помѣстному Приказу, а спорное пространство описать и обмежевать „особъ статьею". Это предписаніе наказа, согласное съ общимъ духомъ его постановленій, оставляетъ тѣмъ не менѣе другой болѣе важный вопросъ безъ отвѣта. Если земля оказывается за межами и гранями духовныхъ вотчинъ и изстари состоитъ во владеніи соотвѣтствующихъ властей, но крѣпостей на нее не положатъ и спора не будетъ, то какова судьба такихъ безспорныхъ, старинныхъ фактическихъ владѣній?

Писцовый наказъ 1685 года въ ст. 18-ой даетъ весьма важное рѣшеніе этого вопроса, при чемъ расширеніе самого содержанія статьи удачно совмѣщено съ сокращеніемъ ея текста. Отвѣтъ на указанный выше вопросъ заключается по ст. 18-ой наказа 1685-го года въ отмежеваніи и укрѣпленіи за духовными учрежденіями ихъ старинныхъ, но безспорныхъ захватовъ государственной земли. Такимъ образомъ для церковныхъ и монастырскихъ властей писцовымъ наказомъ 1685-го создано было право пріобрѣтать земли, не описанныя въ писцовыхъ книгахъ, по безспорному давнему владѣнію. Это было не только отступленіе отъ началъ Уложенія Алексѣя Михайловича, но и отъ рѣшительнаго опредѣленія ст. 11-ой писцоваго наказа 1681-го года, по которому всѣ земли духовныхъ учрежденій или служилыхъ людей отписываются на Государя, если указанныя лица владѣютъ тѣми землями „безъ дачъ и безъ крѣпостей" [1]).

Возвращаясь снова къ наказу 1685-го года, отмѣтимъ полное тожество ст. ст. 19-ой и 20-ой его со ст. ст. 17-ой и 18-ой наказа 1684-го года; статья же 21-ая совпадаетъ съ ст. 19-ой наказа 1684-го года, только въ первой половинѣ, гдѣ излагаются техническіе пріемы описанія и межеванія обводныхъ земель; далѣе замѣчаются существенныя отличія въ содержаніи указанныхъ статей.

2-ая половина ст. 21-ой писцоваго наказа 1685-го года.	2-ая половина ст. 19-ой писцоваго наказа 1684-го года.
А на которые порозжіе обводные земли челобитчики Великихъ Государей грамоты взяли къ воеводамъ, и къ губнымъ старостамъ, и къ прежнимъ писцомъ, и межевщикомъ, и нынѣ къ нимъ писцомъ	А на которыя порозжія обводныя земли челобитчики учнутъ привозить Великихъ Государей грамоты, и на тѣ земли писцомъ отъ себя никого не посылать, а розыскивать про тѣ земли писцомъ

[1]) П. С. З. № 890, ст. 11.

учнутъ привозить, и по тѣмъ грамотамъ тѣхъ порозжихъ обводныхъ земель челобитчикомъ не отдавать и розыскивать про тѣ земли накрѣпко писцамъ самимъ въ то время, какъ они по валовому письму межевать до тѣхъ земель дойдутъ, а отъ себя для розыску тѣхъ обводныхъ земель никого не посылать. Да будетъ по розыску объявятца тѣ обводныя земли порозжи и никому ни отданы, не въ межахъ и не въ граняхъ ни у кого, не владѣетъ ими никто, и особые земли, а не полевые и не угодные земли писцовыхъ дачъ, которые съ тѣми обводными землями смежны, а межъ и граней нѣтъ и по мѣрѣ тѣхъ смежныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ дачи будутъ сполна противъ писцовыхъ книгъ, опричь тѣхъ обводныхъ земель и такіе земли писать попрежнему въ порозжіе земли; а почьему челобитью о тѣхъ земляхъ Великихъ Государей грамоты присланы будутъ и то въ книгахъ описывать имянно и писать такіе обводные порозжіе земли особъ же статьею, а какъ писцы книги въ Помѣстномъ Приказѣ положатъ и въ то время о тѣхъ земляхъ челобитчикамъ указъ будетъ. А будетъ по розыску тѣ земли объявятца чьи полевые и угодные земли писцовыхъ дачъ, хотя и не межеваны а не особые, а буде и особые, а по мѣрѣ войдутъ въ писцовые дачи — и такихъ земель по грамотамъ по челобитью челобитчиковъ въ повозжіе земли не писать за тѣми помѣщики и вотчинники къ тѣмъ землямъ, съ которыми они будутъ смежны и по мѣрѣ войдутъ въ писцовые дачи [1]). самимъ въ то время, какъ они по воловому письму межеваньемъ до тѣхъ земель дойдутъ, и розыскавъ буде тѣ земли порозжи, и никому неотданы, и не въ межахъ и не въ граняхъ, и не владѣютъ ими никто, и особыя земли, а не полевыя и неугодныя земли писцовыхъ дачъ, которыя съ тѣми обводными землями смежны, а межъ и граней нѣтъ, и по мѣрѣ тѣхъ смежныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ дачи будутъ сполна противъ писцовыхъ книгъ: и тѣ земли отдавать челобитчикомъ въ оклады; а что тѣхъ земель будетъ за челобитчиковыми оклады, и тѣ остаточныя чети писать по прежнему въ порозжіе земли; а буде о которыхъ обводныхъ земляхъ челобитчики били челомъ, а по розыску объявятся полевыя и угодныя земли писцовыхъ дачъ, хотя и не межеваны, а не особыя, а будетъ и особыя, а по мѣрѣ войдутъ въ писцовыя дачи: и такихъ земель челобитчикомъ не отдавать.

---

[1]) Эта статья есть переработка и объединеніе ст. 19-ой писцоваго наказа 1684 года и указа 1684 года Августа 7-го дня „о не отдачѣ просителямъ въ Московскомъ уѣздѣ и въ прочихъ городахъ обводныхъ земель до указу". (П. С. З. 1086).

При сравненіи обѣихъ статей, нельзя не замѣтить крупнаго принципіальнаго измѣненія, которое внесъ наказъ 1685-го года въ практику писцоваго дѣла. По наказу 1684-го года писцамъ предоставлялось раздавать порозжія обводныя земли челобитчикамъ въ оклады, тогда какъ по 21-ой ст. писцоваго наказа 1685-го года указъ о такихъ земляхъ долженъ былъ чинить Помѣстный Приказъ на основаніи книгъ и розыска писцовъ. Ограниченіе широкихъ полномочій писца представляется весьма естественнымъ и цѣлесообразнымъ. При значительномъ земельномъ просторѣ и при обиліи порозжихъ земель раздача ихъ челобитчикамъ была поручена писцамъ въ силу естественной необходимости, такъ какъ центральное присутственное мѣсто, каковымъ былъ Помѣстный Приказъ, было бы не въ состояніи постановлять приговоры по спорнымъ и даже безспорнымъ дѣламъ этого рода, возбужденнымъ почти единовременно на болѣе или менѣе обширной территоріи писцоваго межеванія. Къ концу же 17-го столѣтія порозжія земли стали сравнительно рѣдки, но за то притязанія на нихъ были многочисленны и упорны. Во время самаго межеванія писецъ едва ли могъ бы имѣть точныя свѣдѣнія объ окладѣ просителя, имѣющаго хотя бы Государеву грамоту на землю; кромѣ того, при тѣхъ обманахъ, которыми челобитчики вводили въ заблужденіе центральную власть, относительно названій и мѣстонахожденія порозжихъ земель, едва ли можно было возлагать на писца подробный анализъ трудно разрѣшимаго дѣла [1]). Весьма возможно, что опытъ межеванія 1684-го года указалъ на нѣкоторые недостатки существующаго порядка раздачи порозжихъ земель. быть можетъ даже, что не всѣ писцы съ надлежащимъ безкорыстіемъ исполняли возложенныя на нихъ обязанности, — тѣмъ не менѣе, главную причину переработки ст. 19-ой писцоваго наказа 1684-го года на основаніяхъ, указанныхъ еще 7-го Августа того же года, мы видимъ, въ чрезвычайномъ обостреніи вопроса о порозжихъ земляхъ при ясно выраженномъ малоземельи въ центральныхъ районахъ государства.

Въ остальной части писцоваго наказа за 1685-го года почти нѣтъ никакихъ отличій отъ предшествующаго наказа 1684-го года.

Ниже мы приводимъ параллельную нумерацію статей того и другого наказовъ.

Статьи писцоваго наказа 1685-го года.	Статьи писцоваго наказа 1684-го года.
22.	20
23.	Первая часть ст. 21-ой о спорныхъ обводныхъ земляхъ.

[1]) См. П. С. З. № 1086.

24.	Конецъ ст. 21-ой, о земляхъ, межеванныхъ съ образомъ.
25, 26, 27, 28, 29.	22, 23, 24, 25, 26.
30. Окончаніе: „въ зачетъ лѣсного угодья“.	27. Окончаніе: „въ зачетъ въ лѣсное угодье“.
31, 32, 33, 34, 35. . . .	28, 29, 30, 31, 32.
36. Вступительная часть опущена.	33.
37, 38, 39, 40, 41, 42, 43. . .	34, 35, 36, 37, 38, 39, 40.
44, 45, 46, 47, 48, 49, 50. . .	41, 42, 43, 44, 45, 46, 47.
51.	48+49 (соединены).
52.	50
53.	51+52
54.	53+54
55,56,57,58,59,60,61,62,63,64,65.	55,56,57,58,59,60,61,62,63,64,65.
66. Опущенъ указъ 189-го года, помѣщенный въ концѣ ст. 66 нак. 1684-го года.	66
67,68,69,70,71,72,73,74,75,76,77.	67,68,69,70,71,72,73,74,75,76,77

Тотъ списокъ съ писцоваго наказа 1685-го года, которымъ мы пользовались, заканчивается слѣдующей припиской: „У подлиннаго наказу приппсь дьяка Дмитрѣя Өедорова[1]). Справа подьячего Якова Григорьева“.

Вслѣдъ за наказомъ въ рукописи помѣщены „дополнительныя статьи“, ошибочно названныя составителями Полнаго Собранія Законовъ „дополнительными статьями къ писцовому наказу 192-го года“. Это названіе, очевидно, придумано: въ 17-мъ столѣтіи эти статьи назывались „прибавочными“, что ясно видно изъ заголовка указанной выше рукописи: „списокъ къ писцовому наказу съ прибавочныхъ статей“[2]).Можно думать, что редакторы Полнаго Собранія Законовъ, встрѣтивъ такое обозначеніе указа 1686-го года и не зная наказа 1685-го года, постарались дать ему болѣе опредѣленную форму ссылкой на наказъ 192-го года. Эта ошибка ввела въ заблужденіе даже такого тонкаго знатока древнерусскихъ памятниковъ, какъ Неволинъ, и съ его легкой руки получила прочное мѣсто въ наукѣ исторіи русскаго права.

Въ заключеніе укажемъ на ходъ занятій Помѣстнаго Приказа при составленіи „дополнительныхъ статей къ наказу 193 го года“[3]).

---

[1]) Дмитрій Федоровъ числился дьячкомъ Помѣстнаго приказа уже въ 184-мъ году, т. е. на 9 лѣтъ ранѣе составленія наказа 1685-го года. См. „Изъ розысканій о Составѣ Помѣстнаго Приказа“ С. Шумаковъ, стр. 5, № 78.

[2]) Стр. 165 рукописи.

[3]) Потерялъ ли силу послѣ изданія наказа 193-го года писцовый наказъ 192-го года? Трудно разрѣшить этотъ вопросъ безъ изученія текущей практики

10 го марта 193-го года писцы подали вопросные пункты или, по терминологіи того времени, „статьи" въ Помѣстный Приказъ дьяку Константину Курбатову. Представителемъ писцовъ былъ при этомъ писецъ князь Алексѣй Вадбольскій. Вопросные пункты, какъ можно думать, составлялись писцами зимою, послѣ возвращенія съ межеванія по наказу 192-го года. Редакція 3-го пункта была предложена межевщиками нѣсколько иная, чѣмъ въ указѣ 16-го марта 1686-го года, а именно; „по указу Великихъ Государей и по грамотѣ изъ Помѣстнаго Приказу на помѣстныхъ и вотчинныхъ крѣпостяхъ, по которымъ помѣстные и вотчинные земли, и крестьянскіе и бобыльскіе дворы по сказкамъ будутъ писаны, и на тѣхъ крѣпостяхъ и на сказкахъ велено подписывать именно, въ которыхъ годѣхъ и мѣсяцѣхъ и числѣхъ по тѣмъ крѣпостямъ, тѣ помѣстья и вотчины межеваны будутъ" и т. д. Въ докладѣ Помѣстнаго Приказа 16-го марта 1686-го года, слова „по указу Великихъ Государей и по грамотѣ изъ Помѣстнаго Приказу опущены и оставленъ только глухой терминъ „велено".

Редакція писцовъ вполнѣ согласуется съ общимъ положеніемъ дѣла, такъ какъ 10-го марта 193-го года еще не было наказа 193-го года, утвержденнаго только въ іюлѣ мѣсяцѣ. Втеченіе весны и первыхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Помѣстномъ Приказѣ шли работы по обработкѣ писцоваго наказа 192-го года. Въ іюлѣ 193-го года эти работы были закончены, и писцовый наказъ былъ санкціонированъ. При его составленіи совершенно не воспользовались вопросными пунктами писцовъ, которые, по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, начали разсматриваться только послѣ утвержденія наказа 193-го года.

Докладъ, приготовленный въ Помѣстномъ Приказѣ для слушанія начальникомъ Приказа „съ товарищи" дополнительныхъ къ наказу 193-го года статей, начинался такъ: „Въ нынѣшнемъ во 193-мъ году по Указу Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, послано было ис Помѣстнаго Приказу въ Московскій

помѣстно-вотчинныхъ учрежденій конца 17-го и половины 18-го вѣковъ. Во всякомъ случаѣ, относительно наказа 193-го года, кромѣ уже цитированныхъ въ текстѣ статей докладовъ Помѣстнаго Приказа, мы имѣемъ документальныя извѣстія о принятіи нѣкоторыхъ его статей за основаніе при разрѣшеніи земельныхъ споровъ. Таково рѣшеніе напр: Казанскаго Губернатора князя Голицына о ясашныхъ земляхъ чувашъ Козмодемьянскаго уѣзда отъ 14-го іюля 1738-го года. См. объ этомъ въ интересномъ изданіи Московскаго Археологическаго Института: Н. П. Ардашевъ. Татарскія земляныя письма XV в. и спорное дѣло XVIII в. о ясашныхъ земляхъ. Стр. 15.

уѣздъ и 55 городовъ[1]) писцовъ 62 человѣка, а почему имъ помѣстные и вотчинные и всякіе земли писать и мѣреть и межевать и о томъ имъ въ наказѣ написаны статьи.

И въ нынѣшнемъ во 193-мъ году въ разныхъ числахъ тѣ писцы 62 человѣка подали въ Помѣстномъ Приказѣ письма своего и мѣры и межеванья перечневые книги да они жъ въ нынѣшнемъ во 193-мъ году въ разныхъ числахъ писали къ Великимъ Государемъ: велено имъ писать и мѣреть помѣстные и вотчинные и всякіе земли, а почему имъ тѣ земли писать и о томъ имъ въ наказѣ написаны статьи. А въ иныхъ де помѣстныхъ и вотчинныхъ и во всякихъ земляхъ указъ имъ чинить не мочно, потому что въ наказѣ жъ такихъ статей не написано и о томъ они писали въ отпискахъ и подали въ Помѣстномъ Приказѣ докладныя статьи, и въ отпискахъ и въ статьяхъ написано:"... Далѣе идутъ вопросы писцовъ съ незначительными редакціонными поправками. Докладъ былъ заслушанъ бояриномъ Иваномъ Борисовичемъ Троекуровымъ „съ товарищи" 21-го іюля 193 го года[2]). На каждую „статью" писцовъ была положена помѣта. Эти помѣты почти дословно повторены въ Указѣ 16-го марта 194-го года при вторичномъ слушаніи писцовыхъ статей. Исключеніе составляетъ только резолюція по пункту 13-му. Вопросъ о томъ, за кѣмъ записывать крестьянъ и дворовыхъ людей, оказавшихся въ спорѣ, былъ настолько важенъ и новъ, что присутствіе Помѣстнаго Приказа нашло необходимымъ представить вопросъ на усмотрѣніе верховной власти; это намѣреніе выразилось техническимъ оборотомъ: „написать въ докладъ".

Можно было бы думать, что дѣльцы Помѣстнаго Приказа поспѣшатъ составленіемъ этого доклада Государямъ или, по крайней мѣрѣ, немедленно отошлютъ писцамъ разрѣшенные уже Приказомъ вопросы и статьи, которыхъ насчитывается ровно 20. Ни того, ни другого не сдѣлалъ Помѣстный Приказъ. Послѣ приговора 21-го іюля дѣло съ дополнительными статьями остановилось снова. И только послѣ челобитья стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, жильцовъ, городовыхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ отъ 22-го февраля 194-го года, т. е. черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ приговора 21-го іюля вопросъ, возбужденный писцами, получилъ дальнѣйшее движеніе. Въ три дня Помѣстный Приказъ изготовилъ докладъ, и 26-го февраля „13-ая статья" получила надлежащее разрѣшеніе въ томъ смыслѣ, что спорныхъ крестьянъ и людей указано было писать за тѣми людьми, за кѣмъ они „по наѣзду объявятся".

[1]) Въ Полномъ Собраніи Законовъ—въ 52 города.

[2]) Слѣдовательно, писцовый наказъ 193-го года былъ утвержденъ ранѣе 21-го іюля.

При разрѣшеніи этого вопроса Помѣстный Приказъ проявилъ удивительную для нашего времени скромность. Несмотря на ясный смыслъ резолюціи, положенной на челобитьи служилыхъ людей: „Государи пожаловали, велѣли о томъ указъ учинить Боярину князю Ивану Борисовичу Троекурову съ товарищи, велѣть о томъ написать писцомъ въ наказъ", Помѣстный Приказъ вошелъ съ докладомъ къ Государямъ, испрашивая Высочайшаго Указа. Это обстоятельство отчасти характеризуетъ своеобразную картину отношеній верховной власти къ центральнымъ учрежденіямъ, а отчасти указываетъ на высокій авторитетъ Боярской Думы, безъ разсмотрѣнія которой Помѣстный Приказъ не считалъ возможнымъ рѣшать важные вопросы, даже при надлежащемъ со стороны верховной власти уполномоченіи.

16-го Марта 194-го года статьи были вновь заслушаны въ Помѣстномъ Приказѣ, отвѣты утверждены и „новоприбавочныя статьи" розданы писцамъ „въ тетрадехъ".

Такова въ краткихъ чертахъ исторія писцоваго наказа 193-го года и „новоприбавочныхъ" къ нему статей.

Она обрисовываетъ въ особенно симпатичныхъ чертахъ дѣятельность писцовъ, составившихъ цѣлый списокъ подлежащихъ рѣшенію вопросовъ, забрасывавшихъ цѣлый годъ центральное учрежденіе своими отписками и вопросами, и, наконецъ, послѣ продолжительной упорной канцелярской борьбы добившихся отъ вялаго, апатичнаго[1]) Помѣстнаго Приказа рѣшеніе важныхъ вопросовъ, опредѣлявшихъ ходъ и направленіе писцовыхъ и межевыхъ работъ. При этомъ нельзя не поставить въ вину присутствію Помѣстнаго Приказа систематическаго замалчиванія „статей", выработанныхъ писцами. Еще 10-го марта 1685-го года эти статьи были представлены въ Приказъ, тѣмъ не менѣе въ писцовый наказъ іюля того же 1685-то года не вошли отвѣты на вопросы, выработанные писцами. Далѣе, послѣ приговора 21-го іюля 1685-го года, несмотря на рядъ отписокъ писцовъ изъ провинціи втеченіе 193-го и 194-го годовъ, въ мартѣ 1686-го года Помѣстный Приказъ слушалъ вторично тѣ же статьи, что и 21-го іюля 1685-го года. Такимъ образомъ, тѣ цѣнныя замѣчанія, которыя писцы сдѣлали на наказъ 1685-го года были не использованы Помѣстнымъ Приказомъ; это случилось по какому то странному и едва ли извинительному невниманію къ успѣхамъ предпринятаго валового межеванія и къ его главнымъ исполнителямъ—писцамъ и межевщикамъ. При такомъ на-

---

[1]) Эта вялость тѣмъ болѣе изумительна, что при разрѣшеніи текущихъ спорныхъ и безспорныхъ дѣлъ Помѣстный Приказъ проявлялъ огромную работоспособность и пониманіе интересовъ помѣстно-вотчиннаго землвладѣнія.

правленіи дѣятельности главнаго учрежденія по валовому межеванію неудивительно, что само межеваніе должно было окончиться неуспѣхомъ; такъ это и произошло на самомъ дѣлѣ, при чемъ быстрому упадку писцоваго межеванія также способствовали неблагопріятно сложившіяся внѣшнія обстоятельства.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Цѣна 2 р. 50 к.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

книжный магазинъ „Правовѣдѣніе“ И. К. Голубева,

Москва, Никольская, д. № 9.

